ПЕЧАТЬ И РЕВОЛЮЦИЯ

PECHAT' I REVOLIUTSIIA

ZHURNAL LITERATURY ISKUSSTVA KRITIKI I BIBLIOGRAFII

Vol. 4

Nos. 1-4

1923

MOCKBA
KRAUS REPRINT
A Division of
KRAUS-THOMSON ORGANIZATION LIMITED
Nendeln, Liechtenstein
1970

Printed in Switzerland

Р.С.Ф.С.Р.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН СОЕДИНЯЙТЕСЬ

ПЕЧАТЬ
И
РЕВОЛЮЦИЯ

ЖУРНАЛ
ЛИТЕРАТУРЫ ИСКУССТВА
КРИТИКИ И БИБЛИОГРАФИИ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

А. В. ЛУНАЧАРСКОГО, Н. Л. МЕЩЕРЯКОВА,
М. Н. ПОКРОВСКОГО, В. П. ПОЛОНСКОГО,
И. И. СТЕПАНОВА-СКВОРЦОВА.

КНИГА ПЕРВАЯ
ЯНВАРЬ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА □ 1923

Редакция
номера закончена
15 января

СОДЕРЖАНИЕ.

СТАТЬИ И ОБЗОРЫ.

Стр.

1. ИЗ ЛИТЕРАТУРЫ О ВОЙНЕ И РЕВОЛЮЦИИ. М. Павлович. I. О книге Нитти. Европа без мира. II. О книге Л. Троцкого. Война и революция. Том I. 1

НА ТОМ БЕРЕГУ.

2. Ц. Фридлянд. ИДЕОЛОГИ БУРЖУАЗНОЙ РЕСТАВРАЦИИ. 16
3. М. Лиров. СКАЛЬПИРОВАННАЯ КОНТР-РЕВОЛЮЦИЯ . . . 26
4. В. Переверзев. К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНОМ ГЕНЕЗИСЕ ТВОРЧЕСТВА ГОНЧАРОВА 32
5. П. Преображенский. ТЕНЬ ВЕКА МИНУВШЕГО 45

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ.

6. Вяч. Полонский. О РОМАНЕ АЛ. Н. ТОЛСТОГО „ХОЖДЕНИЕ ПО МУКАМ“ 54
7. В. Брюсов. СРЕДИ СТИХОВ 70
8. В. Фриче. АНАТОЛЬ ФРАНС 78
9. Б. Арватов. СИНТАКСИС МАЯКОВСКОГО 84
10. В. Адарюков. РУССКИЕ ГРАВЕРЫ. Е. С. КРУГЛИКОВА 103
11. В. Виленский (Сибиряков). ПОЛИТИЧЕСКАЯ БРОШЮРА В КИТАЕ. 115
12. В. Натали. ОБЗОР НОВОЙ МЕТОДИЧЕСКОЙ И УЧЕБНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ПО ЕСТЕСТВОЗНАНИЮ 120

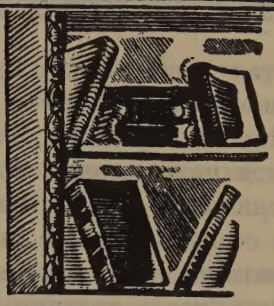
ОТЗЫВЫ О КНИГАХ.

I. Империализм и международная политика. И. Майского, В. Виленского, С. Харина, П. Антокольского, П. Сапожникова 126
II. Гражданская война. Д. Фурманова, К. Скерского 134
III. Экономические науки и народное хозяйство. Н. Мещерякова, А. Кона, С. Обручева, В. Арнольди 138
IV. Промышленность и техника. А. Ферсмана, Б. Тычинина, Н. Андреева, А. Терпигорева, А. Чернова, Г. Мирчинка 148
V. Вопросы труда. С. Капланна, М. Рубинштейна, И. Лященко. 155
VI. Литература о Востоке. В. Виленского, Н. Мещерякова, В. Кряжина. 163
VII. Национальный вопрос. Ц. Фридлянда, М. Рафеса 169
VIII. История революции. Д. Петровского, М. Рафеса, С. Ингулова, С. Пионтковского, Д. Фурманова, Б. Павлова, Б. Горева 175

IX. **Философия.** Г. Баммеля, Ц. Фридлянда 185
X. **Народное просвещение.** И. Галанова, М. Петерсона, В. Смушкова, Д. Петровского 190
XI. **Книжное и печатное дело.** М. Щелкунова 195
XII. **Науки о природе.** В. Шимкевича, М. Завадовского, Н. Андреева . . 197
XIII. **Точные науки.** М. Гребенчи, В. Костицына 200
XIV. **Медицина и народное здравие.** Д-р И. Гельмана, А. Эккерта, А. Сысина, Д. Гуревича 203
XV. **Теория и история литературы.** В. Ф. Переверзева, Д. Благого, С. Боброва, И. Аксенова, П. С. Когана, М. Эйхенгольца, Л. Розенталя . 208
XVI. **Художественная литература.** Э. Бика, К. Локса, В. Брюсова, В. Ф. Переверзева, И. Кубикова, Ю. Соболева, С. Боброва, П. Аксенова, А. Елизаровой, Е. Херсонской, В. Клюевой 216
XVII. **Искусства.** Я. Тугендхольда, А. Сидорова, А. Греча, А. Стрелкова, И. Тарабукина, П. Эттингера, В. Варшавского, К. Граціса, Л. Сабанеева, Л. Розенталя 224
XVIII. **Заметки о журналах.** М. Эйхенгольца, И. Кубикова 242
XIX. **Литературная хроника.**
I. НА ЗАПАДЕ. Германия. Юбилей Г. Гауптмана. Франция. Англия. Австрия. Швеция. Польша. Среди эмигрантов. Эмигрантское студенчество. Эмигрантская лекционная вермишель. Русские издания за границей. В Америке. Разное. II. В РСФСР. Москва. Среди издательств. В Государственном Издательстве. Частные издательства. Деятельность русско-германского общества «Книга». Обращение международного библиографического общества к русским ученым и специалистам. . . . 246
XX. **Письма в Редакцию** 267

Е. С. Кругликова. ПАРИЖ. ОСЕНЬ В ПАРКЕ St. Cloud.

СТАТЬИ И ОБЗОРЫ



ИЗ ЛИТЕРАТУРЫ О ВОЙНЕ И РЕВОЛЮЦИИ.

Мих. Павлович.

I. Франческо Нитти. Европа без мира [1]). II. Л. Троцкий. Война и революция. Т. I [2]).

I.

Книга Нитти имеет большой успех в Европе и вышла вторым изданием не только на итальянском, но и на английском языке. Она переведена и печатается на французском, шведском, финском, турецком, арабском, болгарском и других языках.

Русскому изданию предшествует предисловие автора, написанное в июне 1922 года. В предисловии автор говорит между прочим, что он никогда не питал симпатии к Советской власти, разрушившей-де, благодаря коммунистическому строительству, все богатство страны, однако, автор тут же оговаривается, что советское правительство было право, когда оно сопротивлялось требованиям Антанты, обнаружившим тот хищнический дух, который развился после войны. В другом месте (стр. 132—133) автор говорит: «несмотря на свои ужасные недостатки, советская организация является сейчас единственно возможной и в настоящий момент трудно заменимой какой-нибудь другой политической системой».

Франческо Нитти является представителем влиятельных кругов итальянской буржуазии. Однако, в своей книге он высказывает порой такие взгляды, которые звучат весьма оригинально в устах бывшего итальянского министра-президента. Так, по вопросу о виновниках мировой войны, автор решительно восстает против той точки зрения, согласно которой вся ответственность за войну падает на Германию. Царская Россия несет большую ответственность за войну. Дипломатические документы и события на Балканах доказывают, говорит Нитти, что в императорской России создалась ситуация, которая должна была неминуемо и в скором времени привести к войне. Нитти подчеркивает тот факт, что

[1]) Ф. Нитти. Европа без мира. Кн-во «Волга». Берлин. Стр. 235. Перевод со 2-го итальянского издания под ред. Б. Скоморовского.

[2]) Л. Троцкий. Война и революция. Том I. Госуд. Изд-во. Петербург, 1922. Стр. 371.

русская мобилизация предшествовала даже австрийской [1]). Нитти откровенно признает, что во время войны он сам сваливал ответственность за войну на Германию, но объясняет свою ложь военной-де необходимостью. Когда наши страны были вовлечены в борьбу, объясняет Нитти, и мы имели перед собой грозного врага, нашим долгом было поднимать моральное сознание народа, возможно больше компрометировать врага и взваливать на него всю ответственность. «Однако, теперь, после стольких лет войны, после падения императорской Германии, абсурдно приписывать одной Германии всю вину, и отрицать, что до 1914 года в довоенной Европе были созданы те условия, которые должны были привести к войне» (стр. 32).

Мы думаем, что Ллойд-Джордж, Пуанкаре, германские империалисты и все услужающие власть имущим профессора и историки действуют более последовательно, чем Нитти, стараясь свалить всю ответственность за мировую бойню на противную сторону. В самом деле, если бы теперь Пуанкаре, Ллойд-Джордж или германские империалисты признали бы, подобно Нитти, что виновниками страшной войны, в результате которой погибло 30 миллионов человек, были правительства *всех* государств,—как могли бы они подготовлять новую войну. Если Пуанкаре открыто заявит, что он сознательно лгал, сваливая всю ответственность за войну на Германию, и признает виновность Франции в мировой войне,—кто во Франции поверит правительству, когда последнее в грядущей войне будет сваливать всю ответственность на противную сторону.

Неправ Нитти, когда он, справедливо приписывая ту или другую ответственность за войну правительствам всех государств, все же главным виновником войны считает царскую Россию. Действительно, русская мобилизация предшествовала даже австрийской, но ведь австрийская предшествовала германской, французской, английской; следует ли из этого, что Германия, Франция и Англия были *второстепенными* факторами в происхождении мировой войны? Ведь Австрия мобилизовала свои войска, получив на сие одобрение Германии, Россия—Франции и Англии.

По мнению Нитти, Германия видела своего *главного* врага в России, русская опасность особенно пугала немцев; «интеллигенция, политические и даже военные круги были обеспокоены только Россией». Нитти совершенно забывает об огромной немецкой империалистской литературе, посвященной английской опасности, забывает о Рорбахе Танненберге и др. немецких публицистах, указывавших на неизбежность англо-германского конфликта. По вопросу о франко-немецкой распре сам Нитти рассказывает следующее о своей беседе в 1913 году, в качестве итальянского министра торговли, с немецкими промышленниками: «*Они, не скрывая, говорили о необходимости обладать железными рудниками французской Лотарингии, для них война была эпизодом промышленной борьбы.* Германия обладала углем и стремилась к железу, и вся пресса тяжелой ин-

[1]) Курсив здесь и в дальнейшем—наш. *Мих. П.*

дустрии пропагандировала идею войны». В другом месте Нитти говорит: «некоторые безумцы тяжелой немецкой индустрии зарились на французское железо и поддерживали в целях агитации желтую прессу; так, теперь во Франции многие промышленники смотрят с вожделением на германский уголь и стремятся по возможности целиком отнять его у Германии» (стр. 76).

После этих признаний Нитти ничего не остается от его аргументации, согласно которой правящие германские круги видели своего главного врага в России. Мы знаем, какую роль металлургические тресты играют во внешней политике всех капиталистических государств, и очевидно, что сокрушение Франции и Англии было основной задачей германского империализма.

Нитти самым резким образом осуждает политику Антанты по отношению к России и в особенности по отношению к Германии. «Много вреда принесла Антанта России,—говорит Нитти.—В первый период Антанта вооружала реакционные армии в целях восстановления старого режима. Во второй период она хотела вооружить Россию, по словам Клемансо, проволочными заграждениями и изолировать ее для того, чтобы донять голодом и лишениями. В некоторых французских кругах преобладало и преобладает еще и ныне желание потребовать от России, в виде гарантии, ипотеки на государственное имущество, при этом русский народ рассматривается, как пораженный, раздавленный враг, а не как дружеская нация, потерпевшая катастрофу. Это желание французских финансистов означает не что иное, как введение контроля над всеми экономическими рессурсами России. Генуя не означает еще конца этих ошибок, она привела лишь к ясному сознанию опасности, которую представляет эта политика» (стр. 7).

После войны, продолжает Нитти, критикуя политику Антанты по отношению к побежденным странам, вошел в употребление отвратительный язык насилия. Никогда во время своих побед (от 1815—1870 года) Германия не прибегала к тем безобразным деяниям, которые запятнали поведение Антанты, всегда заявлявшей, что она борется за права человечества. Мирные договоры—продукты взвинченной фантазии и жадности; а их проведение в жизнь является грубым, неразумным актом насилия.

«В общем все войны XIX века: национальные войны, войны за независимость и за объединение. *даже колониальные войны—носили менее отвратительный характер, чем последняя война, которая разорила Европу и разрушила мировое хозяйство*; она не только была величайшей войной, но по своим последствиям является одной из самых ужаснейших войн, опустошавших Европу в новое время.

«По окончании всех войн XIX века наблюдалось пробуждение всех областей человеческой деятельности. Эта же грандиозная война, в которой участвовали почти все народы, убила во всех странах энергию, помрачила умы и способствовала развитию духа насилия.

«Договоры, навязанные побежденным,—лишь орудия угнетения. Что могла бы навязать побежденным Германия в случае своей победы? Быть-

может, даже лучшие условия, —ни в каком случае не худшие, ибо она тотчас же поняла бы при проведении договоров в жизнь, что те, которые мы навязали побежденным, являются на деле неприменимыми.

«Моральный уровень Европы с каждым днем все понижается,—говорит Нитти,—*политика по отношению к побежденным не имеет примеров в новейшей истории;* некоторые наиболее цветущие города прирейнских областей поставлены под надзор чернокожих войск, совершающих различные насилия без всякой необходимости, с единственной целью оскорбления населения. Расточение достояния побежденных посредством различных форм паразитизма и контрольные комиссии, являющиеся часто настоящей формой грабежа, напоминают худшие пережитки средневековья».

Нитти приводит ряд иллюстраций для характеристики разбойничьих действий Антанты в побежденной Германии. Беззащитная и разоруженная Германия принуждена ныне содержать на свой счет французскую оккупационную армию, состоящую. между прочим, из представителей низших рас. Наиболее культурные города Европы подвергаются, таким образом, оскорблениям и насилиям со стороны цветных войск Франции; без всякой необходимости, просто в целях издевательства, *германское население подвергнуто физической и моральной пытке, которой не знали прошлые века.* В апреле 1921 года на Рейне находилось еще от 14 до 15 полков цветных войск. Кроме этих полков, на Рейне находятся еще отряды негров. Всем известно из опубликованных документальных данных, какие насилия и преступления были совершены неграми на германской территории, и теперь всякому известно, что оккупация Германии (равно как и отнятие у нее Саарского бассейна, требование колоссальных репараций и расчленение восточной Силезии) имела одну цель: довести Германию до полного морального истощения, убить в германском народе национальное чувство, сломить его политическое единство. Во время войны все насилия и жестокости могут найти если не оправдание, то, по крайней мере, известное объяснение. Всякая война вызывает, вместе с уничтожением уважения к чужой жизни, появление на сцену всяких диких отвратительных инстинктов. Однако, то, чему мы сейчас являемся свидетелями, не знает примеров в истории.

«*Уже много веков, как ни одно европейское правительство незапятнало себя такими абсурдными и бессмысленными преступлениями, как победоносная Антанта,*—та Антанта, которая в момент опасности торжественно заявляла, что она борется за принципы демократии, справедливости и свободы.

«Никогда в прошлом. ни Германия, ни другие победившие страны не совершали в час победы ни одного из тех абсурдных и преступных деяний, которые окончательно подорвали моральный авторитет победителей, утверждавших в своем заявлении 30 декабря 1916 года, что они объединились для защиты свободы народов» (стр. 189).

А вот что пишет Нитти о пресловутых контрольных комиссиях: «Что представляют из себя расходы контрольных комиссий—с их безум-

ной расточительностью, оскорбляющей чувство побежденных, страдающих от голода,—об этом я неоднократно говорил на конференциях в Лондоне и Сан-Ремо. В них сидят генералы, жалованье которых нередко превосходит жалованье, получаемое в Америке президентом республики. Поведение Дунайской Комиссии в Вене и Будапеште—это *настоящий пир во время чумы*. Самые жадные военные спекулянты гнездятся в контрольных комиссиях по разоружению и почти все, кто принимает в них участие, получают такое вознаграждение, которому нет равного в мире, и это делается не только из жадности, но носит также характер вызова и свидетельствует о царящем в них духе насилия.

«Я не хочу здесь предать гласности,—пишет Нитти,—те данные, которые мне были сообщены авторитетными и беспристрастными лицами. *Наступит день, когда будет заклеймена позором вся эта жадная банда рассеянных по лицу Европы авантюристов, из которых могли бы получиться средневековые грабители*. Эти ненужные громоздкие комиссии с безумным расточением денег—*подлинные воровские притоны*» (стр. 112).

Нитти останавливается в своей книге также на вопросе о вооружениях европейских государств, в результате войны, которая должна была-де привести к сокращению вооружения.

Затраты на военный флот по данным, приводимым в разных бюджетах, увеличились в Америке с 702 до 2160 миллионов, для Англии—с 1218 до 2109 миллионов, для Японии—с 249 до 1250 миллионов, для Франции—с 495 до 1083 миллиона и для Италии—с 230 до 402 миллионов. Суммы, ассигнованные для постройки новых судов на 1921—22 гг., равняются 450 миллионам—для Америки, 475 милл.—для Великобритании, 281 милл.—для Японии, 185 милл.—для Франции и 61 милл.—для Италии (все цифры в золотых франках).

Особенно подробно останавливается Нитти на вооружениях Франции, политику которой бывший итальянский министр-президент особенно сурово осуждает. Когда Германия напала на Францию, говорит Нитти, всеми демократами овладел ужас: уничтожить Францию—значит уничтожить демократию и свободу. И Франция была спасена могучей поддержкой свободных народов. Но победа Франции убила престиж, которым она действовала на демократические страны. *Сейчас все демократии мира смотрят с недоверием на Францию: одни со злобой, другие с ненавистью*. По отношению к Германии Франция проявила больше жестокости, чем к ней могла бы проявить победоносная Германия. В отношении же России, Франция вела чисто плутократическую политику (стр. 199).

Франция, помимо военного союза с Бельгией, установила целую систему договорных отношений, опирающихся, главным образом, на новые государства, т.-е. на такую зыбкую почву, как Польша, враг России и Германии. До войны в 1914 году Франция стремилась довести свою армию до максимальной величины и боеспособности, чтобы успешно соперничать с великой германской армией. В 1913 году основу германской армии, согласно росписи, представленной рейхс..гу, составляли 647.000 солдат всех видов оружия, 105.000 унтер-офицеров и 30.000 офицеров. Это

было самое крупное войско в Европе и во всем мире, если считаться не только с его количеством, но и качественным составом. Теперь, в то время, когда Германия не имеет больше армии, Франция к 1 июля 1921 года имела под ружьем 820.000 человек, из которых 38.473 офицера, т.-е. *значительно больше, что Германия имела до войны.* Принимая во внимание численность населения Франции, надо сказать, что она сделала такое напряжение, которому нет равного в новейшей истории, и что она идет навстречу одной из двух возможностей: к военному господству или краху (стр. 113).

Затем Нитти останавливается на вооружениях союзников Франции—Бельгии, Польши, Румынии. Бельгия, утратившая свой нейтралитет, и Польша, в которой господствует анархия и которая постоянно провоцирует Европу,—имеют ныне армию, которую до войны могли бы содержать лишь государства первого ранга. Бельгия удвоила свои военные кадры, доведя численность своей армии до 113.500 человек; эта армия—огромна для населения, равного по величине населению Нью-Йорка или Лондона.

Особенно резко осуждает Нитти империалистскую и националистическую политику второго союзника Франции—Польши. Несмотря на то, что экономическое положение Польши близко к краху, говорит автор, что она, можно сказать, не имеет больше ни денег ни кредита (но зато имеет целую армию чиновников, больше чем какое-либо другое государство мира), она держит под ружьем не меньше 430.000 человек, и это войско достигало часто еще больших размеров, доходя до 600.000 человек. Польша одновременно страдает манией величия по отношению к внешнему миру и погибает от растущей нищеты, хаоса и внутреннего разложения: порабощая себя, чтобы иметь возможность поработить других, она стремится, несмотря на свой внутренний беспорядок, к контролю над другими странами, господству над населением значительно превосходящем ее в отношении умственного развития и культуры (стр. 114).

Далее автор продолжает относительно политики Польши.

Польша сама готовит себе гибель. Она не имеет ни финансов, ни администрации, ни кредита. Она не работает, а лишь потребляет, занимает новые области и не поддерживает порядка в старых. На 31 миллион жителей, как мы уже видели, приходится 7 милл. украинцев, 2,2 милл. русских, 2,1 милл. немцев и почти $^1/_2$ милл. других национальностей. Да еще эти 18 или 19 милл. поляков включают около 4 милл. евреев. Конечно, это польские евреи, но в большинстве своем они не любят Польшу, которая не сумела их ассимилировать. Если бы была произведена серьезная перепись населения Польши, указанное соотношение национальностей подтвердилось бы в полной мере. В настоящее время в силу абсурда, придуманного в Версале, тот, кто путешествует из одной части Германии в другую, должен пересечь Данцигский коридор. Другими словами, Германия разделена на две части, и едущий в самой же Пруссии из Берлина в старейший немецкий город Кенигсберг, родину Канта, вынужден проезжать польскую территорию (стр. 152).

Румыния обладает армией в 160.000 человек и помимо этого имеет еще 30.000 жандармов и 15.000 человек пограничной стражи.

Останавливаясь также на греческой авантюре, Нитти отмечает, что Греция содержит под ружьем более 400.000 человек, и пишет: «Греция задыхается под тяжестью своего милитаризма и быстрыми шагами приближается к катастрофе». Ту же участь предсказывает он и Польше. Польша, говорит Нитти, нарушает все договоры, издевается над международным правом и пользуется защитой и покровительством во всех своих агрессивных начинаниях, но *каждая из авантюр обрекает ее еще на худшие бедствия и увеличивает еще более ее нищету.*

Нитти относится очень скептически ко всем великим достижениям мировой войны, результатам Версальского, Севрского, Трианонского и др. договоров. «*Все в Европе зиждится на песке: все, что создается сегодня, рушится завтра.* Австрия, Венгрия, Болгария и Турция не могут существовать в условиях, навязанных им договорами... За исключением Финляндии, все государства, возникшие на развалинах Российской империи, находятся в тяжелом положении».

Многие из предсказаний Нитти уже оправдались. Он подчеркивает всю утопичность плана—создать могущественную Греческую империю, господствующую над берегами Эгейского моря Европы и Азии. Также относился он к идее создания Великой Армении. Нитти очень критически относится к французскому плану создать из Польши прочный барьер, долженствующий навсегда разъединить Германию и Россию. Рано или поздно, говорит он, Россия пробудится к новой жизни. «Это—иллюзия полагать, что Великобритания, Франция и Италия могут вступить в союз с тем новым или с теми новыми государствами, которые образовались на территории России... Германия возродится, когда она преодолеет скорбный период лишений, и никто не знает, какую политику поведут немцы, если не будет найдено средства создать прочный мир и новый общественный строй. *Наши сыновья переживут еще более страшную трагедию, чем испытания, выпавшие на долю нашего поколения...* Ныне польский барьер разделяет два многочисленнейших народа Европы—России и Германии. Библейская легенда рассказывает, что при переходе евреев через Красное море воды расступились, но потом тотчас же снова сомкнулись. Можно ли предположить, что подобное нелепое разделение двух народов продлится долго».

Нитти предсказывает неизбежность крушения планов относительно долговременного закабаления Германии, немецкой Австрии, России. С возвращением нормальных условий жизни, говорит он, нынешнее население Германии, немецкой Австрии возрастет в 30 лет до 100 миллионов. Население Франции, Бельгии вместе составит едва 50 миллионов. Относительно России Нитти пишет следующее: «Россия всегда обладала силой инерции, которая является своеобразной энергией ее таинственного развития. По количеству рождений она превосходит любую европейскую страну, она не прогрессирует,—она растет. Могущество этой страны представляет угрозу для ее соседей. Так как в силу какого-то исторического

закона далекие народные движения и древнейшие завоевания имели большею частью своим исходным пунктом настоящую территорию России, она сумела соединить самые различные нации и создать единство там, где казалось не было никакого средства.

Нитти объясняет, почему Италия особенно заинтересована в восстановлении нормальных условий с Россией. Италия страдает больше других стран от отсутствия регулярных сношений с Россией, ибо почти вся итальянская торговля, а следовательно, цены фрахта и товаров почти в течение полустолетий находились в тесной зависимости от черноморской торговли. Отправлявшиеся из Англии суда, везшие грузы для Италии, следовали обычно в порты Черного моря, где они нагружались керосином, зерном и т. д., и возвращались затем в Англию, забирая на обратном пути грузы в Италии и Испании. Долгие годы Италия пользовалась очень выгодными фрахтами и покупала уголь почти по той же цене, что в Англии. Суда, заходившие в итальянские порты, совершали рейсы в оба конца с полной нагрузкой. Положение, создавшееся в России, больше всего повредило Италии, имеющей более значительные интересы в Средиземном море, чем Великобритания и даже Франция. Поэтому, заключает Нитти, Италия особенно заинтересована в возобновлении сношений с Россией. Однако, Нитти тут же оговаривается, что «признание московского правительства не является лучшим и кратчайшим путем для этого. Но Италия никогда не поставит этого признания в зависимость от плутократических соображений. Никакое правительство в Италии не станет торговать признанием России, чтобы вырвать у нее, таким образом, обязательство уплаты довоенных и дореволюционных долгов» (стр. 131).

В своей книге Нитти критикует также тайную дипломатию великих европейских государств. Содержание Лондонского договора, заключенного в апреле 1915 года, никогда не было известно итальянскому народу. «Один из наиболее ответственных американских политиков жаловался мне открыто, что когда Соединенные Штаты вступили в войну, текст Лондонского договора, регулирующего отношения целой части Европы, не был им даже сообщен. Еще более крупной ошибкой было то, что текст Лондонского договора не был сообщен и Сербии, которая находилась тогда в очень тяжелом положении и, несомненно, приняла бы его без всяких возражений. Но самое важное, что договор был неизвестен самим итальянским министрам, которые познакомились с ним лишь после его опубликования одним лондонским журналом, органом сербов, на основании сведений, полученных из Петербурга, где большевики уже успели предать его гласности. Лондонский договор был в Италии тайной для всех, и его текст был известен лишь председателю совета министров и министрам иностранных дел» (стр. 63).

Нитти по своему миросозерцанию принадлежит к пацифистскому течению итальянской буржуазии. Он осуждает некоторые колониальные авантюры, как, например, триполитанскую войну. Он, по его словам, помешал итальянской авантюре в Грузии. 12-й армейский корпус, состоявший из двух пехотных дивизий и отряда альпийских стрелков, был готов

к походу. После экспедиции была бы несомненная война Италии с московским правительством, что, говорит Нитти, привело бы к непредвиденным результатам. Если бы Италия организовала эту экспедицию, она оказалась бы вовлеченной в ужасную военную авантюру (стр. 124).

«Либийская авантюра представляется нам сегодня—при спокойном размышлении—заблуждением. Либия—это огромная песчаная пустыня, не имеющая и никогда не имевшая никакой ценности. Триполитания, Киренаика и Феццан, занимающие пространство, превышающее миллион сто тысяч квадратных километров, имеют не больше 900.000 жителей, из которых и теперь, через 10 лет после войны, даже треть не находится под действительным контролем Италии. Турецкая война и оккупация Либии стоили Италии целые миллиарды: еще долгие годы эта авантюра будет обременять итальянский бюджет. *Если бы Италия затратила эти миллиарды для использования своих бесконечных водяных источников, она в настоящее время была бы страной, в значительной степени независимой от иностранного топлива, которое обрекает ее ныне на экономическое закабаление. Истинно-национальная политика должна была бы состоять в создании экономической независимости Италии, а не приобретении ею господства над огромной бесплодной пустыней.* Невежды превозносили в Италии Либию, как обетованную землю. В одной из тронных речей король сказал даже, что Либия способна поглотить даже часть эмиграции. Это—настоящее безумие, ибо Либия не представляет ценности ни с земледельческой, ни с торговой, ни с военной точек зрения,—лишь в случае уменьшения всех затрат и при условии коренного изменения администрации она перестанет обременять итальянский бюджет».

Нитти так резко критикует разнузданную империалистическую политику, ибо он боится пробуждения пролетариата, новой мировой войны и социальной революции, которая явится неизбежным следствием последней. Помимо желания уничтожить все эти причины, которые могут вызвать новую войну через 30 лет, существует другое, еще более веское соображение в пользу длительного мира, говорит Нитти. Нынешнее положение сильно отличается от ситуации 1815 года. После наполеоновских войн народы были также истощены, однако *революционное брожение не переходило границы той страны, где оно возникло.* Германия того времени удовлетворила законные желания своего народа целой серией экономических реформ, продиктованных мужеством, предвидением и дальновидностью ее государственных людей. Русский царь тоже даровал тогда крупные реформы, которые были даже слишком прогрессивны для полудикого населения России. *Теперь положение совсем другое. Революция находится в своем начале.* В России царствует неистовый террор. *Вся Европа пронизкнута революционным духом. Существует не только недовольство. но ярость и гнев рабочего класса, направленные против условий его существования.* Население всей Европы начинает сомневаться в закономерности современного социального, политического и экономического порядка. В некоторых странах, как в Германии и России, это брожение выливается в форму открытого восстания; в других странах, как Фран-

ция, Англия и Италия, недовольство проявляется в стачках, в нежелании работать, что свидетельствует о стремлении к социальным и политическим реформам, равно как к улучшению условий труда.

В другом месте Нитти говорит на ту же тему следующее: «Развитие чувства ненависти между народами обострило в каждой стране классовые противоречия и оказало самое дурное влияние на экономическую жизнь каждой страны. Рабочие в ожидании новых войн, под влиянием нетерпения, которое благодаря войне развилось во всех классах, с каждым днем становятся все более и более требовательными. Они также стремятся к завоеванию, они хотят получить вознаграждение с побежденного врага. Та же самая форма ненависти, тот же самый наглый язык переходит от одного народа к другому, от одного класса к другому. Во всех странах усилился дух нетерпения в рабочем классе... Почти повсюду рабочие видят неслыханные богатства, накопленные за время войны, дух насилия овладел ими, после войны они работали без большой охоты, считая, что часть их работы в виде прибыли перепадет в руки предпринимателей. Бесполезно говорить, что здесь дело в бессмысленном и вредном понимании, ибо прибыль предпринимателя—необходимый элемент производства, а производство в коммунистической форме, где оно только было испытано, приводило к нищете и катастрофе» (стр. 230).

Что же Нитти предлагает для улучшения положения Европы, для смягчения грозных международных и классовых конфликтов, для предотвращения в будущем мировой войны и социальной революции? Здесь Нитти обнаруживает все свое скудоумие. Поскольку критическая часть его книги, направленная против разбойничьей политики правящих классов, сильна, поскольку меры, предлагаемые им для борьбы с темными сторонами капиталистической действительности, обнаруживают все бессилие буржуазной мысли,—Нитти признает, что в *своем нынешнем виде Лига Наций не вызывает ни внимания, ни уважения, а возбуждает лишь естественное и основательное отвращение*, но в то же время он подчеркивает, что Лига Наций способна к совершенствованию и может стать важнейшим фактором преобразования, если вопрос о пределах ее функции будет ясно поставлен, и на него будет дан ясный ответ. В новом измененном виде, говорит Нитти, Лига Наций может стать неоценимым орудием мира во взаимоотношениях народов. Нитти питает надежду, что унизительная форма европейской жизни закончится и что процесс европейского разложения остановится. Этот час поворота еще не близок, говорит он, и все же мы не так далеки от него, как в тот момент, когда во имя прав победителей подготовлялась прикрытая циничным языком реторики программа европейского развала. В настоящее время пришло сомнение, а сомнением всегда начинается то духовное беспокойство, которое предшествует великим критическим моментам в жизни человечества и которое делает возможным новый процесс творчества.

Свою книгу Нитти заканчивает следующими лирическими, но едва ли очень осмысленными словами: «Истина победит. Для этого ей нужно только время; сегодня на небе нависли свинцовые тучи, но придет день,

и они рассеются. Даже самые упрямые души услышали тревожный сигнал кризиса,—того кризиса, который угрожает Европе и волнует глубины. Пока еще Европа охвачена сомнением, но после криков ненависти и слепой злобы сомнение—уже большой шаг вперед. После сомнений явится *истина*».

«*Что есть истина?*»—вопрос, на который Нитти не дает, конечно, прямого ответа. Но из всего содержания книги видно, что, перепуганный на-смерть революционным движением рабочих масс, Нитти ищет эту истину не впереди, а позади, в том «идеальном», счастливом строе, который царил во всей Европе до 1914 г. и... привел к мировой войне. Надо только внести в экономическую организацию и политический строй современных государств некоторые поправки, реформировать Лигу Наций,—и цивилизация будет спасена. Таковы утопические планы растерявшегося буржуазного реформатора.

Книга Нитти—это сигнал бедствия с тонущего парохода, крик скорби, выражение ужаса буржуазного деятеля перед картиной гибели и разложения близкого его сердцу строя и одновременно вопль напуганного представителя правящих классов перед призраком надвигающейся социальной революции, которая приведет к власти те самые классы, торжества коих Нитти больше боится, чем сохранения власти в руках хорошо охарактеризованных им наглых хищников, вызвавших мировую войну и готовящих новые бойни.

II.

Эпоха 1914—1918 гг.—эпоха мировой войны и начала социальной революции является поворотным пунктом в истории человечества. Отсюда мы видим «потоков рожденье и первое грозных обвалов движенье». Эта эпоха—пролог к Октябрьской революции, возникновению III Интернационала и одновременно могучего революционного движения на всем Востоке, во всем колониальном и полуколониальном мире. Вот почему изучение этой эпохи так важно для нашей молодежи. Однако, по справедливому замечанию тов. Троцкого, история этой эпохи—если иметь в виду историю рабочего движения и политических группировок—еще не написана и будет написана не скоро. Приходится изучать вчерашний день по сырым материалам, воспоминаниям, документам, статьям, речам. Книга т. Троцкого преследует задачу оказать содействие изучению вчерашнего дня. Автор собрал свои статьи, памфлеты, очерки, написанные за время мировой войны, «как отражения большой эпохи, как осколки великой борьбы, которая не прекращалась в самые глухие месяцы империалистической реакции, а теперь развернулась во всем мире».

Своим статьям и очеркам за этот период автор предпосылает введение, написанное в 1919 году. Это предисловие—литературный chef d'oeuvre, который читается с захватывающим интересом. Т. Троцкий рассказывает здесь, между прочим, о создании в Париже «Нашего Слова» двумя товарищами—Антоновым-Овсеенко и Мануильским (Безработным),

имевшими в «кассе» перед выпуском первого номера всего 30 франков; вспоминает, как т. Антонов выносил газету *на своих плечах* не только в переносном, но и в буквальном смысле слова, ибо он не только писал заметки, передовицы, вел военный обзор, правил корректуру, переводил телеграммы, но и таскал на плечах пачки свежего номера. Прибавим к тому, что рассказывает т. Троцкий об Антонове-Овсеенко, что последний показал себя не только неподдельным публицистом, поразительно энергичным деятелем, но и человеком, умевшим до тонкости разбираться в самых сложных вопросах. Приведу два факта для иллюстрации этого утверждения. Перед битвой на Марне многие государственные деятели Франции и военные специалисты совершенно растерялись и считали неизбежным падение Парижа. Президент республики с своей супругой и все правительство бежали в Бордо. Из Парижа спешно эвакуировались все ценности, была вывезена наличность государственного банка и всех частных банков, а перед этим и в течение нескольких дней под ряд у банков стояли хвосты буржуев, которые забирали свои ценности и уезжали в Лион, Тулузу, Бордо и т. д. Такие же хвосты стояли перед вокзалами, и поезда брались с бою. В этот момент т. Антонов-Овсеенко в беседах с нашими товарищами доказывал, что в своем поспешном наступлении немецкая армия подойдет к стенам Парижа, оставив позади тяжелую артиллерию, крайне утомленная, что ее ждет здесь поражение, и в общем он набрасывал возможный план контр-удара, который в основных чертах и был действительно применен Галлиени.

И в первом номере «Нашего Слова» т. Овсеенко напечатал статью, где подчеркнул всю рискованность немецкого наступления на Париж.

Многие товарищи, являвшиеся активными союзниками «Нашего Слова», не верили в возможность долговременного существования в Париже интернационалистской газеты и были убеждены, что и она продержится максимум одну-две недели, затем будет закрыта, а сотрудники арестованы и высланы из Франции. Мартов, который, как упоминает т. Троцкий, был одним из активных сотрудников газеты в первую эпоху до Циммервальда, считал проект т. Овсеенко авантюрой.

Однако, т. Антонов, вполне считаясь с условиями войны, разгаром шовинизма, цензурой и т. д., все же утверждал, что при упорстве и настойчивости можно будет выпускать интернационалистскую газету очень долго, меняя ее название. И тут товарищ Антонов показал свое понимание условий французской действительности. Как-никак газета, несколько раз закрывавшаяся и после коротких перерывов снова возникавшая под другим именем, просуществовала в течение почти $2^1/_2$ лет, то-есть до русской революции. Если принять во внимание настроение, царившее в течение этого периода в Париже, находившемся на расстоянии 80—100 километров от линии расположения немецких войск, разгул реакции в столице, бешеную кампанию, которую вели против «Нашего Слова» русские социал-патриоты и парижские шовинистические газеты, доказывавшие, что «Наше Слово»—немецкий орган, содержимый на средства «бошей»,— надо признать, что столь долговременное существование в Париже ин-

тернационалистского органа, ставившего своей задачей содействие восстановлению Интернационала на основе согласованной революционной борьбы пролетариата всех стран против войны, империализма и основ капиталистического общества, непримиримую борьбу с социал-патриотизмом, представляет собой своего рода «чудо».

В том же введении т. Троцкий дает удивительные по своей яркости характеристики Мартова, Плеханова, Каутского, Чернова.

«Мартов, несомненно, является одной из самых трагических фигур революционного движения,—пишет т. Троцкий.—Даровитый писатель, изобретательный политик, проницательный ум, прошедший марксистскую школу, Мартов войдет, тем не менее, в историю рабочей революции крупнейшим минусом. Его мысли не хватало мужества, его проницательности не доставало воли. Цепкость не заменяла их. Это погубило его. Марксизм есть метод объективного анализа и вместе с тем предпосылка революционного действия. Он предполагает то равновесие мысли и воли, которое сообщает самой мысли «физическую силу» и дисциплинирует волю диалектическим соподчинением субъективного и объективного. Лишенная волевой пружины, мысль Мартова всю силу своего анализа направляла неизменно на то, чтобы теоретически оправдать линию наименьшего сопротивления. Вряд ли есть и вряд ли когда-нибудь будет другой социалистический политик, который с таким талантом эксплоатировал бы марксизм для оправдания уклонений от него и прямых измен ему. В этом отношении Мартов может быть без всякой иронии назван виртуозом. Более его образованные в своих областях Гильфердинг, Бауэр, Реннер и сам Каутский являются, однако, в сравнении с Мартовым, неуклюжими подмастерьями, поскольку дело идет о политической фальсификации марксизма, т.-е. об истолковании пассивности, приспособления, капитуляции, как самых высоких форм непримиримой классовой борьбы.

«Несомненно, что в Мартове заложен был революционный инстинкт. Первый его отклик на крупные события всегда обнаруживает революционное устремление. Но после каждого такого усилия его мысль, не поддерживаемая пружиной воли, дробится на части и оседает назад. Это можно было наблюдать в начале столетия, при первых признаках революционного прибоя («Искра»), затем—в 1905 г., далее—в начале империалистской войны, отчасти еще—в начале революции 1917 г. Но тщетно изобретательность и гибкость его мысли расходовались целиком на то, чтобы обходить основные вопросы и выискивать все новые доводы в пользу того, чего защитить нельзя. Диалектика стала у него тончайшей казуистикой. Необыкновенная, чисто кошачья цепкость—воля безволия, упорство нерешительности—позволяла ему месяцами и годами держаться в самых противоречивых и безвыходных положениях».

Теоретическое падение Плеханова, совершенное им под тяжестью национально-патриотической идеологии, т. Троцкий объясняет тем, что Плеханов не был вождем действующего пролетариата, а только его теоретическим предвестником, предтечей. «Он полемически отстаивал методы марксизма, но не имел возможности применять их в действии. Прожив

несколько десятков лет в Швейцарии, он остался русским эмигрантом. Плеханов стремился тем более упрочить теоретические и философские корни своей позиции, чем более ему не хватало политических корней. В качестве наблюдателя европейского рабочего движения, он оставлял сплошь да рядом без внимания крупнейшие политические проявления крохоборства, малодушия, соглашательства социалистических партий, но всегда был настороже по части теоретических ересей социалистической литературы.

«Это нарушение равновесия между теорией и практикой, выросшее из всей судьбы Плеханова, оказалось для него роковым. К большим политическим событиям он оказался неподготовлен, несмотря на всю свою большую теоретическую подготовку. Уже революция 1905 года застигла его врасплох. Этот глубокий и блестящий марксист-теоретик ориентировался в событиях революции при помощи эмпирического, по существу обывательского глазомера, чувствовал себя неуверенным, по возможности отмалчивался, уклонялся от определенных ответов, отделываясь алгебраическими формулами или остроумными анекдотами, к которым питал великое пристрастие».

Характеристике Чернова т. Троцкий посвящает всего несколько строк, однако, вполне рисующих физиономию идейного вождя партии эсэров: «Худшие черты «рассейской» интеллигенции, обогащенные парламентским и журналистским опытом европейского оппортунизма, нашли свое округленное во всех отношениях выражение в политической фигуре Чернова. Неразборчивая революционная волна подбросила это ходячее идейное шарлатанство на пост председателя учредилки и затем, отраженным взмахом, отшвырнула в небытие».

Статьи и очерки т. Троцкого, воспроизведенные в первом томе, охватывают период, начиная с первых дней войны по сентябрь 1916 года. Большая часть этих статей была напечатана в «Нашем Слове». Уже в самом начале войны т. Троцкий предвидел, каково будет отношение широких народных масс, рабочих и крестьян, к навязанной им войне.

«В деревне началась со времени 1905 г. и ранее того огромная бытовая революция, пробуждение личности в крестьянине и, следовательно, полное крушение каратаевщины, безличного бытового фатализма, безответственности, стихийной психологии и морали, питающихся властью земли. Рабочие войдут в действующую армию с теми самыми чувствами, которые толкали их за последние два года на непрерывные политические выступления, т.-е. с чувствами глубокой ненависти ко всей правящей России». Тов. Троцкий предсказывал неизбежный военный разгром, который развяжет революционную энергию народа, и предполагал, что падение царизма произойдет в первый же год войны; впрочем, т. Троцкий оговаривается в примечании, что он недооценивал военную роль интеллигенции, заполнившей в армии низшие и средние офицерские посты и придавшей царской России в войне значительную устойчивость, благодаря которой момент окончательного разгрома был отсрочен.

«*Эпоха, в которую мы вступаем*,—писал Троцкий в начале войны,—будет нашей эпохой: марксизм не побежден, наоборот, рев пушек во всех концах Европы возвещает не только крах исторических организаций пролетариата, но и теоретическую победу марксизма. Что остается теперь от надежд на мирное развитие, на притупление капиталистических противоречий, на планомерное врастание в социализм?

«Социалистический реформизм на деле превратился в социалистический империализм» (стр. 152).

Тов. Троцкий подчеркивал, что война дает могучий толчок пробуждению колоний. «Дезорганизация мирового хозяйства означает революцию колониального хозяйства, смысл которой состоит в том, что колонии утрачивают свой колониальный характер. Каков бы ни был, следовательно, военный исход настоящей свалки, империалистическая база под европейским капитализмом не расширится в результате ее, а сузится. Война не только не «разрешает» рабочего вопроса на империалистическом фундаменте, наоборот, она обостряет этот вопрос, ставя капиталистический мир перед двумя возможностями: перманентная война из-за сужающегося империалистического фундамента или революция пролетариата».

В настоящий момент, когда балканский вопрос снова становится в порядок дня, значительный интерес представляют страницы, посвященные в книге Троцкого этому вопросу (ст. 79—88, 160—167).

Последняя глава (VI) книги т. Троцкого посвящена теории социал-патриотизма, главным образом, критике позиции Плеханова и Каутского в вопросе об отношении пролетариата к войне.

При чтении книги т. Троцкого вся эпоха 1914—1916 гг. встает перед глазами. Книгу прочтут с интересом как более старые товарищи, которым она напомнит о многом, что уже стало исчезать из памяти, и чего отнюдь не следует забывать, так и в особенности представителям нашей молодежи, которая должна знать вчерашний день.

НА ТОМ БЕРЕГУ.

(Очерки эмигрантской литературы).

I. ИДЕОЛОГИ БУРЖУАЗНОЙ РЕСТАВРАЦИИ.—Ц. Фридлянда. II. СКАЛЬПИРОВАННАЯ КОНТР-РЕВОЛЮЦИЯ.—М. Лирова.

I. ИДЕОЛОГИ БУРЖУАЗНОЙ РЕСТАВРАЦИИ.

Ц. Фридлянд.

(О книге Д. Далина: «После войн и революций». Изд. «Грани». Берлин. 1922 г.).

Д. Далин — один из видных теоретиков и практиков меньшевизма. Он принадлежит к той группе меньшевиков, которая положила начало пересмотру программы под лозунгом: «назад к капитализму».

Еще не замолк в Европе шум революционной бури... «Но бушующие воды входят в новые берега и начинается новая эпоха—*эпоха после войн и революций*». Вот исходная предпосылка рассуждений Далина. «Догорающие огни революции поддерживают иллюзию социальной революции». Борьба с этой иллюзией—второй кит меньшевистской концепции. «Утопии» Далин противопоставляет «трезвый учет действительного соотношения сил» и формулирует «трезвую» программу социал-демократии на всю «эпоху» после войн и революций. В неудачах революции виноваты коммунисты. Беспощадная борьба с ними—третья задача Д. Далина. И, наконец, венцом всей концепции служит «ревизия» марксизма. По вопросу о предпосылках социальной революции «ошибки сделались правилом» в марксизме. Далин хочет их исправить. Задачи грандиозные...

Надо иметь много гражданского мужества, чтобы открыто закончить свою «самоликвидацию». Но наивный читатель не должен этого замечать. И Далин чрезвычайно умело строит свою книгу. Он начинает с «анализа российского опыта», и на его основании устанавливает теоретические положения. Но может ли нас обмануть подобное построение книги? Для нас ясно, что в «ревизии» марксизма надо искать корни обновленного меньшевизма. «Главы о русском опыте,—как случайно замечает Да-

лин,—являются дополнением к главе о «зрелости» и «незрелости», т.-е. о предпосылках революции. С теории меньшевизма мы поэтому и начнем.

Трудно дается Далину тон научного исследования, и нередко с его пера срываются обычные белогвардейские пошлости. «Коминтерн,—пишет Далин, — орудие крестьянской политики Советской России, ее национальной политики». Подобные пошлости не редкость у автора.

При всем «энциклопедизме» книги, при всей путанице идей, одной мыслью проникнута книга: «Есть такой железный закон, который предрекает России гибель «коммунии» и *творчество капитализма*». Меньшевизм хочет стать решающим фактором «капиталистического возрождения» России.

Каждая «ревизия» марксизма всегда начиналась с восстановления *истинного* смысла учения Маркса и лишь потом через дополнения и стыдливые «исправления» вела к его искажению. Меньшевизм давно проделал большую часть этого пути. Д. Далин начинает поэтому сразу с искажения марксизма... Для него история марксистского учения о революции делится на два периода: от Маркса до Далина—путь «*от науки и утопии*» (курсив Д. Д.) и второй путь— «*от утопии к науке*». Здесь нет нашей утрировки во славу полемики. Послушаем Далина. «Вы знаете Германию сороковых годов... Аграрная страна, более отсталая, чем современная Россия»... Но Маркс не может с этим примириться: «и начинается приспособление теории к своим желаниям и настроениям». По Марксу, таким образом, к 48 г. наступила эпоха социальной революции. Этой ошибке Маркс дает теоретическое обоснование в Коммунистическом Манифесте. Но непонимание, вернее, ложное истолкование понятия «предпосылки социальной революции», характерно не только для Маркса, но и для Лассаля. И он думал, «что приведет социалистическое движение к победе в течение одного года, а теперь (1864 г.) он убедился, что это потребует десятилетия». Ту же ошибку делал Энгельс. Он предсказывал наступление социальной революции на конец 90-х годов. А Бебель? а Каутский? Последний только теперь отказался от своей ошибки. И дело, конечно, не в том, думает Далин, что неправильно оценивали *темп* развития, а в том, что «неверно судили *об объективных условиях*» (курсив Д. Д.) революции. Правильные взгляды сделались исключениями. Автор не дает нам анализа причин этих ошибок, он их констатирует и им, утопии, противопоставляет свою научную концепцию. Но раньше, конечно, начинается ревизия. Цитируя известное место из предисловия к «критике политической экономии» о конфликте между развитием производительных сил и политической надстройкой, автор отмечает, что Маркс предполагал наступление момента революции, когда *все* производительные силы старого общества изживут себя, когда в недрах старого общества разовьются все предпосылки для создания нового общества, «*тогда* только,—пишет Далин,—наступаст смерть старого общества». *Раньше* этого момента революция не приходит... Все эти аргументы изображают зависимость «надстройки» от «базиса» в виде механической зависимости, подобно отдергиванию руки при уколе. «Все» предпосылки

понимаются Далиным статистически; «*раньше*» и «*тогда*» толкуются с точностью расписания поездов. Далин при этом отделяет экономику от всей социальной структуры общества. Меньшевизм возвращается к своему истоку: экономизму. Каждой ступени экономического развития соответствует данная система производительных сил, «техника». Какая же новая техника создана капиталистическим строем, чтобы могла итти речь о «зрелости» предпосылок революции? Электричество оказалось орудием на службе у буржуазии. Дело также не в той или другой степени концентрации промышленности. «По ходячему представлению, индустрия, в которой далеко зашел процесс синдицирования предприятий, тем самым оказывается пригодной для коллективного хозяйства». «Но это не верно», думает Далин. Только «однотипность продукта, его шаблонность, доведенная до максимума»—вот условия социальной революции. Итак, извращение марксизма идет дальше: искусственно отделяется тип производства от его организации. Решающим фактором истории становится голая техника, *вне* процесса и организации производства. Созрела ли Германия для социальной революции? Далин пытается *подсчитать* количество предприятий в стране, которые вырабатывают этот «шаблонный» продукт, и приходит к выводу: «общественно-руководимое хозяйство охватило бы около 16% всего индустриального населения». 10% всего германского населения приходится на сферу социализма.—*Следовательно*, нет предпосылок для ликвидации капиталистического общества. Такова схема теории Далина. Итак, речь не идет об удельном весе этих 10%, не устанавливается связь и зависимость между этими отраслями промышленности и всем хозяйственным строем общества в целом, а полагается наличность 99% социализма, чтобы возможна была революция против 1% капитализма. Далин не дает анализа всей сложности и классовой борьбы в период гибели капитализма; для него «субъективные предпосылки»—дело десятое, и мы поймем теперь, почему он так ехидно смеется над Марксом, когда тот в Коммунистическом Манифесте писал: «на Германию коммунисты направляют все свои взоры, потому что Германия стоит накануне буржуазной революции»... и поэтому ее революция может быть пролетарской или никакой. Далин, рассуждая дальше статистически, ставит вопрос о завоевании 99% всего пролетариата на сторону революции, как единственное условие успешного переворота. Все, что предпринимается в направлении ликвидации капиталистического строя, до созревания этих предпосылок—реакционно. Ревизия марксизма меньшевизмом оказывается весьма глупым и злостным его искажением.

Так Далин устанавливает теоретические предпосылки всякой революции. Но что такое социальная революция? «Социальная революция есть не что иное, как превращение одной системы производства в другую». Но это превращение, по Далину, не предполагает, как необходимое условие, завоевание политической власти. Вообще революция не обладает никакими творческими элементами; «социалистическая революция, столь же мало, как и буржуазная, способна изменить производственную основу»; чтобы подтвердить свои положения, Далин ссылается на француз-

скую революцию конца XVIII в. Он цитирует М. М. Ковалевского: «нет ничего более ошибочного, чем предполагать, что Франция была феодальной страной накануне 89 г.», и делает вывод о полной буржуазной зрелости Франции на грани XIX века. Но здесь, конечно, Далин обнаруживает свое невежество и свой антимарксистский метод. Когда Ковалевский или Токвиль стараются доказать связь революционной Франции с дореволюционной, они выполняют огромной важности задачу, обнаруживают корни революции, но ни они и никто другой из классиков-историков французской революции не думают этим сказать, что революционный кризис с 1789—1815 гг. возможен был бы, если Франция изжила бы до 89 г. «старый режим». Дело шло не о последнем мазке художника. Только революция смогла с корнем вырвать прошлое, и лишь в ходе революции и в ближайшие десятилетия после 1815 г. сложилась буржуазная Франция. Все это не замечает меньшевик-ревизионист. И поэтому в ходе своих рассуждений он формулирует буквально следующее положение: «когда буржуазный строй станет *архаизмом*, тогда социальная революция сорвет полотно с изваяния, вчерне уже готового». Поэтому, конечно, революция ничего общего не имеет с гражданской войной. Революция просто не нужна... И в самом деле, для Далина чрезвычайно важное значение имеет вопрос об «экономическом *врастании*» в социализм.

Мы выше указывали, что для Далина 10% германского населения уже созрели для социализма. Он отмечает рост этого %: за 12 лет число государственных и коммунальных предприятий выросло в 7 раз. В этом он видит разрешение вопроса. «Допустим,—пишет он,—что государство приобретает мыловаренный завод за 10 милл.»... И, развивая эту робинзонаду, он живописует нам, как на прибыли от предприятия увеличивает государство заработную плату рабочих, как оно национализирует одну ветвь промышленности за другой и т. д. Предприниматели становятся государственными рантье. Но избавиться от этих рантье будет в момент революции очень легко... Эта робинзонада, как и всякая другая, имеет ту слабую сторону, что она не учитывает реальную, чрезвычайно сложную действительность. Весь процесс социализации, по Далину, происходит при условии сохранения государственной власти в руках буржуазии. И это несмотря на то, что, как сам автор отмечает, «на практике вся идеология индивидуализма восстает против каждого, хотя бы самого «маленького шага в направлении социализации». Следовательно, социальная борьба имеет свое значение в период «созревания социализма». «Оставим здесь в стороне политические затруднения, борьбу, революции», отвечает на это Д. Далин.

Для идеологии меньшевизма характерно отделение китайской стеной политических заданий пролетарской борьбы от чисто социалистических. Европа не созрела для социальной революции, но она должна очиститься от милитаристической и феодальной скверны. Этими политическими задачами исчерпывается смысл послевоенного революционного движения. В области политической следует проявить чрезвычайную решительность: ликвидировать старое офицерство, преобразовать армию,

сменить высший бюрократический персонал. Кто сказал, что это может сделать лишь «власть революционного пролетариата»? «Правда, современная Германия как будто подтверждает большевистский максимализм. Но это—вздор. Демократия способна бороться с реакцией». Феодальные пережитки в Европе органически связаны, в эпоху империализма, с буржуазным строем, и нельзя принять второй, отказавшись от первого. Это чувствует и Далин. Послушаем его. Офицерство—организующая сила реакции. Его идеология—монархизм. Но так как феодальное землевладение вырвано с корнем, то мы приходим к выводу, что «на почве капитализма,—там, где он открывает большой простор милитаризму, вырастают те же реакционные настроения»... Но в большой мере это же можно сказать о германской бюрократии. Далин не понимает связи феодализма (его пережитков) с империализмом и поэтому ничего не смыслит и в «переходном периоде от капитализма к социализму». Он стоит на почве демократии и теоретически, как и практически, отказывается от идеи советов. «Советы не пригодны, как органы власти»... Они были средством завоевания власти для большевиков. Но так как эта задача отпадает, то нет никакой потребности в советах.

Социализм постепенно, механически, врастает в капитализм. Какова длительность этого процесса? Далин отвечает совершенно определенно: «двести лет». Он измеряет еще существование капитализма рядом поколений, столетиями... И на этот период зовет пролетариат отказаться от революционной борьбы с капитализмом.

Большую часть книги Далина занимает анализ российской революции. Нам приходилось уже указывать на то, что главы о России должны были дать фактический материал для установления теоретических положений. Но изложение и анализ теории обновленного меньшевизма могли убедить читателя в том, что в ревизионизме, в исправлении Маркса Далиным надо искать ключ к его анализу российской действительности. Для Далина важно прежде всего отмести момент своеобразия исторического развития классовой борьбы в России, чтобы не лишить цельности свою идеологию. Он пишет: «скажу прямо: я не верю в эти особенные мистические «собственные пути». Но большевизм ничего общего не имеет с славянофильством. Но нельзя отрицать, что именно Россия находится теперь в положении Германии, о котором писал Маркс в Коммунистическом Манифесте. В России момент борьбы с феодализмом совпал с периодом развала капиталистической системы и революционной сознательностью пролетариата. Этим задача революции была осложнена. Понимает ли это Далин? Он спешит вернуться к своей концепции, не опровергнув момента исторического своеобразия. Даже Милюков в своей «Истории второй революции» глубже анализирует ход событий в России, чем Далин. Милюков понимает, что означает для развития революции *слабость буржуазии*, как фактора общественного развития. Все это чуждо Далину. Со всей категоричностью он постулирует: «та революция, которую переживает Россия вот уже пятый год, с самого начала была и остается до самого кон-

ца буржуазной революцией». Это—центральный пункт меньшевистской концепции. В российской революции нет «*ни грана*» социализма. На этой буржуазной базе большевики сознательно построили карточный домик коммунизма. Коммунизм насильственно навязан революции, чтобы дать пролетариату иллюзию для решительной борьбы за интересы крестьянства. «Возвращение к демократической России возможно через самоликвидацию коммунизма». Точнее: из наносного, чуждого российской демократии—коммунистической партии родятся новые общественные силы, факторы гибели «коммунии». Присмотримся к этой концепции. Октябрь, как и февраль,—две даты буржуазной революции. Допустим. Но в чем ее содержание? «Во-первых, полная победа крестьянства над господствовавшими классами»... Создание новой крестьянской собственности. «Во-вторых, ликвидация политических сил старого режима». «В-третьих, гарантия от внешнего вмешательства». Русская революция смогла вырвать с корнем дворянство и дворянское землевладение, как никто и никогда; русская революция раскрепостила крестьянина, уничтожила старую буржуазию. «Эти заслуги Октября понимает Далин? Октябрь, по Далину,—нечто «исторически неизбежное». Не будем вспоминать старые взгляды меньшевизма и их поведение в дни Октября. Отметим только, что подобные утверждения Далина означают не только признание банкротства буржуазии перед лицом старой России, но и историческое банкротство меньшевизма «социалистов, проводящих буржуазную программу» (Милюков) до октября. «Корнилов или Ленин»—эту дилемму разрешило 7 ноября.

Но во всем этом—«ни грана социализма», твердит Далин. Посмотрим, как, по Далину, следует понимать связь между феодальным строем и буржуазией в России. «Буржуазия,—пишет он,—могла бы вполне удовлетвориться переворотом в роде июльской революции 1830 г.». «Все, что выходило за эти пределы, вызывало реакцию в виде блока крупной буржуазии, финансовой олигархии и *дворянства*. А дальше эта мысль выражена еще яснее. «*В том и состоит диалектика истории, что упразднение того или иного рода собственности создает «единый фронт» представителей всякой собственности* (курсив Д. Д.). В связи с ликвидацией дворянского землевладения буржуазия встала на защиту феодализма, и либеральное временное правительство сопротивлялось радикальному разрешению аграрного вопроса. Итак, Далин устанавливает два момента: октябрь спас завоевания февраля, и борьба пролетариата против буржуазии была неизбежна, как решающий момент в борьбе против старой России. Но что означала борьба против буржуазии, если не необходимость обуздать ее экономически. И Далин не может не согласиться, что первое время национализации, конфискации были мерой защиты революции от реакции. Таким образом, абсурдной оказывается попытка Далина разграничить политические, буржуазные задачи революции от пролетарских ее задач. Меньшевизм невольно изображает дело так: буржуазная революция побеждает в борьбе с дворянством и *буржуазией*, она доходит до своего логического завершения в обстановке пролетарской диктатуры. Мы готовы принять эту концепцию с одной поправкой: никакая социалистиче-

ская власть не смогла бы обеспечить буржуазных завоеваний революции, если бы она не установила диктатуры и не нарушила прав буржуазии. Но именно это автор книги решительно отрицает. Коммунизм насильственно навязан буржуазному содержанию революции, утверждает Далин, если не в области внутренней и внешней политики, так в области экономической. Мы видели, как искусственно Далин отграничивает буржуазную революцию от пролетарской; здесь мы хотели бы отметить еще одно. Далин не видит, как «буржуазная революция» пролетариата против капиталистов и дворянства создает государственную систему трудового общества, перерастает формальную демократию. Ленин в прошлом году писал: ...«мы довели буржуазно-демократическую революцию *до конца*, как никто. Мы неуклонно продвигаемся *вперед* к революции социалистической, зная, что она не отделена китайской стеной от революции буржуазно-демократической, зная, что только борьба решит, насколько нам удастся продвинуться вперед». Сам тип советской государственности, участие рабочих в руководстве государством—вот где условия перерастания одной революции в другую. Этого не понимает Далин, который хочет социализм строить руками буржуазии. «В экономической области коммунисты потерпели грандиозную неудачу, потому что здесь была особенно очевидна пропасть между буржуазными задачами революции и социализаторскими намерениями власти», пишет Далин. НЭП—банкротство коммунизма. Но НЭП недостаточно представляет простора производительным силам капитализма; нужны дальнейшие уступки буржуазии и в первую голову ликвидация политической системы пролетариата. Такова «теория» Далина. Здесь следует отметить, что автор оперирует лишь цифровым материалом за 1917—1921 гг., о судьбах НЭП'а он *пророчествует*. Но и эта концепция меньшевизма соткана из противоречий. Не будем спорить, пусть свидетельствует сам Далин. В каких условиях строили мы эти годы хозяйство? «Русская революция вспыхнула, как результат войны»... Вот первое условие. Она не могла на протяжении четырех лет стать устойчивой; каждые полгода от страны отрывали ту или другую промышленную область, а после воссоединения приходилось с начала строить хозяйство. В этой обстановке «регресс является законом коммунистического хозяйства». *Закон* действует в обстановке войны. При чем Далин разграничивает историю нашей экономики, давая, примерно, следующую схему: до марта 1918 г.—волна национализаций; с марта до июня—«передышки»; до ноября—поворот к национализации; новая передышка до мая 1919 г.; снова уклонение «влево»; поиски хозяйственных форм до 1921 г. и, наконец, НЭП. Далин ищет исторические корни «военного коммунизма». Вмешательство в дела промышленности государство начало еще в период войны. Временному правительству приходилось прибегать к «репрессивным мерам—*национализации*». Правда, делало оно это чрезвычайно неохотно, но из конфликта между необходимостью регулировать разваливающуюся промышленность и отказа буржуазии и социалистов от этой сложной задачи родился Октябрь. То же—в области сельского хозяйства, где, как мы уже знаем, буржуазия поддерживала дворянское землевладение. То же—в области снабже-

ния и продовольствия, в области финансов и кредита. Послушаем Далина. Советская власть особенно страдает от расстройства финансов; здесь «крах» советской финансовой политики, пишет он. Но несколькими строками выше: «Летом 1917 г. дело неизбежно шло к коммерческому банкротству, если-б не октябрьский переворот, который декретировал, так сказать, «банкротство свыше» и тем, прибавим мы от себя, освободил государство от огромного финансового бремени при бедности нашего народного бюджета. В области продовольственной государственное снабжение было следствием бедности в условиях войны. И если меры полицейского воздействия были недостаточны в период временного правительства, то условия борьбы вынуждали пролетариат прибегнуть к более решительным шагам: «необходимы были меры гораздо более энергичного нажима и постоянного насилия». В качестве таких мер и служили продотряды и комитеты бедноты. Как видит читатель, для Далина ясна не только обстановка возникновения военного коммунизма, но даже причины его ошибок. Этот процесс исторической неизбежности, и вместе с ней и оправдания нашей военно-коммунистической политики, можно проследить на судьбе нашей промышленности, по Далину. «Подобно рабочему контролю,—пишет он,—национализация выросла из стихийного процесса»... Первое время она была лишь мерой наказания, а не принципом экономической политики, она гарантировала хозяйство от распада. Стихийно складывался и аппарат хозяйственного управления. Расширение сферы государственной промышленности при этом не означало ликвидации всего частно-хозяйственного аппарата. Но с углублением разрухи в обстановке войны первый тип хозяйства побеждал второй. Конечно, некоторые меры, как национализация мелкой торговли, не вызывались острой необходимостью. Но отсюда Далин делает вывод: «коммунисты навязали социализацию хозяйства стране». Когда буржуазный историк Тарле, анализируя вопрос о «максимуме» эпохи французской революции, видит только вред его и не желает установить роль этой меры для защиты революции, то это понятно, но Далин—марксист, социалист и т. д.

Итак, пролетариат, стоя у власти, завершает буржуазно-демократическую революцию против буржуазии и дворянства; стихийно вынужденный социализировать хозяйство, он пытается к периоду ликвидации гражданской войны, в обстановке капиталистического кризиса в Европе, использовать свою власть для создания коммунистической базы в стране. «Это—преступление», восклицает Д. Далин. Надо отказаться от диктатуры над буржуазией и тем самым поставить под вопрос даже завоевания февраля.

На основе подобного анализа нашей экономики строится любопытная схема классовой борьбы в годы революции. Решающая сила революции—крестьянство. Но крестьянство шло в бой со старым режимом под руководством пролетариата. Пролетариат оставлен активной силой революции и в годы гражданской войны. В ходе дальнейших рассуждений Далин проделывает такую операцию: он окончательно сбрасывает про-

летариат со счета. Почему так—ясно для всякого: надо доказать, что будущее России—Бонапарт. В гражданской войне в интересах крестьянства пришлось бороться с крестьянами и кулаками, но вместе с тем в результате «поравнительной» политики создалось сплошное среднее крестьянство, которое было «жертвой грабежа» со стороны города. Крестьянство, таким образом, *за* и *против* большевиков. Как результат разрухи, коммунисты растеряли пролетариат, уничтожили старую буржуазию, но народилась новая буржуазия. Коммунисты, таким образом, растрясли свою социальную базу. Правда, ни крестьянство середняцкое ни новая буржуазия не способны создать общественные силы для борьбы с большевиками. Пролетариата нет, а потому реакция выйдет из рядов... коммунистической партии. Таков дальнейший ход рассуждений Далина. Но почему, несмотря на тягчайшие условия, Советская власть удержалась? Коммунизм был насильно привит хозяйству, твердит снова Далин, и потому НЭП—крах коммунистической системы. И весь смысл дальнейших рассуждений в том, чтобы игнорировать вопрос: «а не восстанавливает ли НЭП нашу социальную базу?»

Далин не может сказать, что даст НЭП (он писал в 1921 г.), но, как тайновидец, он предсказывает неудачу и следствием ее— победу Бонапарта. Почему НЭП не удастся? Потому что большевики не желают отказываться от системы национализаций крупной промышленности. Потому, что они не желают отменить монополию внешней торговли, потому что они не желают допустить создания собственника-крестьянина; потому что, наконец (и это самое главное), они не желают ликвидировать диктатуры пролетариата. «Тем самым,—пишет Далин,—устанавливаются исторические пределы развития капитализма». Это недопустимо, надо дать полный простор капиталистическому развитию страны, отказаться от госвласти и от всех командующих высот. Откровенно, во всякой случае... Вот один из убедительнейших аргументов против пролетарского государства, как восстановителя хозяйства: непропорциональность государственного аппарата с хозяйственными рессурсами страны. Но при этом допускается такой фокус: весь государственный аппарат списывается *в расход*.

Неудача коммунистической экономполитики открывает путь Бонапарту. «Да, аналогия с французской революцией поразительна», восклицает Далин. Правда, по Далину, Франция проделала первая на европейском континенте буржуазную революцию. Россия—последняя. Франция окружена была сонмом феодальных государств. Россия находится в «капиталистическом окружении»... Французская революция была неслыханным новшеством, русская революция принимается, как естественное и неизбежное явление... При таком обилии различий, что же общего? Далин напрасно не ищет это общее между поведением меньшевиков и жирондистов. Далин забывает, что Бонапарт победил не *до 9 термидора, а после казни Робеспьера*. Вот почему бонапартизму готовят в России почву те, кто предлагает очистить страну от пролетарской диктатуры. Однако, при всем сходстве, говорит Далин, с французской революцией, победа Бонапарта в России проблематична: демократия имеет много

шансов на победу. Далин колеблется, что̀ предсказать России: победу монархии или демократии? Книга Далина нас убеждает, что при поражении большевиков во всяком случае шансы монархии бо̀льшие, чем шансы демократии.

Кто нанесет уда̀р Советской власти? Меньшевизм не отказывается от этой задачи. Далин понимает, что они просто *не смогут* этого сделать, как и представители нового крестьянства и новой буржуазии, а старая буржуазия и дворянство повергнуты в прах. НЭП же не имеет никакого будущего. Спасет страну, конечно, только... коммунистическая партия, вернее—выходцы из ее рядов. У Далина много уделено внимания социологии компартии. Он или открывает в этой «социологии» давно открытую Америку, или солидаризируется с пошлейшими аргументами «Руля». «Партия у власти в условиях НЭП'а разлагается», пишет Далин. Партия делится на «верхи и низы», формируется партийная бюрократия», пишет Далин. Он предлагает излечиться от бюрократизма: отказаться большевикам от власти. Он с тщательностью, достойной лучшего применения, регистрирует признаки раскола в рядах РКП и предсказывает нам образование из коммунистов партии переворота. Если устанавливать параллели с французской революцией, мы можем указать Далину, что партия «9-го термидора» создалась не из сторонников Робеспьера, а из болота, остатков всех враждебных диктатуре партий. После падения Робеспьера политику делали жирондисты, фельяны и прочие «меньшевиствующие беспартийные».

Мы вовсе не хотели бы, чтобы нашу критику Далина поняли, как «гром победы раздавайся». Нам важно отметить, что программа Далина: отказ от политической власти, полная победа капитализма в стране—открывает путь бонапартизму. Эта опасность угрожала уже однажды России после июльских дней, в период власти партии Далина. Меньшевизм напутал в родословной бонапартизма.

Ликвидировав остатки своего марксистского и революционного наследства, наметив программу буржуазной реставрации в России, Д. Далин пытается формулировать рабочую политику меньшевизма на «ближайшее десятилетие» в Европе. Присмотримся к ней. Сохранить в Европе Zwangswirtschaft невозможно и нерационально, необходимо вернуться к довоенной системе капитализма. «Социалистические партии должны заботиться о прогрессе капитализма». Такова программа-максимум Далина. Но как в наше время социалистических иллюзий бороться за реализацию программы? Одну трезвую мысль, наконец, усвоил меньшевизм: «партия, которая не стремится к власти, перестает быть политической организацией и превращается в академический кружок или дискуссионный клуб». Итак, завоевание политической власти социалистами. Зачем? Рабочая власть «должна проводить программу, которая не означает уничтожения капитала». Мало того, рабочая власть должна оставить в полной сохранности весь аппарат для защиты частной собственности. Ни в области школ, ни в области права, ни в области культуры, рабочая власть не

должна нарушать буржуазный принцип. «*Наоборот, надо приблизить юридическую структуру к новейшим запросам капиталистического хозяйства* (курсив Д. Д.). Но этого мало. Если, несмотря на отсутствие предпосылок социальной зрелости, «создается рабочее правительство, оно должно действовать, как всякая иная буржуазная власть». Дальше, когда безработные начнут громить капиталистические предприятия, «власть станет защищать собственность торговцев от безумной ярости пролетарской массы». Защищать—это значит по возможности словами убеждения, но при невозможности—и силой». Во время стачки рабочей власти придется стать на сторону буржуазии против пролетариев. В вопросе национализации она должна будет считаться с мнением и интересами предпринимателей и т. д.

Огромная задача стоит перед пролетариатом в области внешней политики: борьба с Версальским миром. Правда, наступила эпоха «после войн и революции», но Далин в мрачных красках рисует международное отношение в Европе. Войны не избежать... Какую же программу мира выдвигает Далин? Установление status quo. Надо на основе завоеваний Антанты стремиться ко всеобщему разоружению и превратить Лигу Наций в действительный «инструмент мира»... вместо интернационализма-пацифизма.

Таково лицо «обновленного меньшевизма». Соглашатели, меньшевики всех стран, своей деятельностью способствовали в значительной мере неудаче революции в Европе,—они теперь выступают открыто с идеологией буржуазной реставрации.

II. СКАЛЬПИРОВАННАЯ КОНТР-РЕВОЛЮЦИЯ [1]).

М. Лиров.

Записки В. Шульгина читаются с захватывающим интересом, как какой-нибудь роман Майн-Рида... Так и сам Шульгин определяет содержание своих записок:

«Начинается «майн-ридовщина», сказал кто-то.

«Действительно, мы похожи на какую-то шайку «охотников за черепами» или «искателей следов». Нас всего пятьдесят два человека, в том числе две дамы: Раиса Васильевна Стессель и та сестра милосердия, что разговаривала с большевиками. Это все, что осталось от отряда полковника Стесселя. Остальные сдались большевикам».

[1]) В. Шульгин. «1920 год». Российско-болгарское книгоиздательство. София, 1922 г. Стр. 278.

И нечего греха таить: книга В. Шульгина читается с тем большим, пусть несовсем «добродетельным», удовольствием, что с трофеями в виде вражеских «скальпов» вернулись с «охоты» не христолюбивые белые, а те же антихристовы красные. Ибо не только отряд полковника Стесселя и «охотничья» группа Шульгина были уничтожены, а их прах рассеян по ветру, но и от всей большой контр-революционной рати, в 1920 г. ополчившейся на Советскую федерацию, остались одни только грустные воспоминания.

Грустные ли?

Нет, В. Шульгин изображает из себя неунывающего россиянина, который любит строить веселые мины даже при самой плохой игре. И, потеряв на охоте не только скальпы своих близких, но и свой собственный, он, тем не менее, празднует победу. Оказывается, что 1920 г. завершился чудесным избавлением белой России. Правда, на всем огромном протяжении, «от хладных финских скал до пламенной Колхиды», царствуют советы, но зато у Галлиполи вырос «белый» городок врангелевских воинов... Ведь от врангелевского «белого» городка до «щита на вратах Цареграда» рукой подать!..

И В. Шульгин в конце книги проникновенно вещает:

«Долина. Вдоль речки-ручья выстроились белые домики. Я знаю, что это палатки. Но издали они кажутся домиками. Они стоят аккуратненькими кварталами и кажутся городом. Вот по ту сторону реки—корниловцы, марковцы, дроздовцы, алексеевцы... По эту—кавалерия... Все это появилось здесь, среди совершенно пустынных гор, словно по волшебству... Этот сказочно-игрушечный город—это и есть итог... Итог трехлетних страданий, пламенной веры, неугасимой надежды, неисчерпаемой любви...

«Любви к России...

«Много ли это или мало? Что же это—«большой итог»?..

«Большой...».

Как видим, и финал записок В. Шульгина выдержан в майн-ридовском духе: храбрые герои романов Майн-Рида обычно вознаграждаются за свои страдания, за свои Веру, Надежду и Любовь (обязательно с прописной буквы) плантацией на берегах Миссисипи, а храбрые охотники алексеевских, деникинских и врангелевских банд в награду получили от антантовского провидения белые домики на берегу речки под Галлиполи...

Переносится действие в Галлиполи—и спасена многострадальная Русь г. Шульгина...

Но хотя В. Шульгин свои записки составлял по Майн-Риду, он также учился на русской классической литературе. А русская классическая литература выработала свои трафареты душевной и моральной диалектики. Богоборчество здесь обязательно идет рука об руку со смердяковщиной, грязь переплетается с чистотой, и «в рубище почтенна добродетель». Но то, что у великих творцов этой литературы являлось выражением живой и трепетной классовой психики, у жалких эпигонов превра-

тилось в выгодные клише, в дешевые амулеты для спасения обнищавшей души. Эпигоны говорят сплошь богоборческими гримасами, обязательно прибегают к евангельским ужимкам для маскировки присущей им неприкровенной, подлинной смердяковщины. И если в разработке «сюжета» своих записок, в изображении действия своего «романа» В. Шульгин пользуется методами Майн-Рида, то для выявления «морали сказки сей» он уже прибегает исключительно к «благолепной» диалектике эпигонов.

1920 год—это великий эпизод в раздирающей Русь уже несколько лет борьбе добра со злом. Добро—это, конечно, белые, а зло—это, понятно, красные. Вздымая очи горе и запасшись всеми полагающимися на сей предмет евангельскими ужимками, В. Шульгин пишет:

«Красные—грабители, убийцы, насильники. Они бесчеловечны, они жестоки. Для них нет ничего священного... Они отвергли мораль, традиции, заповеди Господни. Они презирают русский народ. Они озверелые горожане, которые хотят бездельничать, грабить и убивать, но чтобы деревня их кормила. Они, чтобы жить, должны пить кровь и ненавидеть. И они истребляют «буржуев» сотнями тысяч. Ведь разве это люди? Это—«буржуи»... Они убивают, они пытают...

«Разве это люди? Это—звери...

«Значит, белые, которые ведут войну с красными, именно за то, что они красные,—совсем иные... Совсем «обратные»...

«Белые—честны до дон-кихотства. Грабеж у них—несмываемый позор. Офицер, который видел, что солдат грабит, и не остановил его—конченный человек. Он лишился чести. Он больше не «белый»,—он «грязный»... Белые не могут грабить».

И дальше идет еще целых две страницы с перечнем добродетелей, обязательно присущих белым. «Разве это люди... Это почти, что святые».

Материальный, так сказать, успех белых в их борьбе с красными мы уже видели из предыдущего: палатки-домики на берегу речки у Галлиполи. Каков же моральный итог борьбы?

Плачет В. Шульгин на реках галлипольских:

«Почти что святые начали это белое дело... Но что из этого вышло? Боже мой!»

В лицах борьбу белых и красных записки В. Шульгина представляют в виде борьбы между Петриком, рыцарем Белой Повязки, и тов. Катовским, рыцарем Красного Знамени.

Вот что сам Шульгин рассказывает о Петрике—вернее, о Петриках:

«Я помню, какое сильное впечатление произвело на меня, когда я в первый раз услышал знаменитое выражение:

« — От благодарного населения...

«Это был хорошенький мальчик, лет семнадцати—восемнадцати. На нем был новенький полушубок.

«Кто-то спросил его:

« — Петрик, откуда это у вас?

«Он ответил:

« — Откуда? «От благодарного населения», конечно.

«И все засмеялись.

«Петрик из очень хорошей семьи. У него изящный, тонкокостный рост и красивое, старокультурное, чуть тронутое рукой вырождения лицо. Он говорит на трех европейских языках безупречно, и поэтому по-русски выговаривает немножко как метис, с примесью всевозможных акцентов. В нем была еще недавно гибко-твердая выправка хорошего аристократического воспитания...

«Была», потому что теперь ее нет, вернее, ее как будто подменили. Приятная ловкость мальчика, который, несмотря на свою молодость, знает, как себя держать, перековалась в какие-то... вызывающие, наглые манеры. Чуть намечавшиеся черты вырождения страшно усилились. В них сквозит что-то хорошо знакомое... Что это такое? Ах, да,—он напоминает французский кабачок... Это «апаш»... Апашизмом тронуты... этот обострившийся взгляд, обнаглевшая улыбка. А говор, этот метисный акцент, в соединении с отборнейшими русскими «в Бога, в мать, в веру и Христа», дают диковинный меланж «сиятельнейшего хулигана».

Когда он сказал от «благодарного населения», все рассмеялись. Кто это «все»?

Такие же, как он. Метисно-изящные люди русско-европейского изделия. «Вольноперы», как Петрик, и постарше—гвардейские офицеры, молоденькие дамы «смольного» воспитания.

Исчерпывающая, можно сказать, характеристика кавалеров белого легиона.

Вполне убедительная иллюстрация к прейс-куранту белых добродетелей, занимающему в записках Шульгина целых две страницы. Таковы белые peints par eux-même...

Ну, а каков т. Катовский, этот представитель красных—«не людей, а зверей», как *его* живописует В. Шульгин?

Т. Катовский командовал большевистской дивизией, оперировавшей на бессарабско-румынской границе. «Кажется, получил какое-то среднее агрономическое образование», рассказывает о нем Шульгин.

«Будучи еще молодым человеком, он убил. Убил человека, который оскорбил его сестру. Был сослан на каторгу. Бежал, вернулся в Бессарабию под чужим именем». Вел будто уголовный образ жизни, совершая нападения с целью грабежа, при чем грабил только богатых, а бедным помогал. В революции примкнул к большевикам. «Как он стал командиром дивизии, я не знаю,—пишет Шульгин,—но могу засвидетельствовать, что он содержал ее в строгости и благочестии, бывший каторжник. В особенности замечательно его отношение к нам, «пленным». Он не только категорически приказал не обижать пленных, но и заставил себя слушать. Не только в Тирасполе, но и во всей округе рассказывали, что он собственноручно застрелил двух красноармейцев, которые ограбили наших больных офицеров и попались ему на глаза.

«Товарищ Катовский не приказал, — это было, можно сказать, лозунгом в районе Тирасполя. Скольким это спасло жизнь».

Таков моральный баланс в борьбе белых и красных. Сиятельнейшее хулиганье, измывающееся над «благодарным населением», с одной стороны, и «т. Катовский не приказал»—лозунг, который «спасал столько жизней»—с другой. Ибо речь идет не только о т. Катовском в единственном числе. Ведь, если не считать тех злоключений, которые г. Шульгину и его присным пришлось претерпеть в стане большевиков, как скрывающимся и конспирирующим контр-революционерам, он, даже, по его собственным описаниям, встречает повсюду человечное к себе отношение.

Записки так и пестрят изображениями распущенности, извращенности, трусливости и гнилого своекорыстия в стане белых,—будь то в Одессе в последние дни деникинщины, будь то в Севастополе в золотые дни врангелевщины. А о красных он при всем своем злопыхательстве не сумел выудить ни одного компрометирующего факта—за исключением того, что они... красные...

«Там, где словами сказать нельзя, там скажем все молчанием», выразился когда-то еще Карамзин. Но Шульгин считает молчание мало убедительным средством для посрамления коммунистов, поэтому он прибегает к излюбленным последышами «аристократического воспитания» евангельским ужимкам.

«Я пошел к митрополиту Платону», рассказывает он эпизод из своего одесского «плена».

И тут же он, по уставу, закатывает глаза и молитвенно шепчет:

«— Я люблю бывать у владыки иногда.

«Во-первых, уже самое настроение митрополичьих покоев действует как-то утешающе... Ну, что же такое, что придут большевики. Они уже были и ушли. Еще прийдут и еще уйдут. А митрополичьи покои стоят и будут стоять»...

Какое благолепие в дополнение к белым домикам на речке близ Галлиполи. Но... Тут же Шульгин сообщает, что владыка для защиты «веры, родины и царя» сформировал отряд, в который—«увы!—вошли каким-то образом... уголовные элементы»...

«Я в осторожной форме,—сообщает дальше неунывающий Шульгин,—предупредил владыку, как легко погубить дело»... но...

«Все-таки стало легче на душе, когда я ушел оттуда. И все-таки соприкосновение с «духовным» миром всегда освежает. Церковь уже потому утешает, что она молится. Молитва Богу всегда белая»...

Вот уже подлинно, как сказано где-то у Достоевского, хоть буди ты семи пядей во лбу, он тебе будет восьми пядей. Ибо лбы бывают медные—расшибить их трудно.

Не лучше обстоит и с «международным» положением белых останков. Достаточно прочесть красочные сцены про обращение доблестных союзников, капитанов французских кораблей в Константинополе, с врангелевскими офицерами, их бывшими соратниками в деле борьбы с «большевистским безумием». «Высек—значит, запечатлел!» как выражается чиновничек Лебедев в «Идиоте» Достоевского.

Остается у Шульгина одно утешение: объективно, мол, большевики делают дело белых и для белых: русскую армию восстановили, русскую землю собрали,—словом, все готово для взвития двуглавого орла. Остается только появиться желанному генералу на белом коне.

Но тут уже Шульгин впадает в плагиат: тема о подготовляемой коммунистами почве для бонапартизма является исключительным достоянием рыцарей Желтой Повязки, также обзаведшихся белым домиком на берегу Шпре—в редакции «Социалистического Вестника». Les beaux-esprits se rencontrent...

Мы извиняемся перед читателями за слишком, быть-может, обильные цитаты,—уж слишком велик был соблазн: такое затейливое сочетание майн-ридовщины и достоевщины редко встречается в литературе. Увлекательная книга, поучительная книга—усиленно рекомендуем для друзей коммунизма, а еще больше для врагов...

К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНОМ ГЕНЕЗИСЕ ТВОРЧЕСТВА ГОНЧАРОВА.

В. Переверзев.

Глава 1-я.

Несмотря на то, что о Гончарове написаны две солидных монографии—одна, принадлежащая перу русского историка литературы, Ляцкого, другая—перу француза Мазона—творчество этого крупного мастера русского романа все еще ждет своего исследователя. Сторонники биографического метода исследования, Ляцкий и Мазон весьма обстоятельно изучили связь гончаровского творчества с его личностью и с фактами его биографии. Но по самому существу этого метода ряд весьма важных и интересных вопросов остался вне плоскости их исследований. В частности один из важнейших вопросов историко-литературного анализа, вопрос о социальных корнях гончаровского творчества, в этих исследованиях вовсе не затронут. На этот вопрос у них есть готовый, трафаретный ответ: Гончаров—художник помещичьей Руси, художник отмирающего старого барства.

От школьника до профессора и даже, как видите, до специалиста-исследователя мы все пробавляемся этой избитой традиционной формулой, даже не подозревая возможности сомнений в ее справедливости. Ходячая формула совершенно усыпила критическую мысль, убила дух сомнения и исследования. Мы позабыли самую историю вопроса.

Между тем история вопроса о социальном генезисе гончаровского творчества весьма поучительна. Она с необыкновенной наглядностью показывает, что у нас нет никакого права мирно дремать под сенью принятой формулы, что формула эта вовсе не бесспорна и совсем не доказана. Вспомним эту историю, сделавши беглый смотр тому, как решалась в нашей критике проблема социальной генетики гончаровского творчества.

Попытки решить эту проблему начались с появлением первого произведения Гончарова—«Обыкновенной истории». И уже тогда критика раскололась в понимании социальной природы образов Гончарова. Два течения явственно обозначились в этом расколе. Одно, имевшее большой

успех и доныне пользующееся наибольшим кредитом, считает типы Гончарова яркими живыми образами и более или менее определенно, более или менее решительно утверждает их связь с дворянскими гнездами дореформенной поры. Другое, пользующееся меньшим успехом, но представленное весьма солидной фалангой критиков, считает образы Гончарова мертвыми аллегориями, лишенными всякого социально-бытового смысла, не связанными ни с какой социальной средой. Оба течения развивались, приобретая все более законченный вид.

Основоположником первого течения был Белинский. В своем критическом отзыве о первом романе Гончарова: «Обыкновенная история» [1]), Белинский очень подробно изображает социально-бытовые условия возникновения таких характеров, как характер главного героя романа, Александра Адуева. Критик видит эти условия в русской провинциальной глуши, в которой процветают хлебосольство, радушие, патриархальная простота нравов, но в которой много также праздности, распущенности и неряшества.

Именно на этой почве развиваются та пассивная чувствительность и праздная мечтательность, которые являются основными элементами в характере Адуева.

Несмотря на то, что Белинский сравнительно много уделяет места социальному анализу, анализ этот страдает и неполнотой и неопределенностью. Он не полон, потому что касается только одного характера, а в романе есть другой, не менее важный для содержания романа—характер Адуева старшего; он неопределенен, потому что оперируется весьма растяжимым термином «провинциальная глушь», в который можно вложить самое различное социальное содержание. Провинция—понятие социологически не однородное: в провинции живет и помещик, и крестьянин, и разночинец, условия жизни которых во многих отношениях во многом различны и прямо противоположны. Едва ли можно говорить о хлебосольстве и праздности, как об основных чертах крестьянского быта, хотя провинциализм его не подлежит сомнению.

Неполнота и неопределенность у Белинского в данном вопросе вполне понятны. Во-первых, в распоряжении критика было лишь первое и пока единственное произведение Гончарова, в котором творческая физиономия художника не могла выявиться в законченном виде. Для строго законченного критического анализа еще не было материала. Во-вторых, критик находился в таких цензурных условиях, в которых, по выражению Щедрина, «нельзя было слова молвить, языка своего не прикусивши». И как раз прикусывать язык в особенности было необходимо, когда дело касалось соображений социального порядка. Едва ли Белинский не представлял себе в точности, в каких именно провинциальных палестинах процветают хлебосольство и праздность. Легко догадаться, что его рассуждения метят не вообще в провинцию, а в провинциальные дворянские гнезда. Но рассуждения, сходившие с рук под неопределенной маркой провин-

[1]) См. Белинский. Соч.; т. IV, изд. Павленкова, стр. 615—36.

ции, едва ли сошли бы благополучно под четким гербом дворянского гнезда.

В более выгодных условиях, чем Белинский, находился другой критик Гончарова—Добролюбов. Он писал, когда появилось второе и самое крупное произведение художника—«Обломов», другими словами, имея в руках почти полное и исчерпывающее выражение творческой физиономии Гончарова. Он писал, когда цензура ослабила вожжи и было сравнительно просторно и мыслить и писать. Его взгляд на социальную природу героев нового романа Гончарова формулирован в терминах точных, не допускающих кривотолков [1]). Колыбель Обломова—дворянское поместье. Это—барич, изуродованный и отравленный на всю жизнь атмосферой сытой праздности и сонной лени, человек со хорошими порывами и с полной атрофией энергии и воли, жалкий и никчемный паразит. В Штольце Добролюбов не находит никакого социологического содержания. В нем он видит надуманную и не реальную фигуру, неудачную попытку изобразить человека, идущего на смену разложившегося морально барства. Человек этот еще не пришел, художник его не видел, а выдумал, и притом не очень удачно. Таким образом, у Добролюбова гончаровские типы являются дореформенными помещиками, поскольку в них есть социальное содержание, а переставая быть помещиками, они лишаются всякого социального содержания, не связываются ни с какой социальной почвой, становятся нереальными, неудачными образами.

Несколько иначе, но в сущности тот же взгляд развивает Окрейц в статье, посвященной последнему роману Гончарова «Обрыв» [2]). Определяя социальную природу героев этого романа, он всех их, без различия, и удачных и неудачных, выводит из среды дореформенного барства. Все типы гончаровского романа являются в его статье выкормками барской крепостной усадьбы. Райский—барич, праздный фланер, щеголяющий либеральными фразами, весь отдавшийся волокитству. Волохов—тоже барич, такой же праздный фланер, как Райский, только умнее и грубее последнего. Из среды барства выходит и «правдомысл» Гончарова, Тушин. Но Тушин—фигура неудачная, ходульная, потому что автору незнакома жизнь сельского хозяина, и фигуру эту он просто составил по рецепту реакционной газеты «Весть».

Ни один из критиков, с которыми мы до сих пор имели дело, не пытался обозреть в социологической перспективе всю галлерею характеров, созданных Гончаровым. Их статьи относятся к тому или иному отдельному роману, и их социологические соображения касаются лишь героев отдельных романов. Первую попытку связать генетической связью с поместной средой всю галлерею гончаровских характеров мы находим в книжке Острогорского, вышедшей первым изданием в 1887 году. В основе работы Острогорского лежат взгляды Добролюбова. То, что Добролюбов говорил применительно к образам «Обломова», Острогорский с

[1]) См. Добролюбов. Что такое обломовщина. Соч., т. II.

[2]) См. Окрейц. Новые романы старого романиста. «Дело», 1889 г., № 9.

незначительными поправками приложил ко всем образам гончаровского творчества. Острогорский рисует Гончарова художником поместного сословия, развернувшим в своих творениях изумительно широкую картину жизни русского провинциального барства, на авансцене которой выпукло выступают центральные фигуры лучших и все же никчемных баричей: Александра Адуева, Обломова и Райского. В полном согласии с Добролюбовым Острогорский находит у Гончарова ряд образов, которые представляют собою попытку начертать характер людей, идущих на смену умирающего барства: это Адуев старший, Штольц, Тушин, Марк Волохов. Но Острогорский не считает, как Добролюбов, эти попытки совершенно неудачными: нет, для художественной интуиции они даже очень удачны. Конечно, это не такие яркие образы, как типы барской среды; это лишь силуэты, но силуэты вещие, верно предугадавшие характер наследников прогоревшего барства. Адуев старший, Штольц, Тушин—это первые наброски грядущих героев накопления, будущие Колупаевы и Деруновы; Волохов—это грядущий герой-революционер. Нельзя не почувствовать в этих рассуждениях Острогорского какой-то недоговоренности и некоторой неясности: он не решается выводить такие характеры, как Штольц, Тушин и Волохов, из поместной среды, но он и не утверждает в решительных терминах их связи с какой-либо другой социальной группой, ограничиваясь лишь какими-то расплывчатыми словами о силуэтах грядущих людей.

Гораздо больше стройности и определенности вы найдете в анализе Когана [1]). В его книжке взгляд на характеры Гончарова, как на продукт дворянских гнезд, получает самое законченное и совершенное выражение. По мнению Когана, все герои гончаровского творчества взрощены русским дворянским поместьем, получившим основательную буржуазно-капиталистическую прививку. Герои его—частью типичные помещики-крепостники, частью обуржуазившиеся помещики, из которых перед реформой складывался слой просвещенной буржуазии. Младший Адуев, Обломов и Райский—это старозаветные помещики; старший Адуев, Штольц и Тушин—это полупомещики, полубуржуа, представители просвещенной буржуазии предреформенной поры. Одного только Волохова Коган не смог вывести из условий поместного быта. Социальная природа этого типа не получает никакого освещения, и Коган ограничивается квалификацией его, как тенденциозного и неудачного изображения психики радикала.

На предыдущих страницах я познакомил читателя с развитием той точки зрения, которая видит в героях Гончарова помещиков. Как я сказал раньше, это была не единственная точка зрения: была другая, начало которой положено в критической статье «Отеч. Зап.» по поводу «Обыкновенной истории» [2]), и отчетливую формулировку которой мы находим в статье Кушелева-Безбородко. Статья Кушелева-Безбородко [3]) написана по поводу

[1]) См. Коган. Очерки по истории новейшей русск. лит. Вып. III.
[2]) См. «Отеч. Зап.», 1848 г., № 3 (библиогр. хроники).
[3]) Кушелев-Безбородко. Обломов. «Русск. Слово», 1859 г., № 7.

«Обломова», а появилась она два месяца спустя после знаменитой статьи Добролюбова: «Что такое обломовщина». Кушелев-Безбородко решительно не согласен с Добролюбовым в определении социальной природы характеров «Обломова». В романе «Обломов» он не находит ни одного живого образа. Обломов, Штольц и Ольга не имеют ничего общего с русским бытом: в них не выражены признаки сословного положения, их не свяжешь ни с городом, ни с деревней, они отвлеченны, как их отвлеченная, неживая, чисто книжная речь. Это не реальные бытовые образы, а сухие аллегории, символические изображения авторской мысли.

Ту же точку зрения и по поводу того же романа развивает Милюков. В статье «Русская апатия и немецкая деятельность» [1]) он резко обрушивается на тех, кто пытается искать источник лени и апатии Обломова в условиях помещичьего существования. По его мнению, барством тут ничего не объяснишь. Если и можно чем истолковать лень Обломова, то только психо-физическим пороком, болезнью. Это — не тип, а раритет, исключительный патологический характер. Генетически он не связан ни с каким общественным классом, ни с какой эпохой. Не видит Милюков никакого социального содержания, ничего типичного и реального и в прочих центральных героях романа, в Ольге и Штольце.

Отрицание социологического содержания в образах «Обломова» требовало пересмотра с этой новой точки зрения и образов первого гончаровского романа «Обыкновенная история». Это и делает Писарев в статье «Писемский, Тургенев и Гончаров» [2]). Он утверждает, что и Адуевы — не реальные образы, а ходячие формулы авторской мысли, как и Обломов со Штольцем, что все эти образы отвлеченны и ничем не связаны с коренными основами русской общественной жизни. Если этого не заметили ни Белинский, ни Добролюбов, то объясняется это, по мнению критика, необыкновенною виртуозностью Гончарова в вырисовывании второстепенных мелочей, в искусном нагромождении бытовых подробностей, скрывающих отвлеченность главных фигур его романов.

Той же самой трактовке, как образы «Обломова» и «Обыкновенной истории», подвергаются и образы «Обрыва». В журнале «Заря» в ноябре 1869 года появилась статья «Обрыв» за подписью Антропова. Автор статьи отрицает за фигурами «Обрыва» какой бы то ни было социально-бытовой смысл: усадьба, где разыгрывается роман Райского, это не русская усадьба, а что-то в роде средневекового замка; бабушка — не русская помещица, а скорее «святая настоятельница католического монастыря», Марфинька — невозможное в действительности сочетание деревенской барышни с городской институткой; о Волохове и говорить нечего. Словом, все образы — голая выдумка автора, все не имеет ничего общего с русскими социальными отношениями.

То, что названные выше критики говорили о социально-бытовой природе характеров Гончарова применительно к отдельным романам,

[1]) См. «Светоч», 1860, № 1.
[2]) См. Писарев. Соч., т. I.

применительно ко всему творчеству Гончарова, сказал Протопопов в статье-некрологе, напечатанной в ноябрьском номере «Русской Мысли» за 1891 год. Об Адуеве старшем, Штольце и Тушине он не считает нужным вообще много говорить, как о деревянных фигурах, выдуманных образах. О младшем Адуеве, Обломове, Райском, если и можно говорить, то не как о типах, а как о редких экземплярах душевно-больных, генезиса которых нечего искать в какой бы то ни было социальной среде, а следует искать его в психо-физических особенностях организации субъекта.

Такова в общих чертах история социологического анализа гончаровских образов. Читатель видит, что по вопросу о социальной природе этих образов в критической литературе не было единогласия, что царит здесь величайшая разноголосица и пестрота мнений. Школьная формула, к которой мы так привыкли и на которой спешим успокоиться, с самой первой своей формулировки встретила резкий отпор и продолжает быть предметом жестоких нападок со стороны значительного числа критиков. И хуже всего то, что все суждения по этому вопросу до сих пор носят характер более или менее остроумных догадок критиков, а не результат серьезной аналитической работы. В спорах их между собою гораздо больше утверждений, чем доказательств, больше запальчивости, чем основательности. Все это говорит за необходимость серьезного пересмотра вопроса и тщательной аналитической работы над образами Гончарова с целью точного уяснения их социальной природы.

Не претендуя на исчерпывающее выполнение этой задачи, мы поставили себе целью основательно пересмотреть вопрос о социальной природе героя «Обыкновенной истории», Александра Адуева, подвергнувши его тщательному социально-психологическому анализу. Думаем, что это может оказаться полезным введением в работу социологического анализа всего творческого наследия Гончарова.

Глава 2-я.

Итак, что такое Александр Адуев, как социальная единица? На первый взгляд вопрос представляется чрезвычайно простым. Герой гончаровского романа имеет вид провинциального помещика средней руки доброго старого времени.

Мы—в усадьбе, среди крепостной дворни, где мать хлопотливо готовит нежно любимого сына к отъезду в Петербург. Туда всей душой стремится пылкий юноша, только что кончивший университет. Значит, вот где колыбель юноши—в крепостной поместной усадьбе. Мысль эту поддерживает и сам автор, очевидно, желающий придать своему детищу вид помещика. Но не доверяйтесь особенно романистам, когда они сознательно определяют социальную сущность своих героев, потому что многие из них склонны к маскараду, к чисто внешнему переряживанию своих героев, которое нисколько не характеризует их истинной сущности. Не

доверяйтесь и своему первому впечатлению, а присмотритесь внимательней и к усадьбе и к герою.

Есть в романе весьма любопытное место, где наш герой, заброшенный в столицу и удрученный ее чужим видом, переносится мыслью в родную обстановку, где протекли светлые годы его детства: «Какой отрадный вид! Один дом с остроконечной крышей и с палисадничком из акаций. На крыше надстройка, приют голубей,—купец Изюмин охотник гонять их: для этого он взял, да и выстроил голубятню на крыше, и по утрам и по вечерам, в колпаке, в халате, с палкой, к концу которой привязана тряпица, стоит на крыше и посвистывает, размахивая палкой. Другой дом—точно фонарь: со всех четырех сторон в окнах и с плоской крышей, дом давней постройки; кажется, того и гляди, развалится или сгорит от самовозгорания; тес принял какой-то светло-серый цвет. Страшно жить в таком доме, но там живут. Хозяин иной раз, правда, посмотрит на скосившийся потолок и покачает головой, примолвив: простоит ли до весны. Авось, скажет потом, и продолжает жить, опасаясь не за себя, а за карман. Подле него красуется диконький дом лекаря, раскинувшийся полукружием, с двумя похожими на будки флигелями, а этот весь спрятался в зелень; тот обернулся на улицу задом, а тут на две версты тянется забор, из-за которого выглядывают с деревьев румяные яблоки—искушение мальчишек. От церквей дома отступили на почтительное расстояние. Кругом их растет густая трава, лежат надгробные плиты. Присутственные места, так и видно, что присутственные места: близко без надобности никто не подходит. А пройдешь две-три улицы, уже и чуешь вольный воздух, начинаются плетни, за ними—огороды, а там и чисто поле с яровыми. А тишина, а неподвижность, а скука—и на улице и в людях тот же благодатный застой. И все живут вольно нараспашку, никому не тесно; даже куры и петухи свободно расхаживают по улице, козы и коровы щиплют траву, ребятишки пускают змей» [1]).—Где мы? Куда занесла нас фантазия героя? Ясное дело, что не в помещичьей усадьбе. Перед нами тишь, да гладь, да застой дореформенного города, а не поместье с его деревней, крестьянским населением и природными угодьями. Казалось бы, среди столичного бесприютья, в голове помещика должны пронестись картины усадебного уюта, лица крепостных мужиков, сельские картины и вольная красота божьего мира, а Адуев видит купца Изюмина, гоняющего голубей, и причудливый дом городского лекаря. Нужно вскормиться и вырасти среди впечатлений провинциального захолустного города, чтобы он так ярко, во всех деталях, со своими уличными козами и свободно расхаживающими курами, встал мгновенно, по прихоти фантазии, в голове мечтателя. Быть-может, сам того не замечая, автор обнажил перед нами настоящую социальную сущность своего героя, вложивши в его голову эти предательские мечты. Невольно закрадывается подозрение, что не помещик наш мечтатель, что, рекомендуясь помещиком, он просто самозванствует. Подметивши это, станем внимательнее наблюдать за поведением нашего героя.

[1]) Стр. 133 I т. (ссылка везде по издан. Маркса).

Он—в Петербурге с 2500 рублей дохода, что, по тогдашним временам, совсем не шутка. Это—не захудалый барин, перебивающийся чиновничьим жалованьем, а обеспеченный, независимый материально, человек, который на службу бросился честолюбия ради. Словом, Адуев в своем поместном кругу далеко не последняя спица в колеснице, а желанный гость, для которого все двери открыты. А между тем во всем романе мы ни разу не видим Адуева среди поместного круга: дальше скромных чиновничьих домов и дачных убежищ он не проникает. Его петербургский роман разыгрывается в простенькой чиновной семье Любецких. Факт совсем непонятный при условии поместного происхождения Адуева.

Все это заставляет заподозрить, что и уютный уголок Грачи, в котором вырос наш герой,—не деревенское поместье, а нечто другое, во многом напоминающее поместье, но далеко с ним не тожественное. И когда вы начнете внимательно всматриваться в грачевский уголок, вы почувствуете, что нет в этом уголке чего-то весьма существенного, без чего не живет дворянское поместье, и в то же время есть какие-то черты, чуждые и неизвестные в поместье. Нет в Грачах мужика ни на переднем, ни на заднем плане, присутствие которого явно или незримо ощущается во всякой дворянской усадьбе в изображении таких мастеров дворянских гнезд, как Тургенев и Толстой. В гончаровских Грачах мужик мелькает вдали какой-то чужой и ненужной фигурой, появляясь лишь за тем, чтобы резко подчеркнуть свою полную непричастность к дому Адуевых. Характерная черточка, что в проводах Адуева, отъезжающего в Петербург, в которых принимают участие домашняя прислуга и заезжие гости, не принимают никакого участия ни мужик, ни деревня. Деревня не встречается даже проездом на пути от усадьбы до рощи, до которой все пошли пешком, провожая молодого барина. Но раз нет мужика и деревни, нет и непосредственно связанной с ними земли-кормилицы, которая вместе с крепостным мужиком приросла к дворянскому дому. Из окон адуевского дома видны вдали и поля, и синеющий лес, но вы чувствуете, что они не хозяева им. Лес синеет, нивы волнуются не для Адуевых, хотя они и любуются ими с балкона своего дома, хотя, по воле Гончарова, старуха Адуева и говорит о них, как о собственности: «Погляди-ка,—говорит она своему сыну,—какой красотой Богодел поля наши. Вон с тех полей одной ржи до пятисот четвертей соберем; а вон и пшеничка есть, и гречиха; только гречиха нынче не то, что прошлый год: кажется, плоха будет. А лес-то, лес - то как разросся! Подумаешь, как велика премудрость Божья. Дрова с своего участка мал-мало на тысячу продадим. А дичи, дичи что! И ведь все это твое, милый сынок: я только твоя приказчица. Погляди-ка на озеро: что за великолепие. Истинно, небесное. Рыба так и ходит; одну осетринку покупаем, а то ерши, окуни, караси кишмя-кишат; и на себя и на людей идет. Вон твои коровки и лошадки пасутся. Здесь ты один всему господин» (101, I). Картина широкая, всему нашлось в ней места: тут и рожь с пшеницей и гречихой, тут и лес, и даже дичь и рыба; не видно только нигде главного, что дает цену всем этим угодьям в настоящей помещичьей усадьбе,—деревни. Владеть такими угодьями барская усадьба только и могла

через крепостного мужика, через крепостную деревню, которой нет в перспективе адуевского балкона. Вот чего не хватает Грачевке, чтобы она имела вид настоящей барской усадьбы. Не этим ли объясняется и тот факт, что герой Гончарова, любующийся из окна обширными угодьями и пасущимися на них лошадками, выезжает не со своим кучером, не в своем экипаже, а на ямских. Если в Грачах не чувствуется деревенского аромата дворянского гнезда, так в них есть свой особый запах, которого нет в дворянских гнездах. В доме Адуевых царит какой-то простоватый мещанский тон. Нет и следа дворянской спеси ни в виде утонченного пренебрежения ко всему недворянскому, ни в виде аляповатого, и порой жестокого издевательства над низшим сословием. Нет у Адуевых того объекта, в отношении к которому обычно проявлялась эта дворянская спесь,—крепостного мужика. Есть, правда, слуги—и очень много слуг. Но между ними и хозяевами нет того отчуждения, той пропасти, которая лежит между дворовыми и помещичьей семьей: здесь слуги как бы входят в семью, и отношения носят характер грубоватой близости и простоты. Но, может-быть, самой яркой иллюстрацией простоватого мещанского тона в доме Адуевых является картина, изображающая, как мать сама своими руками укладывает вещи в чемодан сына, держа перед глазами реестрик и подробно излагая сыну, с приличными случаю наставлениями, биографию каждой рубашки, каждого платка: «Вот, Сашенька, заметь хорошенько, куда я что кладу,—говорила она:—в самый низ, на дно чемодана, простыни: дюжина. Посмотри-ка, так ли записано? Все с твоими метками, видишь—А. А. А все голубушка, Сонюшка. Без нее наши дурищи не скоро бы поворотились. Теперь что? Да, наволочки. Раз, две три, четыре—так, вся дюжина тут. Вот рубашки—три дюжины. Что за полотно—загляденье. Это голландское; сама ездила на фабрику к Василию Васильевичу; он выбрал что ни есть лучшие три куска. Поверяй же, милый, по реестру всякий раз, как будешь принимать от прачки; все новешенькие» и т. д. (104, I). Это—типично-мещанская идиллия домовитого, бережливого любовного отношения к каждой хозяйственной обиходной вещице, незнакомая в поместном быту. Собирая одну за другой черты грачевского быта, приходишь к заключению, что Адуевы не являются членами привилегированного дворянского класса: это очень состоятельная семья демократического происхождения. Они домовладельцы, но не землевладельцы, какими были люди поместной среды; они владеют крепостными слугами, но не владеют крестьянами; они дети провинциального города, а не крепостной деревни. Словом, владение Адуевых Грачи—это большая городская усадьба зажиточной мещанской или купеческой семьи, обслуживаемая крепостной прислугой, но не поместье дворянского типа.

Если это так, то психология Александра Адуева должна резко отличаться от психологии разочарованных романтиков и лишних людей, которые все, от Онегина до Рудина, являются вскормленниками дворянских гнезд. Так оно и есть в действительности.

Лейтмотив душевной жизни людей онегинского склада—это тяжелое ощущение своей социальной ненужности, бесцельности своего существо-

вания. Они люди, одаренные большим запасом энергии, но не имеющие точки приложения для этой энергии. Это—мученики праздности, «лишние люди». Отсюда напряженное искание смысла жизни, осложняемое чувством ответственности перед народом, жажда так изменить свою и окружающую жизнь, чтобы приобрело смысл личное существование и не болела бы совесть. Каждый вел поиски эти на свой лад в зависимости от темперамента и в особенности от исторического момента, но все они искали смысла жизни и болели совестью, всем были знакомы и сложные нравственные проблемы и широкие гражданские порывы. Даже мягкотелый Ленский «из Германии туманной привез учености плоды, дух пылкий и довольно странный, вольнолюбивые мечты»; даже шалопай Онегин «читал Адама Смита и был глубокий эконом» и «ярем барщины старинной оброком легким заменил». Не говорю уже о Рудине, вся жизнь которого непрерывное гражданское скитание, окончившееся лишь на парижской баррикаде.

Ничего подобного не найдете вы в Адуеве. Он вовсе не чувствует себя лишним, ощущением бесцельности своей жизни не страдает и ответственности ни перед народом и ни перед кем не чувствует. Основная пружина его душевной жизни—жажда выдвинуться на передний план, сделать «карьеру и фортуну». Никаких нравственных терзаний, никаких гражданских порывов. Если он и страдает, то вовсе не от того, что не находит целесообразности в своей жизни и разумной, полезной работы, а только от того, что неумело берется за дело, что не успел еще приспособить свои силы к поставленной цели—карьере и фортуне. Этим и объясняется и глубокая разница в судьбе людей онегинского типа, и в судьбе Адуева. Первые так и гибнут, не отыскавши выхода, а последние прекрасно приспособляются и достигают, наконец, вожделенного идеала и карьеры и фортуны. Белинскому казалось, что Гончаров допустил ошибку, обративши своего романтика на путь практицизма: нужно признать, что ошибся не художник, а критик, поторопившийся сблизить, на основании поверхностного сходства, гончаровского героя с Ленским и совершенно не понявший духовной сути Адуева.

Вскормленный иной социальной средой, Адуев прошел другой путь развития, чем лишние люди; его характер сложился иначе, под воздействием иных факторов, чем характеры лишних людей. Лишние люди возникли в атмосфере распада поместного крепостного хозяйства под влиянием капитализма. Капитализм лишил всякого смысла крепостное хозяйство, сделал лишним и ненужным существование класса душевладельцев-дворян, превратил крепостное право в крепостное бесправие и неправду. Капитализм опустошил жизнь помещика, некогда полную творчества, богатую смыслом и значением. Остался «гроб повапленный, красивый извне, а внутри полный тления и всякой мерзости». Среди этого тления в обстановке опустошенной жизни развивалась психика лишнего человека. Уже с ребяческих лет душу его отравляло ощущение пустоты, сознание неоправданности жизни, преступности существования душевладельца. Инстинктивное стремление уйти из этой пустоты и оправдать

свою жизнь стало основным фоном его психики. На этом фоне, по мере духовного роста, появляются все цветы романтической идеологии. Романтизм, это мучительное tedium vitae, это проклятие пустоте и бессодержательности жизни и вместе напряженное искание ее смысла, напряженное философствование и витание в метафизических сферах. Романтизм—это обнажение социальной неправды душевладения и напряженная работа социальной мысли. Романтизм—это тоска по былой полноте и правде жизни, стремление вновь наполнить жизнь содержанием, вновь вернуть былое творческое значение себе и своему классу. Романтизм—это стремление к тому, что невозможно в действительности, ибо к прошлому нет возврата, а в будущем нет места под солнцем для помещика-душевладельца. Отсюда вечное томление духа, постоянное метание без дела и живого творчества, вечная неудовлетворенность лишнего человека. Ничего подобного не было в жизни Адуева. Капитализм не подрывал основ существования буржуазного класса, не отрицал его существования, не делал его лишним в социальном обиходе. Не в атмосфере распада и разложения вырос Адуев, не на почве опустошения жизни сложился его характер.

Ясное и ничем не омраченное детство среди домашнего изобилия, нежного баловства, согретого простым, но глубоко искренним чувством, среди нянек, рассказывающих светлые сказки и сулящих мальчику беспечальное житье; трезвая, расчетливо-хозяйственная атмосфера патриархальной домовитости; примитивность духовной жизни, узость и бедность умственных интересов и в то же время непоколебимая прочность традиционной нравственности и религиозных верований,—вот обстановка, в какой рос он. «Жизнь от пелен улыбалась Адуеву: мать лелеяла и баловала его, как балуют единственное чадо; нянька все пела ему над колыбелью, что он будет ходить в золоте и не знать горя» (102,I). Пробегая мысленно свое детство и юношество, Адуев вспоминает, «как, будучи ребенком, он повторял за матерью молитвы, как она твердила ему об ангеле-хранителе, который стоит на-страже души человеческой и вечно враждует с нечистым; как она, указывая ему на звезды, говорила, что это очи божьих ангелов, которые смотрят на мир и считают добрые и злые дела людей; как небожители плачут, когда в итоге окажется больше злых, нежели добрых дел, и как радуются, когда добрые дела превышают злые. Показывая на синеву дальнего горизонта, она говорила, что это Сион» (178,2). Во всей этой обстановке есть много сонного, апатичного, узенько домашнего, но от нее веет устойчивостью, спокойной уверенностью и светлой жизнерадостностью. Маленькую душу Адуева не смутил ни разу вид человеческого страдания. О бедности и о горе он знал только по наслышке: «О горе, слезах и бедствиях,—пишет Гончаров,—он знал только по слуху, как знают о какой-нибудь заразе, которая не обнаружилась, но глухо где-то таится в народе» (102, I). О жестокости крепостных порядков Адуев и понятия не имел. Герои Лермонтова, Тургенева, Толстого видели вокруг себя истомленный барщиной народ, присутствовали при тягостных сценах мужицких жалоб и барского суда, чутким ребяческим ухом слышали стон тех, кого секли на барской конюшне. Ничего этого не видел

и не слышал Адуев. Не испытал он и еще много из того, что пережили в детстве «лишние люди». Не видел он пустой и праздной ненужности барского существования, фальшивого внешнего блеска и внутреннего распада и гнилости крепостного поместья накануне реформы. В душе Адуева не поднималось поэтому никаких тревожных вопросов ни о цели личного существования, ни о судьбах народа. Все настраивало мальчика на оптимистический лад, располагало к доброжелательности и покою. В его глазах «жизнь так хороша, так полна прелести и неги; она, как гладкое, прекрасное озеро»... (152,I).

Но капитализм не только не отрицал устоев этой трезво-деловитой и раздольной жизни дореформенной буржуазии: он еще открывал перед ней перспективы более пышного расцвета, большей полноты разнообразия и значительности жизни. Перед очарованным взором Адуевых капитализм развернул картину блестящей будущности: им предстояло занять господствующее положение в обществе,—положение хозяев и строителей новой жизни, новой буржуазно-капиталистической культуры. На первых порах в этой картине будущего многое остается неясным для Адуева, но самая неясность придает ей еще больше заманчивости и таинственной прелести: «будущее представлялось Адуеву в радужном свете. Его что-то манило вдаль, но что именно—он не знал. Там мелькали обольстительные призраки, но он не мог разглядеть их; слышались смешанные звуки—то голос славы, то любви: все это приводило его в сладкий трепет» (102,I).

В сравнении с этим блеском настоящее представляется черезчур серым и незначительным. Развернув перед Адуевыми перспективы роста и расцвета, перспективы широкой творческой и культурной жизни, капитализм тем самым сделал для них слишком простой, дореформенной жизнь патриархальных Грачей. Не пустой, как у «лишних людей», а только слишком простой стала жизнь у Адуевых под влиянием капитализма. Адуевы не могут не чувствовать этого, но, конечно, между этим чувством и мучительными чувствами «лишних людей» лежит целая пропасть, как между мажорным и минорным тонами. Александр Адуев томится не пустотой, а простотой жизни: «Ему скоро стал тесен домашний мир. Природу, ласки матери, благоговение няньки и всей дворни, мягкую постель, вкусные яства и мурлыканье Васьки,—все эти блага, которые так дорого ценятся на склоне жизни, он весело менял на неизвестное, полное увлекательной и таинственной прелести» (102,I). Основное содержание его психики—не ощущение бесцельности и неоправданности существования, не сознание себя лишним, не имеющим дела в жизни человеком, а жажда более широкой деятельности, стремление к более высоким целям. Над целью жизни он не задумывается, ибо этих целей, при всей их неясности, у него хоть отбавляй. Не ломает он головы и над нравственным оправданием своего существования, над вопросом о своей социальной ценности, ибо он слишком ясно сознает и сильно чувствует неудержимый стихийный рост этой ценности под влиянием развивающегося капитализма. Его главная единственная мечта—сделать блестящую карьеру и фортуну, из про-

стенького патриархального буржуа сделаться культурным буржуа европейского пошиба. Капитализм открыл перед Адуевым широкий путь, даже множество путей, из патриархальной Грачевки на широкую арену социально-политического первенства: «Перед ним, по словам Гончарова, расстилалось множество путей, и один казался лучше другого. Он не знал, на который броситься» (103, I).

Заманчивы, но не легки, не углажены эти пути. Адуев вырос в сонной и невежественной атмосфере дореформенного провинциального города, откуда вышел с очень неудобными, в условиях надвигающегося нового порядка, качествами. И беда его прежде всего в том, что он не знает и не понимает движущих сил той новой жизни, в которой собирается стать хозяином, что он не подготовлен к ней идеологически. Беда его «была в том, что мать его при всей своей нежности не могла дать ему настоящего взгляда на жизнь и не приготовила его на борьбу с тем, что ожидало его впереди» (103, I). Понятно, что пока он не освоится с новой для него жизненной дорогой, он будет натыкаться на камни, падать в канавы, блудить в трех соснах и страшно уставать. Чтобы завсевать в новом порядке то блестящее положение, о каком он мечтает, чтобы сделать карьеру и фортуну, нужно было прежде всего опростать душу от элементов патриархальной идеологии, от патриархального невежества, нужно было выработать новую идеологию—идеологию буржуазно-капиталистическую. Словом, нужно было перевоспитаться, пережить трудный психологический процесс приспособления к новым условиям и к новой социальной роли.

Этот процесс перевоспитания и приспособления начинается в школе и университете. В развитии характера Адуева университет сыграл крупную одновременно и положительную и отрицательную роль. Через университет Адуев приобщался к культуре, кругозор его сильно расширялся, становился богаче цикл идей и знаний. Плохо ли, хорошо ли, но он здесь многому учился, приобретал значительный запас сведений из разных научных областей, о которых раньше и понятия не имел. «Он прилежно и многому учился. В аттестате его сказано было, что он знает с дюжину наук, да с полдюжины новых и древних языков» (103, I).

Не все в этих науках было нужно и полезно для буржуазного строительства жизни, но не мало было и пригодного, прямо необходимого в пути от простой примитивной жизни Грачей к более сложной жизни европейского буржуа. Поскольку университет давал Адуеву практические знания, он играл положительную роль. Но то или другое знание, набор многих знаний еще не есть идеология. Все это становится идеологией лишь тогда, когда появится общий принцип, объединяющий отдельные знания и миросозерцание. И не затем, конечно, шел в университет Адуев, чтобы выйти оттуда с ассортиментом случайных бессистемных знаний, которые также случайно могли пригодиться, а могли оказаться и совершенно ненужными. Ему необходимо новое миросозерцание, новый взгляд на жизнь. Ему нужна новая буржуазная капиталистическая идеология, которая одна только будет служить надежным рулем в его плавании по

морю жизни. Между тем, именно тут, в выработке идеологии, университет оказал плохую услугу гончаровскому герою. Дореформенный университет был в сущности продуктом дворянской культуры. Попавши туда, Адуев с головой погружался в стихию специфически дворянских настроений и идеологии, в стихию господствовавшего в университете романтизма. Блестяще разработанная, яркая и модная идеология романтизма ослепляет наивного буржуа. Он увлекается романтизмом, думая в нем найти путеводную звезду, не догадываясь, что звезда эта освещает совсем не его путь. В своей наивности он хватается за романтизм, как за ту новую идеологию, необходимость которой так живо ощутительна для него. Легко догадаться, что получилось из этого увлечения.

Созданный в иной среде и разрешавший совсем не те задачи, какие предстояло разрешить Адуеву, романтизм плохо усваивался им, искажался до полной неузнаваемости и вносил в психику Адуеву такие идеологические элементы, которые могли только мешать его успеху в жизни, затруднять его путь к карьере и фортуне. Самые глубокие и серьезные элементы романтической идеологии оказались, конечно, вовсе недоступными для наивного буржуа. Он просто не заметил всего его философского и гражданского содержания. Единственно, что он усвоил себе из романтизма, это—культ чувства и культ поэзии. Но и в этот культ он вложил свое психологическое содержание, глубоко отличное от того, какое вкладывали в него настоящие романтики, «лишние люди».

(Окончание следует).

ТЕНЬ ВЕКА МИНУВШЕГО.

Проф. П. Ф. Преображенский.

А. Ф. Кони. На жизненном пути. Т. III. Ч. I. Издательство «Библиофил», Ревель—Берлин. Стр. 623.

Большой том, напечатанный на плотной солидной бумаге, несколько грубоватым, но очень четким и солидным шрифтом, конечно, по старой орфографии, и посвященный столь солидному, и в ученом и просто в физическом смысле, представителю русского либерализма, как М. М. Ковалевский. Внизу притаилась типографская марка—К. Г. Редер, Лейпциг.

Так и должно быть—в этом какой-то категорический императив, и всяческая солидность, и заграничная типография. В шумящей, кипящей, дискутирующей, яростно-напряженной РСФСР, с ее захлебывающимся, нервным и рубленым стилем, нет места для книг с такой внешностью

и таким медленным, выработанным и плавным слогом, обильно приправленным несколько подержанными и залоснившимися от черезчур частого употребления, но всегда поучительными и часто лирическими цитатами. Часто упоминается о вечных идеалах, добре, красоте, правде, благословенных шестидесятых годах, о правовом государстве. Весьма характерна и самая портретная галлерея, занимающая автора—Савина и Тургенев, кн. Черкасский, Обнинский, Джаншиев и даже Лорис-Меликов. Словом, и снаружи и изнутри—не особенно хитрый, но вошедший в канон, наряд русского либерализма, сохранившего свою невинность и непорочность, несмотря на желчную сатиру Достоевского, язвительный смех Салтыкова и горький юмор Некрасова. Невольно набегают одна за другой так и напрашивающиеся ассоциации—«Русские Ведомости», «Вестник Европы», «Художественный Театр». И все это умерло. Ушло в прошлое.

И нет сожаления. Уже 1905 год подкопал жертвенники и глухо прогремел свои предостережения, а империалистическая война и Октябрьская революция опрокинули алтари, погасили жертвенные огни и разогнали и жрецов и молящихся. Было бы большой ошибкой думать, что может последовать ренессанс русского либерализма. Не хочется оскорблять его памяти, но одному из его идолов—справедливости надо отдать должное. Кажется, появись сейчас «Русские Ведомости»—сколь пресными, безвкусными и наивными показались бы их блестящие, гладкие и аккуратные листы. Газета Грингмута и Льва Тихомирова и то нашла бы себе больше поклонников.

И понятно почему. Есть какое-то трагическое несоответствие между теорией и практикой русского либерализма, между его уверенными в себе, почти что оракульскими предсказаниями и изречениями и выступлениями русских либералов в практической политике. Русский либерал всегда жил в эмпиреях надклассового сознания, руководительства общественным движением с высот академического Олимпа и скорее поступал на откровенную службу царскому самодержавию, чем расставался с твердым убеждением, что его глаголы стоят высоко над мутью и пеной классовой борьбы. Все это хорошо выговаривалось и всему этому российский обыватель охотно верил во времена мирного и благоденственного жития, когда, по признанию одного из авторов «Вех», штык самодержавия охранял как и либеральных прорицателей, так и их прорицания. Вообще опасно иметь секреты, которые служат достоянием Полишинеля, а у русского либерализма такой секрет не только существовал, но со всяческим бесстыдством выпирал наружу и обнажался при всякой общественной судороге. Стоит только пересмотреть блестящую характеристику, которая дается выступлениям русских либералов в книге Л. Д. Троцкого «1905», и сравнить с этим соответствующие страницы воспоминаний гр. Витте, чтобы понять весь комизм, с которым либеральная надклассовость быстро превращалась в открытое прислужничество верхам русской буржуазии, этим самым показывая, что весь либеральный эмпирей был в лучшем случае умиленной наивностью доброго русского интеллигента.

Для исторической эпохи, начинающейся 1914 годом, не нужно искать и литературных характеристик. Ее результат налицо—либеральная идеология либо истаяла бесследно, оставив метафизическую пустоту, вместо исторического итога, либо такие следы, о которых и говорить не хочется. Можно разве заметить, что вся изнанка выворотилась и осталась неблагоуханное зрелище классовых вожделений, к которым уже не с прежней наивностью, а с новоприобретенным бесстыдством были приклеены старые ярлыки о Великой России, демократии и народоправстве.

А. Ф. Кони не принадлежит к этой позднейшей плеяде носителей либеральных традиций и представлений. Он обладает завидным свойством сохранять свои идеалы, и он пронес их с собой в значительной степени неизмененными и не подвергнувшимися тлетворному влиянию времени с момента медового месяца русского либерализма, с самых шестидесятых годов, когда передовые слои русской буржуазии еще не имели перед собой грозного призрака пролетарской революции и с некоторым основанием могли считать себя представителями России в ее целом. Он еще мог ехать «из Харькова в товарном вагоне строившейся Курско-Харьково-Азовской железной дороги, сидя на кучах балластного песку вместе с знаменитым скрипачом Генрихом Венявским». С тех пор утекло много воды, русские либералы сменили кучи балластного песку на комфортабельные купэ—к чистому проигрышу для райского состояния своей первобытной невинности. Но именно поэтому А. Ф. Кони и интересен для изучения психологии отечественного либерала pur sang. Читая его произведения, невольно поддаешься чувству мучительной зависти: столько прожил человек, столько видел и все это запомнил—от своих домочадцев до коронованных особ,—и изложил все эти житейские осколки прекрасным литературным языком, в солидных и убористых томах. И притом не только изложил, но и свое credo сохранил и остался при убеждении, что не измени русское правительство прекрасным идеалам шестидесятников, не искази начал правового государства и принципов судебной реформы Александра II—и все пошло бы как по маслу. Есть только один болезненный пункт, которого как-то не хочется касаться—не только идеалы были сохранены, но и государственная служба А. Ф. Кони прошла без черезчур гибельных для него потрясений, если не считать внутренних переживаний и временных немилостей. Странное дело—правительство все искажало, а проведение в жизнь правовых начал при таких их почитателях, как Александр III, шло своим чередом. Если бы не эта гомеопатическая подробность, автора «На жизненном пути» можно было бы присоединить к сонму российских праведников, подобных П. А. Кропоткину или В. Г. Короленко. Может-быть, у этого обстоятельства есть свое объяснение. А. Ф. Кони мог видеть воочию всю картину развития капиталистической России за последние 50 лет, но, странным образом, эта картина, если и затрогивается у него, то лишь слегка и мимоходом. Ему приходилось принимать участие в судебных процессах, имевших прямое отношение к этому развитию, но он всегда оставался при этом простым блюстителем закона и филантропически настроенным стражем абстрактного права. Даже разбирая книгу

проф. Гернета «Преступление и борьба с ним в связи с эволюцией общества» он ограничил свою роль рецензента весьма добросовестным и доброжелательным изложением основ этой книги и ничем не выразил своего отношения к социальной природе преступления в рамках капиталистического общества. «Современный криминалист вынужден считаться в своей теоретической и практической деятельности с различными отраслями науки о природе человека и о современных условиях общежития»—вот скромный вывод А. Ф. Кони. Заметьте—вынужден и не более. Столь же наивно его обширное письмо к редактору журнала «Трудовая помощь» о задачах общественной благотворительности. Вопросы, связанные с последней, расходятся «радиусами от одного общего понятия о труде», заявляет нам почтенный автор. Согласно с этим, продолжает он, «люди, нуждающиеся в общественной поддержке, являются—ищущими труда, бегущими от него, неспособными к нему и испорченными для него», и далее следует перечисление рецептов для исцеления всех этих язв. Дома трудолюбия, рабочие дома, охрана детей—все это в данном случае входит в кругозор автора, при чем он, как практический юрист, приводит целый ряд разительных примеров, свидетельствующих о судьбе детей пролетарского и полупролетарского происхождения в условиях жизни капиталистического общества. И что же, везде мы имеем дело только с констатированием факта, описанием его последствий для характера ребенка, тех девиаций, по терминологии А. Ф. Кони, которые образуются в психических свойствах детей, но нигде мы не находим попытки вникнуть в смысл всех этих явлений, определить их социальную закономерность и значимость. Пишет это письмо хороший и добрый человек, святой простоты у него хоть отбавляй. Понятно, от чего зависит эта простота. Пишет А. Ф. Кони некролог о военном юристе П. О. Бобровском и сочувственно цитирует: «Правовые истины не умирают и будут жить до тех пор, пока над родом человеческим будет господствовать нравственный закон, налагающий крепкую узду на злую волю человека». Это и есть ключ к загадке. Хорошо жить с таким твердо-каменным убеждением, которое так непоколебимо исповедовалось вольтеровским доктором Панглоссом. Можно было надеяться, что правительства Александра III и Николая II, не очень-то соблюдавшие и правовые истины и нравственный закон, исправятся при помощи таких же действительных средств, которые рекомендовались для проведения в жизнь начал общественной благотворительности, что и право и нравственность все же восторжествуют и над графом Игнатьевым, и Дурново, и Столыпиным. А до этого вожделенного момента приходилось нести тяготы государственной службы, хотя, надо оговориться, не мало терний и мучительных конфликтов приходилось переносить, ожидая осуществления начал вечной нравственности от таких ее верных рыцарей, какими были министры самодержавной России.

Поразителен и другой любопытный факт, характеризующий с этой же стороны автора «На жизненном пути». Если его внимание совершенно не привлекает экономическая структура общества, если он предпочитает оставаться в своем либеральном эмпирее, то в его книге при самом вни-

мательном чтении нельзя найти хотя бы смутного предчувствия надвигающейся социальной катастрофы. Связь этих явлений вполне понятна и еще ярче обрисовывает нам прекраснодушного либерального мыслителя. Нет даже намеков на происходящие сейчас события, если не считать «*междувброшенного*» примечания при описании встречи с И. С. Аксаковым, которая достаточно любопытна сама по себе. А. Ф. Кони ехал в Харьков, чтобы несколько отдохнуть после дела Засулич. Во время поездки ему довелось встретиться с весьма начитанным спутником, который сохранял свое incognito вплоть до того времени, когда Кони остался один в вагоне. Между ними завязался разговор, при чем собеседник Кони высказал ему свое возмущение по поводу оправдания Засулич. После данных Кони разъяснений его спутник согласился с ним, сказав: «Я беру назад мой упрек, но судьба поставила вас в положение поистине трагическое, возложив на вашу нравственную ответственность тяжелую задачу». Оценка довольно интересна, так как рисует непосредственное отношение одного из лидеров русского славянофильства к начинавшемуся революционному движению. Подробностей разговора Кони не приводит, но из его аргументации видно, что спор вращался именно в плоскости вопросов вечной нравственности, святого долга и т. п. Перед нами как раз один из тернистых эпизодов в жизни русского либерала, один из моментов сизифовой работы по вливанию начал неподкупной законности в практику русского самодержавия. Это были времена давно прошедшие, когда только что вышел второй том тэновского труда по истории Великой революции,—и свои воспоминания о чтении этого второго тома А. Ф. Кони сопровождает следующим примечанием: «я погрузился в чтение..., не предчувствуя еще, что мне, в перелицовке на русские нравы, придется пережить кое-что из этого, да, пожалуй, и из следующих томов, замечательного труда Тэна». Вот и все. Туманно и неопределенно. Но кажется, что если не было никаких предчувствий в эти теперь уже древние эпохи, то их не было и впоследствии. Думалось, что история так и пойдет дальше—в нравоучительных спорах на темы о границах нравственности и права, конфликтах при их осуществлении. Чуткое к вопросам совести ухо русского либерала не могло уловить звуков от подземной работы старого крота, и трагические ноты блоковской «России и интеллигенции» вряд ли когда сделались понятными автору «На жизненном пути».

В этой удивительной слепоте А. Ф. Кони к вопросам экономического и социального бытия, которая соединяется с такой же удивительной зоркостью к подробностям быта, и лежит своеобразие его произведений. С одной стороны, эмпирей, от которого хоть три года скачи, ни до какой жизни не доскачешь, а с другой—большое мастерство в передаче сгустков этой жизни, самого реальнейшего быта. В этом соединении заключается весь парадокс жизненного пути автора.

Вот «диктатор сердца» Лорис-Меликов, который, кстати сказать, выведен в чрезвычайно симпатичном свете. Во время своей кратковременной диктатуры Лорис должен был проводить в России какое-то подобие конституционных начал, а уже будучи на покое, «увлекался чтением

французских парламентских отчетов, часто задавая вопросы о коренных началах конституции, при чем мне раз даже пришлось объяснять ему, по его просьбе, разницу между строго-парламентским и конституционным управлением», добродушно рассказывает Кони. Этот проводник либеральных начал в самодержавной государственности составил себе понятие о России «по русскому солдату» (!), «кавказским туземцам» и каким-то «теоретическим взглядам» (??), почерпнутым из чтения, и не особенно разбираясь в коренных началах конституции, имел готовность «оперировать in anima vili» и даже пытался уложить народную жизнь в какие-то «предвзятые схемы». К сожалению, мы ничего не узнаем об этих пресловутых схемах, роившихся в голове бравого генерала, и, логически развивая предыдущие утверждения А. Ф. Кони, скорее бы усомнились в их существовании, если бы не имели красочных свидетельств Салтыкова о противоположной возможности. Но салтыковская язвительность совсем не в характере Кони, и даже характеристика знаменитого Делянова выдержана у него в мягких тонах, хотя черты салтыковских героев так и сквозят при изображении этого рачителя русского просвещения. Общество вспомоществования бывшим студентам московского университета посылало адрес на юбилей Пирогова, и бывший председателем общества Делянов беспокоился о содержании этого адреса, не будет ли в нем какого потрясения основ. Основы, однако, потрясены не были, а адрес взялся свезти в Москву профессор акушерства Сутугин, ехавший от учреждений императрицы Марии. У Делянова камень с души свалился. «Ну, вот, акушера и послать,—со вздохом облегчения сказал он:—акушер речей говорить не станет, акушера и послать», повествует, не ведая ни жалости, ни гнева, Кони. Наверно, если бы Делянов был знаком с сочинениями Салтыкова, он не был бы так уверен в молчаливости русских акушеров. Разве только учреждения императрицы Марии выручили бы его от возникших снова мук сомнения. Каково было надеяться на осуществление каких бы то ни было идеалов при таком знатоке России и конституционного права, каким был Лорис-Меликов, и при таком руководителе народного просвещения, каким был Делянов,—сказать трудно. А ведь Лорис был, по свидетельству Кони, далеко не плохой человек и поэтому не мог долго и удержаться у власти. Здесь-то и загадка, и за ее разрешением приходится обращаться уже не к мудрому Эдипу, а к немудрому русскому либералу.

Между тем, уже при вступлении Кони на жизненный путь, он получил достаточные указания на судьбу правовых начал в самодержавной России. Его диссертация «О праве необходимой обороны» обратила на себя внимание властей предержащих, и о ней началось настоящее «дело». Оказалось, что главное управление по делам печати нашло, «что в «настоящее время» представляется едва ли уместным и удобным проводить даже в ученом рассуждении взгляды на неприкосновенность домашнего очага и на возможность обороны против явно незаконных действий агентов власти»... Для самого Кони дело закончилось пустяками, «но попечитель московского учебного округа просил совет вменить, кому следует, в обязанность строжайше наблюдать за непомещением подобных

рассуждений в «Московских Университетских Известиях», дабы издание это не подверглось в цензурном отношении каким-либо карательным мерам». Так началась, быстро, впрочем, прекратившаяся, академическая карьера А. Ф. Кони. Предзнаменования, таким образом, были неважные. Воспоминания и заметки Кони, относящиеся к академической жизни, дают нам возможность проникнуть и в ту атмосферу, в которой зарождалась идеология русского либерализма. Несомненно, что одним из учителей Кони был в этом отношении Б. Н. Чичерин. И немудрено; по словам Кони, Чичерин «в ряде последовательных трудов продолжал свое служение правовому и нравственному самосознанию общества» даже после своего ухода из профессорской коллегии, а затем и из должности московского городского головы за речь на обеде городских голов «о необходимости общественной самодеятельности, начало которой было положено в великих преобразованиях Александра II». Идеалом Чичерина было «единение общественной и личной свободы на почве уважения к человеческой личности, закону и культурным задачам государства». Одним словом, весь незатейливый палладиум либерального исповедывания, унаследованный А. Ф. Кони, уже культивировался и Чичериным, этим глашатаем передовой русской буржуазии, которая всячески старалась объевропеиться и отойти от азиатских приемов управления, практиковавшихся феодальными верхушками русских правящих кругов.

Казалось бы, карьера Чичерина также давала мало ручательств за дальнейшее развитие «великих преобразований Александра II», но сладкие надежды никогда не покидали русских либералов и даже соединялись у них с большой долей умильности, когда им приходилось говорить о царском троне. Стоит только вдуматься в тот пиэтет, которым сопровождается описание избавления от опасности русского самодержца во время «рокового выстрела» Каракозова и боркинской катастрофы. «Спасение жизни царя было встречено с таким восторгом и подъемом любви к нему, которых, конечно, ни один из очевидцев никогда не забудет. Нечто подобное я видел лишь через двадцать два года, проехав на исследование обстоятельств крушения императорского поезда в Борках по пути, по коему только что проследовал государь и вся его удивительным образом спасенная семья», рассказывает А. Ф. Кони. По его мнению, вся эта «нежная восторженная любовь народа» должна была укрепить самодержавное правительство в намерении неуклонно следовать началам великих реформ. Но не тут-то было... И, тем не менее, умиленность перед императорским троном не покидала ни Чичерина, ни Кони. Шестидесятые годы породили сладкую мечту, и она не покинула их. Думается, что в этих устремленных на российских венценосцев надеждах была своя реальность. Русский либерализм, как идеология передовой буржуазии, чуравшейся самодержавной азиатчины, несмотря на все свои барахтанья, всегда инстинктивно чувствовал необходимость прикрыться хоть краешком императорской порфиры и особенно обнаруживал эту склонность в моменты общественных кризисов. В конце-концов, самое его существование, самая возможность говорить и дебатировать о таких высоких ма-

териях, как неотъемлемые права личности, основы вечной нравственности, были провиденциально связаны с существованием синего жандармского мундира и хорошего полицейского держиморды. Может-быть, в этой тепличности русского либерализма и сокрыта разгадка его поразительной немощности и его бесславного политического краха.

И все же иногда трудно оторваться от Кони, как бытописателя. Вот перед нами сбежавший от издевательств своего барина за границу крепостной. Был он взят в барский дом казачком, да отравил барскую любимую кошку. Был за это высечен и отдан в ученье к Яру, где и научился, на свою беду, хорошо делать только что вошедшие в моду пожарские котлеты. На грех побывал у Яра барин, и чтобы иметь повара под руками, если захочется модных котлет, взял своего крепостного обратно в дворню. Прошел год, о котлетах барин не вспомнил, а отдал Беляева (имя героя) к немцу Карлу Ивановичу в медно-котельную мастерскую. И у Карла Ивановича Беляев преуспел, так что сметливый немец хотел за него и дочь отдать и мастерскую ему передать. Но барин не захотел и слушать об отпускной, а потащил своего раба с собой за границу в качестве толмача. Но и Европа не подействовала на русского крепостника. Процветавшее в отечестве рукоприкладство продолжалось и во Франции, пока крепостной раб не одернул титулованного рабовладельца. « А только драться вы прекратите, потому—Париж виден». После ряда приключений, возникших из-за княжеского «моему ндраву не препятствуй», Беляев сбежал, при чем даже русский посланник в Риме встал на его сторону. Любопытная крепостная эпопея, но всего любопытнее ее финал. Не пропавший и на чужбине Беляев скопил себе маленький капиталец и в свое время выручил промотавшегося барина, отдав ему 5000 франков из 7000, накопленных им. Русский аристократ отблагодарил его по-своему—дал Беляеву бумагу, чтобы тот жил «по закону», и этим растрогал свою жертву так, что Беляев «на коленки встал, и то место, где колеса (барского экипажа) на земле стояли, поцеловал». Секретарь посольства утишил восторги ставшего «человеком своего отечества» Беляева, объяснив ему, что «такая это вольная, что когда вы с нею на русскую границу приедете, вас в железа закуют, да барину, как беглого, и предоставят по этапу».

А вот благодушный россиянин за границей—живая иллюстрация к гоголевскому Ивану Никифоровичу. Он никак не желал брать морские купанья в Остенде «цирлих-манирлих», «как немцы выдумали», а купался по-российски—«я у себя в деревне в жаркий день выйду, бывало, в речку, возьму зонтик, да газету «Московские Ведомости» на плоту разложу, зонтиком от солнца прикроюсь, да и стою в воде, пока весь нумер не прочту». Оказывается, Гоголь все-таки был реалистом.

Все эти мелкие житейские встречи, прекрасно инсценированные и рассказанные, нисколько не утомляют читателя и дают ему довольно живописную картину русской и заграничной жизни прошлого века, хотя и не особенно глубокую, а скорее свидетельствующую о характере кругозора наблюдателя, в котором интерес к мелочам быта и потребность в их художественном изображении значительно преобладают над устре-

млением к социальному анализу и проникновением под пеструю оболочку житейской суеты. Спокойно и, в огромном большинстве случаев, сочувственно заносит А. Ф. Кони в свой труд всех тех, с кем ему довелось встретиться, и для каждого находит и соответствующее изречение и слова похвалы или сожаления. Для него древнее «De mortuis aut bene aut nihil» исполнено глубокого смысла и значения.

Это прекраснодушие и корректность никогда не изменяют автору: он—джентльмен с головы до ног в своих описаниях. В наше время ожесточенной классовой борьбы, раздраженной и обостренной полемики, эти нотки примирения диссонируют и становятся мало понятными, хотя, может-быть, именно по контрасту начинаешь ценить это олимпийское спокойствие и завидовать филантропическому настроению, которое рядом с интереснейшим описанием взаимоотношений Тургенева, Виардо и Савиной находит черты истинной художественности в такой «литературе», как произведения Сумбатова и Щепкиной-Куперник. Здесь сравнительно безмятежное и обеспеченное состояние русского либерала определяло ясность и миролюбивость его сознания. А так как продукты этого сознания облечены у А. Ф. Кони в классически ясную и кристаллическую форму, то испытываешь приблизительно такое же чувство, как перед известной картиной Максимова «Все в прошлом». Рассматривая тот фасад либеральной души, который встает в воспоминаниях Кони, невольно поддаешься некоторому гипнозу и начинаешь уважать эту заблудившуюся среди опаленных дыханием Октября тень века минувшего, выросшую во время миража шестидесятых годов. Не хочется даже вопрошать эту тень о том, как настоящее преломилось в ее сознании. Можно рассеять иллюзию и пожалеть об этом.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ.

I. О РОМАНЕ Ал. Н. ТОЛСТОГО «ХОЖДЕНИЕ ПО МУКАМ» [1]).—Вяч. Полонский. II. СРЕДИ СТИХОВ. — Валерий Брюсов. III. АНАТОЛЬ ФРАНС. — В. Фриче.

I. О РОМАНЕ АЛ. Н. ТОЛСТОГО «ХОЖДЕНИЕ ПО МУКАМ».

Вяч. Полонский.

I.

«О, Русская земля!» (Эпиграф к роману).

Из всей плеяды русских писателей, ушедших на «тот берег», Ал. Н. Толстой оказался чуть ли не единственным, чей талант не растерял своих красок. Роман, с которым мы хотим познакомить читателя «этого берега», представляет собой, бесспорно, самое крупное явление художественной литературы, созданной белой эмиграцией в эпоху революции. Замысел автора огромен. Широкой кистью, с большим размахом набрасывает он перед читателем картины русской жизни предвоенных лет, кошмары империалистской войны и первые проблески надвигающейся революции. Днями февральского переворота заканчивается напечатанная часть романа—первая часть задуманной трилогии...

Эта часть, сама по себе, значительна и любопытна. Дело не только в том, что мы имеем произведение, запечатленное ярким талантом. Имя Ал. Н. Толстого хорошо знакомо русскому читателю и не нуждается в особой рекомендации. Автор—эмигрант, покинул в свое время Россию, чтобы чаяния свои связать с чаяниями всех прочих, вольных и невольных беглецов из родного дома. И произведением своим, мы уверены, он не намеревался дать занимательное чтение для благодушных туристов. Эпиграф, поставленный к роману, развитие действия, характеристика событий, свет, который бросает он на прошедшее, герои, которых то с ненавистью, то с любовью он живописует, и, наконец, строки, предпослан-

[1]) «Грядущая Россия», журнал. Париж, №№ 1 и 2, 1920 год; «Современныя Записки», журнал. Париж, книги I—VIII. 1921 г. Отдельное издание. Берлин. изд-во. Москва, 1922. Стр. 457.

ные отдельному изданию,—все это свидетельствует о том, что перед нами вещь выстраданная, продиктованная гражданской скорбью, тесно связанная с теми испытаниями, которые обрушились на родину ее автора. Эта вещь создана революцией и говорит о революции.

II.

Давая высокую оценку новому произведению Ал. Н. Толстого, мы не считаем его, однако, первоклассным. Лучшим из того, что написал этот автор, «Хождение по мукам» мы не назовем. Нас поражает широта размаха, увлекает смелость, с какой взялся автор за перо,—но с первых же страниц мы видим, что исполнение от замысла отстает значительно. Роман открывает нам картину Петербурга в годы, предшествовавшие революции. Следуя за автором, мы наблюдаем интеллигентские верхи русского общества и рабочие низы; встречаем литераторов и поэтов, художников и общественных деятелей, обывателей квалифицированных и обывателей немудрящих, политических агитаторов и военачальников, народ на фабрике в рабочей одежде и народ на войне в солдатских шинелях; присутствуем на литературных диспутах в элегантных гостиных, посещаем фабрики и заводы в дни забастовок, бросаем в бой солдатские массы, и вместе с этими массами валяемся в окопах. Нам показана Россия со всех концов в самую великую и трагическую эпоху ее истории,—и картина эта не может не вызвать в памяти имени другого автора, который аналогичную задачу некогда себе поставил,—и с нечеловеческим успехом осуществил. Этот автор—очень опасный сосед. После «Войны и мира» мы знаем, *как надо* подходить к такой задаче. Вопрос не только в разнице художественных дарований, в их относительных пропорциях. Лев Толстой *умел* видеть *всю* Россию *со всех сторон*. Ал. Н. Толстой этого сделать не смог. Его Россия—«Русь с одного боку». Она преломлена при этом сквозь призму настроений, окрашенных цветом той среды, в которой художник выполнял свое произведение.

Мы, впрочем, не можем отказать автору в целом ряде комплиментов. Действие романа развертывается с большим искусством. Индивидуальные фигуры и отдельные сцены запечатлены превосходно. Великолепен, например, добродушный болтун, либеральный адвокат, Николай Иванович Смоковников. Он фрондирует против правительства, ждет революции, и в ресторане, под хмельком, обещает такому же, как он, болтуну—«портфельчик» министра юстиции. Смоковников знает, что он «общественная сила», что, лишь только запахнет революцией, «власть» без него не обойдется, протянет «общественным деятелям» один пальчик, а они «за всю руку» ухватятся. Когда начинается война, Смоковников, «увлекаемый патриотическими побуждениями», поступил в московский отдел городского союза, работавшего «на оборону». Он пуст и сентиментален, весь в словесной звонкой эквилибристике и вырисован столь искусно, что проходит по страницам романа, как живая, запоминающаяся

фигура. Психологии у него—никакой: это просто хорошо диференцированный, говорящий кусок мяса,—но вот такие-то именно и удаются лучше всего Ал. Н. Толстому. Здесь наш автор силен, зорок и подмечает детали тончайшие. Узнав неожиданно об измене жены, Смоковников выходит из комнаты с растрепанными волосами и «на бороде, отогнутой влево, висела пушинка с диванной подушки»—такая мелочь, а как она необходима для живого образа. Огорченный изменой, он, «расставив ноги, сердито зачиркал зажигательницей, пустил облако дыма, подошел к рояли и стал тыкать в клавиши. Неожиданно вышел чижик». Это зло и метко довершает образ адвоката, иногда смахивающий на шарж, убедительный и яркий. Но ведь это русский либерал, интеллигент, общественный деятель,—та самая соль жизни, без которой—так уверял он и ему подобные—погибнет Россия. Какая несоленая соль в романе Ал. Н. Толстого! Этого автор от себя не скрывает.

III.

Не менее мастерски обрисованы «герои» романа—молодая девушка Даша и инженер Иван Ильич Телегин. С ними неразлучны симпатии автора. В их обрисовке не чуется неприязни. Мы не станем утверждать, что именно *их* устами говорит автор. Но такое утверждение не будет далеким от истины. Эти двое—те праведники, ради которых стоит пощадить Содом и Гоморру. Они и душевно, и телесно прекрасны. Даша так красива, что однажды у Телегина голова кружится при взгляде на нее. А сам Телегин, инженер, деловой, практический человек: «Его загорелое твердое лицо заметно выделялось среди остальных лиц, либо слишком белых, либо испитых». Любовная история, связывающая эту пару, является тем стержнем, вокруг которого происходит развитие романа. Обе эти фигуры оттеняют собою всю мерзость петербургской, интеллигентской России, которую обнажает на своих страницах наш автор.

А эту мерзость он решил показать без прикрас. Философы, адвокаты, обыватели, распутная и пьяная богема, ночные попойки, литературные дамы, религиозные диспуты и целые потоки интеллигентского словоблудия,—все зарисовано остро, местами как памфлет, зло, с сарказмом, с гневом—вот она Русь! И в центре этой раффинированной, разлагающейся литературно-художественной России жуткая фигура известного поэта Алексея Алексеевича Бессонова, сделанного настолько портретно, что в нем нетрудно угадать знакомые черты. Автору, очевидно, хотелось показать внутренний распад, душевный маразм перекультурного, утонченного русского интеллигента. «Вдыхать запах могилы и чувствовать, как рядом вздрагивает разгоряченное дьявольским любопытством тело женщины,—вот в чем был пафос поэзии этих последних лет: смерть и сладострастие», говорит от себя автор; а в уста Алексею Алексеевичу Бессонову, отравленному алкоголем, голова которого отуманена вином, любовью и скукой, вкладывает такие слова: «Все давным-давно умерло—и люди и искусство. Россия—падаль, и стаи воронов на

ней, на вороньем пиру».—В этих словах чувствуется мысль самого автора. И не случайно на страницах романа не однажды «над островерхой кремлевской башней, над раскоряченным золотым орлом кружились, как облачко черных листьев, галки».

«Петербург жил бурливо-холодной, пресыщенной, полуночной жизнью. Фосфорические летние ночи, сумасшедшие и сладострастные, и бессонные ночи зимой, зеленые столы и шорох золота, музыка, крутящиеся пары за окнами, бешеные тройки, цыгане, дуэли, и на рассвете в свисте ледяного ветра и пронзительного завывания флейт—парад войскам перед наводящим ужас взглядом выпуклых глаз императора.—Так жил город».

Этот лирический набросок выражает, по мысли автора, петербургскую Россию, интеллигенцию, общество.

«В последнее десятилетие, с невероятной быстротой создавались грандиозные предприятия. Возникали, как из воздуха, миллионные состояния. Из хрусталя и цемента строились банки, музик-холлы, скетинги, великолепные кабаки, где люди оглушались музыкой, отражением зеркал, полуобнаженными женщинами, светом, шампанским. Спешно открывались игорные клубы, дома свиданий, театры, синематографы, лунные парки с американскими удовольствиями. Инженеры и капиталисты работали над проектом постройки новой, невиданной еще роскоши, столицы, неподалеку от Петербурга, на необитаемом острову.

В городе была эпидемия самоубийств. Залы суда наполнялись толпами истерических женщин, жадно внимающих кровавым и возбуждающим процессам. Все было доступно — роскошь и женщины. Разврат проникал повсюду, им был, как заразой, поражен дворец.

И во дворец, до самого трона несчастнейшего из императоров, дошел и, глумясь и издеваясь, сам стал шельмовать над Россией неграмотный мужик с сумасшедшими глазами и могучей мужской силой».

...Таков был Петербург в 1914 году—говорит автор. «Замученный бессонными ночами, оглушающий тоску свою вином, золотом, безлюбой любовью, надрывающими бессильно чувственными звуками танго— предсмертного гимна,—он жил словно в ожидании рокового и страшного дня. И тому были предвестники,—новое и непонятное лезло изо всех щелей».

А в это самое время на заводах «в мрачную и озлобленную массу рабочих, ревниво охраняемую властями, сквозь все щели проникали» неизвестные молодые люди и разбрасывали прокламации «от центрального комитета».

«Они появлялись под видом служащих, чернорабочих, продавцов или вот так—в платье с капюшоном. Они подкидывали листки, раздавали книги, пускали слухи, разъясняли злоупотребления администрации, и все повторяли одно: «Если хотите быть людьми, а не скотами,—учитесь ненавидеть тех, на кого вы работаете». Рабочие чувствовали и понимали, что на царскую власть, заставлявшую их работать двенадцать часов в сутки, отгородившую их от богатой и веселой жизни города грязными переулками и постами ночных сторожей, вынуждавшую рабочих дурно есть, грязно одеваться, жить с неряшливыми и рано стареющими женщинами, посылать дочерей в проститутки, а мальчиков в постылую каторгу фабрик,—на эту власть нашлась управа: Центральный Комитет Рабочей Партии. Он был неуловим и невидим. Рабочие ненавидели власть с чугунной скукой. Центральный Комитет ненавидел ее деятельно и

едко. Он, не уставая, повторял: требуйте, кричите, возмущайтесь! Вас учили будьте добрыми,—провокация! Добродетель пролетария—ненависть. Вам говорили—терпите и прощайте,—издевательство! Вы не рабы. Ненавидьте и организуйтесь. Вам внушали—любите ближнего. Но ближний, оказывается, может вас не любить. Вы одурачены. Есть одна достойная человека любовь—любовь к свободе. Помните—Россия построена вашими руками. Вы одни—законные хозяева российского государства».

Таковы два полюса—верх и низ в изображении Ал. Н. Толстого. Все дальнейшее неизбежно проистекает из этой противоположности. Между ними—«лучшие люди», «герои». Познакомимся с этими фигурами, историю которых он показывает на фоне столь трагически непримиримом.

IV.

Оба они, Даша и Телегин, подчеркнуто «хороши». Они обладают чертами той добропорядочности, душевной благоустроенности, какими в русской литературе с гоголевских времен,—почти всегда неудачно,—наделялись положительные герои... Дарью Дмитриевну не удовлетворяет пустая болтливость петербургских гостиных. Она с тревогой ищет чего-то иного, большого и настоящего. Она искренна и простосердечна—цельная натура, одна из тех женщин, которые столь привлекали нас в свое время в романах Тургенева. Надо отдать справедливость Ал. Н. Толстому: несмотря на огромную трудность обрисовки такого именно образа—удался он ему превосходно. Девушка действительно *живет* на страницах романа. Ее душевная история, пробуждение женщины, и влюбленность, и слезы, и поиски «настоящего» человека,—все это сделано тонко, какими-то редкими красками, сообщающими удивительную жизненность образу. Автор заботливой рукой ведет ее от испытания к испытанию, покуда она не находит своего «собственного» мужа, столь же добропорядочного, сильного и простого Ивана Телегина.

Империалистская война с ее кошмарами, распутство в тылу, темные предчувствия надвигающейся катастрофы, тяжелая духота предгрозья, назревающая растерянность и стая воронья над Россией—на этом фоне развивается вечная идиллия любящих сердец. Но почему от этой идиллии веет непроходимой пошлостью? Почему роман, лишь только на сцене появляются его «положительные» герои, начинает навевать странную тоску и заставляет подозревать автора в некоем злом умысле: не сатира ли это на людей, «хорошесть» которых никому не нужна? Вот, что говорит Даша о самой себе:

«Мне хочется быть, знаете, какой женщиной? Как можно меньше волноваться на свой счет. Вспомнишь—о ком я думала, кого любила. Одну себя. Безнадежное занятие. Беспокойно, душно, и совсем не весело. Ох, нет, хорошо быть вот какой женщиной,—всегда на тебе невидимый чистенький передничек, и с ног до головы—весело влюблена; живешь, как утром по росе босиком бегать. На будущий год кончу курсы, начну зарабатывать много денег, возьму жить к себе Катю, буду совершенно новым человеком».

«Всегда невидимый чистенький передничек»—в духовном смысле, конечно,—какая сухая, эгоистическая натура! Она говорит при этом, что станет совершенно «новым человеком», но из всего ее облика явствует неоспоримо, что новизна ее определится лишь дипломом об окончании юридического факультета высших женских курсов. Ее сестра, Екатерина Дмитриевна, та самая, что в один прекрасный день от скуки изменила своему либеральному супругу,—после долгих душевных мытарств и попыток прилепиться к какому-нибудь делу в жизни, решила на этот счет твердо:

«Почему это выдумано было,—говорит она Даше,—что мы должны жить какой-то необыкновенной утонченной жизнью? В сущности, мы с тобой такие же бабы—нам бы мужа попроще, да детей побольше, да к травке поближе»—и этими словами выразила не только свои внутренние, подлинные «бабские» стремления—да простится грубость термина,—но и мечты самой Даши. Обе эти женщины ищут чего-то, делают тоскующие глаза—все это до поры, покуда не услышат ясно голоса плоти. Это для них—правда, откровение. Тогда они понимают и себя, и окружающее, и свое место в мире. Жизнь для них перестает быть загадкой.

Одна из второстепенных героинь романа, Елизавета Киевна, крупная девушка с близорукими глазами, томится и не находит своего пути. Бездарная, она вся в плену романтической, навеянной тревоги; жаждет чего-то исключительного, страстей необыкновенных, фантастических приключений. Противоположная Даше, изломанная, манерная, обреченная—зарисована она не менее мастерски. В уста этой девушки автор вкладывает такую фразу:

«Вы изящны, благоустроены и очень хороши собой,—говорит она Даше.—Не спорьте. Вы это знаете сами. В вас, конечно, влюбляются десятки мужчин. Обидно думать, что все это кончится очень просто,—придет гнуснец, возьмет вас, народите ему детей, потом умрете. Скука».

В такой краткой характеристике много правды. Разница, правда, в том, что возьмет Дашу не «гнуснец», а «честнейший», «благороднейший», «превосходнейший» инженер Иван Ильич Телегин, который любить ее будет до гроба—так, как Афанасий Иванович в свое время любил Пульхерию Ивановну,—но характер Дашиной жизни не изменится. Она, в самом деле, народит детей, а потом умрет. Только и всего. Елизавете Киевне—«скука», а Даша и Телегин от этого именно в восторге. Чего же больше? И, вкладывая такую сентенцию в уста «отрицательной» Елизавете Киевне, автор сам всецело на стороне своих героев.

Телегин был на войне. Видел смерть, кошмары, грязь и кровь. Был в плену. Бежал. В разгаре войны вновь поступил на Обуховский завод. Здесь уже клубилось недовольство. Редкие молнии внятно говорили о близкой грозе. А наш прекраснейший инженер, зачислившись на завод, получил трехдневный отпуск для устройства личных дел—и «все это время бегал по городу в поисках квартиры. Отчетливо он не представлял себе, для чего ему нужна квартира, но и тогда, лежа в купе, он сообразил, что необходимо снять изящную квартиру с белыми комнатами, синими за-

навесками и чисто вымытыми окнами, из которых должны быть видны острова».

Вот «дела и дни» положительного героя Ал. Н. Толстого. Без квартиры, разумеется, жить нельзя. Дело это житейское, и вряд ли кто станет упрекать Телегина в том, что он так озабочен этим делом. Но ведь здесь вопрос куда серьезней. Это не просто поиски квартиры—это *дело жизни* Телегина и Даши, это тот «*дом*», который хотят они строить. Оба они противопоставлены всему остальному. Кровь и насилия, жестокость и сладострастие, сытое довольство и голодная ненависть, неприкрытая нищета и лихие тройки с бубенцами в синие морозные ночи—это удел человечества, России, Русской земли. Изящная квартира с белыми комнатами и синими занавесками—это удел их двоих, Ивана Ильича и Дарьи Дмитриевны, которые повенчаются в церковке на «Курьих Ножках».

Но, быть-может, автор умышленно поставил их в такое обреченное положение? Быть-может, он с тайной жестокостью хочет провести их по путям жизни и показать, что *так* жить—преступление, что это другая сторона того распада, который, по его мысли, и приведет Русскую землю к тягчайшим испытаниям? Нет. Таких задач автор себе не ставит. Он глубоко заинтересован своими героями и вместе с ними любовно мечтает о синих оконных занавесочках с пейзажем на острова. И хотя весь мир, обезумев, истреблял себя, в Петербурге, в конце Каменноостровского, два счастливых человека испытывали совершенно божественное блаженство.

> «Сбоку Даши сидел Иван Ильич и глядел на нее не шевелясь, хотя мог шевелиться сколько угодно,—Даша все равно бы никуда теперь не исчезла из этой комнаты с синими занавесками и с багровым отсветом зари на белой стене, над вышитыми подушками дивана.
>
> — Господи, как грустно, как хорошо,—сказала Даша,—как хорошо, что я с тобой... Точно мы плывем на воздушном корабле... Ах, Иван, я буду ужасно экономить по хозяйству, но нужно бы взять рояль»...

V.

Здесь наступил бы, конечно, конец романа этих двух положительных героев. Но дальнейшее повествование осложняется. Иван Ильич смутно понимает, что тут что-то не то. «Русская земля» содрогается от конвульсий, а он с Дашей, созерцая закат, смотрят друг другу в глаза и чувствительно вздыхают: «Господи, как грустно, как хорошо!» Такие сентименты им не простит «Русская земля».

В одном из первых писем Иван Ильич написал Даше: «В какое ужасное время приходится нам любить. Ужасное время было в том,—поясняет от себя автор,—что уютный, старый, быть-может, слишком тесный, но дивный храм жизни содрогнулся и затрещал от удара войны, заколебались колонны, во всю ширину треснул купол, посыпались старые камни,—и вот, среди пыли, летящего праха и грохота рушащегося храма, два человека, Иван Ильич и Даша, в радостном безумии любви, наперекор всему, пожелали быть счастливы».

Телегин знает, что они идут «наперекор всему». «Я счастлив,—думает он,—и чтобы жить в этом счастьи, я нарочно не вижу и не слышу всего, что делается вокруг меня. Я обманываю самого себя и обманываю Дашу. Я сержусь, когда мне говорят, что Россия гибнет, но ничего, кроме этих сердцов, не делаю для того, чтобы она не погибла. Теперь я должен либо продолжать жить бесчестно, либо»...

Альтернатива поставлена правильно. И слово найдено: «*жить бесчестно*». Но Телегин не может этой альтернативы решить. «Выводы этого «либо» оказались настолько неожиданны, и Иван Ильич был к ним так неподготовлен, что, спустя недолгое время, он счел за лучшее отложить все выводы и все решения на завтра, задернул штору на окне и лег спать».

Это, конечно, самый лучший выход. Ал. Н. Толстой еще не пробудил своего героя, и мы не знаем, как разрешит Телегин непримиримое противоречие: с одной стороны—любимая Даша, экономия по хозяйству, рояль, синие занавески, «я хочу, чтобы от тебя был ребенок»,—такое все теплое, домашнее, физиологическое, с другой—«о, Русская земля!»—народ, великая Россия, общественное служение.

«Я люблю,—вот это важно, это истинно,—думает Иван Ильич,—как бы я ни поступал, если это от моей любви—это хорошо!» Спорить здесь с ним не приходится. Но ведь хочет он того или нет—Телегин стоит между двух огней. Он не соединил оба эти огня в один костер. Личное и общественное в его сознании и в его жизни отъединены одно от другого. Даром это не проходит и не пройдет. Не разрешив этого вопроса, он лег спать. За него будут решать другие. Как это произойдет—мы узнаем, вероятно, во второй части трилогии, если ей суждено увидеть свет.

VI.

Первая часть трилогии напечатана в журнале «Современные Записки». Случайно ли появление ее в этом именно органе эмигрантской мысли? Нет, конечно. Автор «Хождения по мукам» вместе с прочими эмигрантами разделял все очарования и разочарования русской белогвардейской интеллигенции. Отразилось ли это на романе? Без сомнения Здесь мы лишний раз наблюдаем зависимость искусства от той социальной позиции, которую занимает автор. Живи он в эпоху мирную, когда противоречия сглажены, и кроты социальных антагонизмов глубоко роют под землею, Ал. Н. Толстой, пожалуй, мог бы остаться «объективным» живописателем нравов.

Двух станов не боец,
А только гость случайный...

Но Ал. Толстому выпала завидная судьба жить в эпоху Революции, в величественные годы грандиозных катаклизмов, и он не смог оказаться между двух берегов. Революция выбросила его на *тот берег*. И печать белого берега лежит на романе.

Величие Льва Толстого заключалось не только в его гениальности Нам известно, как много труда вкладывал он в изучение декабристов, когда задумывал роман из этой эпохи. Мы знаем также, как тщательно подбирал он материалы для «Войны и мира»: ему было ясно, что одной интуиции недостаточно для творчества. И поучительный пример, которому должен следовать всякий, кто захочет итти по стопам великого романиста, заключается именно в том, чтобы писать только то, что знаешь, и только тогда, когда не остается никаких сомнений в действительности этого знания.

Имеется ли такая уверенность у нас по отношению к роману Алексея Толстого? Знает ли он всесторонне тот материал, который положил в основу своего повествования.

Мы не говорим об устремлениях автора. Классовая природа автора предопределяла эти устремления и всю вообще позицию, занятую автором. Для нас не остается сомнений в том, что в годы 1918—1920 Ал. Толстой был своим человеком на *том берегу*. Этого одного было бы достаточно для априорного утверждения, что живопись его, посвященная русской революции, будет отражать предметы под углом зрения *того берега*. Но априорное суждение не будет суждением достоверным. Попытаемся же удостовериться, как отразились события русской революции в его романе.

Уже на первых страницах, в заседании религиозно-философского общества, появляется «*он*»,—загадочный мужчина, призванный сыграть роковую роль в дальнейших событиях.

> «На кафедру поднялся небольшого роста человек с шишковатым стриженым черепом, с молодым скуластым и желтым лицом,—Акундин. Появился он здесь недавно; успех, в особенности в задних рядах зрительного зала, бывал у него огромный, и когда спрашивали—откуда и кто такой, знающие люди загадочно улыбались. Во всяком случае фамилия была ему не Акундин, приехал он из-за границы и выступал неспроста».

Эта характеристика великолепна. Образ зарисован туманно и осторожно. Он интригует с первого своего появления. Это как бы вестник подземного мира, связанного тайнами и заговорами. Планы его никому неизвестны, но в его руках власть, сила, могущество. Этот Акундин в интеллигентской аудитории пророчит революцию, угрожающе говорит о мужике, которого разбудят фабричные гудки, который, проснувшись, заговорит, но не о мессианстве, а о справедливости, и «голос его будет неприятен для слуха». Он зловеще намекает, что интеллигентские разговоры кончатся «большой кровью»—и это пророчество, постепенно исполняющееся на страницах романа, вложенное в уста пророка задним числом, связывает его со всеми дальнейшими событиями.

Акундин «действует». Он появляется редко, но появляется всегда, где пахнет «большой кровью». Он действует на заводе во время забастовки, отдает распоряжения, направляет, организовывает, провоцирует, вызывает беспорядки, кончающиеся расстрелами. Он представляет собой элемент революции—не стихийный, не хаотический, а организующий, ин-

теллектуальный, который знает, чего хочет, которому открыты книги судеб. Это—организатор. Такова роль, отводимая ему автором. А вот послушайте, что рассказывает этот организатор.

«Большая будет потеха на свете, Алексей Алексеевич,—говорит он Бессонову.—...В такие иерихонские трубы затрубим, Алексей Алексеевич, не то, что стены,—все сверху донизу рухнет. У нас ухватка уж больно хороша. Словечко есть. Важно было словечко найти. Сезам, отворись! И в нашем словечке особенный фокус: к чему его ни приставишь, все в ту же минуту гниет и рассыпается. А вы-то говорите—камня не сдвинем».

«Потеха», «словечко»—стиль Смердякова и Иудушки Головлева—но такой стиль в романе усвоен этому загадочному человеку. Говорит он ни много, ни мало, как о доктрине классовой борьбы, но в устах этого персонажа с ухватками романтического злодея проповедь классовой борьбы приобретает такой иезуитски-смердяковский характер:

«Пример: дом каменный видите? Видим. В доме сидит кирпичный фабрикант, цепочка поперек живота, видите? Видим. Шкаф у него полный денег, а под окнами городовой ходит, смотрит строго, видите? Видим. Ну, все это, по мировой справедливости, ваше, товарищи! Поняли? А вы, Алексей Алексеевич, говорите, что мы теоретики. Мы, как первые христиане. Они нищему поклонились, и мы униженному и оскорбленному, лохудре, что и на человека-то не похож,—низкий поклон от пяти материков. У них было словечко, и у нас словечко. У них крестовые походы, и у нас крестовые».

Так говорит Акундин. Нельзя без улыбки читать эту суздальскую подделку. Не хочется обижать большого художника, но что-ж делать, если этот Акундин вызывает в памяти соответственные образы революционных злодеев, выписанных бесподобной «кистью» генерала Краснова. У того, разумеется, топорно, аляпо, бесталанно—у Толстого тонко, искусно, узорно, но по существу столь же лживо, неверно, выдуманно.

VII.

Неверные ноты не перестают звучать на страницах, где автор говорит о революции. Причина здесь—извращающая призма «того берега». Когда такую призму мы имеем в лице генерала с пером в руке—мы не грустим: это фигура обреченная. Но будет очень печально, если большой художник окажется на длительный период слепым по отношению ко многим явлениям и краскам жизни.

В разгаре войны, в германском плену Акундин сталкивается с пленным Иваном Ильичом Телегиным. Вот как сообщает об этом Телегин:

«Недавно к нам привезли новую партию пленных, и, представь, кого я встретил,—Акундина, он прапорщик, попал в плен и весел и очень доволен. Просидел в лагере неделю, и его куда-то увезли. Очень странно».

В самом деле—*странно*. Телегин не виноват.—Совершенно естественно, что, встретив Акундина, веселого, довольного, которого *куда-то*

увезли германцы, он испытывает некоторое беспокойство, недоумение, неловкость. Своим коротким письмом, которое *не случайно* в романе, он те же чувства возбуждает и в читателе, а так как читатель знает об Акундине больше, чем Телегин, то к этим ощущениям у него прибавляется еще и подозрение: почему весел? куда увезли? зачем? кто? как? и так далее, и так далее. Словом, очень искусным приемом автор вновь бросает на Акундина густую тень—не зря и не без умысла,—и мы нисколько не удивимся, если во второй части трилогии встретим Акундина в роли германского агента, на деньги немецкого генерального штаба организующего русскую революцию. Это и есть угол зрения «того берега», о котором мы говорили.

С точки зрения «*нашего* берега», революция—освобождение, борьба за будущее, этим будущим оправдывающая жестокость, кровь, все трагические гримасы. Все это—чистилище, сквозь которое лежит тернистый путь в обетованную страну завтрашнего дня. С точки зрения «*того* берега», революция—разгром культуры, восстание голодных дикарей против благородной породы человеческой, грабеж, захват, голод, не оправданное насилие.

«Чем вы занимаетесь?» спрашивает в ресторане Бессонов знакомую нам Елизавету Киевну.

«Мне предлагали войти в партию для совершения террористических актов, но я ненавижу дисциплину. Стать кокоткой—не хочу,—брезглива. Заняться полезной деятельностью—лучше петлю на шею. Что можно сейчас делать, когда все гнилое, все гниет. Ничего я не делаю. Вам странно? Противно? Так вот, я вас спрашиваю,—куда мне деться?

«Я думаю, что таким людям, как вы, нужно подождать немного,—ответил Бессонов, поднимая стакан на свет,—скоро будет время, когда тысячи таких же окаменевших химер оживут и слетятся делить добычу».

Это—тоже «пророчество», достойное того воронья, что по воле автора кружится над кремлевскими башнями. «Дележкой добычи» вообще начинает постоянно пахнуть на страницах романа, лишь только автор касается революции. И если из уст Акундина мы слышим что-то о «большой потехе» и о «большой крови», то сам автор заботливо развертывает перед нами те слои, которые позднее сделаются движущими силами революции.

Вот, например, интеллигент, инженер Струков.

«Хорошо бы всю машину вдрызг разворочать... самое время. А?—говорит он Телегину.

«Не думаю... Не нахожу ничего хорошего,—отвечает тот.

«Ни государства, ни войска, ни городовых, ни всей этой сволочи в котелках... Устроить хаос первоначальный.

Струков вдруг сжал прокуренные зубы, и зрачки его стали как точки.

«Ужаса нагнать, такого напустить ужаса, чтобы страшнее войны... Все проклято, заплевано, загажено, гнусно. Разворочать, как Содом и Гоморру... Оставить ровное место.—На лбу его под каплями пота надулась вкось жила.—Все этого хотят, и ты этого хочешь. Только я смею говорить, а ты не смеешь...»

А Иван Ильич Телегин отвечает ему в том же вкусе.

«Вы всю войну в тылу просидели,—сказал Телегин, со злобой и омерзением глядя на Струкова,—а я воевал и знаю: в четырнадцатом году нам тоже нравилось драться и разрушать. Теперь нам это не нравится. Мы разрушали, но мы боролись. А вот вы, тыловые люди, только теперь и входите во вкус войны, и вся психология у вас мародерская, обозная: грабь, жги... Я давно к вам присматриваюсь—у вас идея разрушать, самим дорваться до крови. Ужасно».

Перед нами психопат, кокаинист, субъект с растрепанным сознанием и с анархической фразеологией, но автор принимает его всерьез. Можно предположить, что, с точки зрения «того берега», этот субъект—превосходный кандидат в большевистские комиссары, как их живописуют белогвардейские очевидцы. Мы не будем спорить о том, что такие субъекты могли и действительно существовали в природе. И комиссары такие могли быть,—но вопрос в том, насколько такие субъекты *типичны*, чтобы послужить материалом для романа. Поток революции вовлекал в себя и прохвостов, и настоящих злодеев, это — эмпирический факт, но ведь это именно то, что сбрасывается с весов: случайные элементы, единицы, нисколько не типичные и не характерные для широких общественных явлений, муть, подымаемая волной. Только тогда, когда имеется предвзятая мысль, эти случайные элементы выводятся на авансцену и получают директиву действовать.

Под диктовку такой «предвзятой мысли» наш автор выводит в помощь Струкову еще одного неуравновешенного господина, который более членораздельно и систематически излагает целую систему борьбы. Позднее, вероятно, этот деятель займет почетное место в дальнейшем ходе событий. Система развертывается перед читателем в многоречивых тирадах некоего Жадова.

«Шесть месяцев тому назад в тыловом городке, в лазарете, в одну из дождливых ночей, когда у Жадова ныла несуществующая, отрезанная рука, он рассказал Елизавете Киевне о том удивительном прозрении, которое совершилось с ним за время войны: он понял, что так же, как нет греха, взяв палку, разворотить муравьиную кучу, с такой же ясностью духа можно и нужно уничтожать государство, законы и религию. Человек рождается на короткий миг жизни, чтобы свободно раскрыть в ней весь свой гений, всю силу своих страстей. Но инстинкт толпы,—человечества, — стремится обезопасить себя от личности, оковать ее цепями обязанностей, покрыть всю жизнь ровной поверхностью болота, где все лягушки равны. В жизни два закона—закон человека и закон человечества, свобода и равенство. Соединить эти понятия—нелепость, они противоположны и враждебны. В происходящей сейчас войне человечество уничтожает друг друга во имя государства, закона и религии. Люди легко и безропотно превращаются в стадо, сбиваются в полки, в дивизии, в корпуса и, возбужденные слепой, глухой, неразумной ненавистью, уничтожают врага только за то, что он—иной, не равный. В этой кровавой каше они дойдут до того, что возненавидят всякое неравенство, самую идею свободы.

Вот к какому чудовищному выводу пришла современная культура,—государства пожирают сами себя во имя какого-то идеального всеобщего рабства—равенства. Вывод только один—взорвать до основания мировую культуру, и на освобожденной опустевшей земле жить во имя самого себя».

Это философия индивидуализма, анархическая стихия революции. А вот в беседах с этим самым Жадовым дана противоположная, коллективистическая философия, другая стихия революции. Развивает ее, рабочий Гвоздев, «высокий человек со слабой спиной». Он «партийный» и действует по директивам «партии».

«..Мы должны разрушить самый инстинкт выделения личности, вот этого «я»,—говорит Гвоздев.—Пусть человечество обратится в стадо, хорошо. Мы станем его вожаками. Мы уничтожим всякого, кто на вершок выше стада. Да, да, да,—он тыкал костлявой рукой в сторону Жадова,—тут вся идея в вершке,—мы его срежем. На страшном закате века мы уже тронулись в путь, нас охватила ночь. Нам устроили бойню. Нас натравили друг на друга еще раз, в последний раз попытались дьявольски обмануть... Но я говорю,—нас много, нас миллионы, мы вынесем эту бойню».

«Пятьдесят миллионов мужчин, в возрасте от 17 до 45 лет, получили оружие. Разъединение рабочих масс Европы искусственное, — рабочие все научились делать оружие и по данному знаку протянут друг другу руки через линию траншей. Война кончится революцией, мировым пожаром, штыки обратятся внутрь стран... И вот здесь вы делаете вывод как раз обратный, неверный, нелепый... При чем тут свобода личности,—анархизм, бред. Пафос равенства—вот вывод из войны. Вы понимаете, что это значит: перестройка всего мира, государства, морали. Земной шар придется вывернуть наизнанку, чтобы хоть немного приблизиться к той истине, которая кровавым пламенем загорится в массах народа.—Справедливость. На трон императора взойдет нищий в гноище и крикнет: «Мир всем». И ему поклонятся, поцелуют язвы. Из подвала, из какой-нибудь водосточной трубы, вытащат существо, униженное последним унижением, едва похожее то на человека, и по нему будет сделано всеобщее равнение. Куда же вы сунетесь тогда с вашей личностью—царем царей, вам просто оторвут голову, чтобы она не торчала слишком высоко».

Вчитайтесь внимательно в этот великолепный диалог. Какая беспомощность, какое незнание, непонимание вещей, о которых говорят эти люди. И мы будем обвинять не Гвоздева,—он может плести небылицы,—мы обвиним автора, избирающего Гвоздева тем рупором, которым говорит в его романе назревающая рабочая революция. Ведь, если смахнуть художественную «вуаль», мешающую автору более точно определить партийность Гвоздева, получится такая картина: некий «партийный» рабочий развивает на страницах романа теорию рабочей революции, диктатуры пролетариата. Но он говорит *чепуху*. В чем же дело? Либо этот рабочий «обдурачен» с умыслом, говорит глупости по указке,—но это прием не умный, и на него Ал. Толстой не пойдет просто из чувства художественного такта. Либо—мы настаиваем на этом предположении—автор вкладывает в уста рабочему чепуху, совершенно этого не подозревая, а, наоборот, искренно полагая, что тирадами о «нищем на гноище», который взлезет на трон императора, да о всеобщем поравнении по какому-то униженному существу («лохудра» Акундина) Гвоздев правильно выражает сущность крайнего революционного учения, поднявшего всех бедняков на восстание против богатых и знатных.

И для «рабочего-социалиста» Гвоздева, и для анархиста-интеллигента Жадова—революцию сделает Михрютка-кривоногий, лохудра, униженнейший из униженных. Гвоздев его ждет и благословляет, ибо

он, Гвоздев, будет вожаком стада. Не прочь в качестве «вожака» пристроиться и Жадов.

«Предположим,—проговорил Жадов холодным, как лед, негромким голосом,—предположим, что Михрютка-кривоногий с разбитой на войне рожей завопит, наконец, о всеобщем равенстве, переколет офицеров, разгонит парламенты и советы министров, сорвет головы всем носителям носовых платков, и так далее, до конца, покуда на земле не станет ровно. Согласен, что будет так. Ну, а вот вы-то, вожаки, что будете делать в это время—равняться по Михрютке-сифилитику из водосточной трубы? Нуте-с?

Гвоздев ответил поспешно:

— Чтобы перейти от войны к военному бунту, от бунта к политической революции и далее—к революции социальной—для этого должен быть выдвинут четвертый класс—вооруженный пролетариат, он должен взять на себя всю ответственность за революцию, взять в свои руки диктатуру.

— Значит, уж не равнение по Михрютке?

— Во время революции—не равенство, а диктатура. Революционные идеи насаждаются огнем и кровью,—пора бы вам знать.

— А когда революция кончится, как же вы с революционным-то пролетариатом поступите?—Поведете равняться весь класс по Михрютке, или уж так, как-нибудь, навсегда и оставите заслуженную, революционную аристократию?

Гвоздев остановился, поскреб бороду:

— Пролетариат вернется к станкам... Разумеется, придется и здесь столкнуться с человеческой природой, но ничего не поделаешь... Вершки должны быть срезаны».

Вот теория пролетарской революции в художественном изложении беллетриста с «того берега». Этот пересказ не очень далеко ушел от домыслов Платона Краснова. Что-ж делать: и Толстой и Краснов—пили из одного источника. Могло ли это пройти даром?

Эта сцена, в которой фантастика конкурирует с полным неведением, заканчивается достойнейшим образом. Между социалистом-рабочим, сторонником «диктатуры пролетариата», и анархистом-интеллигентом заключается символический союз: Жадов тоже хочет быть «вожаком».

Жадов:

«Михрютку кривоногого, сукиного сына, сифилитика, ненавижу и презираю откровеннейшим образом; вместе с вами согласен равнять его под гребенку и бить его по башке, когда он зарычит. Согласен устраивать революцию хоть завтра с утра. Но уж только, дорогой мой, не во имя моего равенства с Михрюткой, а во имя михрюткиного равенства... Хозяином буду хорошим, да, да, заранее обещаю».

А другой рабочий, Филька, в кретинизме которого никаких сомнений быть не может, говорит Жадову:

«Таких бы нам, как вы, тов. Жадов, побольше надо».

Союз заключен не зря. Союзники немедля устраивают ограбление фелуки, стоящей в море. Ограбление сопровождается убийством и опусканием трупов в воду. «Революция», по Ал. Толстому, начинает вступать в свои права.

Для характеристики Жадова, с которым нам, вероятно, придется встретиться в дальнейших частях трилогии, приведем еще его слова:

«Никакого оправдания этому грабежу нет пред новым «эксом»,—говорит он Елизавете Киевне, нашедшей, наконец, точку приложения своих сил,—вот в том-то вся и сила. Если бы было оправдание,—я бы отказался от дела. Вся суть в том, что оправдания нет. Поняла?

— Можно мне с тобой завтра?

— Можно. Это дело будет началом, Лиза. Если головы завтра не сломаю,—развернусь... Клич кликну. Мы найдем товарищей... Раскроем подвалы, выпустим всю ненависть человеческую»...

VIII.

Таковы некоторые черты для характеристики русской революции, какие мы находим в романе Алексея Н. Толстого. Это дает нам основание заметить, что «Хождение по мукам»—не «Война и мир», о, далеко не «Война и мир»! И лишний раз приходится подчеркнуть, что художники, даже очень талантливые, не являются исключением из общего правила, весьма лаконично выражаемого афоризмом: «нельзя изготовить рагу из зайца, не имея зайца». Нельзя художественно изображать события, людей, факты, которых не знаешь, о которых имеешь самое ложное представление. Извращенная, изуродованная, преломленная сквозь призму классового пристрастия,—такая живопись становится материалом для характеристики самого автора. В нашем случае она характерна для всего «того берега». В этом смысле «Хождение по мукам»—образец очень показательный.

Мы не говорим о том, что автор симпатизирует своим хорошим героям и не симпатизирует прочим. Мы не станем также приписывать автору слов, намерений и вкусов тех его героев, которых он рисует красками положительными. Не в этом дело, и мы с охотой сочтем автора стоящим над героями и злодеями, бесстрастно лишь их живописующим. Что ж делать, если хорошие люди кажутся хорошими, а мерзавцы возбуждают отвращение. Но ведь сила-то вся в том, что, рисуя перед нами мерзавцев, автор вовсе не задавался такими нехорошими целями. Гвоздев, например, либо дурак и враль, либо шарлатан,—автор преподносит его нам, как всамделишнего революционера, социалиста, идеолога диктатуры пролетариата. «Тот берег» будет утверждать, что Толстой великолепно «отразил» революцию, что ее действительно сделали загадочные Акундины, невропатические Струковы, сумасшедшие Жадовы, меланхолически-тупые Гвоздевы да идиоты Фильки, что русская революция—это сплошное «грабь», «жги», как говорит Толстой. Так оно и должно быть, с точки зрения *«того* берега». «*Наш* берег», напротив, будет утверждать, что все это чепуха, что «мерзавцы»—последнее удовольствие, в котором себе не могут отказать побитые, посрамленные и в конец ликвидированные «хорошие» люди. Это будет спор весьма бесплодный, который ни начинать, ни продолжать не будет охоты у людей, не имеющих свободного времени на занятие пустяками.

Но для представителей обоих берегов, которые *знают* людей, совершавших русскую революцию, которые понимают подлинные движущие

силы ее,—будет ясно, что «мерзавцы» и «злодеи», разрисованные Ал. Н. Толстым на страницах романа, суть порождения его фантазии, призванные восполнить полное отсутствие знания среды, которую он решил живописать. Толстой не соприкасался с революционными рабочими, он не знает революционного подполья, а то, что он о них знает, не выходит, очевидно, за пределы «документов», увековеченных «бесподобным» пером г-жи Зин. Гиппиус. Право, все это напоминает мне злые слова номерного в грязной, проплеванной гостинице, где с незнакомой женщиной проводит ночь Алексей Алексеевич Бессонов. Горничная что-то твердит собеседнику про свою деревню. Рассерженный номерной, у которого есть *свой* опыт, в сердцах отвечает:

«Заладила про свою деревню. Тоже Рассея! Много ты понимаешь. Походи ночью по номерам—вот тебе и Рассея. Все сволочи. Сволочи и охальники».

И он прав, конечно, с своей постельно-лакейской точки зрения. И если бы этот номерной, скажем, вознамерился писать роман о «Рассее»—легко можно представить, какие восхитительные пейзажи представились бы глазам нашим. И какими очаровательными оказались бы в изображении его всякие русские люди! Не то же ли самое делает граф Алексей Н. Толстой со своими персонажами революции: «Все сволочи! Сволочи и охальники». Такова судьба писателя, который взялся описывать русскую революцию с «того берега».

IX.

Роман лишь начат. Он представляет собой трилогию, вторая часть которой будет целиком посвящена 1918—1922 годам, как говорит в предисловии автор. В этой части мы, вероятно, встретим наших знакомцев, которые в первой части появлялись лишь случайно, как первые молнии близкой грозы. Особенно это интересно нам потому, что по напечатании первой части трилогии в некоторых точках зрения автора произошел перелом. Этот перелом заметен уже на предисловии, написанном для отдельного издания романа.

«В смятении я оглядываюсь: действительно ли Россия—пустыня, кладбище, былое место,—спрашивает он и отвечает:—Нет, среди могил я вижу миллионы людей, изживших самую горькую горечь страдания и не отдавших земли на расточение, души—мраку. Да будет благословенно имя твое, Русская земля!»

Это как будто ответ на великий пессимизм заключительных страниц романа. Они так характерны, что мы приведем из них несколько мест.

«Родины у нас с вами больше нет,—говорит некий Рощин, вскоре после начала революции, патриот-офицер, очень желавший довести войну до полной победы,—есть место, где была наша родина,—он стиснул лежавшие на скатерти большие кулаки так, что посинели пальцы!—Великая Россия перестала существовать с той минуты, когда народ бросил оружие. Как вы не хотите понять, что уже началось... Николай угодник

вам теперь поможет... так ему и молиться забыли... Великая Россия теперь—навоз под пашню... Все надо—заново: войско, государство, душу надо другую втиснуть в нас. Русского народа нет,—есть жители, да вот такие дураки.

«Он ударил себя в грудь, упал головой в руки на стол и глухо, собачьим, грудным голосом зарыдал»...

«А на другой день, проходя мимо одного дома на Петербургской стороне, он заметил своей спутнице:

«— Вот оно змеиное-то гнездо где—ну, ну...

«Это был особняк знаменитой балерины, где сейчас, выгнав хозяйку, помещался центральный комитет одной из борющихся за власть партий, именуемой в просторечии большевиками. Всю ночь здесь сыпали горохом пишущие машинки, а поутру, когда перед особняком собирались какие-то бойкие оборванцы и просто ротозеи-прохожие, на балкон выходил глава партии и говорил толпе о том, что нужно немедленно свергнуть временное правительство, передать всю власть советам, заключить с немцами мир, уничтожить смертную казнь, собственность, деньги и принудительный труд. Все это он обещал сделать через посредство своей партии.

«— На будущей неделе мы это гнездо ликвидируем, — сказал Рощин».

Это гнездо в дальнейшем повествовании займет, вероятно, не последнее место. Ждем продолжения с большим любопытством.

II. СРЕДИ СТИХОВ.

Валерий Брюсов.

1. Илья Эренбург. Опустошающая любовь. Изд. «Огоньки». Берлин. 1922 г., стр. 68. **2. Владислав Ходасевич.** Тяжелая лира. Четвертая книга стихов. Гиз. ПБ. 1922 г., стр. 66. **3. Марина Цветаева.** Стихи к Блоку. Изд. «Огоньки». Берлин. 1922 г., стр. 48. **4. Мария Шкапская.** Барабан строгого господина. Изд. «Огоньки». Берлин. 1922 г., стр. 58. **5. Леонид Гроссман.** Плеяда. Цикл сонетов. Изд. 2-ое «Костры». М. 1922 г., стр. 24. **6. Николай Берендгоф.** Лирика I. М. 1922 г., стр. 32. **7. Абрам Лейзер.** Ваши цветы. Изд. друзей автора. М. 1922 г., стр. 24. **8. Д. Олером.** Олимпийские сонеты. Иркутск. 1922 г., стр. 32.

Рецензентов, оценивающих сборники стихов, часто упрекают в «голословности». К сожалению, избегнуть такого упрека трудно. Чтобы *доказать* свое мнение о книге новых стихов, надобно подробно разобрать несколько стихотворений, т.-е. по поводу книжки, часто небольшой, написать чуть ли не большую статью; между тем рецензент обычно имеет

в своем распоряжении всего небольшое число строк. Остается одно, чтобы читатели поверили, что эта работа—внимательный разбор отдельных стихотворений—произведена рецензентом, подписавшим свое имя, «дома», «за кулисами», и что он в отзыве собирает лишь свои окончательные выводы. Ручательством, что это было так, служит подпись автора и авторитет изданий, где рецензия напечатана.

Передо мной книга новых стихов И. Эренбурга,—которая по счету, уже не вспомню: десятая? двенадцатая? хотя И. Эренбург, сравнительно, молодой поэт. Мне его новые стихи решительно не нравятся. Но тема книги—наша революция, стихи, сделанные умело,—для взгляда, не слишком изощренного,—чуть не мастерские. Как оправдать свое мнение.

Беру (намеренно) *первое* стихотворение в книге:

Тяжелы несжатые поля,
Золотого века полнокровье.
Чем бы стала ты, моя земля
Без опустошающей любови?
Да, любовь и до такой тоски,
Что в зените ледянеет сердце,
Вместо глаз кровавые белки
Смотрят в хаотические сферы.
Закипает глухо желчь земли,
Веси заливает бунта лава
И горит Нерукотворный Лик,
Падает порфировая слава.
О, я тоже пил твое вино!
Ты глаза потупила, Весталка,
Проливая в каменную ночь
Первые разрозненные залпы.

Попытаюсь рассмотреть эти стихи ближе.

Они—изображение России в эпоху Октябрьской революции. Но догадаться о смысле можно, только сопоставляя это стихотворение с дальнейшими. Само по себе оно может значить и то, что хочет сказать автор, и многое иное. Отдельные образы не связаны единой точкой зрения, не «организованы», говоря техническим языком. «Земля» вначале как будто олицетворена; иначе нельзя понять выражений «полнокровье», «сердце», «глаза—кровавые белки»; все это—приметы России, охваченной в 1917 г. «опустошающей любовью». Однако, уже резко диссонируют с этим образом выражения «золотой век»—условный термин, вызывающий такие ассоциации, как «век Августа», «век Людовика XIV», или «в зените»—неосторожное, когда говорится именно *о земле* (в ином месте «сердце в зените» могло бы быть и удачно). А далее:

Закипает глухо желчь земли,
Веси заливает бунта лава.

Автор уже забыл о своем олицетворении. Помимо того, что романический образ «лава» ничего не говорит современному читателю (вряд ли наблюдавшему извержение вулканов), он не вяжется с основным образом

«моей земли» в виде некоего существа, глаза коего устремлены в сферы. Откуда же льется эта лава, «заливающая веси» (и почему славянизм «веси», а не «селения» или «города»?) Еще далее:

И горит Нерукотворный Лик,
Падает порфировая слава.

Чей лик? Очевидно, не земли, ибо лицо с кровавыми белками неудобно «нерукотворным». Вероятно, того идеала, к которому земля исполнилась опустошающей любовью,—так ли? А «порфировая слава»—это слава царского периода, воплощенная в памятниках из порфира; но, во-первых, как неудачно сказано «падает» (не то «разрушается», не то «ниспадает с неба»), а во-вторых, как это неуместно при олицетворении земли. Затем, в последней строфе, земля вдруг оказывается «весталкой», притом имеющей запасы какого-то вина. Это значит, что она (земля) «пьянила» всех своим порывом (революцией), но нужно ли было при этом причислять землю к «весталкам», для которых вовсе не характерно спаивать кого бы то ни было. В заключение это вино оказывается олицетворением «залпов», которые—та же «весталка», что весталкам еще менее свойственно, «проливала» в ночь, получающую эпитет (здесь излишний) «каменная». Допустимо ли так неряшливо громоздить образ на образ, не заботясь нисколько, соответствует ли один другому!

В следующем, втором, стихотворении, любовь олицетворена во образе существа, у которого «встревоженное сердце—пчельник». А дальше рассказывается, что пчелы «высасывают звериное тепло», «к устам припав». К чьим устам? того самого существа, в сердце которого они живут, как в пчельнике? Повидимому, так, потому что в меде этих пчел оказывается «грусть еще *нецеловавших губ*». А еще дальше сообщается:

Роясь в семнадцатом огромном роем.
Любовь сошла...

Но ведь из предыдущего следует, что не самая любовь «роилась», а пчелы, живущие у нее в сердце! Третье стихотворение начинается строфой:

Нет, не сухих прожилок мрамор синий,
Не роз вскипевших сладкие уста,
Крылатые глаза—твои, Богиня,
И пустота.

Здесь уже не только образы противоречат один другому, но и самое синтактическое строение фразы более чем сомнительно

Так написана вся книга, небрежно, приблизительно. Понять, что хочет сказать автор, можно. но надо для этого приблизительные выражения *переводить* в уме на точные. Это ли язык поэзии! Не говорю уже о такой же небрежности формы; напр., рифмы «полнокровью—любови», «вино—ночь», «свирельный—пчельник», «пчелы—золот», «двоеверки—сердца» и т. под.—просто плохие созвучия, а вовсе не рифмы «нового типа» (как у Маяковского, Пастернака, Асеева). Общий смысл книги дан в ее заглавии. Октябрьская революция была для России «опустошающей

любовью»; эта любовь спасает и спасет Россию, тогда как для «испепеленной» Европы спасения нет. Но с этой основной мыслью сплетены в стихах И. Эренбурга разные мистические (и чисто-религиозные) представления. Последние возникают не столько в виде определенных утверждений (хотя бы и в образной форме), сколько в виде неизбежных для автора психологических ассоциаций. Поэтому чуть не на каждой странице читателя встречают—«нерукотворный лик», «Божие подобие», «озера Галилеи», «плач страны, возревновавшей Бога», «Вифлеемова звезда», «глина в руках неутомимого Горшечника» и т. под.

Есть ли в книге хорошие стихи? Есть, и даже очень хорошие, но нет ни одного цельного стихотворения, ни одного настоящего «произведения искусства». Не лишенный таланта, автор, спешно, не вдумываясь в свои темы, не работая, как художник, набрасывает книгу за книгой... Жаль.

Надеяться, что И. Эренбург перестанет небрежно записывать первые приходящие в голову слова, станет серьезно работать, и тогда явится в нашей литературе выдающимся поэтом,—трудно. Но совершенно безнадежно, чтобы такого выдающегося поэта мы получили в лице Владислава Ходасевича, потому что этот—не небрежен: он явно работает, даже черезчур, и, следовательно, дает все, что может дать. Предо мною «Четвертая книга стихов» Ходасевича, и стихи эти больше всего похожи на пародии стихов Пушкина и Баратынского. Автор все учился по классикам и до того заучился, что уже ничего не может, как только передразнивать внешность:

Буря! Ты армады гонишь
По разгневанным водам,
Тучи вьешь и мачты клонишь,
Прах подъемлешь к небесам.

(Немножко из: «Ветер, ветер, ты могуч, Ты гоняешь стаи туч...», немножко из Баратынского).

Высоких слов она не знает,
Но грудь бела и высока
И сладострастно воздыхает
Из-под кисейного платка.
Ее стопы порою босы,
Ее глаза слегка раскосы...

(Немножко из «Калмычки» Пушкина, немножко из других).

Моя изгнанница вступает
В родное, древнее жилье.
И страшным братьям заявляет
Равенство гордое свое...

И дерзкой волею певца
Приемлю дерзкое решенье...

Гитарный голос ей понятен
Отзывом роковых страстей...

И всюду—«отроковица», «краса», «воззри», «лира», «темно-лазурная» и т. под. А если автор пытается сочинить образ «от себя», выходит еще хуже. «Прорезываться начал дух, как зуб из-под припухших десен», изображает В. Ходасевич, и тотчас—«Прорежется и сбросит прочь изношенную оболочку»: словом, прорезавшийся зуб сбрасывает десны! «Душа моя, как полная луна...» «Но слез моих она не осушит»: душа поэта, осушающая слезы его же!

Тема стихов все тоже—«пушкинские», «тютчевские» и т. под., но в таком же отношении к темам Пушкина и Тютчева, как стихи Ходасевича к их стихам. Впрочем, сам поэт весьма недоволен и жизнью и самим собой. Выражение «не надо» пестрит книжку:

Довольно. Красоты не надо...

И революции не надо...

Ни розового сада,
Ни песенного лада
Воистину не надо...

Душа взыграла. Ей не надо
Ни утешений, ни услад...

«Мудрый», по мнению В. Ходасевича, «смыкает пресыщенные глаза». И, пожаловавшись господу-богу: «Тяжек Твой подлунный мир!» высказав желание: «Поленом бы лечь на снегу», признавшись: «Смотрю в окно—и презираю, Смотрю в себя—презрен и я!» автор, наконец, обретает минуту удовлетворения:

Здесь хорошо. *Вкушает лира*
Свой усыпительный покой.
И пусть вкушает. Мы не жалеем.

Марина Цветаева написала целую книгу «стихов к Блоку». Что же, Блок был хороший поэт, и о нем есть, что сказать, в прозе ли, в стихах ли. Да и дело не в том, к кому стихи, а что за стихи.

Имя твое—птица в руке,
Имя твое—льдинка на языке...

Так книга начинается. Но ведь так продолжать можно и до бесконечности.

Имя твое—поцелуй в глаза,
Имя твое—поцелуй в снег...

Это—не пародия, а из той же книги.

Имя твое—пять букв,
Имя твое—ах, нельзя!

И это оттуда же. А далее следуют не более, не менее, как *молитвы*—к Блоку. Это не преувеличение, не иносказание, нет: М. Цветаева именно *молится на Блока* и молится словами православных молитв:

Ты приходишь на Запад Солнца,
Ты увидишь вечерний свет...
Божий праведник мой прекрасный,

Свете тихий моей души...
Свете тихий,—святые славы,—
Вседержитель моей души...

Или «подруге» Блока:

Благословенна ты в женах,
Благословенна...
Твой стан над спящим над птенцом—
Трепет и древо
Радуйся, Дево!...
Благословенна ты в снегах,
Благословенна...
Чем заслужить тебе и чем воздать,
Присноблаженная! Младенца Мать!...
Жизнедательница в час кончины!
Царств утвердительница! Матерь Сына

В том же тоне сообщается еще:

Было явно на лике его:
Царство мое не от мира сего.

Шли от него лучи...

Думали,—человек
И умереть заставили...
Плачьте о мертвом ангеле!

После этого—характеристики Блока, как «нежного призрака», «рыцаря без укоризны» и т. под., кажутся уже слабыми. Где тут, если «ангел», и даже «бог».

В общем стихи М. Цветаевой не плохи, именно—как мастерская стилизация под тон православных молитв. Но эта стилизация, которую человек верующий признал бы кощунственной, à la longue надоедает.

Я очень доволен, что в свое время отозвался осторожно о первой книжке стихов Марии Шкапской. В той («Mater dolorosa») стихи были очень плохие; в новой («Барабан строгого господина»—выражение из Е. Гуро), если и не хороши, то безмерно лучше. Отдельные строфы сделаны уже весьма искусно, хотя и в знакомой символистической манере. О содержании стихов говорить не хочется... При желании, можно их назвать «контр-революционными», но это будет поверхностно. В стихах есть подлинное переживание революции, еще не понятой, еще не принятой автором, но оставившей на нем глубокий след. В поэме «Явь» есть места подлинно сильные.

Кому понадобилось второе издание сонетов Леонида Гроссмана—не очень понятно. Сонеты эти суть характеристики Гнедича, Языкова, Козлова, Дениса Давидова, Василия Пушкина, Жуковского, Баратынского и т. д.,—вообще поэтов-современников Пушкина и самого Пушкина. Сказано о них то, что полагается о них говорить. Ради формы сонета, в которую насильственно загнаны эти характеристики, притянуты вся-

кие, довольно-таки случайные, образы; так, напр., о Жуковском (чтобы срифмовать «Ундины» и «руины») сказано:

Он видел мир, где бродят капуцины...

Кажется, справедливо.

Николай Берендгоф, выступающий, помнится, уже со второй книгой стихов, все еще не вышел из поры ученичества. Автор, видимо, старается. Пожелаем ему успеха.

Еще более «детские» стихи Абрама Лейзера. О нем поговорим при следующей его книге... если таковая будет.

Ничего не скажу о сонетах Д. Олерома (покойный филолог Д. И. Глушков) не по принципу: de mortuis aut bene aut nihil, но потому, что эти сонеты написаны сравнительно давно и оценивать их должно с исторической точки зрения.

В заключение, не о самых стихах, а о теории стиха, по поводу книжки А. Крученых «Сдвигология»[1]), составляющей, horribile visu, opus 121 этого автора и им подозаглавленного «трактат обижальный», т.-е. кого-то обижающий (не меня ли в том числе?).

Сдвигом в стихе А. Крученых называет случаи, когда ряд звуков образует неприятное для слуха сочетание или даже, помимо желания поэта, как бы цельное слово. Что в поэтической речи должно избегать «какофонии», было известно издревле (см. все учебники); что бывают звукосочетания (особенно конца одного слова с началом другого), дающие повод к слуховому недоразумению, тоже весьма не ново. Ново в книжке А. Крученых одно: как он легко и охотно усматривает такие «сдвиги» везде.

Ряд примеров А. Крученых приводит из стихов Пушкина:

Незримый хранитель могучему дан...

Исследователь читает: «могу чемодан».

Узрю ли русской Терпсихоры...

Первые слова представляются исследователю множественным числом от существительного «узрюля», которое он истолковывает: «глазища».

Как рано мог уж он тревожить.

Средние слова воспринимаются исследователем как существительное «могужон». В словах: «Все те же ль вы...», он читает «львы» и т. под. Следуют многочисленные примеры еще из стихов Ф. Сологуба, А. Блока, М. Кузьмина, моих и др. У меня, напр., взяты стихи к Наполеону:

Не мог ты не ступать глубоко,
И шаг твой землю тяготил.

Во втором стихе исследователь слышит не «и шаг», а «ишак», что ему кажется очень забавным. У С. Рафаловича он читает: «Сплетяху лу сосанною» вместо напечатанного: «Сплетя хулу с осанною», и т. д.

---

[1]) А. Крученых. Сдвигология русского стиха. Трактат обижательный. Книга 121-ая. Изд. Маф. М. 1922. Стр. 48.

У «сдвигологии» был свой предшественник, А. Шемшурин, тоже наоткрывавший много «сдвигов», но все же отношение к ним А. Крученых ново, и не только ново, но даже *страшно*. До сих пор в речи господствовал *смысл* слов; ныне сдвигологи хотят превратить ее в ряд *бессмысленных* звуков. Грамотный человек, читая, не следит за буквами, а сразу схватывает глазом очертания слов; умеющий говорить, слушая речь, воспринимает не отдельные слоги, а целые слова и словосочетания. В зависимости от того, о чем идет речь, одинаковые звуки означают разное. Звуки «знать» означают то сословие («знатные люди»), то отношение к предмету (глагол «знать», «познавать»), и никого это никогда не затрудняло, как все вообще омонимы (напр., «коса» с ее тремя значениями, «нос», «пол», и др.) и слова сходно-звучащие («медь» и «меть», «рос» и «роз», «вей» и «Вей» и др.). Когда в разговоре кто-либо сообщал: «пошел в лес по ягоды», никогда собеседник не воображал, что было сказано: «пошел, влез, поя годы». Надо утратить способность понимать осмысленную речь, чтобы вдруг везде натыкаться на сдвиги.

Не начну защищать Пушкина, но какой говорящий по-русски читатель, в стихах *к Наполеону*, прочтя стих: «Не мог ты *не ступать* глубоко», воспримет следующие слова «и шаг» иначе, чем они напечатаны? Какой здравомыслящий слушатель сочтет приведенные слова С. Рафаловича за нелепость «сплетяху..» и т. д. Думаю, что никто всерьез не станет обвинять, напр., Велимира Хлебникова, поэта, положившего основание той «зауми», которой ныне хотят служить сдвигологи, в том, что у него будто бы встречаются такие стихи:

Раз сказать тебе, Могуле...

———

Его-то, мил, и мучил Чемтозвал...

———

Не уж Аз,—Ноэль в уме...

———

Вы за мы, слили, о братья...

———

Рокотай на муслу жить...

———

В кругних огонь иззева...

Или что у Хлебникова непонятно, читать ли «Да будут!» или «Добудут», «Вы нести» или «Вынести», «А бок реки» или «А бокряки» (вместо: «О, бог реки!») и т. под., или еще, что у него есть будто бы какофонические звукосочетания: «Выкак опья...», «Зад обой, олень, и млазом...», «Икон никип и хота...» А между тем именно таким методом А. Крученых, почитающий себя учеником Хлебникова, выискивает «сдвиги» у Пушкина и символистов!

Но дальше. Совершенство современного языка в том и выражается, что ничтожнейшие звукоотличия дают существеннейшую разницу в смысле. Русский умеет произносить: «мок», «мог», «мох», особенно в контексте, так, что каждое из трех слов звучит по-своему; также: «лес», «лез», «лезь»

или «лед», «лет», «лот», «Лот». В разговоре, пользуясь интонацией, мы не произносим вполне тождественно: «вы ли?» и «выли», или «та ли?», «тали» (от «таль»), «талий» (от «талия»), «талей» (от «талый»). Для слуха сдвигологов здесь, повидимому, разницы нет. Это *страшно* потому, что свидетельствует о чудовищном падении русской речи. Русские разучиваются говорить по-русски! [1]).

В теории «заумн» есть здравое зерно, поскольку поставлен вопрос о *технике* поэтического искусства, об обработке поэтического языка. Но когда «заумники» идут к отвержению смысла в стихах, хотят видеть в них только сочетание произносимых звуков (а это—конечный вывод «сдвигологии»), «заумь» перестает быть техническим приемом, становится теорией, показать нелепость которой *надо*. Пусть книжка А. Крученых не обманет никого; не она, но самая идея поэзии, как исключительно звукового искусства, уже соблазнила многих. К счастью, соблазненные, хотя и «малые сии», не из тех, о ком приходится жалеть очень. И прежде всего защищены от такого соблазна пролетарские поэты уже тем, что их основная задача—выразить определенную идеологию.

III. АНАТОЛЬ ФРАНС [2]).

В. Фриче.

Кто такой Анатоль Франс? На этот вопрос пытается ответить небольшая, содержательная брошюра П. К. Губера. По мнению автора, А. Франс—эпигон того течения во французской литературе, которое можно назвать «гуманистическим индивидуализмом». К этому течению автор относит Стендаля, Мериме, Сент-Бева, Флобера, Тэна и Ренана. Каковы отличительные черты этого течения? «Прежде всего бросается в глаза эстетический аморализм, признание красоты высшим регулирующим началом в жизни и в истории. На ряду с этим последовательный скептицизм в области теоретического знания. Затем повышенный интерес к античности и к возрождению, аристократическое презрение к черни и, наконец, антихристианская тенденция. Совершенно сходные настроения мы видим у А. Франса» (4—5).

[1]) В моей юности я слышал речь стариков, которые еще произносили конечное (неударяемое) *ъ* (ять) иначе, нежели *е*, говорили не совсем одинаково: «в полѣ» и в поле. Рифмы Пушкина свидетельствуют, что такое различие существовало и для его слуха.

[2]) П. К. Губер. Анатоль Франс. Критико-биографический этюд. Петербург. 1922 г. «Полярная Звезда». С. р. 54. G. Michaut. Anatole France. «Etude psychologique». А. Франс. Т. VIII. Рассказы. «Всемирная Литература». А. Франс. «Пеструшка». Кн-во «Слово». Берлин.

А. Франс—последний представитель этой группы. «В его лице гуманистический индивидуализм завершил круг своего развития и ныне сходит со сцены. Это умственное течение не имеет будущего. Его теоретические и художественные возможности исчерпаны» (54).

Можно признать указанную характеристику А. Франса в общем приемлемой, однако было бы правильнее видеть в нем одного из наиболее типичных представителей той импрессионистической культуры, которая является адэкватнейшим выражением западно-европейской буржуазной цивилизации накануне ее последней фазы—империалистической.

Говоря в своей брошюре о Франсе, как о критике, Губер называет его вполне правильно «убежденным импрессионистом» (22), а в другом месте он определяет его «таким же импрессионистом в морали и философии, как в беллетристике и критике» (30). Эти положения—вскользь брошенные—недостаточно выявлены, однако, на психологическом и литературном материале, совокупность которого носит имя «А. Франс», но именно только, если с этой точки зрения подойти к психике и к творчеству автора «Таисы», можно их охватить более целостно и объяснить более удовлетворительно. Необходимо в этом смысле дополнить брошюру П. К. Губера. Достаточно большой и ценный литературный и психологический материал собран в превосходной книге Г. Мишо, «А. Франс», вышедшей во Франции уже третьим изданием, которую автор брошюры цитирует, местами и использовал (совпадающие цитаты и общие положения), но далеко не достаточно.

Не называя А. Франса импрессионистом, Мишо (анализируя его ум, воображение, эстетическое чувство и чувствительность), однако, рисует типичный образ импрессиониста. Что такое импрессионист? Это прежде всего человек, пассивно отдающийся во власть получаемых от жизни впечатлений. «Я всегда был склонен смотреть на жизнь, как на представление,—признается А. Франс.—Я никогда не был наблюдателем в настоящем смысле этого слова, ибо для этого нужно иметь свою систему, а у меня никакой такой системы нет. Наблюдатель направляет свою мысль, зритель отдается во власть своих глаз. Я был рожден зрителем». («Livre de mon ami»).

Настоящее, однако, слишком обильно впечатлениями и слишком эти последние мимолетны. «Только воспоминание постоянно». «Мы живем только в прошлом». Отсюда то, что Барес назвал «ретроспективной фантазией А. Франса»,—его любовь к прошлому: «Восхитительно время от времени навещать прошлое». «Прошлое имеет для меня бесконечное очарование» и т. д. (из разных статей).

Импрессионист живет не только прежде всего впечатлениями, пассивно воспринимаемыми,—он ищет впечатлений красивых, художественных. Он—эстет. Красота—верховный для него принцип, мерило жизни. «Я спрашивал, куда итти, всех, претендующих знать географию неведомого,—жрецов, мудрецов, кудесников и философов. Никто пути мне не указал. Вот почему я выбрал дорогу, по краям которой молодые вязы, более ветвистые смотрят в небо более радостные. *Меня ведет чувство*

красоты. Кто может сказать, что он нашел лучшего поводыря?» («Vie litteraire»). Отсюда любовь А. Франса к эпохам, когда цвело искусство, когда на жизни лежали краски более яркие—к Греции, к Возрождению. Отсюда его пристрастие к религиозному культу, к обрядам, к литургии, при полном неверии и ярой вражде к церкви. Как Жан Сервиан, он готов упиться церковным пением, дымом кадильниц, цветами и иконами—«атеист, он находит вкус к религии». Отсюда и такое характерное обстоятельство, как построение его романа «Боги жаждут» не столько на документах и фактах, а преимущественно на эстампах и гравюрах революционной эпохи. Отсюда—в области эстетики—его культ формы. «Форма—золотой сосуд, сохраняющий для потомства мысль, эту преходящую эссенцию». «Поэма красива, только если красива форма». «Лишь стиль имеет значение». «Вся суть искусства в форме, и она единственное для человека возможное творчество».

На ряду с переживаниями эстетическими импрессионист ищет переживаний эротических. Эстетизм и эротизм—родные братья. «Любовь, наслаждение—вот бог, все вновь творящий мир, отец жизни» («Poesie»). Любовь мыслится только, как наслаждение. В романе «Красная Лилия» Тереза говорит любовнику: «Ты любишь меня только чувственной страстью. Я не жалуюсь, она, вероятно, единственно возможная». «Единственно сильная и великая», вторит ей Дешартр. «Все прочее—иллюзия и ложь». В каждом его мужчине, даже интеллигенте, и особенно в нем, в каждой его женщине—живет искатель наслаждений. Отсюда пристрастие А. Франса к языческой поре, к эллинизму, к религии телесного наслаждения («Таис») и его ненависть к христианству, к церкви, к аскетизму («Коринфская свадьба»). Свойственный импрессионисту-эстету эротизм шел у А. Франса, все повышаясь, чтобы дойти до апогея в романе «Боги жаждут», где, подобно тому, как всякая басня предполагает в конце мораль, каждая глава кончается par une coucherie (Думик: «Revue des deux Mondes», 1912 г., июль).

Пассивное восприятие впечатлений, эстетизм и эротика—таковы основные черты импрессионистической психики. Наслаждение—ее сущность и мораль. Она дышит привольно только в «Садах Эпикура». Все, что нарушает ее гедонистический покой, ей ненавистно. И прежде всего,—мысль. «Мыслить,—значит жестоко ощущать трагическую абсурдность жизни». «За гордость мысли приходится расплачиваться печалью». (Из разных статей). «Радость только в иллюзии, покой только в невежестве» (слова дьявола в Puits de Sainte Claire). «Мысль—вещь ужасная. Нечего удивляться, что люди ее так боятся» («Vie litteraire»). Если мир есть пестрая ткань впечатлений, то нелепо превращать их в идеи, а идеи комбинировать в системы. Импрессионист противник всяких систем—философских и научных. Нет этики («Vie litteraire»). Нет эстетики («Сад Эпикура»). Нет истории («Преступление Сильвестра Боннара»). Нет и истины. Вне человека все неведомо и непостижимо, в нем самом все тайна («Vie litteraire»). Высшая мудрость быть скептиком. Но что значит быть скептиком? «Скептик никому не делает зла, относится ко всем терпимо. Он ни во что

не верит, а это обязывает ничего не отрицать» («Vie litteraire»). Только скептицизм, ничего не отрицающий, ни против кого не борющийся, всех и все признающий, гарантирует спокойное пребывание в «Садах Эпикура», в царстве пассивного наслаждения.

Все эти характерные черты импрессионистической психики—пассивность, впечатлительность, эстетизм, эротика, нелюбовь к систематике, к идейным построениям, скепсис во имя гурманства—они вместе с тем характерные черты импрессионистической культуры, соответствующей определенному периоду развития буржуазного мира не только во Франции, но и в Англии, Германии, Италии. И если внимательно вглядеться в этого эстета-аморалиста, гедониста-скептика, если присоединить сюда его «аристократичность», его пренебрежение к толпе, его odi profanum vulgus, если покрыть все эти черты термином, выдвинутым автором брошюры о Франсе Губером,—термином «гуманистический индивидуалист», то не имеем ли мы здесь более осложненное повторение старого типа интеллигента-гуманиста эпохи Возрождения, выросшего на почве такого же расцвета капитализма, на почве слагавшегося тогда впервые буржуазного мира.

Только если исходить из импрессионизма А. Франса, можно будет понять и особенности его, как писателя. Книга Мишо и в этом отношении подготовила весь необходимый для подобного анализа материал. Импрессионист—субъективист. Он лучше всего знает свой собственный внутренний мир. Он знает собственно только его. А. Франс поэтому постоянно рисует себя. Его романы или автобиографии («Livre de mon ami», Pierre Nosier, «Петруша») или, если можно так выразиться, автореферата, изложение его собственных мыслей («Сад Эпикура», «Мнения Жерома Куаньяра», «Харчевня королевы Педок», «На белом камне» и др.), а если изображается жизнь, то всегда появляется он сам (Ларуме в «Красной лилии», Бержера в «Комической Истории», Бротто Дезилетт в «Боги жаждут», Сильвестр Боннар в «Преступлении С. Б.» и т. д.). Только фигуры, изображающие его самого, живут, остальные бледны, а среди них очень многие опять-таки никто иные, как снимки с определенных лиц (Верлен, Вивиен Белль, Сарду, Олар, Рошфор, Рейнак и мн. др.). Импрессионист ищет впечатлений не только в настоящем, но—мы видели—и в прошлом. Критика (Мишо и другие) установила, какое великое множество «плагиатов» совершил А. Франс, как он пользуется для своих произведений чужими материалами, как он вдохновляется старой литературой, как он воспринимает и воспроизводит десятки различных стилей—«впечатления» от книг—на ряду с «впечатлениями личной жизни»—главный источник, из которого выросло его творчество. Импрессионист—враг построений, систематики. Как писатель, он предпочтет естественно нанизывать впечатления и картины, как можно свободнее, без строгой композиции. Романы Франса это или воспоминания, рядом сопоставленные («Петруша»), или дневники, вольно передающие впечатления и переживания («Преступление Сильвестра Боннара»), или собрания новелл (Balthazar, Etui de nacre, Puits de S.-Claîre, Contes de F. Tournebroche, VIII ч. рассказов и др.)—если имеется «сюжет», то он обычно чрезвычайно бедный и

не в нем суть ... («L'anneau d'amethyste» и др.); повесть состоит из разговоров («На белом камне») или из ряда картин («Боги жаждут») и только разве «Иокаста», «Таис» и «Красная лилия» скомпанованы несколько солиднее и стройнее. Наконец, импрессионист—это эстет. Отсюда нарочитая забота А. Франса о форме, отделка которой чрезмерна и, как сказал Брюнтьер, пахнет порою потом.

И те же черты характеризуют А. Франса, как критика. Он неоднократно заявлял, что он—не критик, что рассекать на части роман или драму и «не деликатно и не эстетично». Вместо критики он дает «впечатления»—impressions. Когда вышел II том «Истории еврейского народа» Ренана, то А. Франс—тогда (80 г.) присяжный критик газеты «Temps»—на пространстве всей своей заметки занимал читателя больше всего личными воспоминаниями о своей детской библии, о находившихся в ней картинах и т. п. И так он поступал всегда.

Но пассивный эстет-импрессионист еще не весь А. Франс.

В середине 90 г. он переживает перелом. «Он делается постоянным и почти необходимым украшением трибуны на всех собраниях, устраиваемых в Париже Лигой прав человека и французской социалистической партией. Он участвует в манифестациях в честь Дрейфуса, Пикара и Э. Золя, выражает сочувствие русским революционерам, бастующим учителям французской низшей школы... подписывает протест против законов, направленных к обеспечению национальной обороны, поощряет антимилитаристическую агитацию в войсках и признается сперва устами своих героев, а потом и от собственного имени, что из всех видов войны только гражданская классовая война внушает ему сочувствие и восхищение» (Губер, стр. 47).

В самом ли деле имеем мы здесь дело с серьезным внутренним «переломом», с превращением импрессиониста в общественника, скептика в социалиста.

Автор русской брошюры склонен относиться к этому «перелому», отразившемуся в сборнике «К лучшим временам», в «Острове Пингвинов», в книге «На белом камне», как к чему-то не серьезному и не искреннему. Правдивым и подлинным здесь была только вражда к церкви, к клерикализму. Все остальное — «притворство».

«Он счел нужным *притвориться* демократом, революционером и социалистом, чтобы иметь возможность быть действительным антиклерикалом. Он правильно угадывал, что именно в области церковного законодательства блок радикалов и социалистов приведет к ощутительным последствиям, тогда как во всех других областях дело ограничится безвредным словесным шумом». Весь «социализм» А. Франса есть такой «безвредный словесный шум». В сущности он сохранил верность себе и своему прошлому.

Кажется мало вероятным, чтобы писатель воздвиг над единственным искренним и подлинным настроением этой второй эпохи, над своим антиклерикализмом, целую громоздкую постройку из *притворных* чувств, идей и образов.

Но именно такого же взгляда придерживается и Мишо. Известный французский исследователь задался целью уяснить, «как автор «Книги о моем друге» и «Преступления Сильвестра Боннара» стал автором «Церкви и республики», «К лучшим временам» и «Острова Пингвинов». Как скептик стал человеком партии, созерцатель — боевиком, снисходительный юморист—насмешливым памфлетистом и смелым революционером?» Прежде, чем ответить на этот вопрос, Мишо счел, однако, необходимым детально обследовать психику писателя, дать сначала его «статический» портрет, чтобы уж только потом дополнить его портретом «динамическим». Тем не менее, в конце первого тома (второй до сих пор не вышел в свет) Мишо, установив (в духе Тэна), что «господствующей чертой» в характере Франса является «чувственность», и объясняя—отсюда исходя—его творчество, этой же чертой мотивирует его эволюцию от пассивности к действенности. И ему эта эволюция представляется «внешней». «А. Франс был дилетантом и наслаждался всеми идеями, поскольку он эти идеи мог сочетать с идеями и чувствами, рожденными в нем чувственностью. Он понял затем, что известные доктрины, моральные, философские, религиозные (Мишо имеет в виду: стоицизм, руссоизм, якобинство, христианство), известные способы понимать жизнь, были враждебны *наслаждению*. И он поставил своей целью их опровергнуть и уничтожить. Он мог это сделать и сделал, не противореча себе. От начала и до конца, с разными оттенками, иногда более деликатно, иногда более цинично, иногда более мирно, иногда более резко его творчество и его деятельность были посвящены делу наслаждения»...

Это по существу то же самое освещение, которое дает Губер (не без влияния Мишо). Мишо только подводит под общественное понятие «антиклерикализм» понятие психо-физиологическое—наслаждение, борьба за наслаждение. Можно ли считать в психологии и идеологии А. Франса второго периода все, за исключением его борьбы с церковью во имя наслаждения, наносным, случайным, придуманным и «притворным»? Отнюдь не считая автора «Острова Пингвинов» и «На белом камне» подлинным социалистом, сумевшим проникнуться пролетарским мироощущением, мы все-таки полагаем, что одним «притворством» не объяснишь всей его психо-идеологии второго периода, когда он вообще отказывался от многих прежних своих убеждений и предубеждений, от исключительного культа формы, от вражды к натурализму и в частности к Золя, от пренебрежения к массе (напр., статья в «Univers Illustré», от 20 янв. 1894 г.), от пренебрежения к действенности (там же. 12 дек. 1894 г., 1 авг. 1896 г.) и т. д.

Будем ждать или появления второго тома Мишо или нового на русском языке этюда об авторе «На белом камне», который бросил бы больше света во внутренний мир одного из самых характерных представителей буржуазной культуры, в конце-концов, в ней явно разочаровавшегося и сумевшего в годы перелома, когда значительнейшая часть буржуазной интеллигенции поворачивала к империализму, направить свою мысль и даже свою волю в сторону того класса и того учения, которым принадлежит будущее.

СИНТАКСИС МАЯКОВСКОГО.

Б. Арватов.

(Опыт формально-социологического анализа поэмы «Война и Мир»).

I.

Буржуазная поэзия выработала свой особый, «поэтический» синтаксис; в тех случаях, когда она намеренно вводила в композицию языковые формы практической речи, это делалось подчеркнуто, как контрастный прием, как средство эстетической выразительности, действующей на фоне канонизированных форм. Происходила своеобразная эстетизация практической речи, уничтожавшая, следовательно, весь смысл нововведения и оставившая за ним лишь одно значение,—значение голо-формального, случайного, одного из многих приема.

Строчная композиция, выработанная Маяковским и характерная краткостью строк, представляет собою внешнее обнаружение краткости его языка. Однако, краткость языка никак не может быть результатом простого механического уменьшения количества слов, входящих в предложение, и должна быть так или иначе объяснена особым способом организации предложения, его синтаксической природой. A priori можно полагать, что здесь имеется налицо тенденция к сокращению обычных полных распространенных предложений, характерных, главным образом, для письменной повествовательной речи. И действительно, из 419 предложений поэмы «Война и Мир» 136, или, приблизительно, 33% всего числа, принадлежат к так называемым неполным предложениям,—предложениям с опущенными словами. Что касается до остальных, то и они совершенно лишены повествовательной интонации (так же, как,—в значительной мере,—мелодической). А именно: Маяковский строит фразы с минимумом придаточных, одну непосредственно за другой, как бы толчками, рывками выбрасывает предложения без подчеркнутой синтаксической связи. Вся поэма построена из прилежащих друг к другу кусков — отрывков; каждый из этих отрывков, в свою очередь, строится из таких же отдельных предложений. Для примера выписываю целиком «Посвящение»:

8 октября.
1915 года.
Даты
времени,
смотревшего в обряд
посвящения меня в солдаты.

«Слышите!
Каждый,
ненужный даже,—
должен жить;
нельзя,
нельзя ж его
в могилы траншей и блиндажей
вкопать заживо—
убийцы!»

Не слушают.
Шестипудовый унтер сжал, как пресс.
От уха до уха выбрили аккуратненько.
Мишенью
на лоб
нацепили крест
ратника.

Теперь и мне на запад.
Буду итти и итти там,
пока не оплачут твои глаза
под рубрикой
«убитые»
набранного петитом.

Можно, пожалуй, привести одно небольшое объективное доказательство в пользу приведенной мною характеристики языка поэмы. Повествовательная речь отличается непрерывной связностью; синтаксической смычкой предложений служат соединительные союзы, главным образом, союз «и». Оказывается, что этот союз на протяжении 419 предложений встречается лишь 47 раз; из этого числа надо выбросить те случаи, когда «и» употребляется в перечислительно-анафорическом значении («*и* Саваоф, *и* Будда, *и* Аллах, *и* Егова», 6 случаев) и в усилительном значении («А тут *и* я еще»—17 случаев); остается 24 случая на всю поэму.

В конденсированном виде манеру Маяковского хорошо показывает следующий отрывок:

А кругом:
Смеяться.
Флаги.
Стоцветное.
Мимо.
Вздыбились.
Тысячи.
Насквозь.
Бегом.
В каждом юноше порох Маринетти,
в каждом старце мудрость Гюго.

Даже два последних предложения, несмотря на свою распространенность, принадлежат к числу неполных (лишены сказуемых).

Таким образом, неполнота предложений является синтаксическим лицом Маяковского,—превращается у него в принцип работы над речью.

Какой социологический смысл имеет такого рода принцип?

Неполные предложения представляют собою типичную и постоянную особенность разговорной речи и служат средством экономизации речевой энергии [1]). Живая, социально-функционирующая речь, связанная с конкретной обстановкой, объясняющей опущенные слова, строится либо на подразумевании, либо на ссылках на прежде произнесенные предложения. Напр.: «вы чай или кофе», «почему же вы без сахара», «а вы ее с хреном», «ты куда», «а я к тебе», «я сейчас» и т. д. [2]).

---

[1]) См. А. М. Пешковский: «Русский синтаксис в научном освещении» (Москва, 1914).

[2]) Примеры Пешковского.

Ср. у Маяковского:

1) «Какой раскрыть за собой еще?»

(Из предыдущего ясно, что речь идет о грехе—преступлении).

2) «Загорается.
Новых из дубров волок».
3) «Война!
Довольно!»
4) «Нет!
Не стихами!
Лучше...» и т. д.

5) «Эта!
В руках!
Это не лира вам!»
6) «Думаете:
врет!»
(Вместо: «вы думаете, что я вру»)
и т. д.

Разговорная речь всегда коммуникативна, всегда обращена к кому-нибудь; морфологическим выражением коммуникативной связи служит второе лицо. Не случайно поэтому, что в поэме (пока оставляю в стороне повелительные наклонения и обращения) второе лицо либо в форме глагольного лица, либо в форме местоимения с опущенным глаголом («Это не лира вам» и т. д.) встречается 36 раз.

Маяковский настолько «разговорен», что у него нет ни одного случая так наз. косвенной речи; всюду, где ему приходится излагать чужие слова, он дает их непосредственно, в форме вводной прямой разговорной речи. Вводные предложения этого типа представляют собой излюбленный прием поэмы (24 случая).

Напр.:

1) Вылезли с бельем.
Взмолились:
— *не надо.*

2) Встал золототелый,
молит:
«ближе!
к тебе с изрытого взрывами дна я».

(Характерный развернутый случай формы: «я к тебе»—см. выше).

3) Урагана ревом
вскипает:
«*Клянитесь,*
больше никого не скосите!»

4) ... Каждая страна
пришла к человеку со своими дарами.
«*На*».
И т. д.

В форме разговорной речи излагает Маяковский и события; они проходят перед нами как бы в непосредственном их совершении:

Англия!
Турция!..
Т-р-а-а-ах!
Что это?
Послышалось!
Не бойтесь!
Ерунда!
Смотрите,
что по волосам ее?

Морщины окопов легли на чело!
Т-с-с-с-с-с-с,
грохот,
барабаны, музыка?
Неужели?
Они это,
она самая?
Да!
Началось.

Еще:

Нерон!
Здравствуй!

Хочешь?
Зрелище величайшего театра

(Ср. обычное: «Иван Иваныч. Мое почтение. Желаете? Изумительная оперетка. У меня есть билет»).

Или вот:

Боишься!
Трус!
Убьют!
А так
полсотни лет еще можешь, раб,
расти?
Ложь!
Я знаю...

Любопытно в этих примерах построение на вопросах - ответах (наиболее частый разговорный тип): «Что это?—Послышалось». «Она это?—Да», «Боишься,—Ложь» и т. п.

В последнем случае мы имеем более общую форму диалога (вопросительная интонация в слове «Боишься» еле намечена), красной нитью проходящую сквозь композицию поэмы:

1) «Вы думаете—Нерон?
Это я...»
2) О, кто же . . . . . .
. . . . . .
не выйдет?..
Все!
3) Может быть...
Нет,
не может быть!
4) Что им,
вернувшимся,
печали ваши...
. . . . .
Им
на паре б деревяшек
день кое-как прохромать!
5) Где они,
боги!
«Бежали»...
6) Кому же страшны пушек шайки?
. . . . . ,
Они
. . . . . ,
мирно щиплют траву.
7) Не видишь?
. . . . . .
Смотри...
И т. д.

Некоторые особенности семантики в поэме указывают, что форма диалога органически присуща Маяковскому. Дело в том, что он довольно часто использовывает так наз. обращенный параллелизм:

Смотрите,
не шутка,
не смех сатиры,—
средь бела дня,
тихо,
по-парно,
цари-задиры
гуляют под присмотром нянь

Еще:

Сегодня
не немец,
не русский,
не турок,—
это я
сам...

И еще:

Это не лира вам!
Раскаяньем вспоротый
сердце вырвал...
И т. д.

Обращенный параллелизм представляет собой, по своему происхождению, одну из форм так наз. амебейного, т.-е. диалогического построения, сохраненного в народной песне до сих пор.

Ср., например:

Запевало:
То не ветер ветку клонит,
не дубровушка шумит,—

Хор:
То мое сердечко стонет,
как осенний лист дрожит.

Понятно поэтому употребление в поэме обособленных частиц «Да» и «Нет», свойственных практическому языку:

1) Она это?..
Да.
2) Нет!
Не стихами!
3) Нет,
не осужденного выдуманная хитрость!
4) Нет,
не подыму искаженного тоской лица!
И т. п.

Еще очевиднее языковая манера Маяковского проявляется в тех случаях, когда он начинает предложение со слов: «вот» и «это»,—типичная форма непосредственного речевого общения между людьми:

1) *И вот*
на эстраду
. . . . .
вывалился живот...
2) *Вот* она
навстречу...
3) *Вот*,
хотите,
из правого глаза
выну
целую цветущую рощу.

(Ср. обычное: «Вот, желаете, я вам такое покажу»...).

Или:

1) *Это* внуки Колумбов
. . . . . .
ржут...
2) *Это* я,
Маяковский,
Владимир...

(Ср.: «Кто там?»—«Это я»).

3) *Это* встают... . . . . .
. . . . . кости

(Ср.: «Что это у вас?»—«Это наверху шумят»).

4) *Это* случилось в одну из осеней.
И т. д.

Такой же разговорный характер носят предложения с прямым глагольным обращением к слушателю:

1) Хотите—
туза нацеплю на лоб.
2) Хочешь?
Зрелище...
3) Слышите!
Каждый
. . . .
должен жить...
4) Представь—
там
. . . . . .
видели...
. . . .
. . . . Христа.

(Ср. обычное: «Представьте. Я встретил в Питере Ивана Иваныча»).

Разговорно-прозаические обороты сплошь заполняют поэму. Приведу наиболее яркие:

1) «На чорта она?!»
2) «Даже жаль их».
3) «Да не колотись ты».
4) «Господи,
что я сделала».
5) «Думаете:
врет!»
6) «Шутка ли!
К Богу на дом!»
7) «Чего размякли!..
Хныкать поздно!»
8) «Что было!»
И т. п.

Введение разговорной речи в поэзию до тех пор остается эстетическим приемом, пока разговорная речь случайна в поэзии, единична и включена в шаблонизированную фонетическую композицию (метр и т. п.). Так было до Маяковского. У него, однако, взаимоотношение между языком поэтическим и языком практическим становится как раз обратными. Если раньше поэтический язык, включая в себя разговорные формы, насиловал и подчинял их готовой штампованной композиции, то теперь, наоборот, разговорный язык, вторгаясь в поэзию, разламывает эту штампованную композицию и с помощью материальной деформации подчиняет ее себе. Происходит не эстетизация разговорного языка, а деэстетизация языка поэтического.

У Маяковского разговорный язык—не прием, а система, которая командует над всеми остальными элементами его произведений.

Поэт перестает возглашать на выспренном, вычурном, ходульном языке.

Где еще,
разве что в Туле
позволительно становиться на поэтические ходули,

писал сам Маяковский в «Пятом Интернационале».

Поэт начинает говорить в поэзии так, как он, как все говорят в повседневной жизни; поэт находит, наконец, общий язык с окружающими его людьми, и притом не уводя их из действительности в область бездейственного эмоционального созерцания (иллюзия самоцельной «красоты»), а, напротив, сотруднически приходя к ним в жизнь с ее социальным делом. Поэзия по самым своим формам становится социально-утилитарной.

II.

Утилитарность практического языка выражается в том, что он обладает коммуникативной функцией. Его предложения всегда имеют определенное назначение, вне себя лежащую цель; они всегда направлены для чего-нибудь и к кому-нибудь.

Вопрос о поэзии—это вопрос о формах языка. Поэтому анализ коммуникативности, поскольку мы связываем его с анализом поэтического произведения, должен быть переведен в формальный план.

А именно:

Наш практический язык обладает целым рядом форм, которые по самой своей структуре коммуникативны, которые совершенно непосред-

ственно выражают коммуникативную функцию. Такими формами являются: второе лицо глагола и местоимения, обращения, вопросы и повелительные наклонения.

В поэме встречаются: второе лицо—36 раз, обращения—33 раза, вопросы—32 раза и повелительные наклонения—58 раз.

Таким образом, «коммуникативные» формы оказываются основными формами поэмы. Маяковский пишет свои вещи так, как если бы они были коммуникативны. Правда, он пишет стихи, т.-е. языковые композиции, лишенные в общем и целом коммуникативной функции. Но в пределах этих композиций, так сказать, внутри их, он использовывает такие формы языка, которые грамматически выявляют основные особенности языка практического. Так построена вся поэма; она начинается с обращения и кончается им же; соответственно, с некоторыми изменениями (о них дальше), сделаны вступления и рефрены пролога, посвящения и частей. Например:

Хорошо вам *(нач. пролога)*.
Нерон!
Здравствуй! *(нач. III ч.)*.
Эй!
Вы! *(нач. IV ч.)*.
Хотите—
туза,
нацеплю на лбу... *(конец пролога)*.
Пока не оплачут твои глаза. . .
(конец посвящения).
. . . Верьте мне,
верьте! *(кон. V части)*.

Творчество Маяковского, с этой точки зрения, представляет собою факт огромного исторического значения, разрыв между искусством и жизнью уничтожается, поэзия перестает быть вдохновенной болтовней для болтовни.

Основной чертой классической буржуазной поэзии является индивидуализм. Буржуазный поэт в своем творчестве никогда не имеет в виду той социальной среды, потребности которой он фактически удовлетворяет. Потребности эти удовлетворяются им бессознательно или полусознательно: он поет в полном одиночестве, поет, потому что хочется петь,— дальнейшее его не интересует, реальная жизнь от него далека,—

> ... и тихо барахтается в тине сердца
> глупая вобла воображения (Маяковский «Облако в штанах»).

Маяковский, наоборот, все время совершенно конкретно ощущает среду, в которой живет, для которой пишет и к которой обращается. Поэма вся в целом представляет собой одно огромное обращение к человечеству на обычном человеческом же языке.

Мне приходилось наблюдать Маяковского в процессе его работы над стихами: должен указать, чт он в этом смысле резко отличается от других поэтов: Маяковский не только может писать в присутствии других людей, даже если они шумят и разговаривают, но он чувствует явную потребность быть окруженным во время работы действующими людьми; большинство произведений Маяковского написаны им на шумных бульварах и улицах Москвы и Петрограда.

Выше было показано, что синтаксис поэмы—это в значительной мере синтаксис разговорной речи. Теперь надо будет добавить к этому существенное дополнение.

Поскольку поэма все время ведется от первого лица, от имени автора:

Единственный человечий,
средь воя,
средь визга,
голос
подъемлю днесь.

поскольку это делается сознательно:

Этого
стихами сказать нельзя
Выхолен ным ли языком поэта
горящие жаровни лизать?

поскольку рефрен поэмы представляет собою вывод-воззвание:

И он,
свободный,
ору о ком я,
человек,

придет он,
верьте мне,
верьте!

поскольку, наконец, синтаксис поэмы построен на обращениях, повелительных наклонениях и вопросах,—постольку можно утверждать, что поэма есть поэтическое произведение ораторского типа.

Вот характерные отрывки:

Милостивые государи.
Понимаете вы?
Боль берешь,
растишь и растишь ее:
всеми пиками истыканная грудь,
всеми газами свороченное лицо,
всеми артиллериями громимая цитадель головы,—
каждое мое четверостишие.

Обращение, вопрос и за ним ответный каданс с нарастающими повторениями—типичный ораторский прием. Интересно, что в вопросе дан обратный порядок слов, благодаря чему отчетливо выделяется местоимение.

Люди
любимые,
нелюбимые,
знакомые,
незнакомые,
широким шествием излейтесь в двери те.

Или:

Встаньте,
ложью верженные ниц,
оборванные войнами
калеки лет!
Радуйтесь!
Сам казнится
единственный людоед.

Или еще:

Эй!
Вы!
Притушите восторженные глазенки?
Лодочки ручек суньте в карман!
Это
достойная награда
за выкатое из бумаги и чернил.
А мне за что хлопать?
Я ничего не сочинил.

В последнем отрывке ораторский прием оправдан семантически: «а мне за что хлопать?»

Дает Маяковский и ораторское развертывание вопроса, за которым следует авторская ремарка и ответ:

Кто это,
кто?
Эта мясомясая
быкомордая орава?
Стихам не втиснешь в тихие томики
крики гнева.
Это внуки Колумбов,
Галлилеев потомки
ржут, запутанные в серпантинный невод!

Для историко-сравнительного анализа предлагаю Цицерона:

«Quousque tandem abutere, Katilina, patientia nostra?.. O, tempora! o, mores! Senatus haec intellegit, consul videt, hic tamen vivit! vivit? Immovero in senatum venit» и т. д.

Маяковский умоляет:

Люди!
Дорогие!
Христа ради,
ради Христа
простите меня!

приказывает:

1) Земля!
встань...
2) Солнце!
в ладонях твоих изозрей их!
3) Бутафор!
Катафалк готовь!

призывает:

1) Клянитесь,
больше никого не скосите!
2) Дни!
Вылазьте из годов лачуг!

увлекает (в сокращенно-разговорной форме):

... Все
из квартир
на площади
вон!

повелевает (такое же сокращение):

1) Вдов в толпу!
2) Вперед!
3) Нож в зубы!
Шашки наголо!
4) За ногу худую!
По камню бородой!

обращается к целым странам:

1) Германия!
Мысли,
музеи,
книги,
каньте в разверстые жерла!
2) Россия!
Разбойной ли Азии зной остыл?
В крови желанья бурлят ордой.
Выволакивайте забившихся под Евангелие Толстых!
3) Франция!
Гони с бульваров любовный шопот!

Чрезвычайно характерно для ораторских приемов употребление первого лица множественного числа в значении призыва: оратор отождествляет себя со слушателями, объединяется с ними, увлекая к совместному делу (своего рода коллéктивизация языковой формы). У Маяковского:

1) В старушье лицо твое
смеемся,
время!
Здоровые и целые *вернемся* в семьи!
2) Серебряными мечами
от столицы к столице
раскинем веселие,
смех,
звон!
3) *Идем*!
Раздуем на самок
ноздри,
выеденные зубами кокаина!

(Семантически в последнем примере дан пародирующий призыв).

Отождествление автора с людьми дано и в другой форме, в форме местоимения:

Земля,
откуда любовь такая *нам*.

Таким образом, откидывая совершенно так наз. «содержание» поэмы, можно говорить о социальности Маяковского; Маяковский социален, как поэт, как мастер слова. В русском языке существует, между прочим, одна форма, характерная именно своей социальностью: это — второе лицо единственного числа, употребляемое вместо первого: говорящий тем самым относит сказанное и к себе и к окружающим, активно сливается с ними, ставит себя в их ряды (пример: группа людей решает трудный вопрос; кто-нибудь произносит: «ни черта не сообразишь», т.-е. ни я, ни ты, ни он не сообразят [1]). Ср. у Маяковского:

1) Стихам *не втиснешь* в тихие томики
крик гнева.
2) Боль *берешь*,
растишь и *растишь* ее...
3) ... Слава,
слава,
слава!
Захлебнешься.
4) *Не поймешь*,
это воздух,
цветок ли,
птица ль!
5) *Не поверишь*,
что плыли...

Последняя черточка для характеристики ораторского синтаксиса, так наз. риторические вопросы:

1) А мне
. . . . . .
как пронести любовь к живому?
Оступлюсь—...
2) Что им
каких-то стихов бахрома?!
3) Чего размякли?!
4) Огневержец!
Где не найдешь карая!
5) Куда направлю опромети шаг?
6) На черта она?!

(Не случайно здесь и употребление типичного двойного знака:?!).

*) См Пешковский. Указ. соч.

III.

Для того, чтобы стала более ясной и очевидной манера Маяковского, необходимо учесть еще одно обстоятельство: употребление в поэме глагольных времен. Из 321 раза 114 раз мы находим настоящее время (30%). В тех же случаях, когда дано прошедшее, оно дается е самос льно, а в его отношении к настоящему. Например:

А секунда *медлит* и *медлит*.
Лень ей.
К началу кровавых игр
Напряженный как совокупление
не дыша *остановился* миг.

Еще:

Вот
приоткрыв помертвевшее око,
первая
приподымается Галиция.
В травы *вкуталась* ободранным боком.

Точно так же дается и будущее:

Вселенная *расцветет* еще
радостна,
нова.
Чтоб не было бессмысленной лжи за ней,
каюсь...

И даже в тех местах, где по смыслу действие происходит в будущем, Маяковский развертывает его как бы происходящим уже сейчас, в данную минуту:

Смотрите,
не шутка,
не смех сатиры,
средь бела дня,
тихо,
попарно,
цари-задиры
гуляют под присмотром нянь.

Переплетение времен вообще характерно для поэмы; настоящее время играет при этом стержневую рол

Раскаяньем вспоротый
сердце *вырвал*,—
рву аорты.

Еще:

Не слушают.
Шестипудовый унтер *сжал*, как пресс.

Не даром Маяковский так любит слово «сегодня»:

1) Сегодня ликую!
2) Сегодня бьются...
3) Сегодня
. . . . . .
жру мира мясо.
4) Сегодня
. . . . .
солнца больше...
и т. д.

Все это вместе взятое вскрывает конструкцию поэмы: она сделана так, как если бы процесс ее компонования происходил на глазах у слушателей, в тот самый момент, когда им рассказывается о событиях; действие поэмы и восприятие поэмы одновременны. Еще иначе: процесс производства и процесс потребления поэмы совпадают по времени (в композиционном, конечно, отношении). Но это в работе над речью возможно только в одном единственном случае: в случае устной речи. Отсюда вывод: поэма «Война и Мир» написана с установкой на устную интонацию, т.-е. так как пишутся речи (как известно, и Демосфен, и Цицерон, и другие ораторы древности, Возрождения и т. д. писали свои речи; ораторская импровизация—факт позднего происхождения).

Прежняя, типичная для развитого буржуазного общества поэзия была поэзией для чтения (Пушкин, как известно хотя бы из: «Онегина», имел в виду читателя: «... или гуляли, мой читатель»), поэзией семейно-квартирного быта, кабинета, гостиной, даже спальной, поэзией индивидуалистической формы художественного производства и художественного потребления.

Маяковский знакомит нас с другим: он обращается не к читателю, а к слушателю:

1) *Слышите!*
Каждый
. . . . .
должен жить...

2) *Слушайте!*
Из меня
слепым Вием
время орет...
3) *Слышите—*
солнце первые лучи выдало...

Маяковский имеет дело непосредственно с живыми, предстоящими ему людьми; отсюда обращение не только к слуху, но и к глазу:

1) *Смотрите!*
Это не лира вам!
2) *Смотрите!*
Под ногами камень.

3) *Смотрите!*
. . . . . .
цари-задиры
гуляют...
и т. п.

Итак, поэма рассчитана на слушателя. Да иначе и не могло быть. Предыдущие две главы показали, что речь Маяковского—это ораторская речь разговорного типа, т.-е. именно устная речь. Это подтверждается хотя бы огромным количеством имеющихся в поэме неполных предложений. Неполные же предложения, когда они проведены систематически, бывают понятными только в связи с определенной устной, произносительной интонацией (слова «люди художники» могут быть поняты трояко: «люди—это художники», «люди—художники» и «люди, художники»).

Крупнейшую роль играют в устной интонации паузы, регулирующие вместе с синтаксическими делениями и логическими ударениями высоту голоса. Вот почему разбивка строк, оправданная и фонетически, оказывается безусловно необходимой в произведениях Маяковского, с точки зрения синтаксического анализа. Некоторые из критиков Маяковского обвиняли его в стремлении к декламационности, к театральщине, видели в его строчной композиции только внешнюю форму; между тем

строка Маяковского не только безупречна в композиционно-поэтическом отношении, но и органически требуется природой его синтаксиса. Это установка не на декламацию, а на устную, разговорно-ораторскую интонацию,—установка, невозможная ни для кого, кроме Маяковского.

Поскольку строки поэмы определяют собой положение пауз, поскольку письменная речь обладает целым рядом интонационных знаков (тире, знаки восклицания и вопроса, многоточия), поскольку, наконец, интонация организуется еще порядком слов,—постольку становится возможным *написание* поэмы с расчетом на *произносительность*.

Что Маяковский действительно пишет для произнесения, видно хотя бы из того любопытного факта, что очень многие из мало знающих новую поэзию или просто неумеющих читать стихи, прекрасно воспринимают Маяковского при произнесении, но отказываются его читать. И дело здесь не в оригинальной, непривычной форме строки: напротив, если бы Маяковский писал четырехстрочиями, он был бы фактически непонятен: трудна не его фонетика, а его синтаксис.

Вот ряд примеров того, как разбивка строк регулирует в поэме произносительную интонацию:

Танцует.
Ветер из-под носка.
Шевельнул папахи,
обласкал на мертвом два волоска,
и дальше,—
попахивая.

(Пауза после «дальше», указанная строкой, необходимо восполняет пропущенное сказуемое: «и дальше *пошел*, попахивая». Соответственно меняется интонация: «попахивая», остается на той же интонационной высоте, что и «дальше»).

Еще:

Впутаюсь ракете,
в небо вбегу;
с неба
красная,
рдея у края,
кровь Пегу.

(В развернутом виде было бы: «*если* впутаюсь ракете *или* в небо вбегу, *то и с* неба красная, рдея у края, *покажется* кровь Пегу». Тем не менее, интонационное противопоставление первых двух фраз остальным сохраняется).

Еще:

... Люди мрут
у камня в дыре.
Врачи
одного
вынули из гроба,
чтоб понять людей
в прогрызанной душе
вился рубль.
небывалую
убыль:
золотолапым микробом

(После «люди мрут» и т. д. идет прозаическая интонация: «врачи одного...», навязываемая обособлением подлежащего и дополнения в отдельные строки).

Еще:

Откуда-то
на землю
нахлынули слухи.
Тихие.
Заходили на цыпочках.

(Благодаря строчной композиции первое предложение интонационно объединяется с двумя последними)

И еще:

В кашу рукоплесканий ладошь не вмесите!
Нет!
Не вместите!
Рушься комнат уют!

Смотрите,
под ногами камень.
На лобном месте стою.
Последними глотками
воздух...

(Чисто произносительная интонация, построенная на обнаженном приеме: конец последней фразы оборван, так как поэту нехватает голоса).

Последнее доказательство в пользу того, что поэма целиком рассчитана на слушание. Маяковский ввел в нее музыкально-вокальные отрывки,—танго, молитвы и барабанный бой,—начертательно данные нотами.

Установить, однако, ораторскую «фактуру» поэмы это еще не значит определить точно тип самой «фактуры».

В самом деле, какова же эта ораторская композиция? Нельзя ли ближе охарактеризовать ее интонационную установку,—устность еще ничего не говорит о формах устной речи.

В поэме 139 восклицательных знаков,—число, которое надо еще значительно увеличить, так как Маяковскому свойственна манера заменять восклицательные знаки точками для усиления эмоциональной насыщенности (создается неожиданная сдержка), напр.:

А кругом:
Смеяться.
Флаги.
Стоцветное.
Мимо и т. д.

Ораторская речь поэмы—это речь с установкой на эмоциональную выразительность (потом будет выяснено, в чем именно заключаются элементы выразительности).

В этом смысле характерно употребление междометий:

О, кто же
. . . . . .
не выйдет?..
Эй!
Вы!

О, как великолепен я...
О, какие ветры
. . . . . .
свершили чудо?..

Отсюда те патетические места, которые в отличие от прежней поэзии звучат исключением: если классический буржуазный поэт сплошь стоял на ходулях, то Маяковский нарочито вдвигает «высокий штиль»,

выделяющийся и контрастно действующий на общем разговорно-прозаическом фоне:

Единственный человечий
. . . . . .
голос
подъемлю днесь.
А там
расстреливайте...

(После намеренного «днесь»—разговорное: «А там»).

Или:

Медными *мордами жрут*
все.
Огневержец!
Где не найдешь кара!

Мне приходилось слушать ораторские выступления Маяковского, и не могу не отметить, что насколько он хорош в диспутах, настолько же плох как докладчик (на этом сходятся все, знающие Маяковского лично). И это не удивительно: речь Маяковского—речь *митингового* оратора; Маяковский по природе своего языка—пропагандист и агитатор. Поэзия Маяковского — поэзия улиц, площадей, толп. Маяковский, как показывает его синтаксис, — поэт трибуны, поэт социального воздействия и социального действия, безотносительно к темам его произведений.

Мы видели, что язык Маяковского социален не только потому, что он обращен к людям, но и потому, что самое строение его является «уличным». Еще в «Облаке в штанах» находим про старых поэтов:

Пока выкипячивают, рифмами пиликая, улица корчится безъязыкая,
из любвей и соловьев какое-то варево, — ей нечем кричать и разговаривать.

Маяковский говорит с улицей на ее собственном языке; он и кричит и разговаривает, создавая язык для безъязыких, вычеканивая и оформляя, выразительно обрабатывая ту самую речь, которая свойственна человечеству в быту. Отсюда—ужасающий для гурманствующих эстетов, для представителей «чистого» искусства словарный материал; в поэме нахожу: *живот, пуп, морда, ерунда, ни черта, банда, орава, волдырь, публичный дом, плешь, вздор, совокупление, остервенелый, многохамый, быкомордый, орать, сдохнуть, нажраться, жрать, хныкать, выблевывать, заерзать, изрыгать, блудилище* и т. д. и т. д

IV.

Уже одно то, что поэма изобилует обращениями и повелительными наклонениями, показывает «воздействующую» природу ее языка.

Маяковский все время сознательно стремится воздействовать на слушателя, расшевелить его, растормошить, съагитировать! Не случайна его привязанность к так наз. усилительным служебным членам [1]).

1) Каждый,
ненужный *даже*...
2) *Даже* пляж
осклабил...
3) *Даже* жаль их.
4) Буду итти *и* итти там...
5) . . Растишь *и* растишь ее...
6) *И* красок никаких не осталось.
7) Когда-нибудь *да* увидит...
8) А тут *и* я еще.
9) *Вот*,
хотите...
10) *Это* я,
Маяковский...
и т. д. и т. д.

Не случайна и любовь к множественности: *тысячесильные Дизели, шестиэтажные фавны-дома, многохамая морда, стоперая шляпа, шестипудовый унтер, тысячи луп, 16 гладиаторов, удвоенный грохот и гром миллиардных армий тысячи Лазарей, семь тысяч цветов, тысячи тысяч радуг, стоцветное, тысячи, стодомый, столицый* и др.

Такое же «воздействующее» значение имеют сравнительная и превосходная степень: *величайший театр, самая чудовищная гипербола, фейерверк фактов, один другого чудовищней, всех окаяннее, Дантова ада кошмаром намаранней, люди бога самого милосердней и лучше, самая сияющая из душ, сладчайшее вино, очистительнейшая влага* и др. Уменьшительные: *любовишка, аккуратненько, целехонькие виски* и др. Увеличительные: *кровища, глазища* и др.

Необычайно показательны глаголы Маяковского; так, напр., все глагольные неологизмы поэмы принадлежат к типу глаголов с усилительными приставками «вы» и «из»: *вызлить, вытолпить, выстеклиться, вырыскать, выщемить, вкутаться, выласкивать, изостлаться, изоржать, изозреть*. Глаголы на «вы» вообще стали своего рода монополией Маяковского: *вылезать, выкручивать, вытечь, выесть, выворачивать, выцедить, вытрясти, вынуть, выселить, выжечься, выгорать, выпучить, вылазить, выфрантить, выблевывать, вымочить, выдернуться, выжать, выволакивать, выловить, выпачкать, вывалиться, вывертеться* и т. д.

Интересен в поэме глагол «вскарабкать»: возвратный превращен в действительный!

Глагольная энергия Маяковского подбирает себе соответствующий материал; еще примеры: *расшибать, орать, раздуть, шарахаться, реветь, рвать, скорчить, бухать, шарахнуть, ухать, ахать, охать, надрываться* и т. д.

Я уже не раз усиленно подчеркивал, что Маяковский работает в поэзии над речью так, как это отвечает свойствам и задачам практического языка. С тем же самым встречаемся мы и тут. Основной,командующей и главнейшей частью практического языка является глагол,—форма, выражающая действие, активную волю. И вот важнейшей особенностью поэмы оказывается ее глагольность: Маяковский изобретателен, глав-

[1]) См. Пешковский. Указ. сочин.

ным образом, тогда, когда дело касается сказуемых (большинство его неологизмов—глаголы); мало того, Маяковский старается оглаголить, т.-е. сделать действенным все, что только возможно (см., напр., «вытолпить», «выстеклиться»), а это, согласно новейшим работам, является прогрессивной чертой современного русского практического языка.

Наиболее показательно, пожалуй, употребление в поэме причастий, т.-е. глагольных определений, заменяющих собой прежние чисто «*эпитетные*» прилагательные; см., напр.: *вспоротый, меченный, ломаемый, искаженный, верженный, оборванный, выдуманный, бронированный, гниющий, рифмованный, истыканный, свороченный, громимый, прижатый, выхоленный, погребенный, палимый, срубленный, охмеленный, вздыбленный, разодетый, ободранный, кровавленный, иссеченный, размокший, хороненный, ревевший, зараженный, разверстый, выеденный, вспухший, запекшийся, удвоенный, вырезанный, впившийся, обезумевший* и друг.

Маяковский не только поэт воздействия, но, как я уже говорил, поэт действия; синтаксически это выражается хотя бы в характере его неполных предложений; большинство из них—сказуемостны, глагольны:

1) Загорается.
Новых из дубро[illegible]олок.
2) Не слушают.
3) И начал.
Рос в глазах...
. . . . . .
Змеился.
Вывертелся.
4) Пришел.
5) Вылезли с белым.
взмолились...
6) Прыгают по трупам...
7) Танцует.
8) Шевельнул папахи.
9) В травы вкуталась...
10) Вымочили весь его...
И т. д.

Ср. с этим употребление безличных (тенденция, прогрессивная для современного практического языка):

1) ... Стало невыносимо ясно...
2) Уж на земле голо.
3) Заволокло газом.
4) Ухало,
ахало,
охало.
5) На сажень
человечьего мяса нашинковано.
6) Рты,
как электрический ток,
скрючило «браво».

Правда, в поэме имеется достаточное количество и безглагольных предложений, но достаточно самого поверхностного взгляда, чтобы обнаружить в них только другой метод, другой прием с той же действенной тенденцией.

Безглагольные предложения или принадлежат к восклицательным:

1) Трус!
2) Ложь!
3) Хорошо вам!

(ср.: «Пожар!», «На помощь!» и т. д.)

или к вопросительным:

1) Кто это,
Кто?
2) Что им...
... стихов бахрома?

или разговорно описывают действие:

1) Вдруг
секунда вдребезги!
В небе ни зги!
2) Танцует.
Ветер из-под носка.

В тех же случаях, когда дается перечисление, оно преследует задачи ритмические, сокращение речи, ее убыстрение:

Золото славян.
Черные мадьяр усы.
Негров непроглядны пятна.
Всех земных широт ярусы
вытолпила с головы до пят она.

Иногда Маяковский говорит обособленными существительными, но в отличие от лирико-мелодической интонации, свойственной в таких случаях прежней поэзии (ср. фетовское: «Шопот, робкое дыхание, трели соловья...»), он сообщает композиции отчетливый действенный характер; напр.:

Шопот.
Вся земля
черные губы разжала.
Громче.
Урагана ревом
вскипает:
«Клянитесь,
больше никого не скосите!»
Это встают из могильных курганов,
мясом обрастают хороненные кости.

Сначала идет постепенное нарастание, доходящее в кульминационном пункте до прямой речи-воззвания. Затем следует завершение (распространенные предложения).
Другой пример:

Лес.
Ни голоса.
Даже нарочен
в своей тишине.

Мелодическая интонация становится невозможной благодаря разговорному «даже».
И еще:

А секунда медлит и медлит.
Лень ей.

Или:

Трясутся ангелы.
Даже жаль их.

Пояснения излишни, и я приведу еще только одно маленькое подтверждение «глагольности» Маяковского: своеобразный способ использования дательного падежа.

Например:

Стихам не втиснешь в тихие томики...

(Вместо: ...«в томики стихов»).

Гниет земля,
ламп огни ей
взрывают кору горой волдырей...

Вместо: ...«кору ее волдырей»).

Не вернуться ночам в вертеп.

(Вместо: ...«в вертеп ночей»).

В то время, как родительный падеж является приименным, дательный тяготеет к глаголу [1]). Маяковский, использовывая его, придает действию активность и непосредственную направленность: «ночи», «стихи» и т. д. становятся действующими лицами, особенно рельефно выступающими там, где отсутствует подлежащее (1-й и 3-й примеры).

Маяковский не говорит, а действует; его речь—не речь докладов, отчетов, конференций и т. д.; восклицательный знак плюс глагол—это митинг, это призыв к действию. Коллективизированная индустриальными центрами современности, вскормленная улицей и увлеченная социальными движениями XX века, поэзия Маяковского—это поэзия массового действия, т.-е. революции,—это агит-поэзия, вышедшая из стадии кустарничества, поднятая на высоту большого творчества, вынашенная для будущего тогда, когда социальные условия для этого будущего еще только созревали.

[1]) См. Пешковский.

Е. С. Кругликова. — Москва. Большой театр. (Из собрания А. М. Кожебаткина).

РУССКИЕ ГРАВЕРЫ.

Е. С. КРУГЛИКОВА.

Проф. В. Я. Адарюков.

Елизавета Сергеевна Кругликова родилась в Петербурге 19 января 1865 года. По своему происхождению она принадлежит к старой дворянской семье, владевшей поместьями в Московской и Тульской губерниях. В числе ее предков не было художников-специалистов, но вкус и любовь к искусству сказывались у ее деда, а мать в свое время была незаурядная пианистка, оказывавшая немаловажное влияние на музыкальную жизнь тех провинциальных городов, в которых приходилось проживать по роду службы ее мужа. Общее образование Елизавета Сергеевна получила дома, а для получения диплома прошла 7 и 8 классы женской гимназии Перепелкиной в Москве, где, благодаря талантливому художнику-преподавателю Н. А. Мартынову, нашедшему у нее способности, она начала заниматься живописью. В те же ученические годы на нее имел влияние художник Я. С. Башилов. Первые годы занятия не имели систематического характера, но в 1890 г. Е. С. поступила вольнослушательницей в Московское Училище Живописи, Ваяния и Зодчества, где работала в головном и фигурном классе под руководством художников И. М. Прянишникова, С. А. Коровина и А. Е. Архипова, а в натурном классе В. А. Савицкого, занимаясь одновременно с

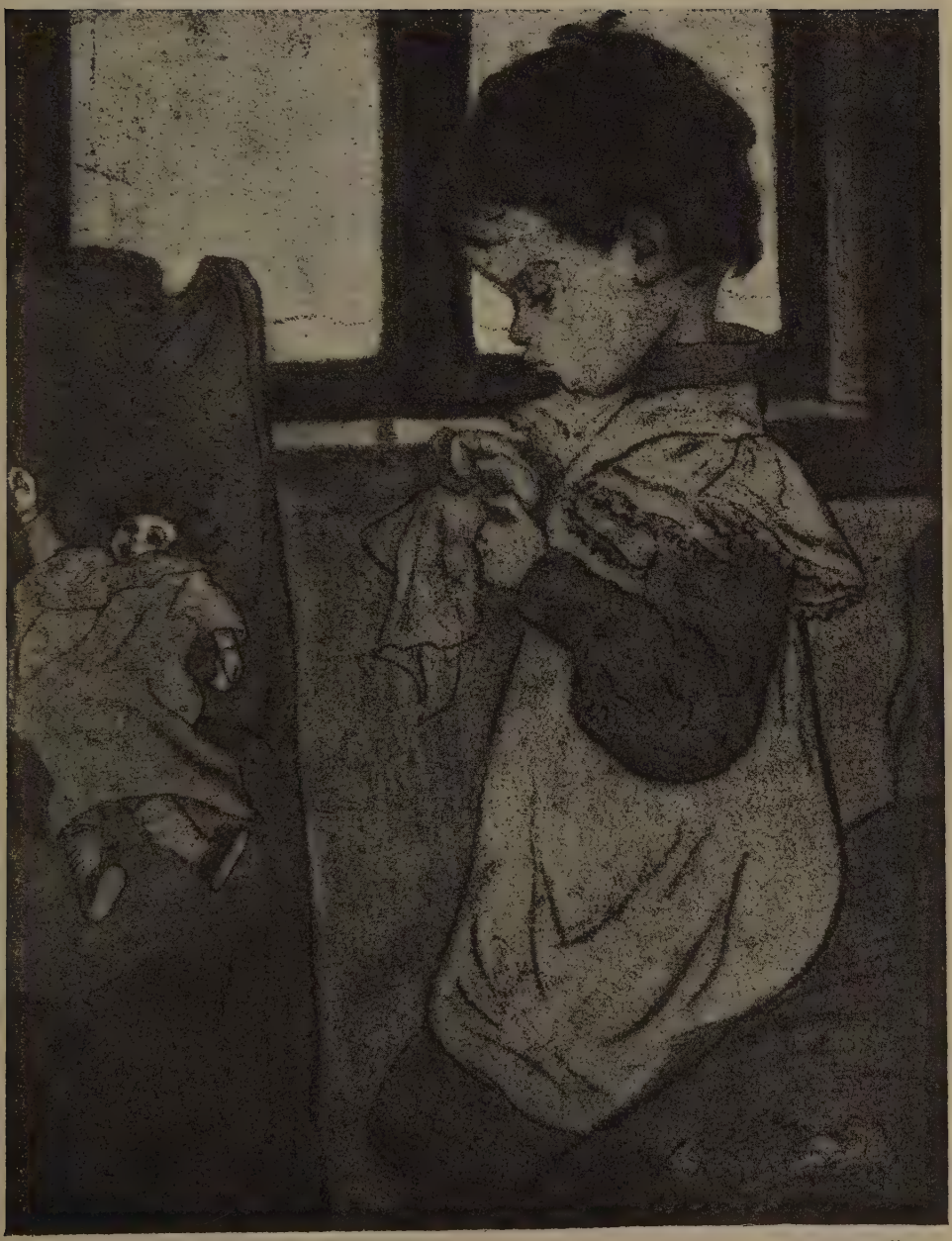
Борисовым-Мусатовым, Ульяновым, Бокалом и др. Еще находясь в училище, Е. С. совершила в 1892 г. свое первое заграничное путешествие через Константинополь в Грецию и на острова Архипелага, а оттуда через Италию в Вену. Из этой поездки Е. С. вывезла много зарисованных ею этюдов, обративших на себя внимание несомненной талантливостью.

Для довершения своего художественного образования Е. С. в 1894 г отправилась в Париж, побывав предварительно в Венеции, Флоренции, Риме, Неаполе, Ливорно и Марсели. В Париже она работала под руководством художников Olivier, Merson, Aman-Jean и Rafael Collin в академии Vitty. Из Парижа Е. С. совершала ежегодно путешествия в Бретань, Нормандию, Бельгию, в Италию и Испанию, на о. Корсику и Балеарские острова. Все эти поездки дали богатый материал для ее художественного творчества. Помимо занятий живописью, Е. С. начинает с 1903 года изучать офорт. Как раз в это время в Париже наблюдался огромный интерес к графическим искусствам. На всех выставках начали появляться сотни гравюр, а в 1904 году Société de la gravure originale en couleurs впервые открыло салон-выставку многочисленных офортов первоклассных мастеров, за этой выставкой последовал целый ряд посвященных специально графическим искусствам, как в Париже, так и в других европейских городах. Свои работы Е. С. Кругликова выставляла в Société Nationale, Salon d'Automne, Salon des Artistes Indépendants, а в России на выставках «Мира Искусства», «Нового Общества» и «Московского Товарищества».

Живя в Париже, Е. С. обзавелась собственным atelier на rue Boissonade, в котором в течение 15 лет ежегодно проводила несколько месяцев.

Кто из русских художников, приезжавших в Париж, не бывал в мастерской Е. С. на rue Boissonade?

Е. С. Кругликова.— Москва. Румянцовский музей. (Из собрания А. М. Кожебаткина).



Е. С. Кругликова. ТАНЕЧКА ЗА РАБОТОЙ.

Е. С. Кругликова. — Москва. (Из собрания Д. С. Айзенштадта).

Для приезжающих впервые в Париж учиться это посещение было всегда, можно сказать, необходимо. Здесь они получали ценные указания: у кого учиться, где жить, где работать. А. Н. Бенуа говорил про Е. С. Кругликову: «Советы Е. С. тем более ценны, что в сущности она не принадлежит ни к единому из толков художественного Вавилона и в то же время интересуется в одинаковой степени всем, что есть в нем живого. Зато страстно ненавидит она, всей своей душой,—душой по-русски свободного человека и по-парижски независимого «рапэна», всякий штамп, рутину, le poncif, le pompier. Сама Е. С. очень своеобразный художник и очень парижский художник. Она той же семьи, как Стейнлен, Валлотон, Рафаэлли и другие «певцы парижской улицы». Для нее не существует иных задач, кроме возможно более жизненного фиксирования уличной суеты, лиц улиц и уличных лиц. Нужно видеть, какой чисто охотничьей страстью дышит ее лицо, когда она с альбомчиком в руках мешается в толпе бульварных гуляк, посещает кабачки, bistro, bastringu'и, music-hall'ы, цирки, bals publiques, фуары, скачки, иллюминации и всю ту милую чепуху, в которой выражается неунывающая радость жизни истинных сынов и дочерей Парижа! Ничто ей не страшно, ничто не может ее испугать или озадачить. В толпе она, как рыба в воде, и чем шумливее, чем гуще толпа, тем ей веселее, тем больше ей материала для наблюдения, для зарисовывания. В поисках за «фиксацией суеты» Кругликова перепробовала всевозможные технические способы, переходила от акварели к маслу, от пера к офорту, от акватины к vernis-mou. Все графические приемы ей известны, все рецепты травления и заливки испробованы. И все ее подвижному любопытству не хватает чего-то существенного, все не достаточно быстро делается, не достаточно упрощает и синтезирует формы.

За последнее время она увлеклась техникой собственного изобретения монотипии—чем-то средним между офортом и масляным этю-

Е. С. Кругликова. — Из книги «Париж во время войны».

дом,—техникой, требующей большой сноровки и остроумия и в то же время, я бы сказал, обидно-непроизводительной и расточительной».

Мы умышленно привели текстуально слова А. Н. Бенуа, которые являются чрезвычайно меткой характеристикой Е. С. Кругликовой. Она действительно принадлежит к семье художников «певцов парижской улицы», поставившей себе целью жизненное фиксирование уличной суеты и уличных типов. Она не увлеклась в сторону той вычурной живописи, которой увлекались многие парижские художники и против которой восставал еще Эмиль Золя, писавший: «нет ничего труднее, как схватить и передать эти световые эффекты, эту игру солнечных лучей, в которых не искажаясь купаются одушевленные и неодушевленные предметы. Как только начинаешь подчеркивать, рассуждать, недалеко до карикатуры. Просто втупик становишься перед этими разноцветными женщинами, фиолетовыми пейзажами и желтыми лошадьми. Дамы, у которых одна щека голубая от лунного света, а другая алая от абажура лампы. Деревья цвета танго, красная вода, зеленое небо,—это ужасно, ужасно!

Ради Бога, если вы художник,—не пойте, не пишите. Вот вам человеческое тело, вот свет... Создавайте людей, но не тени»...

Е. С. Кругликова. — Из книги «Париж во время войны».

Е. С. Кругликова

СВИНЬИ. (Бельгия.)

Е. С. Кругликова как бы следовала заветам великого писателя, она именно создавала живых людей и, желая достигнуть лучших результатов, имела обыкновение писать сначала с обнаженной натуры, а затем с той же модели, но одетой.

В ее работах маслом, видна прежде всего зрелая техничность и чрезвычайное разнообразие сюжетов. Многие картины—скорее этюды, но они полны такой стройной гаммой красок, что вызывают у зрителя полное представление о том, что хотел сказать художник. Обращает на себя внимание любовь к краскам, к их игре и к самым нежным переливам, которые часто при очень широкой живописи, гонящейся за красотой мазка, совершенно пропадают. Е. С. Кругликова досконально изучила офорт, в особенности—цветной, и при ее талантливости ее работы по цветному офорту поставили ее в ряд известных граверов Парижа. У нее обучался офорту целый ряд русских художников, как Тархов, Матвеев, Е. Н. Давиденко, М. А. Добров, Шмаков, Ефимов, Симанович-Ефимова, Л. В. Яковлева, Костенко и др., а также не мало и иностранцев.

Е. С. Кругликова. — Из книги «Париж во время войны».

В 1907 г. Е. С. устроила выставку специально своих работ в Galerie d'Art Decoratif. На этой выставке было представлено 33 eaux-fortes au vernis-mou и 21 eaux-fortes en couleurs (Aquatintes). Здесь, кроме видов и типов Парижа, Бретани и Нормандии, был представлен целый ряд видов и типов Петербурга, Москвы, Оки и деревни Чегодаево, а также Крыма и Финляндии. Парижская пресса весьма сочувственно отметила эту выставку, и доказательством ее успеха может служить приобретение ее офортов целым рядом иностранных музеев.

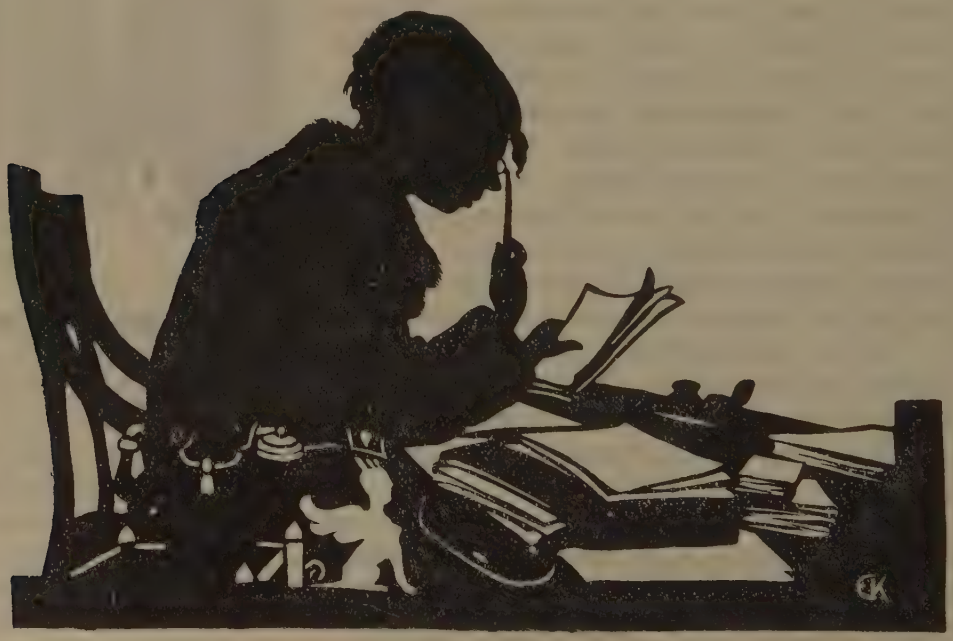
Е. С. Кругликовой был близок офорт именно потому, что она принадлежит к числу тех художников, которые интересуются больше всего жизненной правдой в искусстве, а не внешней, хотя эстетической, его формой. Известно, что во всех случаях, когда задача гравера состоит не столько в передаче красоты линий, внешней формы, сколько в воспроизведении характера людей и сущности природы, офорт является единственным пригодным для этого орудием в руках мастера. Мягкость очертаний, нежность иглы и световые пятна—это элементы офорта, отличающегося от настоящей живописи только отсутствием красок.

Более приближается к живописи цветной офорт, и одно время он занял доминирующее положение, как имевший, благодаря этой близости к живописи, больше шансов понравиться публике и найти сбыт.

Е. С. Кругликова, превосходно усвоив технику офорта и специализировавшись на цветной акватинте и монотипии, напечатала в журнале «Искусство» (Киев, 1914 г.) весьма ценную статью «Художественная гравюра и техника офорта и монотипии» (существуют отдельные оттиски этой статьи).

Статья эта дает целый ряд весьма полезных указаний не только для начинающих заниматься офортом, но и для художников.

Наша литература о технике офорта чрезвычайно бедна. Первым по времени является перевод С. С. Шайкевича «О распознавании и собирании гравюр» И. Э. Вессели. Москва, 1882. Затем труд А. И. Сомова «Краткое руководство к гравированию на меди крепкой водкой», СПБ. 1885. Изд. 2. (1-ое было литографированным). A. Donjean. «Офорт». «Руководство травления крепкой водкой на меди, цинке и стали». Пер. с последнего франц. изд. М. 1893. М. Д. Рудометов. «Опыт систематического курса по графическим искусствам», СПБ. 1897. И. И. Леман. «Гравюра и литография», СПБ. 1913.—И, наконец, в истекшем году вышедшие издания: В. Анисимов. «Гравирование цветных офортов и эстампов», СПБ. 1922, и в Берлине: В. Масютин. «Гравюра и литография». Изд. Геликон. Вот все немногочисленные наши руководства по технике офорта. Ни в одном из них нет таких детальных, практических указаний, как в статье Е. С. Кругликовой, что же касается монотипии, то описание ее техники в статье Е. С. является у нас единственным.



Е. С. Кругликова.—Н. И. Троцкая. (Из собрания А. М. Кожебаткина).

Е. С. Кругликова. — П. Е. Щеголев. (Из собрания А. М. Кожебаткина).

Е. С. Кругликовой принадлежит честь введения «монотипии», техника которой выработана ею самой. В прошлой истории гравюры упоминаются только два художника, делавшие монотипии: генуэзец Кастильоне (J. B. Castiglione, 1616—1670 гг.) и англичанин Блэк (William Blake, 1757—1828 гг.). Само слово «монотипия» (monotype) означает, что этим способом достигается только один (monus) оттиск.

Многие пуристы графики восстают против монотипии: зачем, говорят они, рисовать на доске или на стекле и затем оттискивать картину на бумаге с опасностью исказить и даже испортить, когда то же самое можно изобразить прямо на бумаге? На это Е. С. Кругликова отвечает следующим соображением: «масляная краска,—говорит она,—положенная на бумагу кистью, выделяет из себя масло, почему изолировать белые места бумаги невозможно; так же никакими лессировками не достигнешь такой тонкости слоя краски, какая получается от вытирания на доске и втиснутости краски в мокрую бумагу прессом».

Самый процесс заключается в следующем: совершенно гладкую цинковую доску покрывают общими тонами фона, то-есть начинают с дальнейших предметов, растирая краски кисеей, затем втирают тряпкой силуэты более близких планов и накладывают краски кистью, тряпкой, пальцем,—чем окажется удобно,—и снова вытирают от темного до светлого, так как чем тоньше слой, тем светлее получится тон, а там, где уже блестит металл, бумага будет чистая. Труднее всего достичь темных и очень ярких тонов и избежать при этом густоты краски. Для этого накладывают их под конец, употребляя бензин для разжижения краски. Монотипию надо делать быстро, чтобы отпечатать, пока краски не высохли. Это, ко-

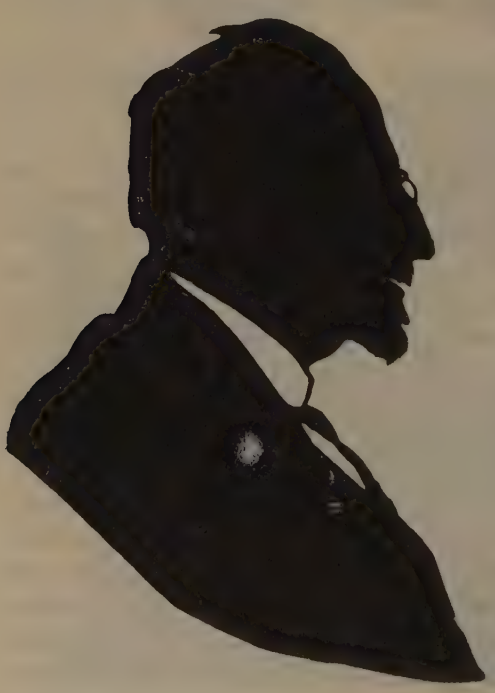
нечно, невыгодная, сторона работы, так как может случиться, что одна часть будет более суха, чем другие, и может вовсе не отпечататься.

Далее Е. С. Кругликова говорит: «преимущество же монотипии я нахожу, кроме того, что сказано выше, еще в том, что на оттиске не отражается трудность работы; все переделки, каким подвергалась поверхность доски,—словом, вся черная работа, уничтожается бесследно, и на бумагу переходит только окончательный результат сложной лихорадочной работы, гораздо более свободной, чем гравюра офортом, особенно, когда не располагаешь для данного сюжета достаточным количеством времени, чтоб сделать и предварительный эскиз и травление доски».

После печатания на доске остается так мало краски, что если с нее сделать еще оттиск на другой лист бумаги, то получится очень бледный след и то только тех мест, где краска лежала наиболее густым слоем.

Монотипия причисляется к отделу гравюры потому, что картина, написанная масляными красками на гладкой металлической доске, переносится на бумагу таким же способом печатания, посредством офортного пресса, как и с досок углубленной гравюры.

Е. С. Кругликова всегда сама печатает свои офорты и приобрела огромный навык. О своем выработанном способе печатаний монотипий она говорит: «печатая цветные эстампы, не только с акватинты (всегда с одной доски , но и с vernis-mou, на которых был протравлен только рисунок, а различные краски приходилось намазывать на гладкие места, мне пришло в голову обойтись и без протравленных линий при исполнении эскизов и этюдов. Особенно интересным этот способ оказался для изображения цветов, так как позволяет масляную живопись доводить до нежности акварели, и тона получаются чище, чем с акватинты».



Е. С. Кругликова.—А. В. Луначарский.

Монотипии Е. С. Кругликовой отличаются удивительной интенсивностью, сочностью, глубиною и красивой бархатистостью тонов. По нежности красок их можно принять за акварели.

Великолепен «Tango au Luna-park», где так сильно передан сладострастно-циничный ритм танца и ядовитая атмосфера чувственности, так гармонирующая с зловеще зелеными тонами.

Как прекрасно и просто выражено это шумное кишение праздничной толпы и этот легкий и слегка грустный угар, который царит над парижским праздниц-

Е. С. Кругликова. ТАНЦЫ.

Е. С. Кругликова.—В. Я. Брюсов.

ным весельем, и этими цветными фонариками, озаряющими нежную зелень платанов.

(«Bal de nuit de 14 juillet»)...

Прекрасна и «Rue de la Paix», где передана колоссальная напряженность жизни города-спрута и нежное сумеречное небо над Вандомской колонной. Проблема движения и света вообще разрешается удивительно.

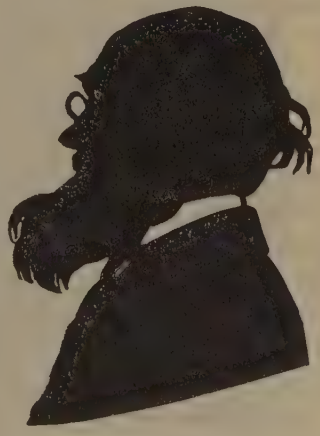
С 20 ноября по 10 декабря 1913 года при складе изданий общины св. Евгении в Петербурге была устроена выставка авторских оттисков гравюр и монотипий Е. С. Кругликовой. На этой выставке было представлено 25 монотипий и 46 офортов (eaux-fortes, aquatintes et vernis-mou). Эта была первая в России выставка «монотипий». Их своеобразная техника с прозрачными и сочными красками обратила на себя внимание. Особенно мастерски исполненные цветы, чрезвычайно красивые и гармоничные по краскам.

В 1914 году, в момент возникновения войны, русские художники, жившие в Париже, очутились в большой нужде. В видах оказания им денежной помощи Е. С. Кругликовой пришла мысль пустить в продажу факсимиле с ее монотипий. И вот появилось прекрасное издание, выпущенное в количестве 500 нумерованных экземпляров: «Париж накануне войны в монотипиях Е. С. Кругликовой». Петроград, 1916.

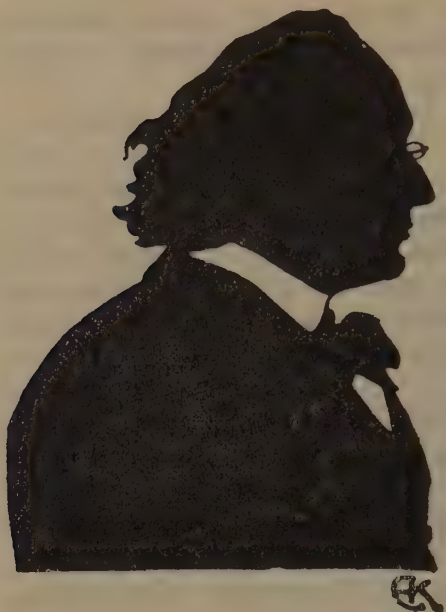
Издание это заключает в себе красочные воспроизведения с 20 монотипий, воспевающих пестрый Париж накануне войны. Тут мы имеем: «У памятника Бельфорского льва», «На бульваре Монпарнас», «Скачки», «Манекены», «Бал Бюллье», «Сена», «В Булонском лесу» и т. д. Помимо этого, в тексте масса силуэтов работы Е. С. Кругликовой: тут и портреты, и виды, и масса жанровых сценок, полных жизни и движений.

Е. С. Кругликовой отчасти принадлежит честь возрождения у нас искусства силуэта.

Мы до сих пор еще не имеем истории силуэта в России. Время его появления у нас должно быть отнесено к 90-м гг. XVIII столетия, к приезду в Россию ху-



Е. С. Кругликова.—П. А. Крапоткин.



Е. С. Кругликова.— Вячеслав Иванов.

дожника Сидо (Sidau), портретировавшего Екатерину II и ее приближенных. Портреты эти, рисованные пером и тушью, вырезались из черной бумаги и вклеивались в гравированные орнаментальные рамки. 180 листов этих портретов работы Сидо были изданы в 1899 году в фототипиях: «Двор Екатерины II, ее сотрудников и приближенных». Соперником Сидо в этой области является Иоганн-Фридрих Антинг, первый биограф и адъютант Суворова.

Свои портреты он поместил в альбоме «Collection de son Silhouettes 1791». На Западе особенно прославился по части силуэтов немецкий художник Пауль Коневка, изменивший и расширивший круг задач этого мастерства: от профильных изображений он перешел к целым фигурам в разных позах и сложным сценам, то комическим, то идиллическим. Его издания «Прогулка» из «Фауста» Гёте и «Сон в летнюю ночь» Шекспира пользовались огромным успехом.

У нас лучшим мастером в этой области был Ф. П. Толстой, сыгравший крупную роль в истории русского искусства и до сих пор, кстати сказать, не достаточно у нас оцененный. Его мастерские силуэты жанрового характера по тонкости и выразительности контуров бесспорно относятся к лучшим, не только у нас, но и в Европе. Силуэтами занимались Марков, К. А. Данилов и Е. М. Бем, исполнившая огромное их количество, список которых был помещен в «Художественных Новостях», 1884 г., № 10, за подписью Е. Р. (Е. Е. Рейтерн.)

В виду кажущейся легкости исполнения силуэтов, ими стали усиленно заниматься многие любители и особенно любительницы. Многие из них стали смотреть на силуэты только как на «обведенную тень», совершенно забывая, что силуэт требует стилизованной компановки. Такой взгляд повлек за собой упадок силуэта, который оказался в загоне, и истинные мастера начали на него смотреть свысока.

Е. С. Кругликова.—А. Блок.

Обновление и возрождение прежнего силуэта принесли с собой художники из «Мира Искусства», так много сделавшие в области книж-

Е. С. Кругликова.

В БРЕТАНИ.

Е. С. Кругликова.—Б. Л. Пастернак.

ной графики вообще: К. А. Сомов, Г. И. Нарбут, Е. С. Кругликова. Г. И. Нарбут использовал силуэт для декоративных целей книжной графики. С этой же целью чрезвычайно удачно и с большим мастерством применила силуэты Е. С. Кругликова в своем издании «Париж накануне войны». Положительно превосходны исполненные ею многочисленные мелкие, чрезвычайно бойкие жанровые сценки парижской жизни, украшающие это издание и иллюстрирующие рассказы, как, напр., «14 июля» А. Н. Толстого. Полны движения и жизни такие картинки, как, напр., «Au rat mort» и др. Во всех этих жанровых силуэтах их контуры всегда изысканны, сложны и, можно сказать, «ажурны» и местами в них сквозит удивительная острота иронии.

Е. С. Кругликова начала заниматься силуэтами с 1914 года, и ею выполнено огромное число портретов: тут мы видим целую длинную галлерею поэтов, писателей, художников, общественных деятелей и т. д.

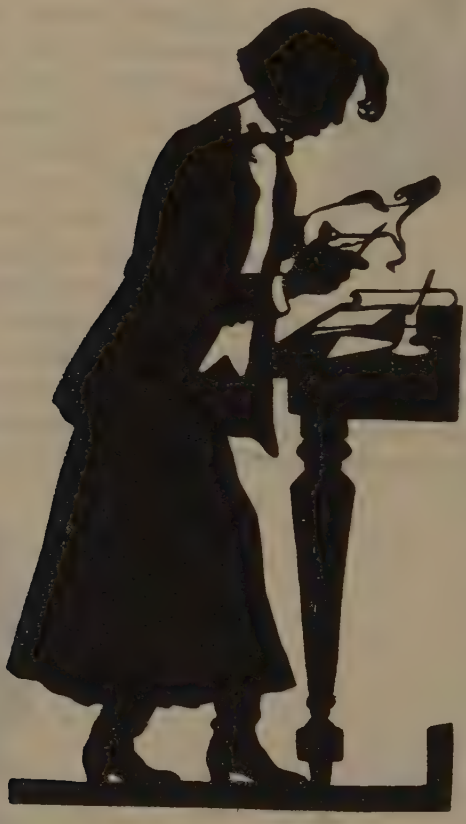
В прошлом году «Альциона» издала выпуск I «Поэты»—25 портретов современных поэтов. Два весьма удачных портрета—В. К. Трутовского и П. Д. Эттингера были помещены в журнале «Среди Коллекционеров».

В прошлом у нас силуэты очень редко появлялись на выставках; так, несколько из них работы Сидо и Антинга были на выставке «Русская женщина в гравюрах и литографиях», да силуэ-

Е. С. Кругликова.—С. П. Бобров.

ты Ф. Толстого и Гельмерсена на выставках «Blanc et noir». За последние годы, с пробуждением большего интереса к искусству вообще, не было оставлено без внимания и искусство силуэта; так, в 1921 году Обществом Любителей Старины в Москве была устроена первая у нас специальная выставка силуэтов, прошедшая почти незаметной. Только в № 3 журнала «Среди Коллекционеров» была помещена небольшая заметка об этой интересной выставке.

В настоящее время Е. С. Кругликова состоит профессором гравирования в нескольких петербургских учебных заведениях.



Е. С. Кругликова. — Автосилуэт.
(Из собрания А. М. Кожебаткина).

ПОЛИТИЧЕСКАЯ БРОШЮРА В КИТАЕ.

Вл. Виленский (Сибиряков).

Китай—безбрежное людское море, которое сейчас высоко вздымает свои волны внутренней гражданской борьбы и связанных с нею политических страстей. Борьба эта, начавшаяся одиннадцать лет тому назад свержением последней династии Манчжуров и провозглашением Китая республикой, превратилась в своеобразную борьбу отдельных милитаристических группировок, которые, опираясь на огромные людские рессурсы Китая, с одной стороны, и на иностранную помощь деньгами и оружием—с другой, ведут между собою борьбу за власть.

Борьба эта в последние годы приняла широкие размеры как по количеству китайцев-солдат, вовлеченных в эту борьбу, так и по размерам территорий, которые служат базой для каждой из борющихся сторон. В процессе борьбы происходит консолидация мелких милитаристических группировок современного Китая в большие военные объединения—«клики», как их называют в Китае, которые представляют суррогат партийных образований.

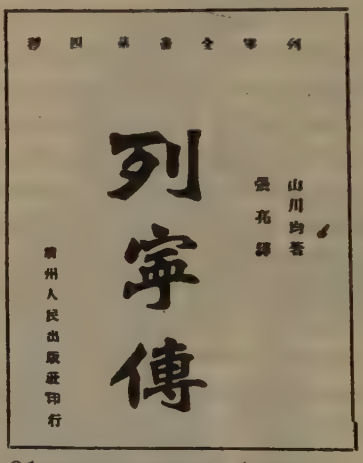
К числу таких «клик» китайских милитаристов для настоящего времени можно отнести: «Фыньтяньскую клику», возглавляемую генерал-инспектором трех провинций Манчжурии Чжан-Цзо-лином; «Чжилийскую клику», возглавляемую генералами Цао-Кунем и У-Пей-фу; «Аньфуистов», возглавляемую генералами Дуань-Чи-чжуем и Сюй-Ши-чжоном, и ряд других группировок, складывающихся сейчас в провинциях Гуандун и Сычуань.

Кроме милитаристических группировок, в Китае есть несколько организаций, которые играют роль политических партий, ставящих своей задачей борьбу за политическую власть. К числу таких нужно отнести в первую голову «гоминданцев»,—партию, с именем которой связана китайская революция, а равно и вся та борьба за демократизацию Китая, которая сейчас ведется в Китае. Возглавляет партию «Гоминдан», отец китайской революции—д-р Сун-Ят-сен. Можно назвать еще несколько группировок нарождающейся китайской буржуазии, которая стремится организовать свои ряды,—такими группировками будут «Цинпунтан» и «Дзяотун».

В последние годы, в значительной мере под влиянием русской революции, но, главным образом, на базе роста китайского рабочего движения начала создаваться китайская Коммунистическая партия, которая сейчас тоже выходит на политическую арену Китая в качестве силы, организующей общественное мнение в свою пользу.

Из этой, приведенной нами, краткой справки об организованных действующих силах китайской действительности можно видеть, что в Китае идет сложная политическая борьба, где на ряду со штыком милитаристов с каждым днем начинают играть все бо́льшую и бо́льшую роль различные приемы организации общественного мнения Китая во́круг тех лозунгов, которые в борьбе за власть выбрасываются борющимися сторонами.

В свое время мы на страницах «Печати и Революции» отмечали роль газеты в Китае, как могучего оружия в современной политической борьбе в Китае, при помощи которого различные борющиеся группировки организуют общественное мнение в свою пользу: сейчас нам хотелось остановиться на роли политической брошюры в современном Китае, которая на ряду с газетой играет огромную роль в организации тех мыслей и идей, которые являются господствующими в Китае сегодняшнего дня.



Обложка китайской брошюры — «Биография Ленина».

***

Китай знает книгу с седых времен. В настоящее время Китай познакомился с современной техникой книгопечатания при помощи ротационных машин, и сейчас в Шанхае — этом экономическом центре современного Китая — можно найти огромные книгоиздательства, которые имеют прекрасно оборудованные типографии, машины которых выпускают десятки тысяч экземпляров брошюр, книг, плакатов и т. п.

В последние десятилетия Китай в значительной мере находится под влиянием Америки. Дыхание этого капиталистического колосса, расположенного по другую сторону Тихого океана, очень сильно чувствовалось, да и сейчас чувствуется в Китае.

Десятки тысяч молодых китайцев едут в Америку учиться, где для них американцы открыли много специальных школ. Здесь происходит американизация китайцев, и, возвращаясь в Китай, они привозят с собою не только американскую технику, но и зачастую много американских приемов большой рекламы в приложении к различным сторонам общественной действительности.

Китайская газета очень сильно испытала на себе влияние американизма, особенно в отношении сенсационной тенденции, которая так свойственна вообще американской печати. Книга, выбрасываемая шанхай-

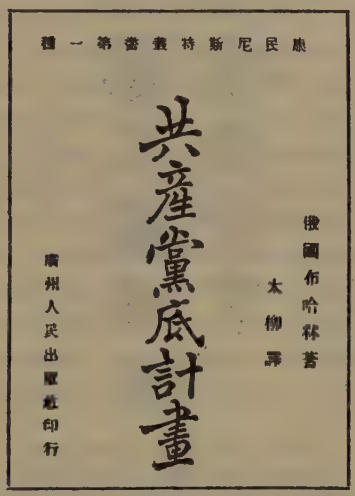
скими типографиями, в последние годы начала получать тоже своеобразный американский отпечаток. Традиционная китайская лирика оказалась подмененной американизированной китайской пинкертоновщиной; бульварный дешевенький романчик из жизни китайских чайных домиков—вот обычное содержание большинства тех книг, которые в последние годы оказались выброшенными на китайский книжный рынок.

Но зато американская техника сделала свое дело. Эта новая китайская книга вышла в преображенном виде; внешность ее сделана лучше, чем старые китайские издания; обложка обычно дается с рисунком и выполнена в красках. Текст сопровождается очень часто рисунками.

Вот эта-то американская техника в китайском книжном деле в последние годы и была широко использована для нужд политической борьбы в Китае. На ряду с китайским лубком, китайской пинкертоновщиной и бульварным романом китайский книжный рынок вдруг оказался заполненным политической брошюрой, выброшенной в обращение в больших количествах.

* * *

Прежде всего политическую брошюру, как средство борьбы, широко использовали милитаристические «клики», которые организовали выпуск целого ряда брошюр, которые представляли нечто в роде биографии лидеров своих группировок. Но тут же на ряду с биографическими сведениями в книжке обычно излагается программа этих группировок и аргументы, направленные против противников.



Обложка китайской брошюры Н. Бухарина — «Программа коммунистов (большевиков)».

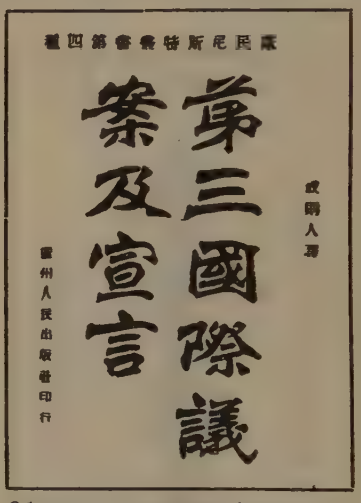
Такие книжки обязательно снабжены портретами того лица, которому они посвящаются. Этот портрет помещен на обложке, которая исполнена обычно в краску, чем прельщают китайца-читателя. Портреты Чжан-Цзо-лина, У-Пей-фу, Цао-Куня, маленького Сюй-Ши-чона (монгольского наместника в прошлом—аньфуиста) и целого ряда других генералов—это первый признак, что перед вами политическая брошюра, рекламирующая ту или иную группировку китайских милитаристов.

Хороший тон китайской литературы, равно как и жизни, требует, так называемой, китайской вежливости, которая должна золотить горькую пилюлю, преподносимую своему врагу. Поэтому большинство этих биографических брошюр наполнены своеобразными приемами «китайских любезностей» по адресу тех, кто по существу является врагом и против кого должно быть направлено острее политического памфлета настоящей брошюры. На ряду с этим, следуя традициям исторического классицизма китайской литературы, в брошюре обычно дается некоторая героиче-

ско-историческая концепция, которая, в конечном счете, какого-нибудь Цао-Куня или У-Пей-фу превращает в легендарного героя, совершившего неисчислимое количество героических поступков, и человека исключительных добродетелей.

На ряду с этой политической брошюрой-рекламой есть и другой род милитаристических брошюр, которые рисуют или эпизоды гражданской войны в Китае, или пытаются дать ее общую картину. Но и здесь личный момент и описание стоящих во главе борющихся группировок китайских милитаристов занимает много места.

После того, как в 1920 году ген. У-Пей-фу разгромил «Аньфуистов» и в 1922 г. он повторил то же в отношении ген. Чжан-Цзо-лина, в Китае сейчас появилось довольно много подобного рода «батальных» политических брошюр, которые, описывая имевшие место вооруженные схватки, дают, вместе с тем, и общую картину происходящей в Китае гражданской борьбы.



Обложка китайской брошюры — «Протоколы и манифесты III Интернационала».

***

Развивающееся рабочее движение в Китае поставило на очередь вопрос о противопоставлении милитаристическим группировкам организованной воли трудящихся Китая. Эта огромная задача, вставшая перед радикальными кругами китайской интеллигенции, привела последнюю на путь сотрудничества с китайскими рабочими.

Сейчас из десятков радикальных кружков китайской интеллигенции начинают складываться коммунистические организации, которые все больше и больше втягиваются как в повседневную борьбу китайских рабочих за улучшение их положения, так и в политическую борьбу, противопоставляя идеям китайских милитаристов идеи реорганизации Китая на принципах опыта русской революции.

Неудивительно поэтому, что как результат этого на книжном китайском рынке появилась новая разновидность политической брошюры, которая трактует социальные вопросы.

В первую очередь китайская Коммунистическая партия дала серию переводных брошюр, которые дают представление об опыте русской пролетарской революции. Отдельные брошюры Ленина, Троцкого, Бухарина сейчас переведены и изданы на китайском языке.

«Биография Ленина», «Программа коммунистов (большевиков)»—Бухарина, «Протоколы и манифесты III Интернационала», «Записки о революции»—Троцкого. Кроме этих брошюр, имеются десятки брошюр, которые представляют попытку китайских коммунистов дать китайскому читателю переводы марксистской литературы, с одной стороны, и с

другой—сделать попытку издания оригинальной литературы, отражающей китайскую действительность через призму коммунистической мысли.

Мы приведем ряд названий этой литературы; брошюры: «Советская Россия» (Су-фей-ай-ло-сы), «Рассказ одного солдата» (И-го-бин-ши-ди-тань-хуа), «Беседа двух рабочих» (Лян-гэ-гун-жень-ди-тань-хуа), «Трэд-Юнион» (Чжи-и-тун-ман), «Дальне-восточная молодежь» (Гао-юань-дун-шао-нянь), «Кто такие коммунисты?» (Шуй-ши-гун-чен-дан), «Коммунисты, анархисты и парламентские реформисты» (Гун-чан-дан-уч-женфу-дан-цзи-и-чжуй), «Политика коммунистов» (Гун-ган-дан-чжи-чжон), «Что дала нам Октябрьская революция» (Ши-юэ-ге-минь-гей-ла-во-мень-ли-мо), «Биография социальных реконструкторов» (Маркс и Энгельс) (Ша-куй-чай-цзао-цэя-чжи-чжуан-ляо).

Кроме этого, на китайском книжном рынке появились следующие переводы: «Коммунистический манифест» (Гун-чан-дан Суань-Янь), К. Маркс «Беседы по экономике» (Цзы-бень-лунь-жу-мань), К. Каутский, «Изложение учения К. Маркса» (Ма-ке-сы-цзинь-цзи-сяо-ша), Энгельс, «Развитие социализма—от утопии к науке» (Кэ-сюэ-ци-шэ-куй-чжу-и) и т. д.

Из самостоятельных китайских книжек можно указать: «История политической теории» (Чжен-жи-сы-сян-сяо-ши), «Теория Крапоткина» (Кэ-ло-по тэ-цзин-ди-ли-сян), «Социалистические мысли всех стран» и т. д.

К числу боевых памфлетов принадлежит книжка: «Почему мы против мирового союза христианской молодежи». В этой книжке молодая политическая мысль китайских коммунистов скрещивает свою шпагу с американским империализмом в борьбе против сетей «Христианского союза молодежи», при помощи которого Америка думает организовать мозги китайской молодежи в желательном для себя направлении.

Политическая брошюра в Китае—барометр роста политического сознания Китая, который при всей своей внутренней неразберихе и сумятице борьбы гигантски с каждым днем растет и все больше и больше организует свое сознание для борьбы за единство и против опеки мирового империализма.

В этом организационном процессе политического сознания Китая политической брошюре суждено сыграть большую и почтенную роль.

ОБЗОР НОВОЙ МЕТОДИЧЕСКОЙ И ЭКСКУРСИОННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ПО ЕСТЕСТВОЗНАНИЮ.

Влад. Натали.

1. *К. П. Ягодовский.* Уроки по естествознанию в начальной школе. Ч. I и II. Госиздат. 1922 г.

2. Проф. *В. В. Половцев.* Основы общей методики естествознания. Третье посмертное издание под редакцией и с дополнениями проф. Б. Е. Райкова. Петербург. Государственное издательство. 1922 г.

3. *А. П. Пинкевич.* Методика начального курса естествоведения (природоведение). Издание 4-е, пересмотренное. Государственное издательство. 1922 г.

4. «Вопросы школьного естествознания». По материалу Московской конференции преподавателей естествознания 21—24 марта 1922 г. под редакцией В. Ф. Натали. Книгоиздательство «Культура» и «Просвещение». Москва. 1922 г.

5. «Естествознание в школе», журнал по вопросам естественно-исторического образования под общей редакцией проф. Б. Е. Райкова. 1921 г. №№ 1—2, 3—5.

6. «Ближе к природе». Биологическая станция юных натуралистов имени К. А. Тимирязева. Вып. 1 и 2. Издание Отдела нар. образ. М. С. Р., К. и Кр. Д. 1921 г.

7. *А. Ф. Винтергальтер.* Как наблюдать животных. Листки для наблюдения природы в школе и дома. Под редакцией и с предисловием проф. Б. Е. Райкова. Книгоиздательство «Сеятель». Петроград, 1922 г.

8. Проф. *Б. Е. Райков.* Методика и техника ведения экскурсий. Второе издание, переработанное и дополненное. Издательство «Время». Петербург, 1922 г.

В последние годы в методике школьного естествознания замечается значительный сдвиг вперед. Выявляются и крепнут новые течения в связи с тем новым положением, в котором оказалась русская школа после революции. С одной стороны, естествознание получило широкий доступ в школу от самого младшего возраста до университета; естествознание стало одним из основных предметов, и часто даже осью, вокруг которой строится школьное преподавание.

С другой стороны, новые условия, в которых очутилась школа, толкали на пересмотр старых методов, заставляли искать путей для постановки естествознания в условиях полной необорудованности школы.

Наконец, огромное значение имела та неудовлетворенность, которую давно ощущали передовые педагоги и методисты,—неудовлетворен-

ность старой методикой, оторванностью школы и в частности преподавания естествознания от окружающей природы и жизни.

Выявившееся новое течение в методике школьного естествознания характеризуется прежде всего признанием преимущественной ценности активного исследовательского метода в работе по естествознанию,—метода, ставящего ученика в положение не пассивно воспринимающего преподаваемого ему сверху, не повторяющего на иллюстративных практических занятиях пройденное с учителем в классе, а самостоятельно открывающего новые для него факты и явления.

Второе, что характеризует новое направление, есть стремление к ликвидации оторванности школьного преподавания от окружающей ребенка жизни и его интересов. Лозунг—итти от ребенка, так хорошо понимаемый работниками по дошкольному воспитанию, завоевывает себе место в сознании школьных методистов.

И, наконец, необходимость приближения школы к природе выдвигает на первый план значение экскурсионного метода. Можно с уверенностью сказать, что, пожалуй, экскурсионный метод есть самая существенная черта нового течения. В Петрограде и в Москве создались специальные станции, ведущие с учителями работу по подготовке из их среды опытных экскурсионистов. Таковы: Инструкторская экскурсионная станция имени проф. В. В. Половцева в Детском Селе, Московский биологический сад и Биостанция юных натуралистов в Сокольниках под Москвой.

Если мы теперь обратимся к методической и экскурсионной литературе, вышедшей в свет в последние два года (1921—22 гг.), мы сможем разделить ее на две части. Часть вышедших книг является лишь переизданием старых методических руководств, правда, лучших из них, и в значительной степени не потерявших своего значения. Другая часть выявляет в той или иной степени новые течения и представляет с этой точки зрения, конечно, больший интерес для школьного учителя.

Среди книг *общеметодического* характера мы, однако, меньше всего находим таких, которые более или менее полно отражают новые веяния в школьной методике. Из них прежде всего нужно приветствовать появление нового издания книг *К. П. Ягодовского.* «*Уроки по естествознанию в начальной школе*». Книга эта состоит из 2-х частей: первая—Общие положения и вторая—Уроки 2-го года обучения.

В первой части ряд крайне интересных глав-статей, в которых лучше, чем в какой-либо из наших больших методик, рассматривается и разрешается ряд основных проблем методики школьного естествознания.

Особенно интересны первые главы, основанные целиком на наблюдении психологии ребенка. Можно смело сказать, что ничего в этом роде мы не имеем в русской методической литературе. Основная идея автора—это признаваемая им громадная роль конкретного факта в жизни ребенка. Эта идея красной нитью проходит через всю книгу. И понятно, почему автор является сторонником активной исследовательской работы ре-

бенка, что ярко чувствуется и во второй более конкретной части книги. Можно возражать против того или иного плана преподавания естествознания, можно и нужно строить курс, применяясь к особенностям каждой данной школы, но эта вторая часть книги все же ценна именно весьма правильным методическим подходом.

В общем можно только радоваться переизданию ценной книги. Она еще далеко не устарела и принесет громадную пользу учителю нашей школы.

Этого нельзя сказать в такой степени о двух переизданных больших методиках:

В. В. Половцева: «*Основы общей методики естествознания*», 3-е посмертное издание, и *А. П. Пинкевича*: «*Методика начального курса естествоведения*», 4-е издание. Правда, книги эти далеко не равноценны.

В русской методической литературе книга проф. В. В. Половцева занимает все же исключительное положение. Это—классическая книга, в значительной мере не потерявшая своего значения. Никто так, как В. В. Половцев, не содействовал дальнейшему развитию методической мысли. Пионер биологического метода, имеющего такое значение в преподавании естествознания, убежденный сторонник экскурсий и практических занятий, он своей книгой положил первые камни в развитии лабораторного метода и экскурсионного дела.

В. В. Половцев скончался 17 ноября 1918 года, и конечно, если бы 3-е издание выпускал он сам, он бы внес много изменений в связи с тем сдвигом в методике естествознания в России, который происходит в последние годы и в котором покойный автор, несомненно, играл бы первую роль.

С другой стороны, правильно поступил редактор 3-го издания проф. Б. Е. Райков, не внеся в книгу существенных изменений. Иначе нельзя поступить с классической книгой, имеющей такое громадное значение в истории нашей методики.

И если переиздание методики В. В. Половцева необходимо для русского учителя, то совсем не так обстоит с другой «большой методикой»— проф. А. П. Пинкевича. Вышла в свет она в 1922 году, а сдана в печать была в 1917 году. Очень жаль, что автор, по собственному своему признанию, не мог «по техническим условиям» переработать книгу, тем более, что она является в значительной мере устаревшей даже для 1917 года. Типичная традиционная методика, лишь внешне приспособляющаяся к моменту, трафаретно и без всякой оригинальности отвечающая по обязанности на все бесконечные вопросы школьного естествознания. Не могущая быть признанной классической книгой, помеченная 1922 г., она вряд ли принесет учителю пользу.

Новые веяния в методах работы по естествознанию нашли себе отражение в значительной степени в сборниках «*Ближе к природе*», вып. I и II, выпущенные Станцией юных натуралистов в Сокольниках под Москвой.

Это крайне интересное учреждение стремится поставить работу с детьми на основе экскурсионного и исследовательского метода. Выпущенные сборники являются отчетными за 1918 и 1919 годы, первые два года работы станции.

В первом выпуске помещена статья руководителя станции Б. В. Всесвятского «Год работы на Биологической станции», подробно останавливающаяся на организации и первом годе работы учреждения, иллюстрируемой выдержками из дневников детей.

Затем следует описание годичного собрания станции с докладами детей, и, наконец, статья М. Знаменского «Воскресные собрания на станции».

Второй выпуск целиком занят дневниками двух юных натуралистов, питомцев станции.

Знакомство с этими двумя сборниками дает много интересного материала,—материала нового и требующего обсуждения в методических кругах.

Особенно много вопросов возникает в связи с знакомством с детскими дневниками, требующими внимательного изучения. Несомненно, что Биостанция юных натуралистов является пионером новых методов, и, конечно, здесь возможны и ошибки, учет которых необходим. Не слишком ли односторонняя работа станции с детьми, с одной стороны, используются ли все методические ценности естествознания—с другой, вот вопросы, которые естественно встают при чтении сборников. Ныне станция существует уже 5 лет и, конечно, располагает гораздо бо́льшим материалом. Хотелось бы поскорее увидеть в печати эти материалы. С другой стороны, хотелось бы в большей мере услышать слово руководителей станции, а не только сырой материал, каким являются дневники.

Дневники касаются, главным образом, кружковой работы юных натуралистов, в которой принимают участие не все питомцы Биостанции и не в равной мере.

Но на станции идет и планомерная школьная работа. Как она ведется, как на ней отражаются новые методы—об этом, надо надеяться, мы узнаем из готовящихся к печати следующих выпусков.

В марте 1922 года в Москве состоялась конференция преподавателей естествознания, первая за революционное время. Конференция прошла под знаком исследовательской и экскурсионной работы и вызвала большой интерес среди учительства. В результате в печати появился сборник под заглавием «*Вопросы школьного естествознания*» по материалам Московской Конференции преподавателей естествознания, под редакцией В. Ф. Натали.

Будучи редактором названного сборника, я воздерживаюсь в настоящем обзоре от его оценки и ограничусь указанием, что в этот сборник вошли в виде статей большая часть читанных на конференции докладов, а также почти полностью протоколы заседаний конференции.

Исключительное место в нашей методической литературе занимает журнал «*Естествознание в школе*», выходящий в Петербурге под редак-

цией проф. Б. Е. Райкова. Единственный журнал, посвященный вопросам естественно-исторического образования, он берет начало еще в непериодических выпусках того же названия, начавших выходить в 1912 году, затем превратившихся в периодический журнал, без перерыва выходящий, несмотря на громадные технические трудности, до наших дней.

В 1921 году вышло две книжки № 1—2 и № 3—5. В этих книжках, несмотря на их небольшой размер, заключается много ценного и интересного материала. Книжка 1—2 целиком почти занята статьями по экскурсионной работе. Таковы интересная статья Калитина: «Межный покров», как материал для школьных экскурсий; статьи группы слушателей Инст. экскурсионной станции об экскурсионных станциях окрестностей Петербурга; статья проф. К. М. Дерюгина: «Петергофские водоемы», дающая очень ценный материал для экскурсионистов. В книжке № 3—5 мы особенное внимание обращаем на посмертную статью талантливого педагога *А. Ф. Винтергальтера: «Листки для наблюдения природы.—Водные жуки»*. Эта статья является последней из целого ряда напечатанных в том же журнале в предыдущие годы под общим заглавием «Листки для наблюдения природы» и посвященных различным зоологическим объектам. Статья эта, как и все статьи А. Ф. Винтергальтера, ценна тем, что она является прекрасным пособием для исследовательских школьных работ, единственным в этом роде.

Любопытно и ценно в них именно то, что автор не дает исчерпывающего описания данной группы животных, напр., водяных жуков, а после ряда указаний относительно того, где и как можно найти животных, и условий их содержания, автор дает в вопросной форме указания для их наблюдения и изучения, не давая готовых ответов. Таким образом, этим материалом может пользоваться учитель, а школьник—при производстве исследовательских работ. В конце статьи дается список литературы, могущей служить руководством при работе. По тому же типу написаны и «Листки для наблюдения природы», посвященные другим животным: стрекозам, ручейникам и т. д.

Можно поэтому приветствовать, как ценный вклад в литературу, издание работ А. Ф. Винтергальтера особой книжкой под заглавием *«Как наблюдать животных»*, прекрасно изданной издательством «Сеятель» в Петрограде, под ред. проф. Б. Е. Райкова и только что появившейся в продаже. Большая часть вощедших в эту книжку глав были, в виде статей, напечатаны в журнале «Естествознание в школе». Возвращаясь к № 3—5 журнала, необходимо еще отметить статью В. Исаева «Современное положение вопросов наследственности», в весьма популярной форме знакомящей учителя с современными достижениями генетики.

Прекрасно поставлен в журнале отдел хроники и библиографии.

В заключение необходимо обратить еще внимание на книгу, специально посвященную экскурсиям проф. *Б. Е. Райкова «Методика и техника ведения экскурсии»*, вышедшую в 1922 г. вторым изданием.

От первого издания книга выгодно отличается благодаря введению ряда новых глав. Таковы глава первая, дающая исчерпывающее выяс-

нение значения экскурсии и определяющая самое понятие экскурсии, и пятая, посвященная внешкольным экскурсиям.

В значительной степени переработана глава вторая, где автор дает классификацию экскурсий по различным признакам: продолжительности, содержания, объему, методам, плану строения.

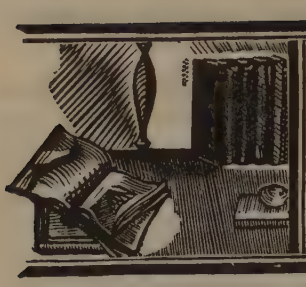
К сожалению, эта классификация носит пестрый характер, и в то же время упущены некоторые типы экскурсии. Так, например, разделяя экскурсии по методу, автор упускает из виду демонстративные экскурсии. Обращает на себя внимание также чрезмерно осторожное отношение автора к исследовательскому методу, который он все же признает, как наиболее ценный.

В шестой главе—о технике ведения экскурсии—автор останавливается слишком много на деталях, в роде того, как садиться в трамвай, как предупредить потерю шапок и т. д. Думается, это излишне.

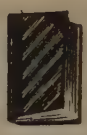
Педагогу-естественнику книга принесет несомненную пользу, как лучшая книга по методике экскурсий и наиболее удовлетворяющая современным педагогическим воззрениям.

Заканчивая обзор, необходимо отметить, что мы живем в периоде исканий и попыток претворения в жизнь новых методов в методике естествознания. Будем надеяться, что в ближайшее время эти искания найдут себе отражение в еще большей степени в нашей методической и журнальной литературе.

Е. С. Кругликова.—Дети. (К статье «Русские граверы»).



ОТЗЫВЫ О КНИГАХ



ИМПЕРИАЛИЗМ И МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОЛИТИКА.

1. I. А. ИОФФЕ. Генуэзская конференция II. Б. ШТЕЙН. Гаагская конференция. III. «Материалы Генуэзской конференции». IV. «Гаагская конференция». *И. Майского.* — 2. И. КОРОСТОВЕЦ. Россия на Дальнем Востоке. *В. Виленского-Сибирякова.*—3. А. Н. МАКАРОВ. Лига Наций. *С. Харича.* — 4. И. МАЙСКИЙ. Внешняя политика Р. С. Ф. С. Р. *Т. Антокольского.* — 5. Л. ТРОЦКИЙ и Х. РАКОВСКИЙ. Очерки политической Румынии *П. Саложникова.*

А. А. ИОФФЕ. Генуэзская конференция. 1922. Изд. «Красная Новь». Стр. 62. Б. Е. ШТЕЙН. Гаагская конференция. 1922. Госиздат. Стр. 57.—Материалы Генуэзской конференции. (Полный стенографический отчет.) 1922. Изд. Н. К. И. Д. Стр. 459.—Гаагская конференция. (Полный стенографический отчет.) 1922. Изд. Н. К. И. Д. Стр. 288.

Брошюра т. Иоффе распадается на три части: 1) причины Генуэзской конференции, 2) Генуэзская конференция и 3) итоги Генуэзской конференции. В первой части автор рассматривает общее международное положение, как оно сложилось перед Генуэзской конференцией, и наглядно изображает ту экономическую разруху, в состоянии которой оказался капиталистический мир в результате империалистической войны. Во второй части, естественно занимающей львиную долю брошюры (стр. 15—59), довольно подробно излагается то, что происходило на самой конференции. Особенную ценность этой части составляют приведенные в ней текстуально важнейшие документы, характеризующие позицию российской делегации в Генуе: русская декларация от 10 апреля, оглашенная на первом пленарном заседании конференции, и ответный меморандум российской делегации на лондонский меморандум экспертов капиталистических держав. Весьма интересны также цифровые данные, характеризующие контр-претензии России к державам Антанты за убытки, причиненные ей блокадой и интервенцией. В последней части т. Иоффе подводит итоги конференции и приходит к выводу, что «значение Генуэзской конференции вовсе не в тех резолюциях, которые ею были приняты, а в той новой специально политической обстановке, которая ею была создана. Эта новая политическая обстановка характеризуется дальнейшим развитием разложения Антанты, политической изоляцией Франции и несомненным прояснением классового сознания мирового пролетариата. Генуэзская конференция во всех указанных отношениях сыграла роль полезного фактора, давшего толчок ускорению всех названных процессов. Брошюра т. Иоффе написана ясным и популярным языком и может служить полезным пособием для читателя из рабочей и крестьянской среды. Приходится пожалеть только об одной оплошности: на титульном листе брошюры красуется портрет т. Иоффе во весь рост. Это слишком по-американски и как-то невольно режет русский глаз. Мы боимся, что издательство проявило в данном случае излишнюю расторопность, которая ни ему самому, ни т. Иоффе пользы не принесет.

Брошюра т. Штейна о Гаагской конференции составилась из корреспонден-

ций, которые он печатал в течение июля месяца в «Экономической Жизни». Будучи генеральным секретарем российской делегации в Гааге, т. Штейн имел редкую возможность быть ориентированным во всех деталях гаагского «действа». Его брошюра состоит из пяти глав: 1) история конференции и ее организация, 2) информационный период, 3) работа подкомиссии частной собственности, 4) работа подкомиссии долгов и кредитов и 5) срыв конференции. Развитие гаагского «действа» изображено живо и интересно. Есть весьма любопытные детали. Так, например, характеристика общественного положения ряда виднейших представителей буржуазных государств на конференции, не оставляющая сомнения в том, что «великие демократии Запада» доверили защиту своих интересов в Гааге лицам, не имевшим ничего общего с государственными интересами соответствующих стран, но зато тесно связанным с интересами движимой и недвижимой собственности, которой они раньше владели в России. Подводя итог работам конференции, автор пишет:

«Без иностранного кредита мы пройдем расстояние, отделяющее нас от эпохи экономического благополучия на пассажирском (может-быть, даже на товарном) поезде. С иностранным кредитом— на курьерском. За скорость мы готовы платить. Но если курьерский поезд заставляет себя слишком долго ждать и берет бешеную плату,— Россия предпочтет сесть в теплушку. Тем более, что она к ней привыкла».

Мы можем в этом отношении вполне присоединиться к мнению автора.

Следует приветствовать решение Н. К. И. Д. собрать и опубликовать подлинные материалы Генуэзской и Гаагской конференций, являющихся первыми официальными выступлениями Советской России на арене мировой политики. Материалы Генуэзской конференции представляют собой солидный том в 400 с лишним страниц и, как не без основания заявляет редактор сборника Г. Б. Сандомирский, представляют собой наиболее полное из европейских изданий, посвященных данному вопросу. Весь том разбит на шесть частей: 1) до первого пленума, 2) первый пленум, 3) работа политической комиссии, русский вопрос, Рапалло, 4) второй пленум, 5) доклады прочих комиссий, 6) третий пленум. Кроме того, имеются еще кое-какие приложения. Материалы охватывают не только стенографические отчеты заседаний пленумов и комиссий, но также и всю ту весьма сложную дипломатическую переписку (ноты, меморандумы, комюнике, радиограммы и т. п.), которая была связана с Генуэзской конференцией. Есть в них даже документы, характеризующие отношение римского папы к Генуэзской конференции. Отсутствуют только знаменитые переговоры на вилле Альбертис у Ллойд-Джорджа, сыгравшие такую крупную роль в судьбе конференции. Впрочем, насколько знаем, в скором времени должны появиться в свет и эти переговоры.

Материалы о Гаагской конференции несколько меньше по объему, но составлены, примерно, по тому же типу. Они содержат: доклад российской делегации Совнаркому о ходе работ и результатах Гаагской конференции, стенографические протоколы заседаний всех трех подкомиссий конференции, стенографический отчет единственного пленарного заседания конференции 19 июля, заключительные резолюции нерусской части конференции, переписку т. Литвинова с председателем нерусской части конференции Патеном и переписку т. Карахана с британским агентом в России Ходсоном. Большую ценность представляют многочисленные приложения (стр. 207—288), содержащие, между прочим, перечень предприятий, которые Советская республика готова сдать в концессию, подробные данные о русском бюджете, демонстрированные в Гааге, а также «Объяснительную записку к плану распределения кредитов, необходимых для экономического восстановления России». В приложениях читатель найдет много в высшей степени ценных и до сих пор мало доступных широкой публике данных, характеризующих современное состояние народного хозяйства России и его перспектив в ближайшем будущем.

Оба сборника Н. К. И. Д. представляют ценный вклад в нашу литературу по

внешней политике. Им, несомненно, суждено длительное существование. Они нужны для современников, и они пригодятся и нашим потомкам.

И. Майский.

И. КОРОСТОВЕЦ. Россия на Дальнем Востоке. Изд. Т-ва «Восточное Просвещение». 1922 г. Пекин. 153 стр. + 4. С иллюстрациями и схематической картой Китая.

Настоящая книжка представляет воспоминания старого дальне-восточного дипломатического чиновника из штаба при генерале Алексееве, который в период 1898—1902 гг. являлся генерал-губернатором Квантунгской области и делал русскую политику на Дальнем Востоке.

Центр тяжести воспоминаний Коростовца лежит в описании так наз. боксерского мятежа и участия царской России в подавлении этого мятежа совместно с Германией, Японией и другими державами. Как непосредственный участник этих чрезвычайно интересных событий, Коростовец дает не только интересное изложение общей картины всего этого чрезвычайно интересного периода из жизни Китая, но и много интересных подробностей, касающихся внутренних взаимоотношений великих держав между собою.

Боксерский мятеж—предвестник китайской революции 1911 года. В то же время это стихийный протест широких народных масс против опеки иностранных империалистов, которые шли широким фронтом против Китая, пользуясь неспособностью последнего защищать свои права. Но этот стихийный подъем народных низов манчжурской династией был использован для того, чтобы припугнуть иностранцев. Вышло наоборот,—иностранцы использовали боксерское движение и, раздавив его вооруженной рукой, учредили, по существу, опеку над Китаем, избавиться от которой он не может до сего времени.

Коростовец, конечно, далек от того, чтобы понять истинную природу боксерского мятежа; для него боксерское движение—результат слабости китайского правительства. Впрочем, это общее ходячее мнение многих деятелей того периода. Трагедия китайского народа, столкнувшегося несоответствием своих форм государственного устройства с требованиями новых международных отношений, в сферу которых Китай втягивался тогда,—это ускользало от современников Коростовца. С другой стороны, боксерский мятеж для них был удобным средством к карьере.

Если Витте в своих воспоминаниях называет Алексеева честолюбивым «армяшкой», то портрет Алексеева, нарисованный Коростовцом, дополняет эту характеристику. Личные моменты играли доминирующую роль в деятельности этого «сухопутного адмирала», когда в погоне за первой ролью Алексеев наделал ряд политических глупостей, которые впоследствии привели Россию к русско-японской войне. Кстати сказать, в книжке Коростовца дано много штрихов бывших «героев» русско-японской войны: Субботича, Стесселя и др.

Большой интерес представляют страницы, посвященные Ли-Хун-чжану, одному из умнейших китайцев того времени. Этот умный старик должен был вести переговоры от имени Китая с оголтелыми победителями, имевшими в кармане готовый план раздела Китая. Они, несомненно, осуществили бы его, если бы не те внутренние противоречия, которые помешали осуществлению империалистических замыслов союзников в полном объеме.

После занятия союзными войсками Пекина (столицы Китая), последний подвергся форменному погрому. Особенно пострадали императорские дворцы, которые являлись сокровищницами китайского искусства. Коростовец рассказывает: «Мы быстро проходили, обмениваясь мыслями, через пустые залы, Алексеев с генералами впереди, за ним—чиновники дававшие объяснения. На столах стояли пустые коробки, колпаки и подставки, самые же вещи исчезли. Комната, где хранились богдыханские регалии, печати, ордена, подарки иностранных монархов и т. п., подверглась основательному разгрому; на полу валялись футляры всех форм и величин. Я заметил, что карманы моих спутников заметно оттопыри-

лись—не даром некоторые из них надели плащи и пальто, несмотря на жаркую погоду».

Книжка заканчивается страницами, посвященными борьбе союзников за преобладание в Тянцзине, который после боксерского мятежа превратился в цитадель империалистов, откуда они угрожают Пекину.

Вл. Виленский (Сибиряков).

А. Н. МАКАРОВ. Лига Наций. «Academia» Петербург. 1922 г. 77 стр.

Автор и в предисловии и в тексте указывает, что он ставит себе задачей не политическую оценку Лиги Наций, а выяснение «интересных юристу» вопросов о составе Лиги, об ее органах, о предметах ее ведомства и вообще о международно-правовых основах ее существования.

Однако, с автором приключается довольно неприятная история: как он ни старается оставаться на «чисто» юридической почве, он волей-неволей вынужден меланхолически отмечать связь юридических форм с политически-«преходящими» явлениями. Впрочем, беспристрастный читатель сам сделает этот вывод: «чистые» юридические формы слишком краснореча.

В целом книжка представляет из себя типичное добросовестное «исследование», начинающееся с изложения «истории вопроса» и кончающееся подробным анализом содержания договора Лиги Наций, на основе которого последняя функционирует.

Идея надгосударственной организации встречается уже, как полагается, в античной философии и находит далее отражение в ряде малых и больших «трактатов». Все это мало интересно. Злоключения автора начинаются с того момента, когда он, в исторической последовательности, описывает практическое осуществление идеи, призванной обеспечить всеобщий мир—«эту необходимую предпосылку расцвета духовных сил человечества».

Вот знаменитый Священный Союз, поставивший себе целью руководствоваться в своей деятельности «не иными какими-либо правилами, как заповедями святой веры, заповедями любви, правды и мира». Увы! Такая, казалось бы, безукоризненная «юридическая» формула наполнилась совершенно несоответствующим ей содержанием: сам автор деликатно признает, что «едва ли» не основой деятельности Священного Союза явилось «вмешательство во имя начала легитимизма для подавления революционных вспышек».

Однако, эта первая неудача не смутила пацифистски настроенного автора. В создании всемирного почтового и телеграфного союзов, союза для защиты промышленной собственности и др. межгосударственных объединений—он усматривает «кирпичи» будущего здания надгосударственной организации.

Особенное удовольствие доставили автору обе Гаагские конференции—1899 г. и 1907 г. Захлебываясь от юридического восторга, он подробно перечисляет те органы, которые предполагали создать эти конференции для устранения международных конфликтов, предметы их ведения, способ назначения и количество членов и т. д. и т. д. Но при более внимательном взгляде оказывается, что дальше слов дело не пошло. «Примечательная» конвенция о международном призовом суде, принятая второй конференцией, не была ратифицирована даже подписавшими ее державами. Посредничество, рекомендуемое обеими Гаагскими конференциями для улажения конфликтов, носит исключительно характер необязательного совета. Нечего и говорить, каково было влияние этих международно-правовых «актов» на международные отношения.

Лучше всего юридическое беспристрастие автора обнаруживается тогда, когда он пытается проследить возникновение идеи Лиги Наций в дипломатической истории мировой войны. Трудно найти более сомнительный источник для освещения какого бы то ни было вопроса, связанного с мировой войной. Автор тщательно приводит ряд заявлений политических деятелей Антанты, которые так щедро рассыпались ими во время войны. В Советской России, которая на своей спине достаточно осязательно

узнала цену всем заявлениям Антанты, автор совершенно серьезно оперирует такими «аргументами», как речь Асквита о борьбе «во имя осуществления принципов, сохранение которых имеет жизненное значение для мировой цивилизации», как подобные же выступления Бриана, Грея и прочих защитников «права и справедливости». Мимоходом автор не упускает случая отметить коварную роль Германии, которая, в лице Бетмана-Гольвега, выразила сомнение в возможности обеспечения мира международными организациями. Особенно много внимания уделяется Вильсону, который выступает в роли истинного и бескорыстного ангела мира. Непонятно только, как мог Вильсон, уже вступив в число воюющих, увещавать наше временное правительство, что «братство человечества не должно оставаться красивой, но лишенной содержания фразой, а должно быть облечено в мощную и реальную организацию».

Не останавливаясь на многочисленных проектах Лиги Наций, которые выдвигались отдельными организациями и политическими деятелями, перейдем непосредственно к договору Лиги. Прежде всего следует отметить, что к договору не примкнула Америка, занявшая к тому времени позицию невмешательства в европейские дела. Далее самим договором исключено участие в Лиге Германии и ее союзников, а также государств с непризнанными правительствами — России и Мексики. Зато не забыты были Геджас, Гондурас и др. Значение этих фактов для установления прочного мира, который был обещан Антантой, не нуждается в комментариях.

Органами Лиги являются Собрание и Совет; в последнем обеспечено большинство за державами Антанты. Неудивительно, что, хотя, с точки зрения демократизма, Собрание является высшим органом, в исключительную компетенцию Совета входят такие вопросы, как разработка плана сокращения вооружений, определение содержания мандата, рассмотрение отчетов по управлению мандатными территориями и т. д. Очевидно, предусмотрительные инициаторы Лиги решили гарантировать себя от всяких неожиданных сюрпризов.

Лига Наций открывает свое истинное лицо, когда дело доходит до выяснения предметов «ведомства» ее. По мнению автора, стремление Лиги утвердить прочный мир в полной мере отразилось на тексте создавшего ее договора. Основным способом устранения на будущее время войн договор признает закрепление политической карты, созданной в Версале. Антанта любит утешать себя иллюзиями: слишком уж неприглядна серая действительность.

Автор признает, что одной такой декларации для обеспечения всеобщего мира недостаточно: необходимы конкретные мероприятия. Каковы же они? Прежде всего, сокращение вооружений. Установив, что «поддержание мира требует сокращения вооружений до минимума, совместимого с национальной безопасностью», Лига берет на себя обязанность разработки программ сокращения вооружений. Не думайте, однако, что эти программы для кого-либо обязательны—они преподносятся в виде благочестивых пожеланий. Самое пикантное в том, что Совет Лиги решил разработать программы вооружения в первую очередь для следующих государств: Эстонии, Грузии, Исландии, Люксембурга, Сан-Марино и Украины. Можно ли после одного этого перечня сомневаться в мирных тенденциях Лиги Наций?

Что касается организации мирных разрешений межгосударственных споров, Лига создала Международную Судебную Палату, компетенция которой крайне расплывчата; но даже в пределах этой компетенции обращение спорящих сторон к ее содействию, как полагается, совсем необязательно. Не менее действенное значение имеет и другой способ устранения международных конфликтов—посредничество.

Из административных функций Лиги Наций безусловно наибольший интерес представляют те, которые конкретно связаны с политическим содержанием Версальского договора: 1) управление Саарским округом, 2) управление Данцигом и 3) надзор за управлением так наз. мандатными территориями.

Тут нагляднее всего Лига Наций выступает в роли ширмы, прикрывающей грабительский дележ, учиненный Ан-

тантой в результате победы. Управление Саарским округом, осуществляемое комиссией Лиги, фактически означает передачу в руки французов всего Саарского угольного бассейна. Заверения Макарова, что Лиге принадлежит весьма активный контроль над этим управлением,—детский лепет.

Наиболее циничной частью договора Лиги следует все-таки признать ст. 22. Ее бы надо было развесить во всех фабриках, заводах и казармах. Тогда трудящиеся массы лишний раз убедились бы, как империалисты, обделывая свои грязные делишки, умеют прикидываться невинными агнцами. Ст. 22 трактует о мандатных территориях, в состав которых входят большие германские колонии и отторгнутые части Оттоманской империи. Лига, видите ли, озабочена судьбой населяющих эти территории народов, лишившихся старых «хозяев», но вместе с тем «неспособных еще руководствоваться самостоятельно в исключительно трудных условиях современной мировой жизни». «Благосостояние этих народов и их дальнейшее развитие признается священным долгом цивилизации». Естественно, что этот «священный» долг могут выполнить только наиболее приспособленные, в силу их материальных рессурсов, опытности или географического положения, государства, взяв на себя управление мандатными территориями. Фатально както оказывается, что наибольшими «способностями» среди всех членов Лиги обладают представители Антанты, в руки которых попали все «мандаты». Одна маленькая оговорка, помещенная в конце 22 ст., объясняет нам, в чем дело. Пределы подлежащей осуществлению доверенными власти, контроля или управления устанавливаются Советом Лиги в том случае, если они не были предметом предварительного соглашения между членами Лиги. Антанта облегчила работу Совета ст. 119 Версальского договора, в силу которой Германия отказалась от своих колоний в пользу союзных держав, а не в пользу Лиги Наций. Лига притворяется, что она распоряжается территориями, которые на самом-то деле не ей принадлежат. Какое вопиющее правонарушение!

Среди прочих «мероприятий», которые Лига взялась проводить, остановимся еще на мероприятиях в области рабочего законодательства. Состав органов, призванных разрабатывать это законодательство, предрешает его направление. В этих органах $^3/_4$ мест обеспечено за представителями господствующих классов; в качестве представителей рабочих фигурируют «амстердамцы». Социал-предатели ухватились за эту уловку в надежде отвлечь рабочих своих стран от непосредственной классовой борьбы, внушая им уверенность, что «где-то» о них заботятся. Результаты этих «забот» слишком очевидны, чтобы они могли «тронуть» рабочих.

Анализа договора Лиги Наций совершенно достаточно для ее характеристики, и нет необходимости дополнять эту характеристику ссылкой на конкретную деятельность Лиги за время ее существования. Как достойное детище Версальского мира, Лига отражает полное бессилие Антанты установить в послевоенной Европе видимость равновесия. Никакая хитроумная международная буржуазная организация не способна устранить непримиримые противоречия, раздирающие капиталистическое общество в эпоху его упадка.

Только один путь ведет к прочному миру—мировая социальная революция.

С. Харин.

И. МАЙСКИЙ. Внешняя политика РСФСР 1917—1922. Изд. «Красная Новь». Москва. 1922 г. 191 страница.

Предисловие заявляет:

«Эта книжка—не политический памфлет и не научное исследование. Это, насколько я знаю, первая попытка суммировать большой и чрезвычайно интересный *фактический* материал, который накопился за минувшие пять лет в области внешней политики РСФСР...»

«... Во избежание излишнего усложнения изложения я везде стремился по возможности ограничиться рамками внешней политики *в тесном смысле слова*, делая лишь в крайних случаях пояснительные отступления в другие области...»

Предисловие вполне точно и согласно с текстом определяет содержание.

Книга И. Майского представляет исключительно сборник фактического материала.

Это—суммированная, собранная вместе, информация о внешней политике РСФСР. Материал добросовестно подобран и хорошо систематизирован. Пятилетняя работа в области внешней политики распределяется на следующие периоды:

1) *Политическое наступление российской революции.* Декларация принципов. Борьба за мир. Первый период брестских переговоров. Народный Комиссариат по Иностранным делам.

2) *Борьба революции за мир.* Второй период брестских переговоров. Брестский мир. Борьба против последствий Брестского мира. Малая интервенция Антанты. Разрыв сношений с капиталистическим миром. Война Антанты против Советской России.

3) *Победа российской революции.* Окно в Европу. Отношения с Польшей. Договор с Англией. Соглашения и переговоры с другими государствами.

4) *Эпоха мировой политики.* Генуя. Гаага. После Генуи и Гааги.

5) *Советская политика на Востоке.* Первые шаги. Афганистан. Хива. Бухара. Персия. Турция. Монголия. Китай. Япония.

Как видно из приведенного оглавления, книга дает исчерпывающий материал о внешней политике РСФСР. Это—исторический очерк, сжатый, но отмечающий все наиболее существенное.

Разбивка на периоды, равно как и характеризующие периоды заголовки взяты весьма удачно.

Шаг за шагом книга прослеживает все этапы внешней политики РСФСР. Выводы и заключения очень кратки и, можно сказать, официозны. Это—повторение тех общих выводов, которые мы уже читали в статьях руководителей нашей внешней политики при оценке тех или других событий. Вообще вся книга носит несколько отчетный характер, и потому диссонансом звучит глава о Нар. Комиссариате по Иностр. делам, описывающая со слов т. Залкинда внутреннюю работу и организацию Комиссариата в самую первую эпоху революции. Эта глава кажется личными «мемуарами» старожила, отмечает мелочи, не имевшие никакой связи с внешней политикой и носит фельетонный характер. Книга только бы выиграла в единстве тона, если бы этой главы в ней не было.

Несмотря на указанную некоторую официозность, отсутствие глубокого анализа событий и краткость выводов, книга производит большое впечатление. Давая общий очерк всего пути, пройденного РСФСР за пять лет, книга уже одним перечнем фактов и событий рисует яркую картину произведенной колоссальной работы и чудовищных усилий, затраченных на преодоление лежавших на пути революции препятствий.

Из суховатой книги, из сжатого исторического очерка, вырисовывается яркий и художественный образ великой российской революции.

Не отдельные факты, не автор (которого совсем не заметно), а именно этот образ русской революции остается в представлении после прочтения книги И. Майского. И невольно думается: как же велика, как грандиозна и как захватыв юща пережитая нами эпопея, если даже самый простой информационный отчет только об о ной из сторон ее будит революционный романтизм.

Т. Анатолийский.

Л. ТРОЦКИЙ и Х. РАКОВСКИЙ. Очерки политической Румынии. Государственное Издательство. Москва. 1922 г. Стр. 151.

Румыния—одна из самых беспокойных и враждебных Советской республике соседних стран.

Однако, до сих пор в нашей политической литературе, доступной для квалифицированного массовика, почти ничего не говорилось относительно Румынии. Сейчас этот недостаток отчасти исправлен книжкой, которую мы рецензируем.

И Троцкий и Раковский хорошо знают Румынию: первый жил в Румынии до войны и об зил ее из конца в конец, второй—наиболее любимый вождь румынского рабочего движения, неоднократно

подвергшийся репрессиям со стороны румынского правительства.

Книжка содержит в себе две части, неразрывно между собою связанные внутренним единством. Первую значительную часть книги занимают «очерки политической Румынии», преимущественно эпохи балканских войн 1913 г., составленные из статей т. Троцкого за это время. Вторую часть книги занимает письмо т. Раковского к т. Троцкому, дающее сжатый, но яркий очерк «нынешней политической Румынии».

«Очерки» т. Троцкого написаны им в виде впечатлений от посещения Румынии. Рядом превосходных картин и характеристик, очерченных с присущим его перу мастерством и меткостью, автор рисует нам физиономию политической Румынии.

Она во многом не похожа на «примитивно крестьянские демократии» Сербии и Болгарии. Прежде всего в том, что является страной крупных помещиков и почти бесправных, закабаленных в тисках неподвижных феодальных отношений крестьян. Даже после мировой войны, несмотря на законы о так наз. всеобщем избирательном праве и частичном разделе земли, данные господствующими кликами под давлением масс и вследствие боязни русской революции,—несмотря на это, положение в общем и целом остается прежним. Т. Троцкий дает яркую картину угнетенной голодной и молчащей деревни внизу, и борьбу правящих бояро-гокойских помещичьих партий, консерваторов и либералов. Эта борьба господствующих клик из-за государственного пирога составляет фон современной Румынии. Символически, говорит т. Троцкий, это выражается в том, что чугунная статуя Атласа на площади в Плоештах (городок в Румынии) «приспособляется к сменам партийного режима», поворачиваясь то к либеральному, то к консервативному клубу, в зависимости от того, какая из этих партий стоит у власти.

Румынские помещики и фабриканты не довольствуются эксплуатацией трудящихся масс. Они жадны до всего, что плохо лежит вне их страны. Но они трусливы и предпочитают добывать себе жирные куски земли и новых плательщиков не оружием, а путем внешней провокации и чужими руками. Так, путем провокации они вызвали в 1913 г. вторую балканскую войну между Сербией и Болгарией, а сами тем временем угрозами вынудили истощенных болгар отдать им новую Добруджу. Не лучше они действовали, как показывает Раковский, и в 1918 г. по отношению к Бессарабии.

Подобная трусливо-провокационная империалистическая политика правителей Румынии объясняется боязнью перед собственными трудящимися массами, достаточно угнетенными и озлобленными против своих господ.

Правящие классы, чтобы держать их у себя в узде, ведут провокационную политику и внутри страны, так как, чтобы заставить крестьян итти в армию и драться за своих помещиков, последние дразнят мужиков обещаниями земли и свобод, а после того, как мужики добыли им то, что нужно, дарят их не землей и волей, а свинцом. Чтобы отвлечь недовольство крестьян, господствующие партии натравливают крестьян на евреев-арендаторов и вообще на еврейское население страны. Чтобы обезопасить себя от рабочих, правительство не только открыто преследует революционеров и коммунистов, но и коррупцирует рабочие организации путем подкупа и т. д. И только дальновидность и умелое руководство таких вождей рабочего движения, как Доброджану Гереа, дали этому движению возможность устоять, укрепиться и развернуться.

Такова физиономия политической Румынии, как ее начертил т. Троцкий.

Но эта физиономия, как показывает письмо т. Раковского, начинает ныне изменяться. В так наз. «Великой Румынии», образовавшейся после захватов 1918 г., появились новые мелко-буржуазные партии: народная (ген. Авереску) и крестьянская, указывающие на политическое движение мелкой буржуазии и крестьянства; но что особенно важно,—выросло и развилось рабочее движение, возглавляемое коммунистической партией. Рабочее движение и коммунистическая партия тем более приобретает влияние, что господствующие в Румынии классы запутались во внутренних и внешних проти-

воречиях и принуждены, чтобы отдалить призрак рабочей революции, обращаться к шпаге и услугам ген. Авереску. Последний, конечно, как и подобает вождю мелкой буржуазии, охотно выполняет для помещиков и крупной буржуазии роль палача рабочих, а затем за ненадобностью уходит со сцены, предоставляя господство помещикам и капиталистам.

Мы не передали и в малой доле богатства содержания книги, написанной в обеих своих частях ярко и убедительно.

Следует упомянуть, что книга хорошо издана и имеет в качестве приложения 4 политических карты Румынии (с 1913 г. и по 1922 г.).

П. Сапожников.

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА.

1. I. «Четыре года» (журнал 30-й дивизии). II. «Наша дивизия». III. «Красная армия» (юбилейный № газеты). *Д. Фурманова.*—2. ДОБРЫНИН. Борьба с большевизмом на юге России. *К. Скерского.*—3. Ген. ДЕНИСОВ. Записки о гражданской войне на юге России. *К. Скерского.*

ЮБИЛЕЙНЫЕ ИЗДАНИЯ 30-й ДИВИЗИИ

(ж. «Четыре года», 62 стр.; сборн. «Наша дивизия», 132 стр.; газета «Красная армия»; издания Подива 30, 1922 г.).

По истории гражданской войны мы пока имеем лишь отдельные очерки; связной истории всех событий нет, даже нет истории какого-либо одного из наиболее важных фронтов — колчаковского, деникинского, врангелевского... Зато имеется обильный материал по отдельным более или менее крупным эпизодам войны, и этот материал быстро копится—растет; он собирается в военных и военно-политических журналах, в различных сборниках воспоминаний, в специальных, правда, еще очень скромных, работах.

Материалы эти помогут историкам гражданской войны осветить не только чисто военную сторону, но и идейное ее содержание, дадут исторический фон, так необходимый для полноты исторической правды.

30-я иркутская дивизия справляла первого августа 1922 г. свой четырехлетний юбилей и ко дню юбилея выпустила целый ряд изданий, которые мы упомянули в заголовке: и в сборнике, и в журнале, и в газете рассказывается боевая история славной дивизии, сражавшейся на колчаковском фронте, бравшей Чонгарские укрепления у Врангеля, гонявшейся по Украине за бандами Махно. И, надо отдать справедливость, характер каждого из этих фронтов прекрасно отобразился в немудрящих, простых и стильных повествованиях.

Читаем про Колчака—и видим, чувствуем эту массивность, широту масштаба, величину опасности, размах операций...

Читаем про битвы с Врангелем, про Сиваш, про чонгарские бои—и на первый план уже выступает какая-то лихорадочность, короткость и сила удара; беззаветность и героизм, похожие на безумие.

На махновском фронте преобладают элементы подвижности, неожиданности, неизбежной и постоянной рассеянности действий...

Видно, что писали не «очевидцы» а сами участники, которые, по существу, и не могли не отобразить характерное лицо каждого фронта.

В этой исторической правдивости—большая и серьезная ценность материала.

Следующей заслугой является то обстоятельство, что и в сборнике и в журнале проходят перед нами операции мелких частей: отделений, взводов, рот, батальонов... Действия круп

ных соединений — дивизий и армий— описываются довольно часто, подробно и пространно. А вот о действии мельчайших составных частей Красной армии всегда у нас материала было очень мало, нужда в этом материале ощущалась и ощущается непрерывно, а добыть его куда труднее, чем материал о действиях крупных частей.

На примере 30-й дивизии мы видим, как создавались и чем жили наши боевые части на протяжении гражданской войны. Прошлое этой дивизии кроется в полулегендарной истории партизанских отрядов, которые создавали уральские рабочие и крестьяне в 18-м году. Эти отряды объединялись, выделяли таких вождей, как Блюхер, Каширин, Грязнов и, в конце-концов, развертывались в непобедимые полки, бригады, дивизии... Про один из полков (262), возникший на Саранинском заводе, рассказывается — как в июльские дни чехословацкого мятежа и дутовских зверств, как-то утром «воздух задрожал от тревожных вскрикиваний гудка».

Рабочие выскочили к совету. Им коротко объяснили положение, и они тотчас же «быстро и решительно стали брать оружие и собираться в путь». Разговаривать некогда, надо дело делать, не откладывая ни минуты. Эта горстка рабочих стала ядром славного впоследствии 262 полка...

В другом месте рассказывается, как на митинге в селе Игре, где «большинство было настроено против Красной армии...» после разъяснений «все... тут же, единогласно решили вступить в ряды бойцов, сражающихся под знаменем Советской власти...»

Полки рождались стихийно и органически—в этом их сила, в этом причины их постоянной близости к трудовому населению. Очень верно в своей заметке «Все на Урал» красноармеец тов. Тронин говорит, что «неизменным источником силы ... дивизии было всегда единение с широкими массами рабочих и крестьян. В этом единении дивизия постоянно находила нравственную поддержку в самые трудные минуты; здесь же был неиссякаемый источник живой силы для пополнения поредевших рядов...»

И командиры—посмотрите: то рабочий с завода, то крестьянин: очень стильная, очень типичная дивизия! Не даром она совершила такие переходы, не даром одержала столько славных побед—и из них самую легендарную, самую невероятную на Чонгарских укреплениях, над черными омутами гнилого моря в темную и холодную ноябрьскую ночь.

Д. Фурманов.

Генерального штаба полковник ДОБРЫНИН. «Борьба с большевизмом на юге России. Участие в борьбе Донского казачества. Февраль 1917 г.—март 1920 г.». Очерк. 120 стр. «Славянское издательство». Прага. 1921 г.

Бывший начальник разведывательного и оперативного отделений штаба Донской армии задался целью «обрисовать картину участия Донского казачества в гражданской войне в России». В виду того, что это участие является «мало кому известным за границей», автор счел себя вынужденным «отвести должное место тем мотивам, которые побудили Дон к борьбе с большевизмом, и важнейшим мероприятиям Донского казачества, характеризующим его желания и настроения».

Для того, чтобы «иностранный читатель» имел возможность быстрее ознакомиться с описанием борьбы, очерк был выпущен одновременно и на французском языке.

По своей должности автор был близок к центру управления не только боевыми операциями донской контр-революции, но и гражданской жизнью области; через его руки прошли все наиболее важные документы, события имели двойное освещение—и белой и красной стороны; задача сводилась к уменью справиться с богатым материалом и беспристрастно осветить этапы зарождения, расцвета и падения русской Вандеи.

Многие органы белой прессы пропели акафист «добросовестному объективизму» автора (не скрывающего тыловых сторон таких, напр., предприятий, как рейд генерала Мамонтова), его уменью «спра-

виться с потоком чувств и дать «спокойное, беспристрастное» изложение недавно минувших событий.

К сожалению, с этим никак нельзя согласиться. Действительно, автор сжато, сухо описывает «капитуляцию Дона перед большевизмом в декабре 1917 г.—марте 1918 г.; «пробужденье» Дона, свержение Советской власти и первое очищение территории Дона от большевиков в марте—ноябре 1918 г.; новые колебания Донского казачества и второе нашествие советских войск на Дон, вступление Донского казачества в состав вооруженных сил юга России,—события в ноябре 1918—апреле 1919 гг.; окончательное отрезвление Дона и второе очищение области от большевиков в апреле—октябре 1919 г.; катастрофу 1919—1920 гг. на фронте вооруженных сил юга России и отход противобольшевистских войск в Крым в октябре 1919—марте 1920 г.г.». Но нет в работе ни объективности, ни беспристрастия, ни понимания событий.

Впрочем, будущему историку гражданской войны книжка принесет известную пользу, если сгруппировать рассеянные в ней факты и иллюстрации, дающие нам представление о действительной сущности русской контр-революции не из «лживых» большевистских источников, а как-никак из первых по правдивости и беспристрастию рук. Вот некоторые из них.

Оказывается, например, что наша едва сформированная конница к концу 1919 г. нагнала столько страху на белых, что «как донские части, так и стоявшие во главе их начальники, быть-может, совершенно того не замечая (как это мило звучит! *К. С.*)... проявили полное нежелание встречаться с конницей противника в открытом бою. Донское командование, заметив эту ненормальность (опять удивительно милое выражение! *К. С.*), пыталось понудить их к активности, вплоть до отрешения от командования высших начальствующих лиц и расследований, но ничего сделать не могло, так как конница не исполняла приказов об атаке конницы противника» (стр. 93—94).

В числе пострадавших оказался, между прочим, и знаменитый генерал Мамонтов, отрешенный генералом Врангелем от командования конной группой во второи половине октября 1919 г. с назначением на его место одного из кубанских генералов (стр. 86).

По человечеству нельзя не пожалеть белых генералов, «если принять во внимание скаредность казаков, всегда старавшихся не только явиться на фронт в самом оборванном обмундировании, но немедленно отправить домой то обмундирование, которое получалось. В результате в станицах, особенно на юге, можно было видеть одетыми в казенного образца обмундирование не только казаков, но и баб и детей, тогда как фронт был раздет» (стр. 90).

Полковник Добрынин жалуется, что армию белых «погубил тот самый тыл, который ею прикрывался. Всю войну он был весел, беспечен, кутил, веселился в те моменты, когда на фронте гибли люди». «И всю войну в тылу можно было видеть одних и тех же лиц, благоденствующих в дни побед армии и распространяющих панику в дни ее неудач» (стр. 89).

Однако, было бы большой несправедливостью к белому тылу—его одного считать причиной разгрома южно-русской контр-революции. По словам Добрынина, и фронт белых не уступал их тылу. В боях под Сватовым «обнаружилось неподдающееся учету количество у войск обозов и поездных составов, находящихся в непосредственном ведении штабов, частей и технических групп. Пока армия шла вперед, все это терялось в глубоком тылу, но при быстром отходе вся эта масса не успевала откатываться от фронта и оказалась на пути войск. По отходе от Сватова, при расформировании генералом Мамонтовым обозов у конного корпуса, из одних этих обозов было извлечено до 4000 бойцов, оставшихся без пристанища после уничтожения их «базы». И такие облавы ген. Мамонтов делал не раз» (87 стр).

Последнему, кстати сказать, это было и не в диковинку: «отрицательной стороной его рейда было увлечение многих участников его грабежом. Объяснение (замечает совершенно правильно полковник Добрынин), что частные лица и жители не подвергались грабежу, а разбирались только военные и коммунистические склады, при чем жителей даже снаб-

жали предметами, забираемыми из складов, не изменяет положения. Попытка командования произвести осмотры у возвращавшихся из рейда частей не увенчалась успехом. Части сумели уклониться от осмотров» (стр. 81).

«Историческая справка о Доне и Донском казачестве», а также военно-статистические сведения о Донской области, добросовестно составленные автором по работам проф. Малиновского, проф. Богачева и по данным, собранным для Донского войскового круга, представляют краткое описание донского театра военных действий гражданской войны и дают понятие о богатствах Дона и его населении. А вся книжка в целом кратко, сухо, но систематично знакомит нас с главнейшими событиями трехлетней борьбы на юго-востоке России; враждебные интересам революции стремления казачества нашли в авторе прямолинейного выразителя.

К. Скерский.

Генерал ДЕНИСОВ. Записки. Гражданская война на юге России 1918—1920 гг. В семи книгах с приложением 70 карт.-схем, исполненных в цветных красках. Книга I. Январь—май 1918 г. с приложением 8 карт-схем. 128 стр. Константинополь. 1921 г.

На первой странице своей книги автор следующим образом определяет задачи своего труда: «я пишу и подробно останавливаюсь лишь на том, что или совершенно ново для читателя, либо вносит совершенно новое освещение в вопросы, события и факты, хотя и достаточно знакомые; но изложенные не правдиво».

С особым интересом раскрываем эту книгу, в надежде найти действительно правдивое освещение событий, изложенных пером «командующего донскими казачьим армиями и... флотом и управляющего военным и морским отделами всевеликого войска Донского», служебное положение которого обеспечивало ему, лучше, чем кому-либо другому, знакомство с событиями гражданской войны на юге России.

Однако, с первых же строк читатель чувствует недоумение. Свой высокий пост автор занимал в течение долгих 9 месяцев, и, как гласит скромное автобиографическое примечание в конце первой страницы, под его командованием «Донская армия не видала поражений, а военное управление не ведало разрухи». Что касается последней, то, например, Добрынин пишет о внутреннем состоянии Донской армии нечто совершенно противоположное, но допустим, что у него «не правдиво» изложены события! А вот с тем, что Донская армия за это время не видала поражений, никак не согласятся те, кому пришлось принимать участие в гражданской войне. Всякому, даже поверхностно знакомому с ее историей, хорошо известно, что это— рямо противоположно действительности.

Как известно, 1 февраля 1919 г. никто иной, как Донской круг, выразил недоверие автору рецензируемых записок, так как круг констатировал полный развал фронта, и ген. Денисов не мог дать удовлетворительных объяснений о причинах этого «нежелательного» явления. Развал этот был совершенно ясен красному командованию еще в декабре 1918 г., когда несколько станиц вступили с нами в переговоры и сложили оружие. Далее, в течение всего января 1919 г. донские белогвардейцы находились в полном отступлении, почти не оказывая сопротивления и не задерживаясь на рубежах.

Мы остановились на этом примере, чтобы показать, как противоречит действительности «правдивое» освещение событий автором Записок. Если добавить к этому, что ген. Денисов дает везде блестящую оценку своей деятельности, что во всех случаях жизни он является перед нами героем несравненным—и храбрым, и умным, и деятельным, в противовес другим донским генералам,—характеристику его книги можно считать почти исчерпывающей.

К. Скерский.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ И НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО.

1. Проф. Г. Г. ШВИТТАУ. Революция и народное хозяйство в России. *Е. Преображенского.*—2. I. Е. ВАРГА. Период упадка капитализма. II. Закат капитализма. *Н. Мещерякова.*—3. Проф. Н. КОНДРАТЬЕВ. Мировое хозяйство и его конъюнктуры во время и после войны. *А. Кона.* — 4. «Объекты концессий западной Сибири». *С. Обручева.* — 5. Проф. А. К. ТИМИРЯЗЕВ. О борьбе растений с засухой. *В. Арнольди.*

Проф. Г. Г. ШВИТТАУ. Революция и народное хозяйство в России (1917—1921).— Центральное Товарищество Кооперативного Издательства. Лейпциг. 376 стр.

Настоящая книжка издана за границей. Однако, она очень сильно отличается от обычной эмигрантской литературы о России и от всех белых «исследований» о хозяйстве Советской России. Обыкновенно эти «исследования» пишутся таким образом. Из наших официальных данных или из газетных статей выбирается все, что говорит об упадке хозяйства, и тщательно умалчивается о всех тех данных, которые характеризуют противоположные тенденции Этот метод «исследования» можно сравнить с работой того фотографа, который снял бы в Москве все разрушенные дома, ватер-клозеты и кучи навоза, сделал бы из этих фотографий альбом и озаглавил бы результат своей работы словами «современная Москва». В результате таких писаний о России получается картина, которая психологически нужна для жаждущих движения контр-революционной воды эмигрантов, но которая не имеет ничего общего с действительностью. В противоположность всей подобной экономической литературе, представляющей из себя в сущности не научные исследования, а плач Рябушинских и Коноваловых об отнятых у них фабриках, книга проф. *Швиттау* представляет из себя попытку более или менее объективно изучить советское хозяйство. Различие в оценке фактов, в подборе материала и, наконец, в выводах получается поразительное. Причина же проста. Автор не связан выводом, что Советская власть никуда не годится и должна быть уничтожена. Автор имеет благодаря этому возможность сравнительно беспристрастно оценить весь материал о нашем хозяйстве,—а отсюда и совсем другие выводы в сравнении со злобно-клеветническими писаниями о Советской России кадетских профессоров за границей. На примере рассматриваемой книги можно прямо пальцами прощупать, как неразрывно связано всякое исследование в области общественных наук и его выводы с классовой позицией автора.

Прежде всего поэтому о социально-политической позиции проф. Швиттау. По своим убеждениям автор представляет из себя нечто в роде катедер-социалиста. Вот несколько слов для характеристики его отношения к современному капитализму: «Современный капиталистический строй, руководимый не всеобщим интересом, а частным корыстным расчетом, уже тем самым представляется недостаточным и потому неизбежно обреченным уступить свое место новому порядку вещей, в котором указанное единство и целостность народного хозяйственного процесса получат себе более полное осуществление» (стр. 360). В области политической автор является приблизительно сменовеховцем. Он приемлет революцию, но отрицает диктатуру, считая ее переходным периодом к демократии. Но он не чужд понимания того, что современная буржуазная демократия отнюдь не является инструментом социализма. С этой стороны любопытно привести его собственные слова по этому вопросу: «Само собою очевидно, что с уничтожением права частной собственности на орудия и средства производства, т.-е. с провозглашением начал социалистического строя в России, должны восторжествовать принципы не западно-европейской многоклассовой и многопартийной капи-

талистическо-буржуазной демократии с соответствующей ей парламентской системой государственного устройства, а принципы новой социалистическо-пролетарской демократии с ее стремлениями уничтожить самую основу для раздирания общества на классы и с соответствующими этому стремлению новыми началами социалистического устройства общества.

Между этими двумя видами демократии не может быть никакого соглашения или компромиссов; они по существу различны в той же степени, как были когда-то различны два основных миропонимания—новое христианское и старое языческое. Тот, кто исповедует первое миропонимание, органически не в состоянии воспринять в себе начала другого миропонимания» (стр. 53).

Что касается социологических взглядов автора, то они представляют из себя идеалистическую мешанину. Для характеристики «философии истории» автора достаточно привести следующие строки, которыми начинается абзац книги, озаглавленный—«Структура Советской власти». Автор пишет: «Сущность всякого революционного процесса определяется ростом присущего ему элемента радикализма. Под воздействием чисто психических факторов—духовного подъема, экстаза, энтузиазма и т. д.—революционный радикализм относительно быстро достигает своей верхней точки, но, не удерживаясь на ней под напором расхолаживающих повседневных требований жизни, он падает и постепенно ассимилируется с более умеренными элементами общества». Глубина социологического анализа здесь говорит сама за себя! И таких мест в книге достаточно.

Обратимся теперь к экономической части книги. Здесь мы находим главы об едином хозяйственном плане, о сельском хозяйстве, о промышленности, о транспорте, о топливном деле, о политике в области организации и охраны труда и о финансах. Каждый из этих вопросов автор рассматривает в историческом разрезе. Сначала он дает краткий очерк положения дела в соответствующей отрасли до войны, в период войны и в период существования временного правительства и только за тем переходит к советскому периоду. Этот исторический метод изложения позволяет автору установить с полной объективностью, что развал хозяйства начался в России во время мировой войны и при Советской власти лишь автоматически продолжался. А так как автор обрабатывал данные, относящиеся лишь к периоду военного коммунизма, то он не мог оценить результатов, достигнутых Советской властью в деле восстановления народного хозяйства в период новой экономической политики. Если бы автор обработал данные, относящиеся к периоду НЭП'а, он мог бы констатировать начавшийся подъем в промышленности и земледелии и мог бы с большим успехом защитить свою позицию примирения с революцией. В области сельского хозяйства автор стоит на позиции социализации земледелия и отнюдь не относится отрицательно к сельско-хозяйственной политике Советской власти, в основе которой лежит на ряду с другими, более близкими целями и эта основная цель. Что касается системы продразверстки, то автор хотя и считает продовольственную политику Советской власти не целесообразной и не достигающей необходимых результатов, однако, он не доказал, какими другими мерами, кроме продразверстки, государство могло бы, при падающей валюте и небольших излишках крестьянского хозяйства, осуществить снабжение города и прокормить пятимиллионную Красную армию. Точно так же, относясь отрицательно к трудовой повинности, он не принял во внимание необходимости этой меры, по крайней мере, для тех отраслей промышленности, где квалифицированных рабочих можно было удержать только этим средством; не принял также во внимание абсолютной необходимости для государства гужевой повинности в тот период. Очерк наших финансов является совершенно неудовлетворительным. Автор не дал даже приблизительной картины того, на какие рессурсы существовало советское государство и какие факторы влияли на систематическое падение курса рубля. Между тем даже для того периода, который рассматривает автор, в Советской России имелось достаточно

и сырого и обработанного цифрового материала, которым можно было бы воспользоваться.

Выводы. Книга проф. *Швиттау* не имеет непосредственные интересы для читателей Советской России, поскольку она устарела и поскольку в ней нет и не могло быть правильного теоретического анализа нашей системы хозяйства периода военного коммунизма. Но для заграничных читателей из среды нашей эмиграции, для которых картина того, что совершалось в области нашей экономики 1918, 1919 и 1920 гг., была задернута покрывалом кадетской и эс.-эровской клеветы, эта книга может быть полезна: в ней есть довольно богатый цифровой материал, с которым заграничный читатель знакомился лишь урывками. Но эта книга приобрела бы гораздо больший интерес для заграничных читателей, оторванных от России, если бы она была пополнена данными из периода строительства двух последних лет советского хозяйства и советских финансов.

Необходимо отметить крайнюю небрежность стиля, его тяжесть и ряд безграмотных фраз, встречающихся на протяжении всей книги.

Е. Преображенский.

Е. ВАРГА. Период упадка капитализма. Перевод с немецкого. Изд. Коммунистического Интернационала. 1922 г. 64 стр.

Е. ВАРГА. Закат капитализма. Перевод с немецкого Е. Успенской под редакцией И. Шубина. Издательство «Красная Новь». Главполитпросвет. Москва. 1923 г. 45 стр.

До революции часто случалось, что одна и та же книга выходила в нескольких переводах и нескольких изданиях. При неорганизованности дела, в условиях, когда вопрос об издательской прибыли был чуть не единственным руководящим стимулом для издателей—это было вполне естественно. Но толку от этой конкуренции было мало. Она, как и всякое другое проявление анархии в производстве, вела только к бесполезному расточению сил и средств, а новые переводы уже несколько раз изданных книг отнюдь не всегда представляли улучшения перевода. Но при капитализме эта конкуренция была делом естественным

Две вышеупомянутые книжки представляют перевод недавно вышедшей на немецком языке в издании Коминтерна брошюры т. Варга (бывший профессор университета в Будапеште и бывший член Совета Народных Комиссаров в Венгрии) «Die Niedergangsperiode des Kapitalismus».

Русский перевод в издании Коминтерна появился в конце октября; его тираж был 20.000 экз., т.-е. в количестве совершенно достаточном. Непонятно поэтому, зачем «Красная Новь» в конце ноября выпустила новое издание брошюры в количестве 4000 экз. А ведь оба издательства работают в одном городе.

Появление нового перевода имело бы оправдание, если бы он был лучше по сравнению с первым. Но и этого нет. Анонимный перевод издания Коминтерна безусловно лучше, чем перевод «Красной Нови», и по литературности языка, и по точности перевода. Непонятно также, почему имя «Евгений» переводчик «Красной Нови» обозначает буквой Э.

Новая книжка т. Е. Варга представляет продолжение его предыдущих работ по вопросу о переживаемом мировом хозяйственном кризисе. Первая его брошюра появилась летом 1921 года, как материал к III конгрессу Коминтерна. Она давала анализ состояния мирового хозяйства до этого момента (есть русский перевод в издании В. С. Н. Х. Москва. 1921 г.). Весной 1922 г. т. Варга выпустил второе издание своей брошюры, значительно дополненное; в нем он доводит свой анализ до конца 1921 г. или даже до начала 1922 г. Перевод этой книжки на-днях появится в издании «Госиздата» в Москве («Кризис капиталистического мирового хозяйства»).

В новой брошюре т. Варга продолжает свой анализ еще дальше и доводит его до конца лета 1922 года.

Но новая брошюра т. Варга отнюдь не может заменить только что упомянутой брошюры начала 1922 г., ибо построены они совершенно различно.

В «Кризисе капиталистического мирового хозяйства» тов. Варга дает очень обильный для такой небольшой книжки циф-

ровой материал о хозяйственном положении переживаемого периода и делает вытекающие из этого материала выводы в том порядке, в каком эти выводы следуют. Фактическая цифровая сторона преобладает здесь над теоретической. В новой брошюре—«Период упадка капитализма»—т. Варга выдвигает вперед теоретическую сторону вопроса и только подкрепляет, иллюстрирует цифрами свои выводы. Цифр в этой брошюре мало, и материал расположен по-иному. Поэтому в предисловии сам т. Варга отсылает читателя ко второму изданию своей упомянутой выше брошюры. Новую книжку Варга лучше читать после «Кризиса капиталистического мирового хозяйства».

Новая брошюра т. Варга распадается на шесть следующих глав:

1) Подъем и упадок капитализма.
2) Сущность упадка капитализма.
3) Роль войны при капитализме.
4) Типы хозяйства в период упадка капитализма.
5) Экономическое развитие за последний год.
6) Тенденции развития и виды на будущее.

Основной вопрос, который т. Варга пытается разрешить во всех своих вышепомянутых работах, он формулирует ледующим образом:

«Является ли настоящий хозяйственный кризис преходящим, обыкновенным кризисом в рамках капитализма, по преодолении которого наступит период экономического расцвета и социального укрепления классового господства, чтобы после уступить место более слабому обычному кризису, или же это—постоянный кризис, развитие которого только тормозится короткими периодами расцвета, но не приостанавливается ими?»

В конце же своих исследований т. Варга приходит к выводу, что «Кризис мирового капитализма «непреодолен, нормальный капитализм не восстановлен. Но, с другой стороны, не наступил и окончательный крах капитализма. В мировом масштабе за промежуток между двумя конгрессами созидательные и разрушительные силы находились в приблизительном равновесии». «Мы, несомненно, находимся в периоде упадка капитализма, что создает объективную возможность победоносной пролетарской революции», пишет т. Варга в конце своей брошюры.

Брошюра тов. Е. Варга очень богата содержанием. Мы не будем пытаться передать это богатое содержание в небольшой рецензии. Знакомство с этой брошюрой (а в особенности с более богатой цифровым материалом и большей по объему книжкой «Кризис капиталистического мирового хозяйства) решительно необходимо для всякого, кто хочет ясно понять характер переживаемого нами периода и перспективы будущего.

Н. Мещеряков.

ТРУДЫ КОНЪЮНКТУРНОГО ИНСТИТУТА ПРИ ПЕТРОВСКОЙ С.-Х. АКАДЕМИИ. Т. I. Проф. Н. Д. КОНДРАТЬЕВ. Мировое хозяйство и его конъюнктуры во время и после войны. Изд. Вологодского Обл. Отд. Гос. Изд. 1922 г. Стр. 270.

Как разрешить вопрос о том, является ли современный кризис мирового хозяйства обычным кризисом перепроизводства, или же представляет собою совершенно особое новое явление? Для исследователя, стоящего на почве причинности, а не целесообразности явлений, ответ ясен. Необходимо изучить современный кризис во всей его сложности и затем найти черты сходства и отличия его от обычных кризисов.

Профессор Кондратьев в начале своей работы становится как будто на правильный путь. Подробно останавливается на конкретной обстановке, предшествовавшей кризису 1920—21 годов, углубленно и основательно исследует все детали и перипетии его течения, детально и обстоятельно изучает современную конъюнктуру.

В этой части книги автор дает правдивую фотографию изменения конъюнктур за последние годы.

Если его и можно упрекнуть в чем-нибудь в этой части его работы, то разве лишь в излишней сухости и однообразии изложения.

Во время чтения этих глав книги у читателя возникает опасение, что автор

ограничится одним описанием кризиса, совершенно не попытавшись дать его теорию, что он заблудится в специфических конкретных подробностях обстановки, не сумеет использовать их для обобщающего анализа, не перейдет ко второй части намеченного нами в начале статьи пути.

Однако, такое опасение обманывает читателя: в конце третьей главы автор переходит к теории, но переходит, надо сказать, весьма своеобразно.

Весь громадный фактический и цифровой материал, собранный на 200 с лишним страницах, он использует не для того, чтобы найти черты сходства и отличия данного кризиса от всех предыдущих, но только для того, чтобы найти черты сходства и притом не все, а только одну,— настоящий кризис, как и всякий, возникает вследствие нарушения равновесия в капиталистическом производстве.

Казалось бы, что для такого убогого вывода не стоило выписывать богатейшего материала на 200 страниц.

Всякая сколько-нибудь длительная заминка в реализации ценностей происходит вследствие нарушения равновесия капиталистического производства. Основные выводы автора должны были бы быть, таким образом, известны ему a priori. Такого рода вывод решительно ничего не говорит ни уму, ни сердцу. Не в этой плоскости лежат отличия данного кризиса от обычного. Судить о специфическом характере кризиса можно только после того, как выяснены причины, вызвавшие нарушение капиталистического равновесия, разрешен вопрос о том, мыслим ли выход из данного кризиса, и намечены пути к новому подъему.

Всего этого автор не делает.

Построение автора чрезвычайно примитивно.

Посылки: 1) Современный кризис является следствием нарушения равновесия в производстве.

2) Всякий кризис является следствием нарушения равновесия в производстве.

Заключение: Современный кризис является очередным обычным кризисом перепроизводства.

На стр. 207—208 своей работы он пишет:

«Причины... (кризиса) лежат в создавшихся несоответствиях и диспропорциональном распределении производительной мощи и покупательных способностей, иначе говоря, в несоответствии и диспропорциональном распределении предложения и эффективного спроса всех видов [1]). Таковы причины кризиса. Но, если так, то становится еще более очевидным положение, выдвинутое выше [2]), что самый процесс кризиса, действительно, есть болезненный процесс *ликвидации* [3]) *создавшихся под влиянием определенных условий несоответствий и диспропорциональностей производства и распределения, предложения и спроса, процесс перехода от одного подвижного равновесия народного и мирового хозяйства, для дальнейшего существования которого нет необходимых и достаточных условий, к другому».*

Однако, это напоминает классический пример заключения на основании недостаточных посылок.

Пример этот не мог быть неизвестен уважаемому профессору, ибо каждому, сидевшему на гимназической скамье, его вдалбливали на уроках логики. Как же мог он повторить его в научной работе?

Объяснение коренится в *способе подхода* к явлениям общественной жизни.

Для человека, допускающего мысль о том, что капиталистическое общество может когда-нибудь погибнуть, изложенный метод рассуждений, конечно, покажется весьма странным.

Если же считать a priori данным, что капиталистическое общество будет всегда существовать, если взять эту мысль дополнительной посылкой,—рассуждения профессора перестанут быть бессвязными, хотя и не выиграют в своей глубине. В самом деле:

Посылки: 1) Капиталистическое общество должно всегда существовать.

2) При диспропорциональности в производстве оно существовать не может.

3) Война нарушила равновесие капиталистического общества.

---

[1]) Курсив автора.

[2]) Курсив мой.

[3]) В предисловии.

Заключение: Равновесие капиталистического общества должно быть восстановлено.

Уже из выдержки, приведенной выше, становится очевидным, что для почтенного профессора незыблемость и вечность существования капиталистического общества являются аксиомой. В противном случае из самого факта нарушения равновесия мирового хозяйства он бы не делал вывода о неизбежности его восстановления. Пожалуй, еще более наглядно это выступает в другом месте. На стр. 254 своего труда проф. Кондратьев пишет: «Кризис 1920—21 года явился реакцией глубоко-деформированного мирового хозяйства на изменение условий его существования и развития. Cacteris paribus, повторяем, *он должен привести к устранению или сильному смягчению тех несоответствий в системе элементов мирового хозяйства, которые были указаны выше и при которых подвижное равновесие мирового хозяйства стало невозможно*».

Устанавливая, что для профессора Кондратьева во всех его рассуждениях предпосылкой является незыблемость капитализма, мы вскрываем одновременно 2 его основных греха: 1) статичность мышления и 2) телеологичность постановки проблем социального характера.

Удивительно ли после этого, что теория не дается проф. Кондратьеву? Не более интересна и V глава книги, где автор только теоретизирует. Признав современный кризис одним из очередных кризисов капиталистического общества, автор пытается найти место этого кризиса в общей схеме движения конъюнктур. Здесь идут рассуждения о больших и малых циклах конъюнктур, из которых первые продолжаются по 50 лет, а вторые по 8—11 лет (как в аптеке!). Современный кризис, видите ли, потому и был особенно длительным и ожесточенным, что он произошел на пересечении понижательных волн малого и большого циклов.

Что сказать об этих выкладках? Ведь человек, не допускающий мысли о гибели капитализма, не может понять, что если бы капиталистические конъюнктуры когда-нибудь и двигались по его формулам (что по существу является, конечно, не верным), то теперь, после войны, кончается вообще всякое движение капиталистических конъюнктур.

Подводя итоги, нужно сказать, что книжка интересна в качестве сборника тщательно подобранных и систематизированных материалов по мировой послевоенной экономике. В качестве же попытки осознать этот материал она чрезвычайно слаба.

Александр Кон.

ОБЪЕКТЫ КОНЦЕССИЙ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ. Труды Концессионного Комитета. Госиздат. Москва. 1922 74 стр. 200 экз. С приложением пяти концессионных карт (изданных Высшим Геодезическим Управлением В. С. Н. Х.).

Маленькая, довольно небрежно изданная брошюра, с пятью хорошо напечатанными картами, блещущими самыми яркими красками. Книжка продается вместе с картами, хотя издатели их различны (ГИЗ и ВГУ); на книжке—штемпельная надпечатка: «с приложением пяти концессионных карт»—значит, полагается рассматривать их вместе. Первый лист карт—маленькая сводная карта концессий, налево—русский текст, направо—французский, с заманчивым описанием богатств Сибири. Очевидно, нечто в роде плаката и ших «отборных кяхтинских и байховых чаев», а брошюра—проспект к оному, и предназначены они для заграничных капиталистов, желающих заграбастать часть России. Воображаю себя на часок такой акулой капитализма и, заранее облизываясь, выбираю лакомый кусочек, пожирнее.

Начинаю с предисловия к книжке; узнаю, что брошюра представляет плод работы Междуведомственной Концессионной Комиссии В. С. Н. Х.: «Коллективная работа указанных лиц ныне и предлагается вниманию заинтересованных учреждений, обществ и лиц за границей» (стр. 9)—значит, как раз то, что мне надо—компетентное описание концессий, составленное специально для иностранцев. Узнаю еще, что район предлагаемых концессий—это область различных необычайных богатств, в том

числе «звероловных и гидроэлектрических естественных богатств» (стр. 11), и что мне предлагается там устройство и эксплуатация «металлургических и иных заводов и фабрик, как по добыче ископаемых, так естественных и искусственных произрастаний почвы» (стр. 12). Стараюсь понять: повидимому, металлургические заводы и фабрики — для *добычи* [1]) ископаемых, а «иные»—для *добычи* «естественных и искусственных произрастаний почвы» (кстати, что это за штука?).

Не будучи силен в различных диалектах русского языка, которыми пользуется составитель брошюры, обращаюсь к сводной карте—там дело виднее. В первом столбце русского текста к ней («железнодорожные и водные концессии») мне любезно предлагается построить железную дорогу «Кузнецк—Тельбес, длиной 120 верст, для вывозки угля». Заманчиво, но непонятно—куда и зачем мне придется возить уголь. Металлургический завод вспомогательного типа по последним проектам лучше всего строить возле Кузнецка, кокс привозить из Кемерова, железную руду—с Тельбеса, уголь—из Ариличевского месторождения, в 2 верстах от завода,—при чем тут вывозка угля? По проекту Кузнецкого Общества большой завод предполагалось строить в 24 верстах южнее Кузнецка, на Осиновском месторождении каменного угля, и опять-таки никуда уголь возить не придется. Очевидно, это новое экономическое изобретение: в пику разным заграничным консервативным техникам, возящим руду к углю,—предполагается возить уголь к руде.

Рядом еще увлекательнее: шлюзование «рр. Бии и Катуни в Кузнецком угольном районе»—чего лучше, на воде свежо, можно на пароходике с чаем, с вареньем пикники устраивать — благо здесь же Концессионный Комитет мне предлагает в виде приложения «право полной эксплуатации как флоры, так и фауны на концессионных единицах». Беру синий карандаш, чтобы на карте очертить свою концессию—и останавливаюсь в изумлении: Катунь и Бия совсем не в Кузнецком бассейне, а на Алтае.

Опять неудача. Попробую, что ли, по железнодорожной части. Вот во 2 районе мне предлагают построить линию «Сергиополь—Чугучак (часть Сибирь-Ташкентской магистрали) длиной в 250 верст». Хочу уже остановиться на этой дороге, но вижу, что ниже, в 4 районе, мне предлагают построить ту же дорогу, но как *боковую* ветвь магистрали Сибирь—Туркестан, уже длиной в 230 верст, а в предисловии к брошюре (стр. 10) та же линия идет под названием участка магистрали Петропавловск—Каркаралинск—Чугучак, соединяющей сибирскую магистраль с Монголией, и длина ее не то 225 верст, не то 450 верст (так как, по мнению текста карты, линия Петропавловск—Сергиополь равна 1200 в., а по брошюре линия Петропавловск—Чугучак 240+220+1300=1760 килом.). Наконец, в брошюре же, на стр. 55, длина этой же линии указана в 235 кил., т.-е. в 220 верст. Впрочем, русские версты—что с них возьмешь—известно, баба клюкой мерила, а вот что плохо: Чугучак совсем не в Монголии, а в Джунгарии и к тому же линия Сергиополь—Чугучак трассирована на карте Концес. Комитета наискосок Тарбагатайского хребта, а если провести ее по его подножию, где простые жители (не составляющие планов концессий) по почтовому тракту ездят, то выйдет 290 верст.

Пожалуй, будет с меня транспортных концессий—с ними хлопот много, лучше посмотрю во втором столбце «лесные концессии». Здесь и условия хорошие, и срок долгий, и дело чистое, лесное. Смотрю на карту,—пространство концессий почтенное—7.700.000 гектаров. Но карта опять изумляет меня: по северной границе концессии проведена синяя линия, и вдоль нее написано: «Граница хвойного леса»; линия эта, начинаясь у полярного круга на Оби, на Енисей спускается до 63° 30′ сев. широты. Но по игре злого случая, мой взгляд падает на книгу Н. Урванцева о Норильском каменноугольном районе, расположенном на Енисее, на 70° сев. широты, и здесь, на стр. 39, я читаю: «В долине р. Норильской, особенно среднего ее течения, имеется неограниченное количество строевого и крепежного леса превосходного качества», и далее видно, что это

[1]) Курсив везде мой.

исключительно хвойный лес. Не взять ли мне в концессию эту полосу в 650 в., от 63° 30′ до Норильских гор, с хвойным лесом—хоть и не первоклассным, зато Концессионному Комитету неизвестным,—наверно, уступят по дешевке. Вероятно, при этом Комитет предоставит мне и те дополнительные права, которые он дает лесным концессионерам (во втором столбце), «преимущественной скупки *битого* зверя», тем более, что в проспекте, на стр. 18, эта терминология подтверждается и даже дается статистика вывоза «битого зверя». К сожалению, дальше выясняется, что это не так вкусно, как я думал,—битый зверь не столько дичь, сколько пушнина. Зато я приобретаю тут же (стр. 18 и 19) чрезвычайно полезные сведения: оказывается, что колонок—это род песца, и что для поимки чернобурых лисят и песцов, вынимаемых из *гнезд*, я могу пользоваться услугами первоклассных звероловов—тунгусов, живущих в бассейне Оби. Как жаль, что я еще в школе учил, что колонок—это Putorius sibiricus, сибирский хорь, а песец—Canis lagopus, из лисиц, и что к западу от Енисея живут только 42 тунгуса, да и те в бассейне р. Таза и частью р. Сыма, т.-е. восточнее района концессий. Сколь вредно излишнее образование—оно лишает иллюзий (и концессий): если бы я поверил Концессионному Комитету, послал бы тунгусов, они бы из гнезд натаскали мне молодых колонков, я бы воспитал из колонков песцов и нажил бы квинтиллионы. А теперь все пропало—как у молочницы в басне.

Мое западное гурманство, которое было так обмануто на «битом звере», вознаграждается на стр. 20 брошюры: здесь мне предлагают устроить заводы для переработки «съедобного мяса и яиц на консервы в замороженном, соленом, вяленом и копченом виде». Интересно узнать у ученых членов Концессионного Комитета, в каком из указанных четырех видов наиболее вкусны яйца диких птиц и где их можно попробовать.

Далее, на той же странице, мне предлагают заняться кедровым промыслом, именно, сбором «кедра»; впрочем, на странице 21 опять разочаровывают,—оказывается, не столько кедра, сколько кедровых орехов. А я-то думал, что буду добывать кедровое масло из целых десятин кедра—прямо под пресс, и готово!

Третий столбец текста карты—«горные концессии»—сулит мне также немало лакомых кусков. Широковещательное обращение в начале столбца предоставляет «право производства разведок и добычи изысканного». Что-ж, поищем что-нибудь поизысканнее. Вот Риддер—отдают, кажется, Уркварту, но, может-быть, успею ухватить раньше. Завидный кусок: «площадь месторождений около 3600 кв. верст», «оборудование рудников полное» (и когда это только Уркварт успел!). Проспект меня сразу разочаровывает: 4000 кв. километров — это площадь всего района, а собственно рудничные отводы «занимают меньшую площадь», как скромно сказано на стр. 29.

Зыряновское и Змеиногорское месторождение, как мне обещают, дадут в год, кроме цветных металлов, 500 пудов золота и 40.000 пудов серебра; пробую проверить по приводимым цифрам процентного содержания (в арифметике, как известно, капиталисты сильны)—оказывается, золота я получу всего около 50 пудов, серебра 4000 пудов. Проспект (стр. 31) дает другие, но столь же грандиозные цифры (10 тонн золота и 950 т. серебра). Если сделать и здесь проверку по цифрам процентного содержания, то получим золота около полуторых тонн, серебра—80 т. Как легко тают золотые горы!

Не менее удачная «опечатка» в том же столбце плаката ниже—месторождение угля Ак-джар превращено в Анджер, и таким образом известные каменноугольные копи Томской губернии перенесены в Киргизские степи. Очевидно, новый тип «комбината»?

В 3-м районе горных концессий плакат ничего лишнего не обещает, зато совершенно умалчивает об Экибастузе (в брошюре он, впрочем, есть). Точно так же, запасы Карагандинской группы указаны в 32 миллиарда пудов (в брошюре 36 миллиардов—стр. 36), в то время как по исследованиям сотрудника Геологического Комитета А. Гапеева запасы этой группы — 300 миллиардов пудов. Что называется, показывают товар лицом.

В четвертом столбце—«сельскохозяйственные концессии»—мне, повидимому, предлагается взять в обработку весь РСФСР: «Добыча зверя по правилам охоты в РСФСР и эксплуатация такового» (по современной народной филологии РСФСР—мужского рода).

Далее, как *сельскохозяйственная* концессия, предлагается на Алтае «право на разработки цветных камней—яшмы, мрамора, ляпис-лазури, занимающих первое место в мире». Пожалуй, эту концессию можно с полным правом поместить в сельскохозяйственные, ибо она очень сродни знаменитой развесистой клюкве,—на Алтае нет ляпис-лазури. А проспект (стр. 33) все же вторит: «цветные камни: яшма, мрамор, ляпис-лазурь Алтая занимают выдающееся место в мире и по качеству и по количеству». Удивительно, что не приведена еще и статистика добычи ляпис-лазури на Алтае—для составителя брошюры это дело плевое: напр., на стр. 18 и 19 он статистику добычи пушнины по всей России приводит, как вывоз из Тобольской и Томской губ. (да еще без Алтая—какая точность!), а сумму добычи пушнины всей Азии относит к Азиатской России.

Как сельскохозяйственная концессия, идут в плакате и минеральные воды Алтая—Рахмановские и Белокурихинские. Характеристика их, приводимая в брошюре, лапидарна и великолепна: «обладают *всеми свойствами* однородных европейских. Температура Рахмановских ключей круглый год 39—41° по Цельсию, содержат свободную углекислоту, а Белокурихинские щелочные воды с сероводородным запахом» (стр. 33). Если «все свойства» ограничиваются приведенными, то целебная сила источников изумительна, а превосходство над «однородными европейскими»—вне всякого сомнения.

Пора, однако, покончить с брошюрой и левой частью плаката, которые можно назвать «Простодушные у себя дома», и перейти к правой, французской—«Простодушные за границей». Текст переведен изумительно точно, напр.: «Топливо—дрова и экибастузский уголь»—«De combustible servent bois et houlle d'Ekibazstouz»; «Имеет огромное значение»—«a-t-il la grande importance». Бесподобная фраза об «изысканном», приведенная выше, так и переведена «Il est reservé le droit de recherches et d'exploitation du recherché». Ясно: изысканный—recherché. «Разведение и усовершенствование след. типов хозяйств... скотоводческого и молочного хозяйства». «Organisation et perfectionnement de types de culture, que voici... économies pour êducation de bétail et production de lait».

По капиталистической традиции, преимущественными держателями русских ценностей являются французские швейцары; судя по качеству сообщаемых в плакате и проспекте сведений, именно для швейцаров они и предназначены,—но думаю, что и французский швейцар не поймет того нижегородского наречия, которым написана французская часть плаката. Не лучше ли, прежде чем писать проспекты, «усовершенствовать» «économies pour êducation» переводчиков и авторов.

Но шутки в сторону. Вопрос слишком серьезен, чтобы о нем только гаерничать. Брошюра, судя по подписи А. Ломова под предисловием, составлена весной 1921 года, когда работа Концессионного Комитета носила спешный характер. Но неужели нужно было собирать в Комитете столько умных людей, и привлечь к изданию и ВСНХ, и ВГУ, и ГИЗ, чтобы издать такие глупости? Ведь каждый из членов Концессионного Комитета, прочитав касающиеся его специальности строки, наверно рассмеется. Почему же весь Комитет в целом выступает перед Европой—такова ведь задача карт и брошюр—в таком обидном для достоинства республики виде?

Из приведенных выше выдержек видно, что по всем отраслям народного хозяйства рецензируемые издания дают сомнительные сведения. Остановлюсь подробнее еще только на минеральных рессурсах, как более мне знакомом вопросе.

Все знают, и в том числе Концессионный Комитет также, что русские геологи написали целую библиотеку об описываемых районах, а Российский Геологический Комитет давал бесконечное количество отзывов и сводок в различ-

ные учреждения и по различным поводам. Неужели нельзя было использовать рационально всю эту литературу и готовые сводки, вместо того, чтобы печатать чисто механическую смесь верных и неверных сведений? Для брошюры,— в общем более грамотной, чем плакат,— взяты, например, из других изданий, составленные сотрудниками Геологического Комитета описания Кузнецкого бассейна и Киргизских степей. Но в статью Гапеева о Кузнецком бассейне вклеены из другого источника данные о площадях русских и иностранных каменноугольных бассейнов, которые, по наивному мнению компилятора, «имеют вместе с тем менее мощные запасы угля» (стр. 26); при этом пропущены—нарочно или нечаянно—самые крупные бассейны мира—два бассейна Соед. Штатов в 250.500 и 321.500 кв. килом. Краткие данные Гапеева о Тельбесском железорудном месторождении на скорую нитку сшиты с данными другого автора (которые приписаны почему-то также Гапееву—см. стр. 27—29); белые нитки торчат в виде опечатки, заимствованной у Гапеева: в принадлежащих ему строках месторождение Темир-тау именуется Телор-тау.

Точно так же подробное описание месторождений Киргизской степи, составленное Тихоновичем в 1920 г., не освежено новыми данными, например, новой, в 10 раз большей, оценкой запасов Карагандинского месторождения, опубликованной Геологическим Комитетом в апреле 1921 г.

Все время я говорил только о брошюре и первой сводной карте. К брошюре приложены еще 4 карты в масштабе 50 в. в дюйме—по одной для каждого района концессий. Отпечатаны они отчетливо и чисто—как и все, что выходит из Корпуса Военных Топографов—основа старая, 50-верстной карты Азиатской России, следовательно, с некоторыми старыми ошибками. Что касается нового материала, нанесенного Высш. Геодез. Управлением, то здесь много странного. Нанесено множество линий проектируемых железных дорог—частью по фантастическим трассам, как указанная выше линия Сергиополь—Чугучак, пересекающая хребет Тарбагатай, вместо того, чтобы обойти по подножию, или линия Верный—Сергиополь, точно так же пересекающая вершины Джунгарского Алатау, вместо того, чтобы обойти его по низу через Капал. Зато не показаны существующие линии Экибастуз—Ермак и Риддер — Устькаменгорск, чрезвычайно важные для эксплуатации этих месторождений. Повидимому, и автору брошюры эти линии неизвестны—он о них не упоминает. Нанесены также колонизационные районы, площади охоты и рыбной ловли, скотоводства, месторождения полезных ископаемых. На рыбную ловлю автор очень скуп—в 1 районе показывает ее, кроме Иртыша и Оби, только на правых крупных притоках последней, да и то не на всех, а через один. На другие дары природы автор тароватее—показывает землепашество на снеговых вершинах Джунгарского Алатау, разработки золота щедрой рукой рассыпает там, где они никому не снились: на степях между Балхашем и Ала-кулем занимает ими площадь 100 × 100 верст, в песках вдоль р. Кара, тал—площадь 200 × 25 верст. Впрочемт об этих золотых богатствах проспект выражается очень осторожно: «В *городах* (!) Джунгарского Алатау имеются значительные горные богатства, еще доныне плохо разведанные» (стр. 37), а плакат предлагает взять их в виде бесплатной премии: «Сверх того, возможность эксплуатации многочисленных, но еще плохо разведанных залежей серебро-свинцовых и медных руд, а также золотых месторождений, разбросанных по всему району».

Можно было бы привести еще много примеров более чем странного отношения авторов карт и брошюры к описанию богатств Западной Сибири, но и так уже наша рецензия далеко перешла допустимые размеры. Я думаю, что приведенного вполне достаточно, чтобы показать, как *не надо* писать о концессиях.

Сергей Обручев.

ТИМИРЯЗЕВ, К. А. О борьбе растений с засухой. Москва. Государственное Издательство. 1922 г. 6 стр. 1 рис.

Рецензент помнит эту прекрасную лекцию, прочитанную в Москве 26 марта 1892 г., когда еще так свежа была память о тяжелом бедствии неурожая 1891 г. Впервые лекция эта была напечатана в «Северном Вестнике», а затем вскоре появилась в отдельном издании и позднее вошла вместе с другими лекциями и речами автора в ряд его сборников. Несмотря на тридцатилетнюю давность, лекция не потеряла своего значения и сейчас, и если наука за этот период времени сделала ряд дальнейших шагов в понимании процессов испарения и способов борьбы растения с засухой, то все же значение этих важнейших функций растительного организма изложено в лекции с поразительной яркостью, и образованный, но не специалист в данной области, читатель начнет свое знакомство с вопросом об испарении с этой брошюры, а потом уже перейдет к другим исследованиям. Остается только высказать уверенность, что эта старая лекция также будет широко распространяться среди нарастающего культурного населения, как и другие научно-популярные статьи этого исключительного по манере изложения автора.

В. Арнольди.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И ТЕХНИКА.

1. А. Е. ФЕРСМАН. Драгоценные и цветные камни России. *С. Обручева.*—2. I. Р. Л. КОГАН. Нефть. II. Р. Л. КОГАН. Каменный уголь. III. В. ЛЬВОВ. Каменный уголь, как его добывают и как он образовался. IV. Г. В. КЛЮЧАНСКИЙ. Гремучий газ в рудниках. V. К. И. ДЕБУ. Торф. *Б. Тычинина.* — 3. «Наука и Техника». Журнал №№ 1 и 2—3. *Н. Андреева.* — 4. I. «Горный Журнал». №№ 1—9 за 1922 год. II. А. К. БУЛДОВСКИЙ. Описание систем подземных разработок железной руды в Криворожском районе. III. А. Н. ГЕРМАН. О совместной работе рудничных вентиляторов и А. А. ЛАЦИНСКИЙ. Параллельная работа вентиляторов. *А. Терпигорева.* — 5. Проф. Н. Н. ЯКОВЛЕВ. Очерки по геологии Донецкого бассейна. *А. Чернова.*—6. I. Е. В. МИЛАНОВСКИЙ. Происхождение горных пород. II. М. С. ШВЕЦОВ. Железные руды России. III. В. А. ОБРУЧЕВ. Как образовались горы. *Г. Мирчинк.*

А. Е. ФЕРСМАН. Драгоценные и цветные камни России. Том I. Монография 3, изд. Комиссией по изучению Естеств. Производит. сил России при Р. Академии Наук. Петроград. 1922 г. Стр. 420 с IV табл. и 24 рис. в тексте.

Драгоценные, цветные и поделочные камни России—одна из производительных сил ее, когда-то пользовавшаяся сравнительно большим вниманием, теперь почти заброшенная. Русские драгоценные камни, цветные изделия Петергофской и Екатеринбургской гранильной фабрик в XIX веке стяжали себе всемирную известность; в наших камнях мы имеем не только материал для внутреннего потребления, но и валютный товар огромной ценности. Его значение в цифрах пока оценить очень трудно, так как запасы отдельных камней неизвестны, вывоз, колебавшийся около 1—1½ миллионов рублей, не является показательным. Единственный критерий—это субъективная оценка отдельных месторождений и минеральных видов специалистами. В этом отношении новая книга академика *А. Ферсмана* является важным и незаменимым руководством. *А. Ферсман*—давний защитник и пропагандист драгоценных и цветных камней и глубокий знаток их. Он подходит к драгоценному камню не как к «элементу богатства, праздной роскоши, тщеславного самоукрашения», — его влечет обаяние красоты и яркости

красок, которое уже в древности привлекало людей. Только что вышедшее исследование является первым томом обширной четырехтомной монографии, в которой автор хочет дать полный обзор русских драгоценных камней с минералогической, промышленной, художественной, исторической точек зрения, и особенно,—выяснение природы самого камня, его свойств и происхождения. Первый том посвящен описанию отдельных минеральных видов и их распространению в России, во втором будет дано описание отдельных месторождений и тех возможностей, которые сулят нам горные районы, в третьем—использование камня (добыча, перевозка, продажа и обработка), в четвертом—исторический очерк использования камня в России и ряд приложений. Первый том дает очень подробный материал—описано 87 минеральных видов, при чем для каждого приводятся большие списки литературы. К сожалению, современные типографские условия не позволили снабдить книгу достаточным числом иллюстраций, которые для книги о драгоценных камнях особенно желательны, так как передать цвета и внешность камня словами очень трудно. Работа *Ферсмана* убеждает нас, что Россия, действительно, обладает исключительным богатством драгоценных и цветных камней; есть целый ряд камней, которые или встречаются исключительно в России, или представлены в наших месторождениях в исключительном разнообразии. Например, с изумрудами Урала может соперничать только Колумбия, копи которой значительно исчерпаны; демантонд встречается исключительно в России; русские топазы по красоте тона, чистоте воды и величине кристаллов занимают исключительное место; уральские аметисты не имеют равных среди бразильских и цейлонских, так как последние теряют свою игру при искусственном освещении. Особенно богата Россия поделочными (цветными) камнями, которые в громадном количестве шли на императорские фабрики для изготовления всевозможных вещей, начиная от печаток и до колонн и грандиозных ваз, вывозившихся, как подарки иностранным дворам, и возбуждавших общее восхищение за границей. Достаточно указать, что Россия обладает богатыми, часто исключительными месторождениями нефрита, лазурита, малахита, орлеца, разнообразных яшм и т. п.

Монография Ферсмана послужит, несомненно, развитию области русской промышленности, которую автор так горячо защищает, и явится ценным справочником для всякого специалиста по цветным камням. Остается пожелать, чтобы следующие тома или, по крайней мере, следующее издание были изданы с большей роскошью, так как первый том по внешности далеко не соответствует теме.

Сергей Обручев.

Инж. Р. Л. КОГАН. Нефть. Одесса, 1922 г. 52 стр. Ц. 60 к. (продажная ц. 50 р.).

Инж. Р. Л. КОГАН. Каменный уголь. Одесса. 1922 г. 54 стр. Ц. 60 к. (продажная ц. 27 р.).

ВЛ. ЛЬВОВ. Каменный уголь, как его добывают и как он образовался. Издание 4-ое, вновь пересмотренное. Москва. 1922 г. 44 стр. Ц. 67 р.+40%.

Проф. Г. В. КЛЮЧАНСКИЙ. Гремучий газ в рудниках. Москва. 1922 г. 59 стр. Ц. 80 р.

К. И. ДЕБУ. Торф. Петроград. 1922 г. 135 стр. Ц. 100 р.

Все эти книги, вышедшие в 1922 г. и принадлежащие к числу научно-популярных изданий, посвящены описанию различных видов топлива, его добыче и технологии. Что же дают они мало подготовленному читателю?

Обе брошюры инж. Когана (Всеукр. Гос. Изд. Научная секция Одесского Отделения. «Рабоче-крестьянская популярно-научная библиотека», №№ 4 и 3) близки между собой по характеру изложения: одинаковая небрежность формулировки, разбросанность содержания и повторения. Тема не концентрирована, вследствие чего у читателя о предмете создается расплывчатое представление. Помимо общих замечаний, можно ука-

зать факты, особенно в «Нефти», свидетельствующие более чем о небрежности автора. На стр. 26 приблизительная мировая добыча указана в 1180 милл. пуд. (из них в России—618 и в С.-А. С. Ш.—500), а на стр. 39 ежегодная (?) мировая добыча керосина (продукта вторичного)—2280 милл. пуд. (в России—500 и в С.-А. С. Ш.—1400). Изумительная несообразность этих данных едва ли требует каких-либо пояснений. Затем, по мнению автора (стр. 14), вышки ставят «для более удобного собирания выходящей нефти»... Безусловно вредным является сообщение таких мало обоснованных сведений, как, напр.: «нет в мире другой страны, более богатой нефтью, чем Россия», и даже заведомо неправильных: «Россия добывает нефти больше, чем какая-либо другая страна»... Это в неподготовленном сознании нередко ведет к переоценке богатств страны, национальному бахвальству и ура-патриотизму. Рисунки правильнее назвать «картинками», плохо выполненными и почти не сопровождающимися объяснениями в тексте. Поэтому они бесполезны, как и вся книжка.

«Каменный уголь» не содержит таких явных и ярких дефектов, брошюрка издана лучше, рисунков больше, они чище и показательнее, хотя тоже почти без пояснений. Оценка этой книжки может быть менее суровой. Но и ее трудно признать удовлетворительной.

Брошюрка о каменном угле Львова (Госуд. Издат. «Популярно-научная библиотека») написана весьма литературным языком, в чем и заключается ее главное достоинство. Научных же сведений о каменном угле из нее почерпнуть можно мало, так как из 44 стр. около 8 уделено рисунк. (кстати, как и вся книжка, технически хорошо исполненным), 9 стр.—перепечатке из рассказа Серафимовича, и большая часть остального текста — полу-беллетристическим побествованиям и описаниям, в которых тонут отдельные вскользь отмеченные факты. Все носит характер легкого чтения для городских интеллигентских детей, которым автор, описывая светильный газ, сообщает, что «он горит *у нас* в фонарях», и которые хвощ и плауны «видят, *гуляя* в лесу». К чему сводился пересмотр этого издания, где даже примитивная статистика дана лишь за 1913 г., понять трудно. Еще менее понятно, кому нужно теперь такое 4-е издание. Во всяком случае, правильнее было бы отнести книжку не к популярно-научной библиотеке, а к детской.

Книжка проф. Ключанского (Издательство «Книгопечатник». «Попул.-научн. библиот.») написана для вполне определенного круга читателей. Это—учащийся средней горно-механической школы и квалифицированный горнорабочий. Она также имеет и строго определенные цели: дать не взгляд и нечто в форме неопределенной, а сообщить прежде всего практические советы, как предотвращать рудничные взрывы и как поступать в случае несчастия. Цель можно считать вполне достигнутой, так как изложение простое, последовательное и ясное осуществляется при помощи общепринятой рудничной терминологии. Показательность усиливается выделением наиболее важных советов и фактов с помощью жирного шрифта и 8-ью хорошо исполненными таблицами (некоторые цветные). Даже немного растянутые описания несчастных случаев являются хорошей иллюстрацией к практическим советам книжки. Издана она очень опрятно и изящно.

Книга проф. Дебу о торфе (центр. коопер. издат. «Мысль») выходит из ряда популярно-научных изданий общего характера и принадлежит к числу просто и ясно написанных чисто технических (она не затрагивает промышленно-организационных вопросов и статистики) руководств для мастеров и специалистов. Главное внимание уделено описанию кустарной и машинной добычи торфа, иллюстрируемому большим числом (85) хорошо исполненных рисунков. К сожалению, автор совершенно не касается получения гидроторфа, все более привлекающего к себе внимание и за границей и у нас. Кроме того, довольно подробно описывается сухая перегонка торфа и получение торфяного кокса. Это производство в России пока не привилось, но имеет все данные для широкого распространения. Разработка торфяных болот в России—

крупное дело ближайшего будущего и потому книга проф. Дебу найдет заслуженное распространение.

Б. Тычинин.

«НАУКА и ТЕХНИКА». Ежемесячный журнал научно-технического клуба профсоюзов. №№ 1 и 2—3.

В статье «От редакции» в первом номере ясно выражены задачи нового журнала и круг читателей, для которых он предназначен. Нужно, чтобы наука и техника стали достоянием широких кругов, чтобы, основываясь на завоеваниях науки, народная среда сама могла разобраться в том или ином сложном вопросе экономики, инженерного дела, промышленности... сблизить молодые побеги русской жизни с научной мыслью... Мы рассчитываем в первую очередь на ту рабочую интеллигенцию, которая дала республике своих строителей и организаторов... На ряду с этим читателем мы ждем и другого: техника, агронома, учащегося... Редакция отдает себе отчет в трудности намеченной задачи: разбудить живой дух познания во всех углах страны, вызвать лучшие и новые формы передачи этих знаний.

Чтобы судить, насколько может журнал служить поставленным целям, рассмотрим его с двух точек зрения: научно-технической пищи, предлагаемой им читателю, и способа приготовления этой пищи. Надо признать, что пища предлагается самая доброкачественная. И общие статьи (Лебединского, Кравца, Аррениуса), и статьи на промышленно-экономические темы (Блох, Левитский), и технические статьи (Лукьянов и др.), и научные обзоры, наконец (Аркадьев), написаны знатоками дела и содержат богатый материал. Отлично поставлены отдел кратких научно-технических сообщений и отдел библиографии. Человеку, имеющему значительное общее развитие, читать этот журнал интересно и поучительно; но тому читателю, для которого журнал создан, будет, как нам кажется, не так-то легко переварить предлагаемую ему пищу; и это от способа ее приготовления и зависит.

Способ изложения большинства статей таков, что читатель не сумеет извлечь всей пользы из материала ему сообщаемого. Вот, напр., статья о дуралюминии: описываются прекрасные технические свойства этого материала, приводятся даже числовые значения его коэффициентов (без наименований единиц почему-то), но нет сравнительных данных для материалов, которые дуралюминий призван заменить. Поэтому читатель не сумеет (если он не высоко-квалифицированный специалист по данному вопросу) вынести ясного представления о сравнительных достоинствах дуралюминия. Вот и еще примеры: в статье о растениях, из которых добывается алкоголь, встречаем фразу: присутствие сахара наблюдается и во многих обыкновенных огородных растениях, как pene swede и других разновидностях рода Brassica». Что это за обыкновенное swede и что это за род Brassica? спросят себя читатели. Вот фраза из интересной и богатой материалом статьи Лукьянова о катализе: «Она дает возможность превратить не насыщенные углеводороды в насыщенные, ряд ароматических углеводородов — в циклогексан и его гомологи, из альдегидов и кетонов получить спирты, из нитрилов — амины и проч.». Сомневаюсь я, чтобы при помощи таких фраз можно было «сблизить молодые побеги русской жизни с научной мыслью»... Эта мысль отделена от них слишком специальным языком. Необходимо, чтобы редакция журнала обратила величайшее внимание на педагогичность изложения, простоту языка и перспективность сообщаемого метериала. Совершенно ясно, что эта задача в русских условиях необычайно трудна и может быть разрешена только в темпе длительного совершенствования; но мне кажется, что, имея в своей среде таких опытных педагогов и популяризаторов, как, напр., А. Н. Реформатский и И. Г. Александров, редакция может справиться с этим, а затея издавать журнал предполагаемого характера своевременна и очень полезна. Пожелаем «Науке и

Технике» всяческого успеха; в значительной доле он его уже и заслужил, и наша критика обусловлена в значительной степени правилом: кому много дано, с того много и спросится.

Ник. Андреев.

«ГОРНЫЙ ЖУРНАЛ», издаваемый Главн. Управ. Горной Промышленности. Год издания 98-й, 1922 г., № 1—2 (88 стр.), № 3—5 (128 стр.) и № 6—9 (148 стр.), in 4°. 3000 экз.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 8—А. К. БУЛДОВСКИЙ: Описание систем подземных разработок железной руды в Криворожском районе. Москва. 1922 г. 56 стр. с XX табл., in 8°. 2000 экз.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 9—А. Н. ГЕРМАН: О совместной работе рудничных вентиляторов и А. А. ЛАЦИНСКИЙ: Параллельная работа вентиляторов. 59 стр., с 51 рис., in 8°. 1500 экз.

«Горный Журнал», издававшийся бывшим Горным Департаментом непрерывно в течение с 1825 по 1917 г., является одним из старейших горных журналов не только в России, но и за границею, поэтому всякий горный деятель должен приветствовать возобновление Главным Управ. Горной Промышл. «Горного Журнала». Издаваемый в настоящее время «Горный Журнал» по существу является продолжением журнала «Горное Дело» (издававшегося в 1920 и 1921 гг.), с которым его связывает не только преемственность в издании, но — самое главное — внутреннее строение и богатство материала, которым так выпукло выделяется «Горный Журнал» среди других технических журналов. Надо всецело присоединиться к мнению редакции «Горного Журнала», высказанному в предисловии к первому номеру, что прежний «Горный Журнал» является сборником случайных научных статей, среди которых было очень много переводных, и что он за последнее время мало удовлетворял запросам читателей и требованиям жизни. Необходимо также отметить помещение в прежнем журнале весьма запоздалых статистических и информационных сведений и данных, которые теряли всякую ценность и которые имели только библиографическое значение; журнал страдал также отсутствием систематических обзоров журналов и литературы по горному делу.

Все эти недостатки прекрасно разрешены редакцией нового «Горного Журнала», который, кроме оригинальных научных статей, имеющих злободневный характер, имеет такие современные жизненные отделы, как обзоры и статистика, профессиональное движение, иностранный отдел и библиографию. Все эти отделы составлены обстоятельно, приведено много свежего цифрового материала и выводов, и по своему содержанию и полноте журнал подходит к типу современных иностранных технических журналов. Переходя к краткому разбору содержания вышедших номеров, необходимо отметить из технических статей—Н. Чинакал: «Разрыв подклетового каната на шахте «Ельпидифор» (№ 1—2), как выясняющую неправильную работу подъемника, системы Кёпе; интересную для современной техники переводную статью С. Вагелера: «Обогащение руды по способу флотации» (№ 1—2), переводную статью Шлюмберже: «Подземная электрическая разведка» (№ 3—5 и 6—9), излагающую новые методы разведок мало обследованных районов, и имеющую особое значение для России статью Н. Ю. Гана: «Метод взрывных скважин при открытых работах» (№ 6—9), излагающую обстоятельно новые способы взрывных работ не только в горном деле, но и в строительной технике, и другие. Довольно много обстоятельных статей, помещенных во всех вышедших номерах, касается выяснения природных естественных богатств; сюда надо отнести статьи: Н. Маршалова: «Саралинская золоторудная группа» (№ 3—5), С. Обручева «Графиты и угли Туруханского края» и др. Нужно отметить интересные статьи И. Федоровича: «Перспективы развития Кузнецкого бассейна» (№ 3—5), как имеющую злободневный характер, и Б. Шлаина: «Вопрос о восстановлении нашей горной промышленности в связи с мировой конъюнктурой», дающую большой цифровой материал при разрешении поставленной проблемы.

На ряду с этими статьями в журнале помещено и много других статей, захватывающих современные экономические вопросы в области горного дела, к разрешению которых целый ряд авторов подходит иногда смело и не совсем обоснованно, но, несмотря на это, помещение этих статей придает журналу особую свежесть и интерес.

Нельзя обойти молчанием отдел «профессиональный», где сообщаются сведения о жизни союза горнорабочих, клуба горных деятелей и пр. Все приводимые сведения отвечают запросам современной жизни и являются необходимыми в каждом специальном журнале.

Весьма обстоятельно, умело и интересно ведутся отделы иностранный и библиографический, где можно найти очень много современного материала по всем отраслям горного дела за границею. Отсутствием этих отделов страдали в большинстве случаев многие русские технические журналы, и помещение этих отделов является особенно ценным в настоящее время, когда горные деятели на местах лишены возможности, из-за отсутствия иностранной литературы, знакомиться с положением горного дела за границей и теми достижениями, какие имеют там место.

Этот краткий обзор вполне выпукло вырисовывает то глубокое содержание материала, которое вложено в вышедшие номера «Горного Журнала», и надо пожелать, чтобы и в будущем журнал порадовал горных деятелей таким же обильным и содержательным материалом.

Для крупных технических статей журнал сохранил отдельные издания в виде приложений. За этот год таких приложений по горному делу вышло 2: А. К. Булдовский: «Описание систем подземных разработок железной руды в Криворожском районе» (приложение № 8) и А. П. Герман: «О совместной работе рудничных вентиляторов», и А. А. Лацинский: «Параллельная работа вентиляторов» (приложение № 9). Этими тремя работами восполняется существенный пробел в литературе по горному искусству и горной механике. В своей работе А. К. Булдовский впервые так подробно, с целым рядом чертежей, описывает разные системы разработок в Кривом Роге и дает исчерпывающий материал по этому вопросу. Его работу необходимо рекомендовать как пособие при прохождении курса горного искусства в горных средних и высших школах. Весьма обстоятельным исследованием работы рудничных вентиляторов являются труды А. П. Германа и А. А. Лацинского, которые блестяще разрешают вопросы, имеющие важное значение в горной практике— при каких условиях выгодно и целесообразно работать двумя вентиляторами совместно, последовательно или параллельно. Эти труды являются необходимым пособием студентам и инженерам при проектировании рудничного проветривания.

Издание таких приложений, в виде отдельных брошюр, которыми легче пользоваться на практике, чем номерами журнала, необходимо признать целесообразным и нужно благодарить редакцию за умелый выбор ценных статей для таких приложений.

Наконец, в заключение, необходимо сказать два слова о внешности журнала. Журнал на своих «Приложениях» воспроизвел прелестную наивную обложку первых лет «Горного Журнала» (1825 г.) с росчерками, виньеткою, дубовыми листьями и совою. Для самого же журнала художником М. Добровым весьма удачно скомпанована новая обложка в духе того же времени, с красивым росчерком вокруг заглавия журнала и надписью, отвечающей общему мотиву.

Проф. А. Терпигорев.

Проф. Н. Н. ЯКОВЛЕВ. Очерки по геологии Донецкого бассейна, Урала и Кавказа. Петроград. 1920 г. Изд. 1-е. 45 стр.

Автор выбрал для описания некоторые, посещенные или исследованные им районы в Донецком бассейне, на Урале и на Кавказе. Благодаря этому получилось живое освещение затронутых им тем, стоящее на высоте современного уровня науки. Описанию Урала и Кавказа предшествует очерк

истории развития Донецкого кряжа, представляющего ряд простых складок, очень удобных для первого знакомства с тектоникой и стратиграфией осадочных напластований большой мощности. Автор останавливается и на физико-географических условиях, в которых происходило образование тех или иных толщ, что усиливает интерес к предмету. Попутно указываются условия происхождения полезных ископаемых кряжа: каменного угля, каменной соли и медных руд. На Урале автор взял для описания рудоносную область гор Высокой и Благодати, представляющую сложные взаимоотношения между сильно дислокированными древними осадочными породами и прорывающими их изверженными массами. В результате этих взаимоотношений образовались крупнейшие залежи магнитных железняков, а также месторождения медных и марганцевых руд. В последнем очерке описывается область минеральных вод Северного Кавказа, образовавшихся благодаря внедрениям изверженных масс (в форме лакколитов) в толщи осадочных пород, менее древнего возраста, чем на Урале.

Хотя брошюра изложена вполне популярно, но самая сложность тем требует от читателей некоторой предварительной подготовки по геологии. Поэтому книжка более доступна для слушателей высшей школы, чем средней, и безусловно заслуживает внимания, так как в популярной литературе по геологии ощущается большой пробел в описании геологического строения отдельных районов России. Эта же книжка может служить хорошим пособием при экскурсиях в описываемые районы. Она сопровождается двумя геологическими картами. Недостает геологической карты минеральных вод С. Кавказа, которую и желательно добавить при переиздании книжки.

Проф. Д. Чернов.

---

1. МИЛАНОВСКИЙ, Е. В. Происхождение горных пород (Библиотека Горнорабочего, № 3). Москва. 1922 г. Стр. 80 с 23 рис.

2. ШВЕЦОВ, М. С. Железные руды России. (Библиотека Горнорабочего, № 4). Москва. 1922 г. Стр. 64 с 13 рис. и картой.

3. ОБРУЧЕВ, В. А. Как образовались горы. (Библиотека Горнорабочего. № 5). Москва. 1922 г. Стр. 44 с 20 рис. Издания Главного Управления Горной Промышленности с Всероссийским Союзом Горнорабочих.

В первой брошюре автор доступным языком определяет разницу между минералами и горными породами, вводит читателя в курс основных химических и физических понятий и затем переходит к классификации горных пород. Рассмотрение осадных пород автор начинает с континентальных, как наиболее широко распространенных и доступных на русской равнине. При описании органогенных и химических горных пород автор дает сжатую характеристику жизни моря и усыхающих бассейнов. Таким же доступным языком излагаются сведения о массивно-кристаллических и метаморфических горных породах. В общем следует признать, что автор, несмотря на большую трудность изложить сухой и довольно однообразный материал популярно и доступно, не прибегая к вульгаризации, справился с задачей вполне удовлетворительно и дал возможность всякому действительно интересующемуся ознакомиться с предметом в вполне научном освещении.

Вторая брошюра написана менее популярно и требует от читателя некоторых знаний по химии и физике. Можно рекомендовать неподготовленному в этом отношении читателю приступать к чтению брошюры Швецова по прочтении брошюры Милановского. Вообще же брошюра заслуживает большого внимания. Она в краткой форме дает описание главнейших месторождений железных руд России, с краткими сведениями о запасах руд в России и за границей и их добыче. Тут же сообщаются краткие данные о поисковой работе.

Наиболее популярно и доступно и, вместе с тем, вполне научно написана

брошюра В. А. Обручева. В сжатой и образной форме дается характеристика самого понятия «горы», затем автор переходит к рассмотрению их строения и после этого выясняет их генезис, излагает современные воззрения на явления складкообразования, сбросовые явления и явления вулканические, и выясняет их значение в образовании гор. Заканчивает свою брошюру В. А. Обручев описанием процессов разрушения и тех результатов, к которым оно приводит, т.-е. к образованию пенеплена.

В общем все брошюры представляют значительный вклад в нашу популярную литературу своим строго научным содержанием и далеки всякой вульгаризации науки, от которой так часто страдает популярная книга. Надо надеяться, что они дойдут по назначению и пригодятся тому читателю, для которого составлены, дав ему возможность относиться более осмысленно к кругу явлений, с которым приходится встречаться при трудной работе горнорабочего. Будут они полезны и для всякого другого читателя, желающего получить основные представления по геологии.

Проф. Г. Ф. Мирчинк.

ВОПРОСЫ ТРУДА.

1. О. А. ЕРМАНСКИЙ. Научная организация труда и производства и система Тейлора *С. Каплуна.*—**2. Инж. С. ПРЕСС. Охрана труда в полиграфических производствах.** *М. Рубинштейна.*—**3. С. КАПЛУН. Пр фессиональная смертность по последним данным.** *М. Рубинштейна.*—**4. Санитарные условия труда в химической и стекольно-фарфоровой промышленности.** *И. Л. Лященко.*

О. А. ЕРМАНСКИЙ. Научная организация труда и производства и система Тейлора. Гос. Изд. 1922 г. Стр. XV + 367. Цена не указана.

В последнее время на вопросы научной организации труда и у нас, в России, стали обращать значительное внимание. Особенно сильно отразился этот интерес на общей и специальной периодической прессе, где стало появляться значительное количество различных статей и заметок. Что же касается отдельных изданий, то если не считать появившихся еще в самом начале революции нескольких популярных брошюр о системе *Тейлора (Рабчинского, Томксона, Беспрозванного* и др.), а также переизданных некоторых переводных старых работ (самого *Тейлора и Паркгорста)*, мы имеем за последние 2 года только «Труды первой Всероссийской Инициативной Конференции по научной организации труда и производства», изданные в ничтожном количестве, да и по своему характеру мало доступные широким кругам читателей, а также переведенную Цит'ом работу немецкого инженера *Риделя* «Научная организация труда на транспорте», имеющую также узкоспециальный уклон. И читатель, интересующийся этими проблемами, естественно ожидал появления серьезного издания, в систематической форме знакомящего его с основами тейлоризма и вообще с современной постановкой вопроса научной организации труда.

Большинству читателей этого круга имя *Ерманского* знакомо. В последние 2—3 года он неустанно выступает в печати, на всякого рода собраниях (в частности он был одним из самых активных участников и наиболее плодовитых докладчиков на Всероссийской Конференции) и с многочисленными лекциями, где одновременно и пропагандирует идеи научной организации труда и производства и одновременно подвергает жестокой критике *тейлоризм* и в особенности некоторые наши российские доморощенные некритические увлечения им. Это обстоятельство, несомненно, вызывает

еще больший интерес к рецензируемой работе и заставляет ожидать от нее многого, давая право предъявлять к ней достаточно высокие требования.

Книга «Научная организация труда» представляет собою увеличенное почти втрое второе издание вышедшей в 1918 году книги того же автора, «Система *Тейлора*». Уже и первое издание являлось весьма ценным вкладом в литературу в виду серьезного критического характера анализа, которому подвергнут был тейлоризм с марксистской точки зрения[1]). Настоящее же издание представляет собою особо ценный вклад в нашу русскую, да, пожалуй, и всю мировую литературу, ибо в нем автор, стоя всецело на прежней точке зрения и значительно углубив ее, в то же время значительно раздвинул рамки своей работы, захватив целый ряд областей, раньше совершенно не затронутых, и использовав основные иностранные работы последних лет по вопросам, связанным с излагаемыми ими проблемами.

Вся книга разделена на 6 основных глав: 1) «Производительность и интенсивность труда»; 2) «Отдельные элементы системы Тейлора»; 3) «Работа человека»; 4) «Премия и прочие методы психологического воздействия»; 5) «Научная организация»; 6) «Условия осуществления научной организации». Помимо того, в отделе «Приложения» имеются еще занимающие в общей сложности почти 100 страниц две дополнительные главы: «Производительный труд и культура», «Проблема усталости». Уже самый этот перечень дает сразу ясное представление о богатстве содержания, а также и о важности и злободневности освещенных *Ерманским* основных вопросов. При этом необходимо отметить, что автором дано впервые на русском языке изложение в более или менее систематическом виде основных проблем физиологии и психофизиологии труда. Сам автор говорит по этому поводу: «Конечно, у меня в этой области психофизиологии процессов труда окажутся ошибки. Не беда—их укажут и исправят компетентные специалисты. Я получил бы полное удовлетворение от своей новой работы, если бы она послужила толчком для дальнейшей более глубокой разработки затронутых в ней вопросов такими специалистами». И необходимо, внимательно ознакомившись с книгой, совершенно беспристрастно признать, что с поставленной себе задачей автор вполне справился (если не говорить, конечно, о нескольких мелких дефектах, с которыми почти неизбежно связана всякая серьезная работа). Мало того: довольно основательно усвоивши все основные принципы биологии и физиологии человеческого организма вообще и труда в частности, он сумел дать, вследствие своей богатой эрудиции, весьма целостный синтез биологии, техники и экономики применительно к столь важному для рабочего класса вопросу, как рациональное использование человеческого труда в производстве и хозяйственной жизни страны. Основное достоинство книги в том и состоит, что под всю систему организации труда и производства, направленную в основном к поднятию производительных сил общества и к наибольшим успехам человека и его извечной борьбе с природой, она подводит биологический фундамент. Автор приучает читателя к мысли, что никогда нельзя забывать, что в процессе труда всегда одним из основных элементов является, по Марксу, «субъект труда», то-есть конкретный рабочий, представляющий собою живой человеческий организм, действующий на основании своих специальных законов и предъявляющий к подлинно «научной» организации не менее серьезные и существенные требования, чем мертвые машины - двигатели, исполнительные механизмы и вся система производственного процесса. На основании богатейших иностранных данных автор доказывает, что пренебрежение интересами охраны труда (в самом глубоком смысле этого слова) весьма больно бьет и по производительности труда. Красной нитью проходит через всю книгу различие между *повышением производительности труда*, вызываемым улучшением техники или проведением различных организационных мероприятий в сфере отношений между людьми и вещами или только между людьми, участвующими

[1]) См. мою рецензию в журнале «Рабочий Мир». 1919 г., февраль, № 2—3.

в процессе производства, и *интенсификацией* труда, дающей некоторое повышение продукта за счет энергии, сил и здоровья рабочего, и всегда, в конце-концов, оказывающейся невыгодной для хозяйственной жизни общества. Хорошо владея марксистским методом, автор срывает все фетиши с тейлоризма, как фактически установившейся в Америке и в Западной Европе системы. Он ясно и вполне убедительно для всякого классового не предубежденного читателя разоблачает указанное понятие производительности, показывая, что оно имеет весьма относительное содержание, и являясь одним для отдельного изолированного капиталиста или анархически не связанных друг с другом групп капиталистов в буржуазном обществе, имеет совершенно другое значение для пролетариата или внеклассового коммунистического общества. Опираясь на многочисленные факты, и в особенности на результаты специального парламентского обследования в Соединенных Штатах комиссией под председательством проф. Хоксая (Hoxie), автор ярко вскрывает истинное лицо современного тейлоризма, не теоретического, а в тех конкретных формах, в каких он сейчас действительно проводит в жизнь и под мантией научности лишь прикрывает собою максимальную эксплуатацию рабочих капиталом.

Помимо полного пренебрежения к интересам живой рабочей силы, вследствие максимальной интенсификации труда, ведущей к раннему изнашиванию рабочего, а в конечном счете и к вырождению пролетариата, Ерманский весьма внимательно разбирает, и опять-таки беспощадно разбивает, и вторую основную черту современного тейлоризма—систему премий, также направленную к усилению интенсификации труда и под флагом «справедливого» увеличения заработной платы фактически приводящую лишь к увеличению прибавочной стоимости, выкачиваемой в карман предпринимателя.

В то же самое время, верный диалектическому методу мышления, Ерманский не становится на вульгарную точку зрения «да-да, нет-нет, а что сверх того, то от лукавого», а умеет отделить и в тейлоризме пшеницу от плевел и устанавливает и «шуйцу» и «десницу» в системе Тейлора. Правда, нельзя не отметить, что все же он страдает определенным уклоном в своем анализе и безусловно уделяет положительным сторонам тейлоризма меньше внимания, чем они того заслуживают (это видно уже хотя бы из того, что этой стороне вопроса посвящен только один параграф, в семи страницах, да частично о том же говорит другой (№ 16) в восемь страниц). Следующим примером того же служит и совершенно не обоснованное пренебрежительно-отрицательное отношение к изучению движений, которое не только дало уже очень много и должно дать еще более не только в отношении узко понимаемого Hom'a (как называет Ерманский научную организацию труда), но в то же время является весьма существенным вспомогательным методом и для психотехники, и даже для гигиены труда. Точно так же чрезвычайно мало уделяет автор внимания и психотехнике, при чем он высказывает весьма мало убедительную и совершенно почти не доказываемую им уверенность, что «теоретически психотехника осуждена еще надолго оставаться в зачаточной стадии» (стр. 251).

Далее следует отметить еще одну основную черту разбираемой книги. В своем предисловии автор говорит, что еще в одной из рецензий к первому изданию автору сделан был упрек в том, что он вовсе не касается вопроса о «применимости тейлоровских методов в *России в настоящее время* в условиях переходной эпохи. Упрек этот брошен был мною [1]), и, к сожалению, необходимо констатировать, что он целиком остался в силе и по отношению ко второму изданию. В этом вопросе автор почему-то изменил диалектике, или, скорее диалектика изменила автору. Он мыслит в данном случае лишь строго определенными абсолютными понятиями: ежели капитализм—так по всем правилам, исключительно в формах эпохи «Капитала», то-есть периода своего расцвета; если социализм (автор всюду углубляет

[1]) В указанной уже выше рецензии в «Рабочем Мире».

этот термин вместо слова коммунизм), то уж так же, что называется во-всю— без сучка и задоринки, когда о частном предпринимателе останется только лишь одно жалкое воспоминание. Мыслить же общественный строй в его «Становлении» автор почему-то отказался. Советского строя с его исключительными особенностями, с остатками старого и зародышами нового, автор как будто бы вовсе не имеет в своей перспективе. Поэтому остается какая-то непроходимая пропасть между отношением, которое, по его мнению, диктует пролетариату правильный подход к тейлоризму, в современных (для автора исключительно капиталистических) условиях и при социализме. И после прочтения книги у многих вдумчивых читателей останется вовсе неразрешенным недоуменный вопрос: а как же нам сейчас отнестись к Hom'у и к тейлоризму, не в условиях далекой Америки или пока еще не близкого социалистического рая, а в конкретной советской обстановке, когда почти вся крупная промышленность представляет собою государственное достояние, а власть находится в руках пролетариата. Ведь нельзя и сейчас олицетворять интересы промышленности и всех работодателей с выкалачиванием прибавочной стоимости при капитализме! Заинтересован же весь рабочий класс непосредственно в поднятии производительности труда, и не всегда же интересы класса совпадают с интересами отдельной личности! Но все эти проблемы остались автором вовсе не затронутыми, и тщетно искать в книге хоть какого-нибудь отзвука на эти вопросы. Точно так же вполне согласуется с этим и полнейшее отсутствие у автора учета опыта проведения тейлоризма, Hom'a, а также и премиальных систем в России в советский период. И совершенно неубедительно звучит заявление автора в предисловии, что случайные обстоятельства заставили его отложить специальное дополнение, посвященное этому вопросу. Скорее напрашивается другое объяснение, ищущее причины указанному обстоятельству в политическом мировоззрении автора, которое, правда, в книге почти нигде не высказывается прямо, но неожиданно выявляется во-всю в двух фразах на стр. 232, где говорится: «рабочий класс *не хочет очутиться* перед фактом не только разрушения своих классовых организаций, но и преступного расточения своих физических и духовных сил, вырожденья рабочих масс. В этом направлении вырастают новые задачи перед рабочими, *все равно, кто бы ни были владельцы предприятий—частные лица, или органы государственной власти* [1]). Само собой разумеется, что эта задача будет по силам только организованным рабочим, и лишь в том случае, если профессиональные и другие организации рабочих будут не только мощными, но и самостоятельными, *независимыми, как от отдельных групп, так и от органов государственной власти* [1]).

Если теперь перейти к остальным, меньшим дефектам разбираемой книги, то необходимо отметить следующее. Прежде всего автор совершенно не выдержал поставленной им себе, как указано в предисловии, задачи «популярного характера изложения», так как и в новом переработанном виде книга предназначена для того же широкого круга читателей. Правда, тут же он указывает, что имеет в виду и более квалифицированного читателя, и для него выделяет часть более серьезного материала в приложения. Но «гладко вышло на бумаге», только в предисловии, в действительности же значительная часть книги написана довольно трудным языком, содержит большое количество довольно трудного фактического материала, цифр, таблиц и т. п. и требует у читателя не только определенного умения самостоятельно разбираться в серьезных научных проблемах, но и довольно значительных познаний в самых различных отраслях знания. Это, конечно, не делает книги менее ценной, ибо и в этом виде она найдет всегда своего потребителя, нуждающегося именно в такой серьезной трактовке вопросов, но тогда отпадает вовсе необходимость в выделении «приложений» в 100 страниц, ибо написаны они (в особенности 1-ое) нисколько не труднее подавляющей массы основного текс-

[1]) Курсив мой. *С. К.*

та, и только лишь разбивают общий план и структуру книги и приводят к неизбежным повторениям.

Вообще нельзя не указать попутно, что книга чрезмерно растянута, от чего неизбежно теряет в отношении фиксации внимания читателя на основных наиболее важных моментах изложения. Так, мне представляется совершенно лишним все приложение I («Производительный труд и культура»), занимающий почти $1^1/_2$ печатных листа и представляющий собою популярное изложение некоторых мест из *А. Богданова* и *Бюхера*. Чрезмерно растянуты также первые 2 параграфа («Производительность труда и исторический прогресс и первоначальные способы интенсификации труда»), слишком много также подробностей и довольно трудных деталей имеется в главах о различных системах премий и об энергии и работе человека.

Далее следует остановиться на часто проявляющейся тенденции автора к значительному упрощению вопросов и получающейся отсюда, вызывающей иногда улыбку, абсолютности высказываемых утверждений. К таковым относятся объяснения вырождения рабочих и раннего их изнашивания исключительно «последствиями этих (премиальных. *С. К.*) систем», как гласит заголовок 4-го параграфа; объяснение переутомлением преждевременных родов (стр. 351); чрезвычайно упрощенный подход к вопросу о размере питания в связи с трудом, совершенно не учитывающий всей сложности и величайшей физиологической приспособляемости человеческого организма, и потому приводящий к выводу, что достаточно уменьшить при легкой работе пищевой рацион значительно меньше, чем на 12%, как станет вовсе невозможным даже ничтожный труд (стр. 125—128); в сложных статистических материалах о травматизме и размерах производительности Ерманский хочет найти не общую тенденцию закономерности, а абсолютный закон, приводящий его к какому-то фетишизированию среды, и заставляющего брать под подозрение все данные, которые не приносят новых жертв этому, им созданному, божку. Так, например, объявлены мало типичными данные Лоферна, основанные на 2432 наблюдениях (стр. 328), и в то же время без оговорок приводится диаграмма Бинковского, основанная на 80 случаях (стр. 333).

Далее нельзя пройти мимо того обстоятельства, что хотя автор в общем и целом и вполне справился со своей задачей, не будучи медиком и биологом, но все же нередко встречаются довольно значительные пробелы и ляпсусы в вопросах физиологического характера. Так, например, мы встречаем утверждения в роде того, что работа легких сводится к движениям мышц (стр. 99), между тем, как совершенно ясно, что она только связана с движением мышц грудной клетки, и в то же время в основном обусловливается эластичностью легочной ткани; или совершенно уже неправильное заявление, что «всякая работа мышц связана с тратой нервов». Хотя Ерманский и упоминает в одном месте о динамической теории типа человеческой машины, но в то же время сам твердо стоит обеими ногами на почве калорийной теории, при чем даже вовсе умалчивает о новых достижениях в области науки о питании (витамины и прочие «добавочные вещества, которые в значительной мере подрывают абсолютность калорийной теории и вносят чрезвычайно много нового в проблему взаимоотношения между питанием и работой). Отсутствием единой последовательной точки зрения на характер «человеческой машины» вызывается и необъясненное автором кажущееся противоречие между двумя местами книги, где в одном (стр. 125) говорится, что коэффициент полезного действия равен 17,2%, а в другом (стр. 312) указывается, что производительность мышцы равна 40%. Точно так же никак нельзя согласиться с чрезвычайно решительным разрешением автором весьма сложного и спорного вопроса о том, бывает ли утомление только нервного или и мышечного происхождения (стр. 287). Далее большим упущением в книге является ничем не вызываемое приведение исключительно старых материалов по санитарной статистике труда (стр. 51, 380 и след.). Несмотря на весьма богатые данные последних десятилетий,

автор прибегает к совершенно устаревшим цифровым материалам, цитированным еще Марксом в «Капитале».

Недостаточная осведомленность автора в вопросах профессиональной гигиены вместе с отмеченной уже выше тенденцией к упрощениям вызывает у автора и такие неправильные выводы, как истолкование (на стр. 49) меньшей продолжительности жизни шлифовщиков интенсивностью их работы (в действительности же основным определяющим фактором является не интенсивность работы, а постоянное вдыхание металлической пыли, как основная профессиональная вредность). Наконец, нужно указать, что автор, вводя для обозначения объективных и субъективных явлений два различные термина: утомление и утомленность, фактически в своем изложении их не употребляет, а пользуется обычными словами «утомление» и «усталость», при чем употребляет их без всякого различия, от чего значительно страдает научная точность (стр. 104, 275, 287, 294, 309, 327, 344 и др.). Режут слух проскальзывающие иногда потуги на дешевый юмор весьма дурного вкуса (напр., сравнение системы Тейлора с венерическими болезнями на стр. 226).

Книга Ерманского изобилует многочисленными подстрочными указаниями на различные литературные источники, особенно иностранные. Польза их, конечно, весьма велика, но все же следует отметить некоторую небрежность в их составлении, объяснимую, должно-быть, тем, что с подавляющим большинством их автор незнаком и цитирует из вторых рук. Только этим можно истолковать, что одни и те же книги (например, Лайе—профессиональная гигиена) цитируется то в русском, то в иностранном издании, или, что классический труд Рота цитируется по мало известной работе Bernhard'a.

К книге приложен богатый указатель источников на русском и трех иностранных языках. Литературу, касающуюся непосредственно тейлоризма, он охватывает весьма полно и в этом отношении представляет определенный вклад в библиографическую литературу вообще и окажет большую услугу всякому желающему углубиться в эти вопросы. Но все же Ерманскому и тут не удалось избегнуть печати какой-то недоделанности, отсутствия целостности, а иногда и некоторого своеобразного легкомыслия, представляющего, как уже отмечено было выше, одну из весьма свойственных книге черт. По вопросам, выходящим за узкие рамки тейлоризма, литература подобрана совершенно случайно и весьма неполно. Так, из всей литературы по профессиональной гигиене указаны только книга Лялина-Уварова на русском языке, Albrecht'a—на немецком и Лай-ке—на французском (обе последние совершенно устарели); почему-то помещены совершенно случайно и произвольно выбранные книги Аркина «Мор и душа», Griessbach'a, Rubner'a (учебник гигиены) и т. д.; в ряде книг не отмечены год и место издания, а во всех вообще книгах отсутствует указание на издательство; ряд книг помечен в старых изданиях при наличии гораздо более поздних (Тейлор, Bucher, Webe и др.); неожиданно вдруг выплывают 2—3 случайных газетных статьи. Верхом курьеза является помещение в «Указателе» книги Ламетри—«Человек-машина», работы чисто философского характера, излагающей систему французских материалистов XVIII века и попавшей сюда, очевидно, лишь вследствие своего соблазнившего Ерманского заглавия.

Несмотря на указанные дефекты, которые должны быть автором устранены в следующем издании (необходимо полагать, что книга выдержит несколько изданий), разобранная книга заслуживает самого серьезного внимания со стороны наиболее широких кругов хозяйственных, профессиональных и советских работников, а также должна быть прочитана всяким, кто желает серьезно ознакомиться с тейлоризмом и научной организацией труда. Необходимо пожелать книге самого широкого распространения, так как она первая дает марксистский анализ тейлоризма, и решительно разоблачая буржуазную рекламу, созданную ему на Западе, а также и некритическое увлечение им многих участников русского рабочего движения, основанное на недостаточном знакомстве с соответствующими

научными данными и фактами,—впервые в нашей фундаментальной литературе связывает воедино проблемы организации и охраны труда.

С. Каплун.

Инж. С. ПРЕСС. Охрана труда в полиграфических предприятиях. Петроград. 1922 г. 101 стр.

Книжка С. Пресса была составлена в качестве статьи для издания «Охрана жизни и здоровья рабочих в промышленности», начатого в 1913 году при бывш. Министерстве Торговли и Промышленности и частично переизданного и продолжавшегося после революции издательским отделом ВСНХ. К сожалению, издание впоследствии прекратилось вследствие недостатка средств.

Первая часть книги обрисовывает вредные влияния полиграфич. производства на занятых в нем рабочих, особенно важные вследствие распространенности полиграфич. предприятий и их низкого среднего уровня, преимущественно в провинции. Смертность рабочих печатников является весьма высокой. В то же время процент стариков значительно ниже, чем в др. отраслях промышленности. Наибольшая смертность наблюдается от 15 до 30 лет. По распространению среди них туберкулеза печатники занимают третье, а для некоторых возрастных групп даже второе место. По русским данным средний возраст полной инвалидности у печатников 50,2 года, т.-е. ниже, чем во всех остальных профессиональных группах. Частичная инвалидность наступает еще раньше. Автор подробно разбирает данные о заболеваемости печатников, занимающей для мужчин второе, а для женщин даже первое место, и их специфические профессиональные заболевания—свинцовое отравление, подагру, близорукость, общую физическую отсталость. В следующих главах автор подробно просматривает отдельные отрасли полиграфического производства, останавливаясь на их специфических вредностях и мерах к оздоровлению условий труда.

Эта часть книги, как для практических работников по охране труда, так и для руководителей и рабочих полиграфических предприятий, дает много ценных сведений и материалов. Автор подчеркивает, что и в обычных больших, правильно устроенных и в порядке содержимых типографиях, при некотором улучшении вентиляции, врачебном контроле и личной гигиене работающих можно добиться уменьшения заболеваемости и смертности.

Особенно подробно автор останавливается на опасности несчастных случаев при процессе печатания, отмечая, что чем менее усовершенствована печатная машина, тем она опаснее. Полуавтоматические ротационные машины опасны лишь при спешном ночном печатании газет, крайне нервирующем утомленного рабочего. Автор подробно рассматривает предохранительные приспособления для ограждения рабочего от несчастных случаев у всех типов печатных машин. Вообще же рецензируемая работа, хотя и в меньшей степени, чем другие части вышеупомянутого издания «Охрана жизни и здоровья рабочих промышленности», все же разделяет общий их недостаток: слабое освещение санитарно-гигиенической стороны в полиграфич. производстве, особенно важной и интересной по сравнению с более узкой областью техники безопасности.

Тем не менее, книжка весьма полезна и крайне желателен был бы выход аналогичных изданий об охране труда в других производствах.

М. Рубинштейн.

С. КАПЛУН. Профессиональная смертность по последним данным. Москва. 1922 г. 57 стр.

Небольшая брошюра С. Каплуна является оттиском из № 2 сборника «Вопросы Труда». Она представляет собой сводку статистических материалов о смертности по профессионально-производственным признакам, дополняя, таким образом, более разработанные

материалы по профессиональной заболеваемости. Основными в приводимых материалах являются данные голландской государственной статистики смертности по профессиям за 1908—1911 гг., которые автор сравнивает с соответствующими германскими, английскими и французскими источниками.

Разбирая цифры смертности по отдельным производствам, автор имеет возможность сделать,—вернее, наметить,—ряд выводов о влиянии вредных условий отдельных видов труда на жизнь и здоровье работников, распространенности туберкулеза среди разных профессий, выделении наиболее вредных отраслей труда и т. д.

Детальные выводы и обобщения могут быть сделаны лишь после дальнейшего внимательного изучения приводимых автором таблиц. Необходимо, однако, отметить значительную устарелость всех этих цифровых материалов, относящихся, несмотря на то, что они являются, повидимому, последними, опубликованными в литературе (по крайней мере, доступной в России) к первому десятилетию XX века, а часто и к XIX веку. Кроме того, основные данные, которыми пользуется автор,—материалы голландской статистики, несмотря на всю разработанность, в значительной мере теряют ценность вследствие сравнительной незначительности охватываемого ими населения непромышленного и вообще несколько своеобразного характера страны. Очень важно также приводимое автором в заключение указание Новосельского о необходимости крайней осмотрительности в международных сравнениях профессиональной смертности, вследствие крайних различий в условиях труда и обстановки жизни рабочего населения разных стран.

Со всеми этими оговорками приводимые автором, в России до сих пор еще не опубликованные, материалы составят ценную основу для дальнейшей разработки вопроса, сравнений и выводов.

М. Рубинштейн.

АЛЬБОМ «САНИТАРНЫЕ УСЛОВИЯ ТРУДА В ХИМИЧЕСКОЙ И СТЕКОЛЬНО-ФАРФОРОВОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ». Изд. Ц. К. Всероссийского Союза рабочих химиков. 1922 г.

Издание подобных альбомов имеет чрезвычайно важное значение в деле охраны труда рабочих, так как он дает возможность наглядно показать особо вредные моменты производства и меры к их устранению.

Необходимо приветствовать появление подобных альбомов еще и потому, что это даст возможность профсоюзам и инспекции труда обращать внимание хозорганов на необходимость устранения вредностей в производстве, в чем последние, к сожалению, идут по старой проторенной дорожке дореволюционных времен, т.-е. не дорожат здоровьем рабочих и не предпринимают должных мер к устранению вредностей в производстве.

Правда, наша промышленность только восстанавливается, на что потребуется затрата больших капиталов, но все же казалось бы своевременным и правильным требовать, чтобы наши тресты вопросам охраны труда уделяли больше внимания и средств.

Наконец, издание подобных альбомов может служить наглядным пособием для лекций и бесед по вопросам охраны труда и прекрасным материалом для музеев по охране труда.

Настоящий альбом, изданный довольно изящно и аккуратно, имеет все же некоторые недостатки, которые можно объяснить тем, что это первый опыт работы в этой области.

Одним из крупных недостатков альбома надо считать отсутствие в нем сопоставлений плохо оборудованного и хорошо оборудованного производства, с точки зрения устранения вредности производства.

Так, к примеру, первая картина альбома показывает прорезинку материи. Помещение светлое, просторное, над каждой шпреди - машиной имеется местная вентиляция в виде больших колпаков с вытяжными трубами, крайне необходимая в данной мастерской, а между тем, на других заводах есть

такие же мастерские без местной вентиляции. Снимок такой мастерской нужно было бы тут же рядом поместить в альбоме, чтоб показать, как *не нужно* устраивать мастерскую. Второй, еще более яркий пример,—есть в альбоме снимок «размолка бегунами смеси силиката и кварца». Бегуны открытые—при работе выделяется масса пыли. Необходимо тут же дать снимок такой же работы с закрытыми бегунами.

Основная цель издания альбома—«посредством иллюстраций дать представление о вредных условиях труда»—не выдержана полностью: по некоторым производствам недостает в альбоме снимков отдельных процессов производств, которые, в виду их вредности, следовало бы поместить.

Так, в резиновом производстве необходимо было бы поместить снимок, так называемой меловой, где рабочему приходится иметь дело с пылью ядовитых красок, или мазильной, где наблюдается наибольшее выделение паров бензина и куда ставят на работу обычно старых рабочих, организм которых, как говорят, привык уже к бензину.

Что касается самого текста, помещенного под снимками, то он составлен в общем удачно. Автор отнесся с большим вниманием к этой чрезвычайно важной и необходимой работе.

Хорошо было бы, конечно, в тексте, помимо описания вредности производства, кратко описать процесс работы, что еще более иллюстрировало бы вредность и, где возможно, как результат ее, указать заболеваемость рабочих.

Отмечая всюду, какое действие вредность производства оказывает на организм работающего, автор текста не сделал этого под иллюстрациями работ со ртутью — чрезвычайно опасным ядом и хлористым водородом.

В заключение выскажем пожелание, чтобы Ц. К. рабочих химиков продолжил эту чрезвычайно интересную и необходимую для союза работу и тем побудил бы к тому же и другие профсоюзы.

Д-р И. Л. Лященко.

ЛИТЕРАТУРА О ВОСТОКЕ.

1. Современная Персия (сборник). *В. Виленского (Сибирякова).* — 2. Грузия в 1921—22 г.г. *И. Мещерякова.* — 3. К. ЮСТ. Анатолийская печать. *В Кряжина.* — 4. Борьба за Русский Дальний Восток. *В. Кряжина.*

СОВРЕМЕННАЯ ПЕРСИЯ. Султан-Заде. Народный Комиссариат по делам национальностей. Всероссийская Научная Ассоциация Востоковедения. Серия политико-экономическая, под редакцией М. Павловича. Москва. 1922 г. 66 страниц. Цена 300 руб. (знаки 22 г.).

Книжка Султан-Заде открывает собою серию популярной политико-экономической библиотеки, посвященной Востоку. Нельзя не признать, что нужда в такой библиотеке более чем очевидна. Огромные сдвиги, происшедшие на Востоке под влиянием мировой войны и революции, настолько изменили политический облик многих из стран Востока, что сейчас вся та литература дореволюционного периода, которая давала представление о политико-экономической жизни этих государств, устарела и нуждается в существенных коррективах.

Автор знакомит читателя с политическим строем современной Персии, ее аграрным строем, экономикой и общественным движением. Персия—любопытная страна, где до 1906 года существовали законы времен Ксеркса и Дария. В 1906 г. под влиянием русской революции в Персии тоже произошла революция, которая превратила Персию в конституционную монархию. Но, вместе с тем, Персия осталась в зависимости от мирового империализма, который превратил

ее в арену империалистической борьбы. Англия, Россия и Германия—вот три государства, которые до мировой войны боролись за утверждение своего господства в Персии. Сейчас Германия сошла со сцены — борьба же Англии с Россией в Персии продолжается.

Однако, русская пролетарская революция существенно изменила характер русско-персидских отношений. Советская Россия первая отказалась от режима капитуляций и всей той традиционной политики царской России, которую последняя осуществляла. Английский империализм же продолжает свою традиционную политику, стремясь удержать в своих руках вместе с концессиями и привилегиями также и влияние на круги персидских феодалов.

Персия—страна земледельческая, где аграрный вопрос имеет существенное значение. Она вывозит хлопок, хлебные продукты, фрукты и на ряду с этим продукты животноводства, шерсть и кожи. Вывоз Персии в 1920 году определялся в 309 милл. крон и ввоз в 529 милл. крон, что характеризует неблагоприятный расчетный баланс, где ввоз превышает вывоз в 220 милл.

Наибольшие торговые интересы в Персии имеет Англия, которая держит в своих руках почти 70% всей внешней торговли Персии, при чем это, главным образом, падает на ввоз английских товаров в Персию.

Интересны данные, приводимые Султан-Заде к характеристике рабочего движения в Персии. К началу 1922 года в Персии насчитывалось около 20 тысяч организованных рабочих, объединенных в десять профессиональных союзов, из которых наиболее многочисленными являются союзы пекарей, телеграфистов, портных и сапожников. Положение труда персидских рабочих ужасное, поэтому, заключает тов. Султан-Заде, пред персидскими профсоюзами открывается благотворное поле деятельности, чтобы освободить десятки тысяч рабочих и работниц от кошмарной эксплуатации и поднять их уровень экономической и культурной жизни.

Книжка издана хорошо. Нужно пожелать, чтобы Всероссийская Научная Ассоциация Востоковедения поспешила с продолжением издания остальных книжек этой серии.

Вл. Виленский (Сибиряков).

ГРУЗИЯ в 1921 — 1922 годах. Сборник статей и материалов к пятой годовщине Октябрьской революции. Издание Всегрузинского Центрального Исполнительного Комитета Советов. 1922 г. 102 стр.

В России имеется ряд книжек и брошюр по вопросу о том, что представляла Грузия во времена господства в ней меньшевиков. Но до сих пор у нас не было ни одной книжки, ни одной брошюры, которая говорила бы о том, что было сделано в Грузии за 1½ года существования там Советской власти. Поэтому нужно приветствовать появление вышедшей в Тифлисе на русском языке книги, заглавие которой выписано выше.

Ряд статей, помещенных в этом сборнике, показывает, что за 1½ года Советской власти в Грузии была проделана крупная работа.

В первой статье («К характеристике советского строительства в Грузии») Г. Ф. Махарадзе совершенно справедливо говорит, что экономическое восстановление Грузии нужно было начать с земледелия, с деревни. В эту сторону и было направлено, главным образом, внимание Советской власти. «Это прежде всего—дороги, мосты, осушение болот, проведение маленьких оросительных каналов, водопроводов, устройство дамб, устройство новых или ремонт старых школьных помещений, театров, народных домов, клубов, сооружений электрических станций и т. д. и т. д.». В статье своей т. Махарадзе приводит ряд данных относительно устройства новых и ремонта старых негодных каналов. Эти работы дадут возможность пустить под посев такую площадь земли, которая даст маленькой Грузии лишних 4.750.000 пудов хлеба, считая с десятины только по 50 пудов.

Эта работа по устройству оросительных каналов вызывает среди грузин-

ского крестьянства необыкновенный энтузиазм. На работу добровольно выходят тысячи крестьян.

На ряду с работами по орошению и осушению земель ведутся и другие работы. Ремонтируются разрушенные за последние годы мосты и дороги, строются небольшие электрические станции и т. п. Строится около Тифлиса и одна большая станция, которая должна заменить 30 небольших станций Тифлиса. Эти последние будут перенесены тогда в провинцию.

Строится также небольшая жел.-дорожная линия от ст. Нотанеби до ст. Озургеты, очень важная для Гурии. Об этой дороге гурийские крестьяне мечтали 30 лет, но ни царское правительство, ни меньшевики выполнить эту работу не хотели.

Теперь постройка начата. «Работа быстро подвигается вперед; все земляные работы крестьянством выполняются даром. Есть надежда, что к началу будущего 1923 г. дорога будет открыта для движения».

Во второй статье «Тифлис при советском строительстве» т. Ф. Глокта (не коммунист, а вождь партии социалистов-федералистов!) рассказывает, как много сделала за 1½ года Советская власть для восстановления и украшения Тифлиса. «В продолжение 15 лет,— говорит он, — водопровод не видел того ремонта, который сделан при советском строе».

В третьей статье т. С. Джугели знакомит с вопросом о производительности труда рабочих в Грузии. Сперва дело обстояло очень плохо, но за последнее время «мы наблюдаем максимальное достижение в данных условиях», по всем отраслям достигается производительнсть труда в 90—100% в среднем довоенного времени. «Два года хозяйствования прошли не даром; в предприятиях произошли колоссальные изменения в смысле приспособленности к рациональному ведению дела. Рабочая сила процежена; остался наиболее здоровый и приспособленный к труду кадр рабочих».

Из следующей небольшой статьи т. Гарина «Металлическая промышленность Грузии» мы видим, что за 1½ года количество прогулов рабочих уменьшилось в 2—3 раза, а производительность труда возросла в 1922 году в автомастерских с 5,2 до 11, а на советских заводах с 1 до 3,2, с 1 до 6,5, с 1 до 2,9.

Факты и цифры другой статьи т. С. Джугели, посвященной вопросу о движении заработной платы, показывают, что и в этой области положение рабочих в Грузии значительно улучшилось.

В статье «На сельско-хозяйственном фронте Грузии» т. Евец знакомит читателей с состоянием земледелия этой страны.

Всякий, кто бывал в Грузии, знает, что положение это печально до последней степени. Чаще всего в Грузии практикуется однопольная система, т.-е. на участке земли из года в год сеется один и тот же хлеб. Только в редких местах существует двухполье. Благодаря такому отсутствию севооборота почва вконец истощилась. Даже в хорошие годы дает 45—60 пудов хлеба с десятины, вдобавок хлеба очень засоренного. Эти урожаи легко можно увеличить в 2—3 раза, а урожай кукурузы довести до 300 пудов и более.

За время войны и при меньшевиках сельское хозяйство Грузии еще более регрессировало: посевная площадь сократилась, обработка земли ухудшилась; положение стало прямо угрожающим.

Но это положение значительно улучшилось за 1½ года Советской власти. Недосев уничтожен: «в минувшем сельско-хозяйственном году под посевом продовольственных хлебов мы имеем ту же площадь, какая статистикой была зарегистрирована в нормальном 1913 году».

Но нужно признать, что только этим и ограничивается проделанная работа. Вопрос о дальнейшем поднятии сельского хозяйства Грузии попрежнему составляет одну из главнейших и насущнейших задач Советской власти.

В статье т. И. Солохая рисуется катастрофическое положение железных дорог Закавказья. Вопрос об улучшении этого состояния попрежнему стоит перед Советской властью.

Наконец, в последней статье сборника т. Г. Рухадзе дает сведения о дет-

ских домах, садах и приютах Тифлиса.

При меньшевиках в Тифлисе было только 2 дома с 300 детьми и 3 детских сада с 130 детьми. Никакой системы воспитания в этих домах не проводилось; это были скорее «приюты», чем те детские дома и сады, которые призваны воспитывать подрастающее поколение по новой системе. Даже больные дети в домах были смешаны со здоровыми.

В настоящее время в Тифлисе имеется 9 детских домов, а в них 854 ребенка. В детских домах помещаются дети беднейших рабочих и наиболее несостоятельных членов профсоюзов или же круглые сироты.

Кроме того, у грузинского Наркомпроса имеется 5 детских домов с 300 детьми (из них 100—дети голодавшего Поволжья).

Затем у отдела образования в Тифлисе имеется 18 детских садов, а в них 880 чел. детей, и два детских приюта с 177 детьми. К пятой годовщине революции предполагалось открыть еще 4 детских сада.

Наконец, в Тифлисе имеется 89 трудовых школ с 30.000 детей; при меньшевиках же было 74 школы с 17.000 детей.

Усиленно рекомендуем богатую цифрами и фактами книжку «Грузия в 1921—1922 годах» вниманию читателей.

Н. Мещеряков.

К. ЮСТ. Анатолийская печать. Тифлис. Издание Закрайкома Р. К. П. 1922 г. Стр. 214.

Сведения о событиях, происходящих в Анатолии, как известно, приходится получать исключительно из телеграмм и из информации западной прессы, сплошь и рядом лживой и тенденциозной. Тем более ценной и своевременной является, поэтому, книга К. Юста, знакомящая нас с настроениями и политической физиономией анатолийской печати, в свою очередь в значительной степени отражающей политическую действительность Анатолии. Справочник К. Юста распадается на несколько частей. Эволюцию турецкой прессы он делит на три периода: 1) с 80-х гг. (эпоха неудачного конституционного движения, возглавляемого Мидхадом) и до 1908 г.; 2) с 1908 г. (год младотурецкого переворота) и до 1918 г., и 3) с 1918 по 1 мая 1922 года.

До младотурецкого переворота турецкая пресса, как и надо было ожидать, отличалась казенным, бесцветным характером. Печатных органов в нашем смысле слова собственно и не было, а издавались лишь казенные листки с приказами правительства Абдул Гамида и с объявлениями. Армянская и греческая пресса этого периода отличалась клерикально-патриотическим содержанием. Лишь в Константинополе и Смирне иногда на страницах газет раздавалась робкая критика правительства кровавого Султана, ликвидируемая, конечно, с молниеносной быстротой.

Переворот 1908 года вызвал колоссальный рост прессы, турецкой и армянской. В Константинополе к 1909 г. издавалось до 100 газет, десятки органов печати народились в Анатолии. Сирии и в других частях Оттоманской империи. Были попытки создать даже социалистическую прессу, впрочем, довольно скоро ликвидированные младотурками. В середине 1909 г. последние издали ограничительные правила для печати, сильно стеснившие ее развитие. Печать была подчинена властям, которые давали разрешение на издание новых органов, следили за их направлением и налагали взыскания на ответственного редактора. Несмотря на эти ограничения, печать продолжала неуклонно развиваться, хотя в большинстве случаев она состояла из официозов главенствующей партии «Единение и Прогресс». К середине 1910 г. на территории Анатолии (без Смирны и др. оккупированных греками территорий) выходило уже свыше 100 периодических изданий. Мировая война сократила вдвое количество турецких изданий и совершенно убила армянскую прессу

Национально-освободительное движение, разразившееся в 1919 году и направленное против Антанты и Константинопольского правительства, вновь возродило анатолийскую печать. Чрезвычайно интересная диаграмма, приложенная к книге, ярко показывает неуклонный рост турецкой прессы за последние четыре года. В смысле направления и внутреннего содержания анатолийская пресса уже пережила несколько этапов, в зависимости от общего военно-политического положения.

На первых порах, когда положение на фронте было неустойчивым и власть Ангорского правительства еще не укрепилась, в Анатолии начали возникать разные органы, в том числе народнические и даже социалистические. Однако, со времени укрепления власти (нач. 1921 г.) эти органы были постепенно ликвидированы, и к началу 1922 года в Анатолии остались лишь официозы. Характеризуя политическую физиономию анатолийской прессы, приходится отмечать, поэтому, лишь оттенки, которые отличают один орган от другого. К. Юст дает в этом отношении почти исчерпывающий материал, характеризуя на 100 страницах десятки органов издающихся на всей территории Анатолии.

В общем мы можем поделить всю националистическую прессу на три основные группы: в первую входят органы, настроенные ярко консервативно, во вторую—радикальные и даже отчасти народнические и в третью—самые многочисленные, проводящие среднюю, политическую линию, усвоенную самим Ангорским правительством.

Наиболее ярким органом первой группы является трапезундская газета «Истикбаль» («Будущность»). Во внешней политике она ориентируется на Францию, которую не устает восхвалять, как «благородного, традиционного друга турок»; к Советской России она относится более чем сдержанно и, напр., во время восстания в Грузии, газета определенно симпатизировала меньшевикам и писала о «большевистских погромах» в Тифлисе. Все социальные вопросы Истикбаль» упорно замалчивает, но зато проводит пантюркистские тенденции, делая главным объектом своих нападок, конечно, армян.

Наиболее видным представителем второй радикальной группы издания является ангорская газета «Ени Гюн» («Новый День»), редактируемая крупным публицистом Юнус Нади, бывшим членом партии «Единение и Прогресс». «Ени Гюн» часто довольно резко критикует Ангорское правительство, восстает против религиозного фанатизма и, наконец, систематически агитирует за сближение с Советской Россией. Однако, любопытно, что при всем своем радикализме этот орган проявляет такую же армянофобию, как и «Истикбаль». Так, напр., после убийства дашнаками Талаата «Ени Гюн» выпустил специальный номер, посвященный его памяти, в котором восхвалялись административные таланты Талаата и резко порицались армяне, «усиливающие турецко-армянскую рознь и ненависть».

Официоз Ангорского правительства—«Хакимиет-и-Миллие» («Народная Власть») является наиболее ярким представителем среднего течения в анатолийской прессе. Редактирует газету директор бюро анатолийской прессы Ахмед Агаев (бывш. Муссаватист); в газете систематически помещают статьи заведующие министерствами (вакилятами) и т. д. Статьи и заметки, посвященные РСФСР, носят обычно дружественный характер, хотя редакция и указывает, что «в Турции советские идеи не применимы». Главное место отводится фронту и внешней политике. Экономические материалы (в виде заметок фактического характера) помещаются очень редко: провинциальная хроника почти отсутствует. Тираж «Хакимиет-и-Миллие» равняется 2000 экземпляров, и после «Ени Ган» она является наиболее ходкой газетой в провинции.

К сожалению, не представляется возможным остановиться на целом ряде интересных данных, которые сообщает К. Юст о движении анатолийской прессы, о цензурных условиях, о технике, о стиле и слоге и т. д.

Благодаря полноте содержащихся в книге К. Юста данных и широте подхода, его книга является несомненно необходимой для всех, кто хочет разобраться в современной турецкой действительности.

К числу недостатков книги относится то, что автор не снабдил ее общим очерком национального движения (краткая сводка на 6 страничках, конечно, в счет не идет), благодаря чему его книга получила характер исключительно специального справочника. В первой части книги есть некоторые пропуски: так, нет сведений о турецкой эмигрантской прессе (до 1908 г.) и о состоянии ее во время мировой войны. Автором не использованы некоторые книги, имеющиеся на русском языке, как например, ценный труд В. Гордлевского: «Очерки по новой османской литературе» (М. 1912), где имеется много данных о турецкой журналистике и прессе, а также указатель периодической печати. Есть некоторые промахи чисто фактического характера; так, например, автор утверждает, что «самым значительным городом Анатолии, в ее современных кемалистских границах, является Трапезунд»; прежде всего по количеству населения ни Кайсария (54.000 чел.), ни Сивас (65.000 чел.) не уступают Трапезунду с его 55.000 жителей. В торговом же и административном значении указанные города, конечно, превосходят Трапезунд. Предпочтение, оказываемое автором последнему, объясняется просто-напросто тем, что он жил в этом городе и там обрабатывал свой труд. Сильно вредит также книге отсутствие оглавления и указателя абсолютно необходимого для всех справочников.

В. Кряжин.

БОРЬБА ЗА РУССКИЙ ДАЛЬНИЙ ВОСТОК. Под редакцией Б. Шумяцкой. Библиотека Политработника № 19. Изд. Окружного Военно-Революционного Совета 5-й армии и В. С. П. О. 1922 г. Стр. 212.

У нас до сих пор почти совершенно отсутствуют серьезные популярные сочинения по Востоку, несмотря на огромную нужду в последних. Рецензируемая книжка издана с целью восполнения этого недочета: она задумана как хрестоматия, в которой каждый практический армейский работник, военный или политический, сумел бы найти сведения по географии, топографии, экономике и политике современного Дальнего Востока.

Книжка делится на пять частей, посвященных: ДВР, Японии, Корее, Китаю и Монголии. Каждая часть содержит сжатые сведения статистические и политические, историю политических партий, рабочего и профессионального движения; наконец, имея в виду, главным образом, армейских читателей, книжка заключает сведения и чисто военного характера: о составе вооруженных сил, системе комплектования, снаряжении, обмундировании и т. п.

Наиболее интересным является очерк, посвященный ДВР; написанный простым и живым языком, он дает яркую картину кровавых подвигов сибирских атаманов, подробную историю японской интервенции, образования меркуловского правительства и вообще всех этапов, через которые должны были пройти исстрадавшиеся рабоче-крестьянские массы нашего Дальнего Востока.

Очерк, посвященный Японии, содержит интересный цифровой материал, характеризующий экономическое положение Японии во время мировой войны и после нее. Мы видим, как за какие-нибудь пять лет Япония, стремительно развиваясь, превращается из страны земледельческой в промышленную. Количество рабочих за этот краткий период увеличивается на 65%, в то время как за десять предыдущих лет оно увеличилось лишь на 32%. Одновременно идет процесс раздробления крестьянской собственности и пролетаризация сельского населения. Но вот война кончается, и японская промышленность переживает глубочайшую депрессию, характеризующуюся ростом безработицы и вздорожанием жизни. На этой почве увеличивается число забастовок и размеры их: если в 1914 г. было всего 7904 бастующих, то в 1920 г. их число измерялось уже 169.366 человек.

Очень интересны также главы, посвященные положению китайского крестьянства, батраков, арендаторов и т. д. Жаль только, что, в связи с общей популяризаторской тенденцией книжки, нигде не указаны источники, из которых почерпнуты те или иные сведения.

Серьезным дефектом рецензируемой книжки является недостаточная популярность языка, которым она написана. Рассчитанная, очевидно, на самый широкий круг армейских читателей, она систематически прибегает к таким терминам, как «флора», «фауна», «реставрация», «пантеон», «аборигены», «ассимиляция» и сотни других, значение которых нигде не пояснено. Не везде выдержана и транскрипция китайских и японских слов: так, название партии «гоминдан» иногда пишется как «ку-мин-дан», так что неопытному читателю может показаться, что речь идет о двух различных партиях. Есть кой-какие промахи географические и исторические: так, на стр. 16 острова Гаити отнесены к Центральной Америке, хотя географы включают их в состав Вест-Индии; на стр. 180 указывается, что империя монголов распалась, начиная с Тимура, тогда как на самом деле последний явился как раз восстановителем этой империи, распавшейся на отдельные части же при ближайших преемниках Чингис-хана. Большинство этих промахов, очевидно, явилось следствием слишком спешной работы по составлению сборника, как это оговаривает в предисловии редактор Б. Шумяцкий.

Во всяком случае, даже при наличии всех этих дефектов, книжка представляет, несомненно, ценное пособие для первоначального ознакомления с политическим состоянием современного Дальнего Востока.

В. Кряжин.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС.

1. В. СТАНКЕВИЧ. Судьбы народов России. *Ц. Фридлянда.* — **2. А. МАРГОЛИН. Украина и политика Антанты.** *М. Рафеса.*

В. СТАНКЕВИЧ: «Судьбы народов России». Изд. И. П. Ладыжникова. Берлин, 1921 г. Стр. 373.

В. Станкевич—лицо видное среди «социалистической» эмиграции. Во всяком случае, Милюков в своей «Истории второй русской революции» и Деникин в «Очерках русской смуты» черпают у него сведения об исполкоме С. Р. и С. Д. Деникин не без удовольствия вспоминает, что В. Станкевич, социалист, поднял перед ставкой вопрос о создании добровольческих офицерских отрядов à la Носке. Но В. Станкевич считает себя демократом, сторонником новой России. «С падением Керенского,—пишет он,—можно сказать, единство России разрушилось автоматически». Для него смысл Октября «не в отпадении частей, а в распадении старой России. Россия не уменьшилась, не сократилась, а вообще временно перестала быть». Таково политическое лицо автора книги «Судьбы народов России»—демократа, социалиста, на чьей стороне симпатии Милюкова и Деникина.

Однако, книга—бесспорно, ценное приобретение. Это—единственное издание, которое дает сводку национальных движений западной, северной и южной окраин России вплоть до наших дней. Это достоинство книги сочетается с дефектами решающего характера. Автор пытается охватить судьбы слишком многих народов, их историю, экономику, наметить перспективы, построить свою концепцию национальной политики, и поэтому в книге мы найдем «по малу обо всем». В. Станкевич в соответствии со своей идеологией ни-

чего не говорит о судьбах народов в России после Октября.

Не подлежат сомнению и империалистические устремления автора. «От живого организма,—пишет он,—отрезана целая треть его; остался обрубок, мертвое туловище, нежизнеспособный калека...» И вся задача книги доказать необходимость «единства России», при решающем значении для судеб народов бывш. империи—Москвы. Это несмотря на демократические оговорки о «самоопределении народов». Его стремление к «единству России», конечно, ничего общего не имеет с нашим взглядом о союзе трудовых народов.

Излагая историю народов, В. Станкевич не дает анализа классовой борьбы. Он—не марксист; все, что касается социальной борьбы, может быть лишь выводом читателя на основании сообщенного материала. Анализируя национальную политику «турок внутренних» царского правительства, автор отмечает: «устойчивый правительственный аппарат мог быть построен только при широком участии всех народов в работе. Из их организованности русская государственность могла почерпнуть для себя животворящие силы». И только. В центре внимания автора остается русская государственность, реформа старого правительственного механизма силами народов России. Но подобный, либерально-буржуазный подход к национальному вопросу не мешает автору считать и российскую буржуазию повинной в националистической идеологии. Мракобесие самодержавия поддерживали П. Б. Струве с его призывами «к беспощадной борьбе с украинством» и Родичев и Милюков. К сожалению, В. Станкевич совсем не уделяет внимания связи между политикой национального угнетения в стране и интересами российской буржуазии.

Национальное движение в старой России началось с 70-х годов XIX ст. Оно формировалось, как классовое движение. Социалистические партии народов России выступали против самодержавия и своей буржуазии. Сепаратистские тенденции боролись с интернационализмом в этих социалистических партиях. В годы революционного подъема победа оставалась за последним: идея интернациональной солидарности побеждала. В годы реакции националисты укреплялись. Но в общем и целом до войны экономическое развитие России привело к сплочению ее народов: буржуазия, как и пролетариат всех национальностей страны солидаризировались. При этом не следует забывать, что с 1906 г. по 1917 г. в социалистическом движении национальных меньшинств, в обстановке крестьянской и мелко-буржуазной отсталости народов, часто проникал яд оппортюнизма. С 1914 г. картина резко изменилась. Война привела к усилению недоверия народов к России, как империи. «Официальные заявления об освободительных целях войны казались иронией на фоне пренебрежения к самым основным и священным правам наций внутри России» (В. Станкевич). Это недоверие усилило сепаратистские течения у некоторых народов, особенно у тех, кто испытал на себе блага российского самодержавия (политика Бобринского в Галиции по отношению к украинцам), или у тех, кто фактически вырвался из царского застенка (Польша). Это недоверие усилилось, а не ослабело вместе с революцией. Временное правительство продолжало довоенную политику Струве и Милюкова. Оно обманывало и озлобляло народы. Этого не хочет видеть В. Станкевич.

В ходе событий войны и революции складывались у угнетенных народов России три общественные силы: буржуазия, социалисты националисты и коммунистические элементы, группировавшиеся вокруг единой российской партии большевиков. У буржуазии и мелко-буржуазных социалистов после Октября появилось новое основание для сепаратистских устремлений, для образования независимого буржуазного государства под эгидой капиталистических правительств Запада. Это—боязнь собственных масс, страх перед социальной революцией. «Стремление освободиться от страшной опасности совместного существования с гибнущим колоссом... Желание во что бы то ни стало освободиться от опеки и воз-

действия диких экспериментов и принудительной социализации новой власти... все это привело к тому,—пишет В. Станкевич,—что в минуту гибели России народы, жившие под ее сенью, почувствовали облегчение и успокоение». Таким образом, классовая подоплека стремления к независимости ясна. Но с постановкой в порядок дня социального вопроса буржуазия независимых народов для большей своей безопасности отдала власть в руки своих социалистов. Последние из-за боязни коммунизма пошли на союз с германским, а потом и антантовским империализмом,—на союз с вооруженной русской белогвардейщиной. Мировая контрреволюция была матерью этих «независимых свободных народов» России. На иждивении у капиталистов Запада, под управлением буржуазных правительств, пришедших на смену социалистам, «эти народы изнемогают под бременем своей государственности: войска, дипломатического корпуса, бюрократии»... (В. Станкевич). Перед ними стоит вопрос о союзе с Россией. С какой Россией?.. Конечно, с Россией «демократической», отвечает В. Станкевич. Народы западной окраины бывш. империи можно теперь разбить на три группы. 1-ая группа: Белоруссия и Украина, Закавказье, связанные с РСФСР; 2-ая группа: Литва, Латвия, Эстония, самостоятельные государства; 3-я группа: Польша и Финляндия. Мы лишены возможности остановиться на подробном изложении судьбы каждого из этих народов в изображении В. Станкевича, мы ограничимся лишь краткими замечаниями. Вот—*Белоруссия*. Население ее разными исследователями-националистами определяется цифрой от 8 до 12 милл. Подвергается сомнению право белоруссов считаться отдельной нацией. В. Станкевич утверждает, что нет основания для размежевывания двух близких и родственных народностей. Но на белоруссов претендуют и поляки и литовцы. Особенно первые. Они оккупировали часть Белоруссии и создают Белопольшу, защищая интересы польского землевладения. Белоруссы, однако, уже лет 40 насчитывают национальное движение. Оно росло вместе с развитием промышленности в этой отсталой стране. После революции те общие причины, которые мы указывали выше, отдали белорусское национальное движение в руки буржуазии и под покровительство немецких оккупантов. Теперь у белоруссов (1921 г.) 6 белых правительств и лишь одно реально-существующее—Советское правительство в Минске; *Украина* по своему значению занимает гораздо большее место. Народ с 40-милл. населением, Украина страна огромных богатств. Царское правительство всеми силами пыталось уничтожить национальное движение в стране, но безуспешно. Оно развивалось, хотя русские либеральные круги сомневались, нация ли украинцы. И В. Станкевич по отношению к ним применяет ту же мерку: украинский народ родственен русскому, а потому... после революции Украина стала ареной жестокой гражданской войны. Ее социалистическая рада, опираясь на мелкую буржуазию в городах и кулаков в деревне, ни в какой мере не представляла городской пролетариат. И в борьбе с большевиками эти социалисты прибегли к помощи к.-рев. войск Германии. Но из-за этого они потеряли свою базу в деревне и после 20 правительств на Украине укрепилась Советская власть. Она единственно прочная при 5 белых «правительствах» Украины. Значительная часть Украины (В. Галиция) остается, как и часть Белоруссии, под «демократической» опекой. В. Станкевич не понимает причин смены 20 властей в Киеве и видит исход лишь в широком и прочном соглашении украинских общественных течений с русской демократической государственностью. Особое место среди народов России занимает *Закавказье*. Невероятная пестрота национальностей сделала его ареной жестокой борьбы между народами. Но среди всей массы населения могут быть выделены три народа: грузины, армяне и татары. Борьба между этими народами не прекращалась и после революции. Вмешательство турок, немцев, а потом англичан, обостряло эту борьбу, определило создание независимых государств в Закавказьи. Любопытна

особенно в этом отношении судьба Грузии. Ее независимость была создана, как это отмечает В. Станкевич, для ограждения страны от большевизма. Назначение Грузии было недвусмысленно выражено в воззвании Закавказского комиссариата: «Оказывать давление на Россию в духе ликвидации гражданской войны в рядах демократии». В этих целях от союза с Турцией Грузия перешла к союзу с Германией, а потом и с Антантой. Она не отказывалась от союза и с Деникиным. Социал-демократы Грузии «вынуждены были усиленно подчеркивать грузинскую самобытность и играть на националистических мотивах, отгораживаясь от большевистской России» (В. Станкевич). Борьба между армянами и татарами, между грузинами и армянами не прекращалась. Только объединение Закавказья Сов. властью принесло замирение между народами. Эта власть и на Украине прекратила еврейские погромы, в организации которых принимало участие «социалистическое» пр-во Петлюры (В. Станкевич). Сов. Россия осуществила и экономическое объединение этих народов.

Литва, *Латвия*, *Эстония*—страны с своеобразным национальным составом населения. Здесь уже нет сомнения в том, особая ли национальность эсты, латыши, литовцы. Это—народы со старой культурой, в них до войны национальное и социалистическое движение было сильно развито (особенно в Латвии). Литва и Эстония—страны крестьянские; Латвия промышленная страна, с большим сельско-хозяйственным пролетариатом. Нам здесь интересно будет отметить судьбу их независимости. Литва должна быть благодарна за свою государственность Германии, Латвии, и Эстония—Германии и русским белогвардейским войскам. Каждая из этих стран имеет свой больной вопрос, исходный пункт военных конфликтов. Так, Литва с Польшей воюет за свое существование и за «свою» столицу—Вильно. Латвия с Эстонией—за гор. Валк, который, как пишет В. Станкевич, «по мудрому Соломонову решению», был разделен пополам между Латвией и Эстонией. Государственный бюджет этих стран обременен огромными военными расходами. Военные расходы Литвы доходят до 65% всех ее расходов. Тяжелым бременем падает на эти народы содержание отдельных дипломатических корпусов. Каждое из этих государств, оторванное от России, не может оформить свое хозяйство. Это хозяйствод еградирует. Послушаем, как изображает хозяйство Латвии В. Станкевич: до войны на каждого жителя России производилось товаров на 30 р., в Латвии на 110 руб. годового промышленного производства страны. Латвия становилась страной чисто-промышленной. Но с провозглашением независимости Латвии предстоит «неизбежный возврат к естественному устойчивому развитию в виде чисто аграрной страны»... Самостоятельная Латвия не обладает средствами, чтобы привести в прежний вид ее порты Ригу, Либаву и Виндаву. Они гибнут... Таков результат самостоятельного государства: экономический регресс. Каждая из этих независимых стран ориентируется на того или другого члена Антанты: Эстония—на Англию, Польша—на Францию. При чем Англия в данном случае, как утверждает В. Станкевич, «сможет приобрести такие же базы для свого владычества в Балтийском море, какие она имеет в Гибралтаре и Адене»...

Но особенный интерес из всех независимых стран представляет Польша. Это—страна, которая больше других была подготовлена к своему национально-самостоятельному бытию. Но при образовании польского государства имели в виду не это. Дело было в том, «чтобы прикрыться от Востока завесой из буферных политических образований, стоящих над гегемонией обновленной Польши». Поэтому ее сделали огромной по размерам. Она занимает территорию в 200.000 кв. километров. «Польша—почти колосс». Но «этнографической опоры эти фантастические пределы не имеют никакой». В некоторых частях страны польское население в меньшинстве. Поляки аннулируют принцип национального самоопределения по отношению к белоруссам, литовцам, украинцам, евреям. Это—российская империя в миниатюре. Ее политическая программа «сочетание реакци-

онных социальных интересов на Востоке с современными демократическими принципами». «Поляки при разрешении национального вопроса считают не на души, а на десятины», пишет Станкевич. И при всем этом экономически Польше «предстоит превратиться в страну, вывозящую сырье и ввозящую фабрикаты, т.-е. в колонию или Германии или Франции». Не лучше дело обстоит и с *Финляндией*. Она спорит со Швецией за судьбу Аландских островов, где финны ничтожное меньшинство, она—реакционный страж севера Европы. Финляндия экономически задыхается.

В. Станкевич в заключение пытается доказать сторонникам «единой и неделимой» необходимость свободы народов. Он пытается убедить защитников «независимости» в необходимости сильной, единой России в общих интересах народов. Это единство свободных народов, уверяет он, будет результатом восстановления России Керенского... Нас его книга может убедить только в одном: разрешение национального вопроса демократией приводит к балканизации Европы и экономическому регрессу. Единство экономическое в сочетании с свободой национального развития возможно лишь при пролетарской демократии. Это вместе с тем предпосылки разрешения и социального вопроса трудовых масс угнетенных народов.

Ц. Фридлянд.

АРНОЛЬД МАРГОЛИН. Украина и политика Антанты. (Записки еврея и гражданина). Издательство С. Ефрон. Берлин. 1921 г. Стр. 400.

Книга—из серии мемуаров белогвардейцев—писана в середине 1921 года, когда политика интервенции шла уже к ликвидации, когда в заграничной эмиграции уже делало большие успехи «сменовеховство». Автор—вне этих влияний. Заняв с момента Октябрьской революции фронт активизма, он стоит на нем до конца.

Положение Арнольда Марголина особенное. Своего рода «белый ворон»—еврей в лагере петлюровской погромной демократии. Автобиография этой «белой», подлинно белой вороны несложна. Сын богатого киевского сахарозаводчика и пароходовладельца, он при щегловитовской юстиции, как еврей-одиночка, пробирается сквозь игольное ушко и получает звание присяжного поверенного. Он—еврей и гражданин, ибо защищает евреев в процессе Бейлиса, а в 1 Думе он—депутат-трудовик. Он—враг еврейского сепаратизма,—так он говорит о себе,—а потому он с начала февральской революции в составе Ц. К. партии эн-эсов. Но в то же время в еврейском вопросе он сторонник территориального решения вопроса: придется, говорит он, найти где-либо в Африке или Америке место, притом малонаселенное, для организации свободного еврейского поселения, — утопизм и национализм в квадрате.

Марголин — типичный белогвардеец по всему восприятию русской революции. Он служил «демократической» раде в качестве члена державного сената, но вот 2 мая 1918 года гетман Скоропадский при помощи немецкого генерала Эйхгорна и посла Мума производит переворот, свергая раду и водворяя ничем неприкрытую диктатуру «помещиков и капиатала». Но «еврей» и «гражданин», «народный социалист» Арнольд Марголин остается на своем посту, вместе с демократом-черносотенцем из щегловитовской школы Шелухиным в сенате гетмана—подлинный сын сахарозаводчика в царстве Протофиса и Суозифа. И позже вся украинская «оппозиция» справа—его родные братья. Нужен глас украинского народа — Марголин кликнет клич к гетману Скоропадскому, к кандидату в украинские короли Василько Вышиванному,—все откликаются. У всех есть общее—это ненависть к большевизму, все они готовы итти вместе и с самим дьяволом, лишь бы получить вооруженную помощь от Антанты для свержения большевизма.

Арнольд Марголин—петлюровец, принципиальный сторонник «самостийности». Это для него, конечно, не программа. Сыну сахарозаводчика не пристало в ко-

нец разрушать старую единую Россию, которая сахарозаводчиков вскормила. Он имеет свою тактическую белогвардейскую линию, из-за которой он разошелся с своей российской партией н. с. и перешел в состав украинских с. ф. («социалистов» - федералистов). По его мнению, свержение большевизма и собирание «разрушенной ими России легче пойдет, если заинтересовать, вовлечь в вооруженную борьбу с большевизмом отдельно организованные «живые силы» каждого района Украины, Кубани, Белоруссии. Петлюровские кулаки, петлюровские банды громил—вот «живые силы» Арнольда Марголина, им на службу он поставил себя и служил им верой и правдой в течение четырех лет и в результате заявляет о себе с гордостью, как о принципиальном адвокате Петлюры. Он заслужил это звание.

Еврей - гражданин - адвокат петлюровских громил — комбинация оригинальная. Чего не сделает с человеком слепая классовая ненависть.

Арнольд Марголин—подлинный «аблакат», ему необходимо во что бы то ни стало черное сделать белым, нужно обелить Петлюру, чтобы обелить себя, ибо слишком уже тесно скрепил он свою идеологию и практику с петлюровской демократией.

Марголин посвящает целых три главы больному вопросу о погромах, при чем освещает их параллельно. Он так вопрос и ставит, какой погромщик выше и лучше: Петлюра или Деникин? Все пускается в оборот. Описываются дикие бесчеловечные выходки деникинских офицеров во всех подробностях, но скромно уклоняется Марголин от описания погромов петлюровских атаманов. Даже проскуровская историческая резня, когда в 12 час. дня по команде отряды шли из дома в дом, вырезывая всех мальчиков и юношей-евреев, заранее записанных в кандидаты на большевиков. Молчанием обойден погром в Тростянце, когда *живыми* закапывали евреев в тут же вырытые могилы или сожгли всех собравшихся в здании синагоги.

Марголин—«аблакат». Он берет на себя смелость утверждать, что погромы Петлюры—все плод хаоса *отступления* его армий перед большевиками, что в периоды нормальные Центральная рада и Директория погромов не знает. Он, наконец, ссылается на заявления, делаемые еврейскими партиями «Бундом» и «Поалей Цион», как на свидетельства хорошего поведения петлюровцев. Все это очень смело, чтобы не сказать нагло. *Не было ни одного дня в Центральной раде* (мы это утверждаем со всей категоричностью), когда евреи и еврейские партии не стояли бы под Дамокловым мечом антисемитизма. Винниченко и Петлюра вымогательством, намеками и угрозами заставляли еврейские партии голосовать за третий и четвертый универсал.

А кто действовал не под влиянием угрозы, тот «свободно» взвешивал влияние своего голосования на рост антисемитских настроений. Забыл «аблакат» Марголин убийства в Киеве в месте пребывания рады «евреев-воинов» Гоголя и Боярского в январе 1918 года, убийства бундистов Гуткина и Линдхайна в марте 1918 года, антисемитские погромы в Броварах и Гребенке в том же марте при «победе» рады над большевиками при помощи немецкого оружия. А погромы в Житомире и Бердичеве в январе 1919 года в первые месяцы Директории и речи Винниченко и Петлюры [1]).

Если Арнольду Марголину хочется до конца остаться петлюровцем, то надо носить и звание погромщика с глубоким нравственным удовлетворением, не обманывая себя, будто Петлюра выше Деникина. Для нас и Марголин стоит на одном уровне с Деникиным. Два сапога—пара.

В книге Марголина интересна и дипломатическая сторона. Из первоисточника подтверждается ряд известий об отдельных моментах политики Антанты. Марголин—в течение трех лет посланник «Укр. Народ. Респ.». В передних многих правительств ведет переговоры со мно-

[1]) Основная ошибка Марголина, что он ставит так называемый «национальный максимализм» на одну ногу с социальным. Дело было наоборот. В борьбе с «социальным максимализмом» петлюровцы, демократы - кулаки, развили шовинизм. Их антисемитизм—плод их социальной природы, был и будет неизбежен.

гими лицами. Он не все еще сообщает, но и то, что опубликовывает, представляет интерес. Марголин приводит документы о признании Украинской народной Республики 2/15 января 1918 года, в разгар брестских переговоров, чем вновь возбуждает вопрос о роли Антанты, санкционировавшей, как будто, подписание радой Брестского мира. В каких целях можно лишь пока догадываться. Подтверждаются переговоры в Одессе в январе 1919 г. с французами о передаче им железных дорог, что так твердо опровергал глава Директории Винниченко на Трудовом Конгрессе 2 февраля 1919 г. Приводится подлинный текст обращения французского правительства на имя петлюровского правительства 19 мая 1919 года, в котором уже тогда от украинцев требуют, чтобы *они объединились с поляками* в борьбе против общего врага. Это объединение было трудно даже для Петлюры, но ему нужны были «пушки, снаряды, митральезы» для военной борьбы с рабоче-крестьянским правительством, и Петлюра идет на этот союз с новым предательством по отношению к Галицийской Украине. Марголин приводит пока лишь первый параграф этого договора, подписанного в Варшаве 21 апреля 1920 года в день начала польского наступления по всей линии фронта. Марголин передает подробности переговоров и с Англией в период падения славы Деникина, но здесь успеху его помешал как он сообщает, Красин.

Печальна повесть петлюровского еврея Марголина. Повсюду его «демократия» в передних сильных мира сего получала одни пинки. Служил Арнольд Марголин верой и правдой, а неблагодарное потомство вспомнит об его работе с той же ненавистью, как о работе всех, кто в годы великой революции в лагере ее врагов ковал лишь цепи для трудящихся.

М. Рафес.

ИСТОРИЯ РЕВОЛЮЦИИ.

1. Ю. МАРТОВ. Записки социал-демократа. *Д. Петровского.* — **2. Виктор ЧЕРНОВ. Записки социалиста-революционера.** *Д. Петровского.* — **3. «Пять лет» (сборник).** *М. Рафеса.* — **4. Н. АЛЕКСАНДРОВА. Артем.** *С. Ингулова.* — **5. «Октябрь на Пресне» (сборник).** *С. Пионтковского.* — **6. П. ДРАУДИН. Октябрь и рижский фронт.** *С. Пионтковского.* — **7. «Пять лет» (сборник).** *Д. Фурманова.* — **8. Ф. САМОЙЛОВ. Воспоминания об иваново-вознесенском рабочем движении 1903—05 гг.** *Б. Павлова.* — **9. В. ФИГНЕР. Запечатленный труд.** *Б. Горева.* — **10. М. МАЙОРОВ. Из истории революционной борьбы на Украине.** *М. Рафеса.*

ЛЕТОПИСЬ РЕВОЛЮЦИИ № 1. Ю. Мартов. Записки социал-демократа. Кн. I. Изд. З. И. Гржебина. Берлин.

Из всех эмигрантских воспоминаний о прошлом наиболее выгодно отличаются записки Мартова. В предисловии к ним автор предупреждает читателя, что он писал записки без предвзятой идеи провести ту или иную «тезу» ни относительно событий, ни относительно своей роли в них. Это—правда. Отличительное качество мартовских записок—их правдивость. К сказанному надо прибавить, что первая книга заканчивается на том периоде, когда «Искра» лишь была задумана. Из письма Ленина Мартов тогда узнал, что затевается «тройственный союз» для решительной борьбы с ревизионизмом и экономизмом. Злая ирония судьбы! Один из этой тройки—Потресов вскоре стал отцом ликвидаторства. Другой—Мартов уже после того, как он составил свои записки, еще тверже стал на путь контрреволюционной борьбы против советов во имя формальной—читай: буржуазной-демократии. Tempora mutantur et nos in illis—времена меняются и люди меняются. Но тогда, на исходе прошлого столетия, Ленин имел полное право приглашать Мартова в тройку, как так

последний радостно шел на борьбу по призыву Ленина «против анти-революционного бернштейнианства, в теории капитулирующего перед буржуазной наукой и постепеновщины, на практике отвергающей образование самостоятельной социал-демократической партии». Автор записок в процессе писания проникся, очевидно, своим юношеским настроением, когда он еще находился вместе с тов. Лениным по одну сторону баррикады.

Конечно, в книге выглядывает иной раз и нынешний Мартов, Мартов—лидер меньшевизма, который пускает колкие замечания по адресу большевиков и Советской России. Но эти замечания бьют мимо цели, и они очень слабо гармонируют с общим содержанием книги. На одном замечании все же стоит остановиться несколько подробнее. Я имею в виду рассуждения Мартова о понимании «Коммунистического Манифеста».

«Манифест,—пишет Мартов,—ослепил меня картиной могучей революционной партии, вобравшей в себя все море страданий трудящегося класса и идущей на разрушение старого мира и завоевание диктаторской власти для блага трудящихся. Все, что говорилось о поступательном движении сменяющихся классов, воспринималось, как некая символика той борьбы партий и идеалов, которую я знал из истории 1793—1794 гг. Короче говоря, в Марксе Коммунистического Манифеста я узрел лишь какой-то синтез Марата, Бланки и Желябова, и все подлинно марксовое в гениальном произведении осталось для меня книгой за семью печатями. Позже, овладев «Капиталом» и выработав в себе марксистское миропонимание, я не мало удивлялся этому умственному дальтонизму своих 17 лет, и лишь теперь в лето от начала мировой войны шестое, наблюдая, как целыми слоями воспринималось учение Маркса и Энгельса, я перестаю удивляться: и впрямь немногим вернее отражается огненная проза Манифеста в мозгах большинства российских и европейских нынешних коммунистов, чем 30 лет назад отражалась в моем еще девственном мозгу и немногим менее идеалистически».

Я позволил себе привести эту несколько длинную цитату полностью. Она крайне характерна. В лето от начала всемирной войны седьмое Маркс уже предстал в глазах Мартова, как синтез из Шейдемана, Носке и Вандервельде. Ведь не даром Мартов санкционировал объединение независимцев с шейдемановцами на основе отказа от завоеваний диктаторской власти (юношеские мечты 17-летнего возраста не подобают зрелым старцам) и признания моральной обязанностью немецкого народа уплатить контрибуцию победной Антанте. В этом умонастроении огненной прозе Манифеста, действительно, не может быть места.

Колебания автора записок сказываются также в характеристике Ленина. Все строки последних глав записок (особенно интересны именно эти последние главы) проникнуты глубочайшим уважением к Ленину. Мартов, конечно, высоко почитает *всю* ту группу «стариков», которая вынесла на своих плечах гигантскую борьбу с наследием народовольчества и заложила фундамент самостоятельной рабочей партии. Характеризуя их, как серьезных, образованных работников, Мартов, вместе с тем, утверждает, что Ленин среди них «играл роль первого между равными». Во всех наиболее серьезных и важных вопросах того времени Мартов неизменно следовал примеру и указаниям Ленина, обращаясь к последнему не только в политических вопросах, но также однажды, в минуту трудную, как к юристу. В момент, когда наметилась первая грань между бернштейнианством и революционным марксизмом, Мартов вместе со своими товарищами в ссылке выработали резолюцию о присоединении к Минусинскому протесту против рабочедельцев, принятому, как известно, под руководством Ленина. Вместе с тем, Мартов сильно старается собрать все факты, умаляющие значение Ленина, сообщая даже не совсем проверенные слухи.

Мы привыкли историю борьбы между меньшевизмом и большевизмом приурочивать ко второму Съезду Р. С.-Д. Р. П., когда обе фракции получили свои крайне своеобразные наименования. По су-

ществу же дела борьба эта является отражением борьбы между революционным марксизмом и бернштейнианством в мировом масштабе, начало которой относится к концу прошлого века. Автор «Записок социал-демократа» хорошо понимает, что выступление Бернштейна означало собой кризис социал-демократии. Любопытно, что в тот момент Мартов не разглядел бернштейнианской сущности русского экономизма и хотел было выступить в его защиту. Ленин первый обратил его внимание на то, что «Рабочая Мысль» замалчивает задачи политической борьбы и, что в связи с выступлением на сцену бернштейнианства, менее всего разумным было бы солидализироваться с «Рабочей Мыслью». Мартов этому совету последовал.

В связи с этим критическим в истории рабочего движения моментом Мартов излагает крайне любопытное письмо своего брата. Последний писал Мартову в ссылку, что «массовое увлечение интеллигенции марксизмом знаменует ее идеологическую потребность найти теоретическое оправдание для своего освобождения от народнических традиций, связывавших ею борьбу с самодержавием за собственные интересы, и что теперь на очереди стоит, очевидно, попытка интеллигенции поставить пробужденный ею рабочий класс на служение этим буржуазно-демократическим интересам». Проницательные слова! Русская интеллигенция на этой попытке потерпела фиаско, но всемирной социал-демократической интеллигенции удалось большую часть рабочего класса поставить на служение интересам буржуазии. А нынешний Мартов, находясь вне рабочего класса России высоко держащего знамя революционной борьбы, благословляет то, чего он так боялся в юношеские годы.

Не знаем, что сулит нам 2-я книга записок. Но относительно первой можно сказать словами автора, что богатый материал его встреч и переживаний может быть интересен и для тех, кто вместе с ним переживали эту эпоху истории России, и для более молодых современников. Скучноваты только первые главы. С момента, когда автор доходит до того периода, когда он уже соприкасается с революционным движением, записки становятся все более интересными. Если не ошибаюсь, в этих записках впервые выявлена роль Вилейской книжки «Об агитации», ознаменовавшей переход от кружковщины к массовой работе.

Д. Петровский.

«Летопись-Революции» № 3. Виктор Чернов. Записки социалиста-революционера. Изд. З. И. Гржебина. Берлин.

С первых строк предисловия В. Чернова к своим мемуарам перед читателем выступает во всей своей красе «провинциальный трагик». В предисловии сделана попытка разделить все человечество на поколения двух родов—на поколения, рождающиеся в светлые эпохи и в мрачные. Невзирая на то, что предисловие украшено стихами Тютчева, читатель все же с трудом поймет, к какому поколению принадлежит автор. Но предисловие, в котором рассказывается о «грозных пиршествах истории», «о могучем развитии неугомонной стихии живой жизни» является как бы сконцентрированным отражением всей книги в целом.

Чтобы дать читателю представление о стиле этих записок, мы позволим себе сделать выдержку из его суждений по национальному вопросу. Автор рассказывает, что в его юношеские годы ему выпало на долю быть связывающим звеном между молодыми людьми различных национальностей, и автор патетически восклицает: «И, казалось, в этой выпавшей на мою долю объединительной роли, в этом нашем дружеском товарищеском микрокосме, не просвечивали сквозь туман грядущего микрокосм—историческая миссия великорусского племени в будущей свободной России—вольной семье, ныне закрепощенных народов»? К вопросительному знаку автора можно было бы прибавить и другие знаки удивления и восклицания, но мы привели эту цитату не для полемики, а как иллюстрацию стиля. Ведь стиль—это человек.

У автора есть еще перлы поярче. С ранних лет он питал склонность к стихотворству, и свои записки он очень обильно украшает стихами, к счастью, чужими. С особым жаром рассказывает автор про свою страсть к поэзии Некрасова. Чтобы резче очертить влияние поэта, автор повествует нам о своем детском патриотизме, который он называет «дарданельским периодом», и заключает: «больше всего минировал эти мои позиции Некрасов. Уже тогда—и навсегда и на всю жизнь—врезались в мою душу его проникновенные стихи:

Новый год—газетное витийство
И война—проклятая война.
Впечатленье крови и убийства,
Вы вконец измучили меня.

Можно было бы подумать, что под влиянием этих стихов Чернов проникся ненавистью к крови и убийству. Ничего похожего. Через несколько строк автор с таким же пафосом восклицает: «пусть изнасилованное властными честолюбцами человечество, как библейская Юдифь, отсечет голову кровавому Олоферну».

Самовлюбленность автора пронизывает записки насквозь и бьет через край. Из всех воспоминаний, появившихся последнее время, наиболее субъективными казались мне воспоминания графа Витте. Они написаны в таком тоне, что получается впечатление, будто старый царедворец написал диссертацию на тему о праве графа Витте занять первое место в русском пантеоне. И все же эти, насквозь пропитанные субъективизмом, воспоминания дают широкую и крайне поучительную картину сумерек старой России. А Чернов своим «я» покрыл буквально все триста тридцать девять страниц своих записок. Он не только рассказывает нам о том, как его ценили друзья, как один крестьянин готов был пойти в тюрьму, чтобы спасти его, Виктора. Он с большим самодовольством повествует даже о том, что девицы какого-то кружка прозвали его «милым медвеженком».

Этот «милый медвежонок» уделяет много внимания студенчеству, их кружкам, вечеринкам, сходкам и т. д. Усиленно занятый собой, он с поразительной ясностью показывает, что абсолютно не понял, что под флагом марксизма выступали две группы, первая, эта та, которую так правильно охарактеризовал брат Мартова, и вторая, из которой сложилась Российская Коммунистическая Партия. В этой части записок Чернов рассказывает о диспуте Ленина с В. В. (В. П. Воронцов) по вопросу о судьбах капитализма. К сожалению, у Чернова вообще нет дат. Такие мелочи автора не интересуют. Но, по всей видимости, об этом самом собрании рассказывает и Мартов, правда, с чужих слов. По Мартову, выходит, что молодой Ленин испугался эрудиции В. В. и сбежал, а по Чернову, присутствовавшему на собрании, получается, что Ленин отвечал «очень успешно и деловито, слегка насмешливо и хладнокровно».

Интересны страницы записок, посвященные Зубатову. К сожалению, никак не различишь, где правда и где фантазия. Насколько мне известно, Зубатова всегда рисовали ловким дельцом, а в записках Чернова он выступает в роли краснобая.

В общем и целом «Записки социалиста-революционера» вряд ли представляют какой-нибудь серьезный исторический интерес. Но они, бесспорно, ценны, как материал для характеристики «селянского министра». Впрочем, в этой книге имеются и некоторые пикантные рассказы об его сподвижниках, из которых один приветствовал Колчака возгласом: «да здравствует адмирал Колчак—русский Вашингтон», а другой стал усердным работником в деникинской армии. Таких фактов мы и без Чернова знаем достаточно много, но в записках лидера эс-эровской партии они приобретают особое значение.

Д. Петровский.

ПЯТЬ ЛЕТ. Сборник статей и воспоминаний, посвященных пятой годовщине Октябрьской резолюции. Изд Агитпроп'а. Харьковск. Губкома К. П. (б). У. Харьков. 1922 г. Стр. 112.

Это одно из удачных местных изданий, посвященных 5 годовщине. Хотя и издана книга в Харькове, в столице У. С.

С. Р., но составлена почти исключительно силами местной организации. К тому же сборник вышел к сроку, не в пример многим московским изданиям, посвященным пятой годовщине.

В первой части книги—обзоры пятилетия. Тов. Гладнев посвящает передовую взаимоотношению между русским «Октябрем» и мировой революцией. Констатировав, что «в настоящее время мировой революционное движение переживает известный период упадка», автор напоминает, что отсталость рабочего класса на Западе—лишь временная, что «мировая революция *перед новой волной*». Интересна статья т. *Диманштейна* «О мелко-буржуазной идеологии», в которой дается анализ мелко-буржуазных партий периода пятилетия и вскрываются причины их жестоких поражений. Статья т. Н. Рабичева о Красной армии выявляет основные тенденции в развитии военного строительства Советской власти, «отказавшейся от милиционной системы, но сохраняющей и развивающей у себя лучшие и важнейшие стороны этой системы».

Во второй половине книги—воспоминания участников октябрьского переворота, вернее, *местных октябрьских событий.*

Надо вспомнить все особенности этой восточной окраины на Украине, в ее близком соседстве с контр-революцией на Дону. Надо вспомнить, как мало внимания уделялось и уделяется истории украинской революции и контр-революции, чтобы оценить все значение этих местных воспоминаний.

В статьях и очерках мы находим и характеристику внутренней жизни подполья до революции и при гетманщине: харьковская организация характерна разногласиями по вопросу об отношении к местным меньшевикам—левое крыло меньше изма—и там, наконец, изжитым в виду выявившегося поворота вправо последних. Затем идет статья тов. Магидова «об организации Донецко-Криворожской советской республики в Харькове,—немногие в Советской России знают об этой полосе, как центре для мобилизации пролетарских сил этого промышленного района. Много приведено биографического материала о председателе этой Донецко-Криворожской республике тов. Артеме (Сергееве), погибшем в прошлом году. Ценны рассыпанные в ряде статей данные о местной «Красной гвардии и военной борьбе под руководством главкома Украины тов. Антонова-Овсеенко против наступавших немцев. Харьковскому истпарту удалось спаять участников гражданской войны. Любовным отношением к погибшим от ударов многоголовой украинской контр-революции проникнуты все воспоминания товарищей, соединенными усилиями восстанавливающих всю картину борьбы и освещающих роль отдельных заводов и районов

М. Рафес.

Н. АЛЕКСАНДРОВА. Артем. Биографический очерк. Государственное Издательство. Москва 1922 г. 176 стр.

Это был большевик,—тот большевик, которым не делаются, а рождаются, который еще только ждет своего революционного Гомера. Именно с него, с Артема, будут писать современные беллетристы своих героев русской революции. Уже и сейчас, не дожидаясь появления певцов нашей бурной революционной эпохи, сами рабочие складывают свои песни об Артеме. Донецкий шахтер, харьковский паровозник, уральский металлист—они ближе, чем кто-либо другой, усвоили душу Артема, «они лучше помнят его, они уже слагают о нем предания», сообщает автор.

Ибо его жизнь не просто протекала среди них, а крепко-накрепко срослась с жизнью этой массы рабочих украинских и уральских заводов.

Это—тот большевик, который знал только две формы отдыха—в подполье в тюрьме, при советской власти—во время болезни. Кажется, только у нас, в России, с ее уродствами абсолютизма, с ее феодальным, средневековым укладом политической жизни при царе, смог выработаться этот тип революционера, одна биография которого в состоянии натолкнуть на идею о «революционном Пинкертоне». Как это еще никто не додумался жизнеописание Артема обратить в огромный роман с продолжениями, выходящий отдельными выпусками,—в роман, который в смысле воспитания в юноше-

стве подлинного пролетарски-революционного духа окажется куда более действительным средством, чем, может-быть, даже бухаринский призыв к комсомольцам чистить ногти и не курить.

Конечно, не Истпарту заниматься сочинением этих романов, это больше подстать «Московскому Рабочему» и «Красной Нови» (не журналу, а издательству), но Истпарт, выпустивший биографический очерк об Артеме, должен продолжить эту работу и сделаться поставщиком «сырья» для «Московского Рабочего» и для «Красной Нови»,—уж эти издательства в своих редакционных лабораториях сами переработают истпартовский материал. И вовсе не обязательно писать лишь об умерших героях революции—пусть молодежь учится не только уважать наших вождей, но жить так, как жили они.

В самом деле, если бы жил среди нас свой красный Понсон дю Террайль, удержался бы ли он, чтобы не воспользоваться биографическим очерком об Артеме, как материалом для большой, захватывающей повести. Ведь Артем, в известном смысле, даже символическая фигура. Он появляется то во Франции, то в Швейцарии, то в Австралии, то в Японии, то в Китае, то на Филиппинских островах. И каждая страна для него то же, что любой завод,—всюду у него свои, всюду он свой. Чем был для Артема завод?—не только полем большевистской агитации, а и домом. Он жил на заводах, именно заводах, а не заводе. Приходилось одну ночь проводить на нескольких заводах — первый обрывок ночи на паровозостроительном, второй в вагонных мастерских, третий на Русско-французском. И всюду—желанный. Рабочий А. Пирог такой случай рассказывает об Артеме:

«Заболел тов. Артем и лежал на Журавлевке (в Харькове. *С. И.*) у одного рабочего,—не помню его фамилии. И вот шпионы напали на его след. И ждали, что жандармы его захватят. И вот рабочие решили спасти его и перенесли его на руках с Журавлевки на Павловку ночью и спрятали его». Если бы потребовалось понести его на Петинку (в другой конец Харькова—несколько верст), понесли бы. И там приняли бы с радостью. Потому что он всюду, на всех рабочих окраинах,—свой. Он—без квартиры. Так и жил. Сегодня в Иваповском районе, завтра в основянских мастерских, послезавтра на Журавлевке. Автор рассказывает:

«Артем—в глазах рабочей массы—апостол рабочего дела, но он и по внешности живет, как апостол, как «птица небесная». Он не имеет ни денег, ни свободной одежды, ни крова; у него нет угла, где он мог бы остаться один и отдохнуть. Он ночует в чужих квартирах и постоянно их меняет, потому что за ним неустанно охотятся жандармы и полиция. Преследуемый охраной, он иногда уходит от нее ночью в поле и ночует под открытым небом. После одной такой бесприютной ночи он явился с простреленным пальто: его ловили казаки. Другой раз, уходя от погони, он провел ночь в камышах, и, явившись с рассветом на квартиру товарища, по свойственной ему скромности и нерешительности, промокший и усталый, заснул на дворе, чтобы не потревожить сна других. Шпики, жандармы, полиция гоняются за Артемом буквально по пятам: ловят на улицах, в заводах, массовках».

Но он неуловим. Это один из наиболее талантливых конспираторов. Он так же легко и быстро меняет свою внешность, как и профессии, как и квартиры. Вот он помощник машиниста, вот он санитар, вот он служанка Сабуровой дачи, вот он буйный больной в психиатрической лечебнице, вот он слесарь, вот он сушильщик кирпича, вот он прапорщик, проходящий через кольцо ловящих его солдат и полицейских и усиленно ему козыряющих. Он даже представитель от низшего персонала в совет Сабуровой дачи.

Так и на Украине, так и на Урале, так и в тюрьме, так и в ссылке, так и в побеге. Всюду неутомим, всюду в атмосфере любви, доверия и симпатий и всюду—агитатор. В пути, в Александровской пересылке, застало 1-е мая. Артем читает реферат об интернационале, грызет меньшевиков. Издает журнал. Рабочие чего-то не усвоили—Артем «сидит с ними неделю, дни и ночи, пока не добивался полного понимания».

Так и в эмиграции. Ему все равно, среди каких рабочих жить. В Китае

(Шанхае) он кули, разносчик хлеба, чернорабочий, приказчик, в Австралии работает на железной дороге, на земляных работах, береговой рабочий. Возвратился в Россию после февральской революции—опять слесарь в Харькове. У него было много профессий, потому что у него основная профессия была совсем не та, которая за ним числилась: он был профессионал-партиец.

Хорошо сделал Истпарт, что издал эту книжку. По ней наши молодые товарищи, не прошедшие школы подпольной учебы, многому смогут научиться. Но жизнь, самоотверженные приключения и революционный героизм покойного Артема еще ждут своего художественного воплощения.

Ибо Артем—наиболее типичный и наиболее яркий образ коммуниста-большевика, литого, цельного, плоть от плоти класса, сделавшего величайшую в мире революцию.

С. Ингулов.

ОКТЯБРЬ НА ПРЕСНЕ. Воспоминания. Издательство «Красная Новь». М. 1922 г. Стр. 102.

В настоящее время определенно можно утверждать, что для истории октябрьских дней в Москве имеется почти исчерпывающий материал. Три объемистых тома воспоминаний и документов дают возможность восстановить довольно детально яркую картину московских боев пролетариата за власть.

К этим изданным уже материалам много интересного прибавляет книжка «Октябрь на Пресне», также составленная из воспоминаний. В ней даны воспоминания районных руководителей и рядовых бойцов,—воспоминания людей, стоявших чрезвычайно близко к пролетарским массам Москвы.

Первое достоинство этого сборника—он дает точный и подробный материал, обрисовывающий самый ход борьбы в определенном месте. Точно устанавливается, где помещался ревком, откуда, как, по каким улицам шло наступление пролетариата; где происходили стычки и бои, какие дома были заняты белыми, и как их брали. Эта географичность, если так можно выразиться, это конкретное указание места и времени события, и описание самого события делает книгу «Октябрь на Пресне» исторически ценной. Для описания борьбы пролетариата в Москве она безусловно необходима.

Но в ней имеются и другие ценные сообщения и данные. Она лишний раз подтверждает показания других источников, что пролетариат выступил против вооруженного до зубов противника сильный только своим духом. Оружия не хватало, его приходилось добывать в борьбе. «Перед выступлением во всем районе было 4—5 старых ружей, да и те не все работали», сообщает, например, т. Батышев о Сущевско-Марьинском районе. «Все наше вооружение состояло из 3—4 винтовок разных систем, плохо стрелявших, да нескольких штук патронов, да пары револьверов», рассказывает т. Бобров (Сергеев) о Бутырском районе. Но если мало было оружия, то необыкновенно стойким и тесно спаянным в одно единое целое был дух пролетариата; к оружию, к борьбе кинулись все, и партийные и беспартийные. Рабочие целыми заводами становились под знамена восстания, создавались боевые дружины сплошь из непартийных рабочих. «Вечером же ревком приступил к организации боевой дружины. В нее записывались тт. с окружающих заводов и мелких предприятий... Набралось 90 человек—почти все беспартийные, но знавшие, какая партия стоит во главе их. Так было в Всехсвятском районе. На военно-артиллерийском заводе, рассказывает товарищу рабочий этого завода, рабочие, встревоженные уходом коммунистов и им сочувствующих, остановив работу в мастерских, быстро заполнили весь двор. Не успели мы взобраться на заводскую трибуну, как со стороны центра началась ружейная и револьверная перестрелка. Объяснили рабочим важность происходящих событий и призывали их на баррикады, где мы должны или победить, или умереть. Этот призыв был так близок рабочим, что многие, в особенности женщины, плакали. Как будто электрический ток пробежал по этой двухтысячной массе.

Порыв масс был так велик, что увлек многих наших противников, меньшевиков и с.-р. Вся эта масса, организованная в десятки, быстро направилась в распоряжение Бутырского и Сущевско-Марьинского ревкома. Небольшая часть была оставлена для охраны завода».

Немного, но ценных данных, дает книга и по периоду, непосредственно предшествующему Октябрю. Сейчас же после корниловщины стало падать влияние соглашателей в пролетарских рядах. «В середине сентября большинство рабочих Пресни было на нашей стороне,—пишет т. Г. Беленький.—В сентябре же переходит в руки большевиков и районный совет. Этот переход масс и переход рабочих организаций на платформу «вся власть советам»—совершался в сентябре повсюду, по всей России».

Небольшой сборник «Октябрь на Пресне» имеет большой исторический интерес.

С. Пионтковский.

П. ДРАУДИН. Октябрь и рижский фронт. Москва. 1922 г. 63 стр.

Среди довольно большого количества литературы воспоминаний и документов, посвященных различным эпизодам Октябрьской революции нет почти ничего, освещающего историю событий революции в армии, на фронте.

О том, как приняла солдатская масса февральские дни, что переживала она в периоде от февраля до октября, как прошел на фронте октябрь известно поразительно мало. Это уже одно привлекает внимание к книжке Т. Драудина. Но она имеет и свои неоспоримые достоинства. В ней дан ряд документов, напечатан ряд постановлений, воззваний и резолюций, издававшихся одной из крупных армейских организаций. Док менты говорят сами за себя. Т. Драудин снабдил их живым очерком событий и обстоятельств, уясняющих обстановку, в которой издавались печатаемые в книге документы. Как небольшое собрание неизвестных и забытых документов, книга имеет неоспоримый интерес.

Но автор имел целью дать не издание документов, а исторический очерк. Здесь дело обстоит несколько хуже. Целый ряд положений не обосновывается фактами.

Лучше всего удались автору III, IV, и V главы—непосредственное описание Октября на рижском фронте; здесь и приведено много документов, и картина непосредственной борьбы за центральную армейскую организацию и внутри нее дана интересная и живая.

Весь исторический очерк носит мемуарный характер, и этим объясняются его недостатки—«дать общую картину событий конца 1917 года в XII армии»—автору не удалось.

Невыдержанность формы (воспоминания или исторический очерк?) вредит книге. Несмотря, однако, на это, она все же интересна. В ней даются данные не только по истории Октября в армии, на рижском фронте, но бросается свет и на подготовку к Октябрю,—рассказ о приезде Антонова-Овсеенко в Валк на конференцию и о борьбе, вспыхнувшей в послеоктябрьские дни.

С. Пионтковский.

«ПЯТЬ ЛЕТ». (1917—22—7-XI). Изд. В. Р. С. Туркфронта. Стр. 75.

Эта небольшая юбилейная книжка предназначена «Красноармейцу Туркестанского фронта к пятой годовщине Октябрьской революции», но интерес она имеет несравненно более широкий.

Очень дельная, очень нужная, полезная книжка. От февральских дней 17-го года вплоть до последнего времени она проводит нас по всем этапам и борьбы и строительства Советской России.

Здесь дается не простой хронологический перечень (в иных местах, впрочем, неизбежный), а наиболее крупные события анализированы и соответствующим образом оценены. Эту книжку «юбилейной» можно, впрочем, назвать лишь условно,—потому, что она приурочена к пятой Октябрьской годовщине, а по существу своему это—«краткая история пролетарской революции за пять минувших лет»—в этом ее сила, в этом и ценность: такими связными, отлично и правильно изложенными, достаточно

полными историческими очерками погордиться мы еще не можем,—их нет, их ждем. Разбираемая книжка—первая ласточка. Популярность изложения делает ее безусловно пригодной к распространению в красноармейской массе, а связность, серьезность и значительная полнота материала наводят на мысль о переиздании и более широком распространении; очень может быть, что в последнем случае некоторые места потребуется видоизменить (пополнить материал по «деникинскому» фронту, безусловно расширить очерк «кубанской контр-революции», сократить «восточный» отдел и т. д.).

О самом «Октябре» материала дается не особенно много, больше речь идет о событиях послеоктябрьских, но это и хорошо, поскольку сама книжка является краткой историей революции, а не «сборником воспоминаний».

Дм. Фурманов.

Ф. Н. САМОЙЛОВА. Воспоминания об иваново-вознесенском рабочем движении 1903—5 гг. С предисловием О. А. Варенцовой. К миссии по истории Октябрьской революции и Р. К. П. (больш.). Госуд. Издат. Москва. 1922 г. Стр. 88.

История рабочего движения в таком крупном промышленном центре, каким является Иваново-Вознесенск, привлекает к себе в последнее время усиленное внимание. В печати появился ряд материалов, статей и воспоминаний, относящихся к истории политической и экономической борьбы иваново-вознесенского пролетариата и освещающих отдельные моменты этой борьбы. Имеется и общий очерк местного рабочего движения, начиная с середины 70-х годов. К сожалению, этот очерк доведен лишь до 1905 г. Мы имеем в виду изданную в 1921 г. во Владимире книжку В. Смирнова (Малкова): «На заре рабочего движения гор. Иваново-Вознесенска». Несмотря на это, приходится признать, что в прошлом местного пролетариата имеется целый ряд моментов, недостаточно освещенных или даже не получивших пока еще совершенно освещения. Мы еще очень далеки от того, чтобы иметь достаточно материала для составления очерка, посвященного истории местного рабочего движения и претендующе о более или менее на полноту. В виду этого представляется весьма важным собрать, пока не поздно, воспоминания оставшихся в живых участников иваново-вознесенского движения.

Таким именно непосредственным участником является автор рецензируемой брошюры. Рабочий по происхождению, он с 1903 г. принимает участие в деятельности иваново- вознесенской социал-демократической организации. Ф. Н. Самойлов был рядовым членом ее, а не вождем. Не имея тесных связей с центром организации, он не мог дать в своих воспоминаниях и не дал подробного освещения ее деятельности. О. А. Варенцовой, снабдившей рецензируемую брошюру небольшим предисловием, пришлось дать ряд важных дополнений и поправок к изложению автора. Зато автор хорошо знал все, что происходило в рабочей среде. Об ее настроениях и переживаниях в течение бурных 1903 — 1905 годов он и рассказал. Воспоминания его имеют тем большее значение, что в вышеназванной книжке Смирнова 1905 году уделено не пропорционально мало внимания. В течение этого года в Иваново-Вознесенске имел место ряд событий весьма важного значения. Таким именно событием была продолжительная и напряженная стачка иваново-вознесенских рабочих, начавшаяся в середине мая 1905 г. и привлекшая к себе внимание всей России. Таким же событием было возникновение во время этой стачки направляющего ее органа в лице избранного рабочими совета депутатов. Как обратил внимание Н. И. Подвойский в статье об этом совете, помещенной в № 2—3 «Историко-Революционного Бюллетеня» за 1922 г., и как подчеркивает автор брошюры, совет этот был первым представителем той формы организации рабочих, какая получила столь широкое распространение в 1905 г. и во времена переживаемой нами великой революции. Большой интерес представляют также события, развернувшиеся в Иванове в течение октября 1905 г.

Автор брошюры подробно рассказывает о настроении рабочих накануне и на другой день после манифеста 17 октября, о погромной агитации черной сотни, о демонстрациях, происходивших на улицах города и т. д. Все это представляет большой интерес и дает ряд ценных дополнений к рассказу Смирнова.

Брошюра написана очень живо; читается легко и заслуживает широкого распространения.

Б. Павлов.

ВЕРА ФИГНЕР. Запечатленный труд. Том II. Когда часы жизни остановились. М. 1922. Из-во «Задруга». Стр. 240.

Если первый том воспоминаний Веры Фигнер, несмотря на отмеченный ее современниками и товарищами ряд неточностей, представляет огромный *исторический* интерес, как свидетельство одного из наиболее авторитетных участников революционного движения 70 и 80 годов, работавшего притом без тюремных перерывов,—то второй ее том, охватывающий 20 лет одиночного заключения в Шлиссельбургской крепости, имеет исключительное *психологическое* и *воспитательное* значение.

Ужасы бессрочной одиночки, страдания, болезни, сумасшествие находящихся тут же, за каменными стенами, близких товарищей, расстрелы протестантов, борьба с грубым произволом и бездушным формализмом тюремного начальства,—борьба за то единственное, что осталось у шлиссельбургских узников, за их человеческое достоинство, наконец, радости тюремной дружбы,—все это рассказано с той глубокой искренностью и благородной простотой, которые так отличают писательскую манеру Веры Фигнер.

Значительная часть настоящего тома была уже в свое время напечатана отдельными отрывками в разных сборниках и журналах. Но теперь, собранные в целом томе, эти тюремные воспоминания дают яркую картину высокой душевной красоты одной из наиболее выдающихся русских женщин и, несмотря на весь ужас Шлиссельбурга, оставляют в душе облагораживающее и очищающее чувство умиления перед этой красотой, как и перед всей глубокой драмой, пережитой мужественными борцами за свободу России—в каменных мешках Шлиссельбургской крепости.

Такие книги, как «Запечатленный труд», на ряду с «Записками революционера» П. Крапоткина и «Подпольной Россией» Степняка,—книги, написанные прекрасным русским языком и имеющие глубоко-воспитательное значение, должны стать *настольными книгами для чтения* нашего юношества, должны иметься в каждой школе 2-й ступени и каждом рабфаке. Это—не просто воспоминания, хотя бы и видных революционеров. Это больше, чем «Мои темницы» Сильвио Пеллико. *Это—драгоценный вклад в русскую литературу.*

Б. Горев.

М. МАЙОРОВ. Из истории революционной борьбы на Украине (1914—1919), Державне видавництво, Київ, 1922 г. Стр. 110. С портретом автора.

В своем предисловии Госиздат, очевидно, Украинский, отмечает, что «история революционной борьбы на Украине до сих пор еще мало освещена». Это верно. Но необходимо отметить, что уже большим преувеличением звучит второе заявление, что «будущим исследователем очерки будут использованы как *первый камень* для построения научной истории революции на Украине». Отдельных монографий по этому вопросу вышло несколько как на русском, так и на украинском языке.

Самой ценной частью книги являются первые 9 глав, охватывающие период подпольной работы партии большевиков в военные годы. Автор очерков сам был членом Киевского Комитета партии и описывает этот период с большой любовью. Перед читателем проходит борьба в профсоюзах между оборонцами и большевиками, к которым примкнули и интернационалисты типа Дм. Чижевского, позже перекинувшиеся

в правый лагерь. Борьба вокруг военно-промышленных комитетов за и против участия и т. д.

Историческую ценность имеют сообщения автора о моменте октябрьского переворота в Киеве, когда местная организация большевиков не без внутренних трений решила использовать Центральную раду в борьбе против керенщины. Впервые в литературе освещается геройская борьба самих киевских рабочих, особенно арсенальцев, опровергающая басню о том, будто Советская власть привнесена на Украину извне. Такую же ценность имеют сообщения в период господства гетмановщины, когда большевики в подполье подготовляли восстание и еще в августе 1918 года опубликовали приказ № 1 с прямым призывом к восстанию. Здесь отнимается пальма первенства у Винниченки и Петлюры в деле поднятия восстания против гетмановщины.

В описание периода борьбы между Директорией Винниченки-Петлюры и надвигающейся властью советов также внесены существенные детали выявлением разногласий внутри руководящей партийной группы на Украине по вопросу об отношении в Директории и освещением террора Коновалеца против коммунистов в Киеве.

В общем надо отметить, что самое ценное в книге—описание периодов подполья—в этом и заключается тот вклад, который внесен тов. Майоровым в историю революции на Украине.

М. Рафес.

ФИЛОСОФИЯ.

1. А. БЕЛЫЙ. О смысле познания. *Г. Баммель.* — **2. О. ШПЕНГЛЕР. Пруссачество и социализм.** *Ц. Фрідлянда.* — **3. П. БЛОНСКИЙ. Современная философия.** *Г. Баммеля.*

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ. О смысле познания. Изд. «Эпоха». Петербург. 1922. Стр. 74.

Бессилием понять современность и отсутствием современности в самом творчестве философствующего поэта запечатлены последние книги Белого. Ничего нового нет в рецензируемой книжице. Чтобы получить о ней представление, достаточно взять немного упорного игнорирования элементарных правил логики, немного непонимания того, что такое философия, немного психологии, выпирающей ненавистью к «абстракциям» и «схемам», немного православного богословия, вычитанного из евангелия Иоанна, затем 74 страницы белой плотной бумаги и прекрасного типографского шрифта. В результате довольно безвкусная, вышедшая из кухни Штейнера, стряпня из интуиции, имагинации, медитации, инспирации и всяких прочих махинаций над евангельской чертовщиной. Пустейшая терминологическая игра голыми словами, лишенными связного выражения и смысла.

Для Б. наука—«творчество призраков», доказательство—«убийство факта». Наука «возжаждала раскромсать все явления и из мельчайших частиц воссоздать манекен, орудия опыта становятся орудием пытки; доказать—стало значить: кромсать на мельчайшие части, из частей сложить манекен, лживую пародию фактов»... «Мы должны отрешиться от взглядов: представление о материи, силе, числе, о причинности, основании сути, возможности, бытии, необходимости, истине и действительности.—все должно быть отвергнуто». «Интуитивно построенный познавательный акт... есть собственно творение вселенной в трех моментах своих—создание в Боге человека и мира, выпадение человека и мира из божественных недр, соединение человека и мира».. Все это пишется для того, чтобы доказать, что познание имеет смысл и что этот смысл выразим таким образом: «Мы сами—вос-

ставшие в Духе и Истине. Мы—в Боге родимся. Во Христе—умираем. И восстаем в Святом Духе. Три момента в познании есть Триединство. Познавательный акт отображает его».

Что А. Б. вообще дилетант в философии, это ясно; доказывать—это значит ломиться в открытую дверь; и дело даже не в той дребедени, которую он несет в своих размышлениях о Канте и о некоторых вопросах логики. Напротив, любопытно впечатление, которое книга производит на серьезного читателя. Не может быть никакого сомнения, что идеологические обручи, сдерживающие умственные клепки апологетов «христологии», распались и разлилась мутная водица православного катихизиса из откровения Иоанна. Так идеология переходит в «ангелологию», чтобы употребить выражение Белого.

Г. Баммель.

ОСВАЛЬД ШПЕНГЛЕР. Пруссачество и социализм. Петербург. Academ. 1922 г. 70 стр.

Широкие массы читателей не смогли и не смогут ознакомиться с книгой О. Шпенглера «Закат Европы»: слишком для узкого круга она предназначена. Но для знакомства с кругом идей автора достаточно будет внимательно прочесть второе «маленькое сочинение» О. Шпенглера: «Пруссачество и социализм». Оно возникло из примечаний, предназначенных для второго тома «Заката Европы». Автор формулировал в книге свое политическое credo, мы скажем даже больше: свое общественное мировоззрение. И надо благодарить О. Шпенглера, он сделал это достаточно ясно. Пред нами во всей наготе своей идеология реакционера. Эта реакционность—«стиль души» автора, она придает всей системе стройность и монизм. По красоте построений, художественности изложения, остроте психологического анализа и особой способности к метким историческим характеристикам, О. Шпенглер величайший идеолог реакции. Можно было сомневаться в этом после «Заката Европы», нет никаких сомнений теперь, после книги «Пруссачество и социализм».

О. Шпенглер знает, в чем основной грех современной Германии—это: *9 ноября*. «9 ноября бессмысленнейший акт немецкой истории», пишет он. Грехопадение началось еще в 1917 г., когда монархия сделала первую уступку демократии. Он—монархист до мозга костей, его идеал—«социалистическая монархия». Народы Европы, и в этом смысл заката эры цивилизации, идут к цезаризму. «Он наша судьба, как был судьбой римской, китайской и всех зрелых цивилизаций». Для философа реакции сущность истории в борьбе государств, которая есть «история войны». «Война,—замечает он,—вечная форма высшего человеческого бытия».

О. Шпенглер—пруссак, а не немец; пруссачество—кульминационный пункт немецкого духа. Он верит в миссию своего народа. «*Старо*-прусский дух и социалистическое настроение,—пишет он,—которые в настоящий момент ненавидят друг друга ненавистью братьев, суть одно и то же». Германии присуще стремление к расширению. Она хочет подчинить себе весь мир. О. Шпенглер—певец 1914 г. Он восторгается экспансией немецкого «духа». «Настоящая революция только та, где участвует *весь* народ; настоящая революция,—это *один* вскрик, *одна* железная схватка, *один* гнев, *одна* цель... Именно такою была немецкая социалистическая (?!) революция в 1914 г.». Политическая реакционность, шовинизм и мессианизм у Шпенглера сведены в одно целое и возведены в философию. Либерализм—английская идея, французы—демократичны, а потому анархичны. Только немцы признают первенство идеи государства. Для них: «*целое суверенно*». Но этот мессианизм—часть общей философии О. Шпенглера». «Каждая из культур завершена в себе самой и независима». «В глубине каждой культуры покоится одна *идея*». Как ни различна история каждого из народов, как ни сходны подчас они, «но судьба каждого из народов есть нечто единое». Такова монистическая система реакционной философии. Где корни ее? Здесь интерес и своеобразие О. Шпенглера. Он соединяет в себе противоречивые элементы ушедшей феодальной, рыцарски-дворянской эпохи и последнее слово авторитарного капита-

лизма, империализма. Послушаем Шпенглера. «Сословие есть этическое понятие выражение *идеи*»... Только в Англии классы основаны на разнице состояний. В Пруссии классы отделяются друг от друга положением, большей долею власти и повиновения, *рангом*. Сословия, а не классы,—основа общества в Пруссии. Быть свободным и служить—идеал пруссака, богатство — идеал буржуа-англичанина». Поэтому одежда английского джентльмена — штатское платье, а ее противоположность — прусская форма. Вот мировоззрение и мироощущение юнкера, возведенное в ранг философии.

Но послушаем дальше. В нас живет, по мнению Шпенглера, фаустовская воля и власть к неограниченному мировому господству в военном, хозяйственном и интеллектуальном смысле.

В соответствии с этим объектом современного империализма является весь земной шар... Чего мы хотим, должны хотеть все. Поэтому все и все—должны либо приспособиться к нашему политическому, социальному и хозяйственному идеалу, либо погибнуть». Не это ли идеология империализма? И когда он противопоставляет минимуму государства (Англии) максимум у государства (Германия), не имеем ли мы здесь своеобразную комбинацию феодальной и империалистической идеологии?

Нас не должна удивлять эта историческая смесь. В кульминационном пункте своего развития империализм возрождает авторитарность феодализма. Обе исторические формы сосуществовали несколько десятилетий в Германии и теперь, при распаде капиталистического строя, комбинат обнажился и дал человечеству Шпенглера —этот символ единства реакционных сил Германии.

В полном соответствии со всей своей концепцией О. Шпенглер говорит о борьбе «двух душ» в душе немецкого народа: английской (либерализма) и германской (социализма). Для него в Германии имеются лишь две партии: консерваторы и социалисты. Но обе эти партии социалистичны. Он пишет: «*Обе социалистические партии* Германии должны объединиться против врага их общей идеи, против *внутренней Англии*, капиталистически-парламентарного либерализма».

Шпенглер ненавидит либерализм и находит в своем художественном арсенале много метких стрел для него. «В Германии, где партии выступают перед населением с идеологическими программами, биржа взяла себе на службу либералов, тяжелая промышленность — национал-либералов. Деловой, либерализм приветствует парламентаризм, как самый удобный и дешевый способ подчинить политику конторе, а государство— спекулянтам». Вот историческая параллель: «Под символом черно-красно-желтого флага... были возобновлены все глупости церкви св. Павла (Франкфуртское собрание 48 года *Ц. Ф.*), где политика была точно так же не делом, но болтовней, принципом»... Либерализм—продукт английского строя. И только общественный строй Англии—результат классовой борьбы, в Пруссии все—акт мудрого законодательства.

Политической системе либерализма соответствует хозяйственная система. Это—система торговли в интересах отдельных лиц; как рантье есть тип французской хозяйственной жизни, а государственное управление хозяйством— русский принцип. Это органическое противоречие между Англией и Пруссией заметно и в их идеологии. Для Англии—Бентам, т.-е. утилитаризм, для Германии Кант, т.-е. категорический императив. «Трон и алтарь»—в этой формуле прусский дух постигал мировую идею, а в Англии — парламентаризм и религиозное безразличие. Нет примирения между ними: «война будет продолжаться вплоть до тех пор, пока один из них не одержит решительной победы».

Либерализм — «историческая случайность, подобно империи Людовика XIV и Наполеона I» (?!). Дело идет об осуществлении социализма. Но что такое социализм? «*Фридрих Вильгельм I*, а *не Маркс, был первым сознательным социалистом*. От него... берет начало это мировое движение». Почему? Потому что социализм—это воля к власти, борьба за интересы целого. Социализм—это та воля к расширению, о которой мы выше писали. Социализм «живет в каждом человеке, от Варшавы до Сан-Франциско, он направляет творческие силы всех наших народов». По Шпенглеру:

«западно-европейские народы с их анархическим инстинктом социалистичны в некотором высшем плане фаустовской действительности». Но только Пруссия социалистична,—уже сейчас социалистична, благодаря своей государственной авторитарности.

«Марксизм—извращение социализма!» Вот еще один тезис социальной философии Шпенглера. Конечно, потому, что к прусскому принципу Маркс присоединил английский. Прежде всего марксизм—извращение социализма потому, что социализму чужда классовая борьба. Классовая борьба—это классовый эгоизм. Четвертое сословие лишь факт, но не идея. Индустриальный рабочий символ. Маркс этот факт, этот символ пытался превратить в идею четвертого сословия. Но он «противоположность рас перетолковал в противоположность классов», он «приписал пролетариату», четвертому сословию, прусскую мысль социализма, и «буржуазии», третьему сословию—«английскую мысль капитализма». Из такой перетасовки идей получился социализм. Этика марксизма, исторический материализм—английского происхождения. Английская система грабежа (классовая борьба) перенесена совершенно ни к чему в Германию. В Германии вместо классовой борьбы выступает государство, как арбитр. Государство—внепартийное и внеклассовое учреждение (речь идет о старо-прусском государстве. *Ц. Ф*). Это государство видит разрешение рабочего вопроса в законодательной фиксации заработной платы в принципе чиновничьего оклада, распространенного на всех трудящихся», в запрете забастовок. Наконец, Шпенглер, приписывает Марксу учение о физическом труде, как о проклятии. «Маркс учит,—пишет он,—*презирать* труд»... (?!).

Но не следует предполагать, что у философа нет весьма реальных политических взглядов. Воля к власти сильна в сознании Шпенглера. Для него революция в Германии не окончилась: «Несомненно, что начавшаяся революция получит завершение». Массы отчаялись в революции, но «вещи, которые в некоторый момент не терпят даже прикосновения, два года спустя сами падают». Пусть себя никто не обманывает: «революция еще *не окончилась*». Эта контр-революционная решимость не может не привести Шпенглера к убийственной характеристике социалистов. Для него враг—либеральная буржуазия, но социалисты служат плутократии точно так же, как и другие либеральные депутаты». «Факт беспримерный: социалисты внезапно получили всю полноту власти, к которой стремились 40 лет, и ощутили ее как несчастье». И Шпенглер, независимо от своего желания, вынужден признать, что спартакисты единственно заслужили похвалу за свою решимость. Немецкая революция ни в каком виде не может быть сравнена с Великой французской революцией, социалисты—с якобинцами. «Эта революция (9 ноября) потерпела крушение вследствие трусости вождей».

Такова философия последней книги Шпенглера. Смесь блестящих афоризмов, метких замечаний и нелепостей. О. Шпенглер блестяще оперирует методом исторических характеристик. При характеристике европейских революций XIX века он замечает: «англичанин стремится *убедить* врага внутреннего в слабости его позиции. Если это ему не удается, он хватается за топор, спокойно и без всякого революционного мелодраматизма... Француз совершает то же самое из *реванша*, из любви к зрелищам... Англичанин хочет цели, француз — средства». Бесспорно, метко. Но, когда несколько дальше, то же искусство приводит автора к положению: «австрийский народ был создан гением двора, духовенства и дворянства», мы начинаем понимать, что у Шпенглера от блестящего к смешному—один шаг. О. Шпенглер хочет теоретически осознать глубоко своеобразное в общей исторической судьбе Англии и Германии. Но он не дооценивает общее и поэтому не понимает своеобразного...

«Пруссачество и социализм» прекрасный комментарий к книге «Закат Европы» О. Шпенглера.

Ц. Фридлянд.

П. П. БЛОНСКИЙ. Современная философия. Часть II. Издательство «Рус ский книжник». Москва. 1922 г. Стр. 52.

Книга представляет собою обзор современной философии в лице прагматизма (стр. 3—15), интуитивной философии Бергсона (15—31), феноменологии Гуссерля (31—42) и американского неореализма (42—48).

«Те очень трудные условия, при которых автор писал и печатал свою книгу, обусловили слишком много и внешних и внутренних недостатков ее. Очень часто автору хотелось бросить книгу ненаписанной и недопечатанной. Ему, как автору, тяжело выпускать эту книгу в столь несовершенном виде. Но у меня все время жила мысль: в России нет еще ни одного такого обзора, а в русской философской культуре такой обзор, даже весьма несовершенный, очень нужен, просто, как точка опоры. И эта мысль заставила меня пренебречь авторским самолюбием. Написанная в 1916 году и сданная в печать в 1917 году, книга выходит сейчас в свет уже устарелая, не отражая явлений философской мысли последнего пятилетия... Откладываю устранение этого и многих других недостатков (напр., обзор русской современной философии) до второго издания, в котором надеюсь развить и критическую часть, так как в этом первом издании я лично, как автор, выступаю только как бесстрастный «излагатель», а не критик. В своем теперешнем виде моя книга—лишь путеводитель-каталог для ориентировки желающего узнать современные философские течения» (стр. 51).

Нельзя не признать, что эта авторская самооценка довольно объективна. Нужно пожалеть, что явления философской мысли последнего пятилетия не нашли своего отражения в книге, отнюдь однако, не соглашаясь с тем, что раз нет в России такого обзора, то он русской философской культуре нужен даже в столь несовершенной форме, просто, как точка опоры. Если же речь зашла о «каталогах-путеводителях», то спрашивается: для кого они пишутся? Каталоги—каталогами, а исследования—исследованиями.

Недочет книги Б., однако, не в этих «внешних условиях», «очень трудных», как характеризует их автор, но, строго говоря, в самом существе научного аппарата. Именно, можно решительно утверждать, что у Б. нет совершенно никакого метода исторического исследования, ориентирующегося на фактах философской культуры девятисотых и десятых годов этого столетия, как и нет вообще никакого строго определенного критического отношения к исследуемым философам. Расположение проблем определяется либо чисто-внешней связью, либо формально-логическим случайным оборотом мысли. Переходя от Бергсона к Гуссерлю, Б., например, пишет: «Под интуицией, как мы видели, Бергсон понимает инстинкт, не имеющий практического интереса, или интеллектуальную симпатию. Но возможны и иные виды интуитивизма. Философия Гуссерля и является, таким образом, иного интуитивизма» (31). Более глубокое представление о внутреннем органическом развитии единой философской проблемы так и остается чуждым автору.

Изложение сводится к каталогизированию, но каталогизирование у автора, повидимому, есть даже выражение целого мировоззрения, убежденного в том, что всякое историческое исследование в области философии вращается в кругу вечных неизменных истин, подвергаемых классификации и каталогизации. Но совершенно ясно, что историко-философское исследование всегда будет висеть в воздухе, раз необходимость социально-психологического и социологического анализа не осознана во всех своих методологических возможностях, и вопрос о политических тенденциях философских направлений в «идеалистической» культуре современности остается, как это делает Б., совершенно не затронутым. Калейдоскопический характер изложения—таков недочет Б., и это лишний раз доказывает, что правильное понимание исторических судеб философии может быть достигнуто только при помощи диалектического метода, в свете которого вся история философии есть не что иное, как такая же непрерывная цепь развития, какую мы наблюдаем в экономической и социальной жизни. Только в «заключении» автор как будто выходит за границы простого констатирования

фактов, пытаясь дать более широкую психологическую характеристику современных философских систем. «Вполне определенно чувствуется,—говорит он,—что эти системы вообще не могут быть не чем иным, кроме как предметом школьных упражнений. Схоластизм и эпигонство в очень сильной мере присущи современной философии. Лишь несколько философий—марксизм, религиозная идеалистическая философия и философия действия и интуиции—входят в широкую область жизни. В высшей степени характерно при этом, что эти философии являются в нашем изложении как бы крайними полюсами современной философской мысли, являясь в то же время как бы актуальной идеологией различных общественных групп: марксизм тесно связан с пролетариатом, являясь как бы его мировоззрением; религиозная идеалистическая философия находит самый живой отклик в наиболее старых слоях культурного общества, в то же время прагматизм и неореализм представляют любопытное и типичное воплощение духа «американизма». Эти три полюса современной философской мысли и в высшей степени притягательны в том смысле, что все иные течения современной философии являются как бы только переходами, этапами от марксизма к христианскому идеализму или от них—к философскому «американизму». Это рассуждение, к сожалению, у автора не раскрыто во всем с оем содержании и совершенно не связано с внутренним содержанием всей книги, написанной в дооктябрьские годы. Вообще так и остается неизвестным, какова философская позиция автора, что и находит свое выражение, между прочим, и в отмеченном отсутствии метода. Общее содержание книги поэтому не сконцентрировано ни на историческом интересе, ни на специальном предмете философии, как логической проблемы.

Что касается изложения по существу, то изложение, хотя в большинстве случаев схематично и слишком сжато, в общем дает правильно расположенный в смысле проблематики материала очерк. Наиболее удачным нужно признать очерк «о прогматизме», но совсем неудачно изложение Гуссерля, что объясняется, повидимому, тем, что излагать феноменологию Гуссерля во всем объеме на протяжении трех страниц—значит ничего не сказать по существу.

Следует отметить богатство библиографического материала, привлекаемого автором. К сожалению, в книгу не вошла вся та огромная, как оригинальная, так и историко-критическая философская литература, которая вышла после 1917 года.

Г. Баммель.

НАРОДНОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ.

1. М. А. РЫБНИКОВА. Изучение родного языка. *А. Голанова.* — 2. І. И. Н. ШАПОШНИКОВ. Живые звуки. — II. И Н. ШАПОШНИКОВ. Наглядный этимологический задачник.—III. А. М. ПЕШКОВСКИЙ. Краткие планы уроков по грамматике.—IV. А. М. ПЕШКОВСКИЙ. Наш язык. *М. Петерсона* — 3. П. Г. МИЖУЕВ. Вопросы средней школы в Европе и ответы на них в Америке. *В. Смушкина.* — 4. Б. ДИТМАР. Краткий учебник географии России. *Д. Петровского.*

М. А. РЫБНИКОВ. Изучение родного языка. (Заметки и задачи). Вып. I. Гос. Изд. Минск. 1921. Стр. 104.

Современное оживление книжного рынка сказалось и в области школьно-методических пособий по русскому языку, где на видном месте следует поставить работу *М. А. Рыбниковой:* «Изучение родного языка».

Книга состоит из следующих отделов (жаль, что нет общего оглавления, которое облегчило бы справки): I. Вводная глава. II. Корень слова. III. Старые

и новые слова. IV. Живое русское слово и его суффикс. V. Звукопись. VI. Эпитет. Судя по вводной главе, первоначальная задача автора заключалась в составлении «сборника стилистических задач и упражнений», но затем она расширилась рядом соображений, которые «нужны словеснику-учителю или словеснику-студенту, нужны человеку, занятому анализом языка». Развить чутье родной речи, вдуматься в слово, его происхождение, жизнь, значение и образность—вот в каком направлении делится своим педагогическим опытом М. А. Рыбникова. И этим объясняется все содержание книги. В главе II—«Корень слова»,—для оживления внутреннего смысла слов предлагаются обширные списки примеров с одинаковым корнем, хотя и с большими звуковыми различиями, а также и наоборот—с близким звуковым видом, но разного происхождения; здесь же разбираются фамилии, прозвища, названия улиц и местностей, в связи с культурно-исторической и бытовой стороной русской жизни. В главе III—«Старые и новые слова»—сравнивается поэтическая речь Пушкина с ее архаизмами (отмечены славянизмы, напр., очи, уста, хладный, а также глаголы без приставок,—напр.: Куда по нем свой быстрый бег *стремит Евгений*), далее новообразования Гоголя (напр.. *дюженогие* запорожцы; возносились и *голубели* прозрачные горы), наконец—«словоновшества» позднейших поэтов, особенно А. Белого, при чем автора занимают, преимущественно, слова природного русского происхождения, выраставшие и растущие на родной почве, из родных корней. В конце главы дан ряд задач по истории литературного языка (порядок следовало бы выдержать исторический, переставив некоторые задачи). В главе IV—«Живое русское слово и его суффикс» (лучше было бы озаглавить: «Родные и чужие слова»)—множество иностранных слов, укоренившихся в русском языке вследствие невнимания к родной речи, заменяются своими русскими, преимущественно, по словарю Даля (почаще заглядывать в него советует Рыбникова), приводится целый ряд народных слов из разных областей жизни, а также разбираются «приемы словообразований» в духе живого русского языка, напр., суф. *к*—верткий, *ист*—раскидистый, отриц. *не*—небыль, невязь, неталь и проч. Как пример народной речи в литературе, указывается язык Клюева и Лескова. В ряде задач предлагается заменить иностранные слова русскими, образовать от данных слов производные с разными суффиксами, записать провинциализмы и слова разных ремесленников, вдуматься в старорусские и современные названия месяцев. Глава V посвящена *звукописи*, как в виде простого звукоподражания (жужжание, гукать и пр.), так и в виде более тонких оттенков поэтической звучности—своеобразных сочетаний звуков (напр., созвучие *гр* в стихах Тютчева:

Люблю грозу в начале мая,
Когда весенний первый гром,
Как бы резвяся и играя,
Грохочет в небе голубом.
Гремят раскаты молодые...

———

И гам лесной и шум нагорный—
Все вторят весело громам» (стр. 75.).

Или, напр., преобладание звука *л*, «скользящего и легкого», в характеристике Ольги Лариной:

Как жизнь поэта простодушна,
Как поцелуй любви мила,
Глаза, как небо голубое
Улыбка, локоны льняные,
Движенье, голос, легкий стан,
Все в Ольге»... (стр. 76.).

Для самостоятельных наблюдений в этой области предлагается ряд пословиц и задач, а также указаны места из стихотворений. Заканчивается книга главой VI—об *эпитете*, назначение которого—«озарять предметы». Здесь отмечены любимые эпитеты многих поэтов, напр., тихий—у Чехова, безумный—у Фета, звучный и мирный—у Лермонтова, а также разобрано богатство и разнообразие эпитета у Пушкина.

Из этого общего обзора содержания разбираемой книги можно видеть, какой богатый и разнообразный материал для занятий по языку на старшей ступени школ предлагает она словеснику, и не только провинциальному, но и столич-

ному, которому дает большую экономию труда и времени при разработке уроков. Кроме того, в подстрочных примечаниях указан целый ряд важных научных пособий как капитальных, в роде «Этимологического словаря русского языка» Преображенского, «Материалов для словаря древне-русского языка» Срезневского или «Толкового словаря живого великорусского языка» Даля, так и более мелких, вплоть до журнальных статей об языке отдельных писателей.

Однако, при всей своей ценности, книга не свободна от недочетов, особенно со стороны чисто-лингвистической. Так, в гл. II, автор слишком «свободно» обращается с корнями, когда предлагает указывать одинаковый корень, например, в словах *драка*, *дыра*, *ноздри*; справка у Преображенского показывает, что родство первых двух слов принимается учеными, но лишь предположительно, а *ноздри*—совсем иного происхождения: корень—общий со словом *нос*, звук *д*—вставной. (Преображенский, «Этим. сл.», стр. 613). Укажу и еще несколько таких спорных и трудных этимологий, непригодных для классной проработки, отмечая соответствующие страницы словаря Преображенского: 1) *дрожди—дрочена*: для первого слова есть параллели в других индо-европ. языках; второе слово происходит от сл. дрочить, которое неясно (стр. 196 и 197); 2) *копа*, *копна* и *совокупно*: последнее слово сближается с первыми, но вокализм труден для объяснения (стр. 413 и 349); 3) *почка* и *выпуклый*—«детали неясны» (11, 118); 4) *сметана* и *предмет*: *предмет*—слово, заимствованное из польского, и довольно поздно; *сметана*—отнесено к сметати—собранное, снятое молоко (стр. 11, 336 и 124: этимология не сразу придет в голову не только ученику, но, пожалуй, и учителю); 5) *пасынок* и *сноха*: в последнем слове между начальными согласными никогда не было гласного звука, как показывает сравнение с другими языками, а в первом—исконное *ы* между *с* и *н* (восходящее к долгому *у*). Итак, хотя этимологические сближения и проливают свет на историю корней, однако, здесь надо было бы соблюдать большую осторожность, слишком спорные и неясные случаи обойти, а ограничиться лишь наиболее прозрачными этимологиями, оттенив при этом церк.-славянское происхождение многих слов (напр., ощущение, собор, растерзать и т. п.).

К главе III, а также и ко многим другим местам книги, напр., стр. 41, 49, 53, 81, 85, надо сделать замечание о необходимости ставить ударение в наиболее важных случаях, особенно в словах новых; так. без знака ударения и без стиха мы не знаем, как произнести слово Северянина: «бѐздарь» или «бездâрь» (стр. 35).

В гл. IV, зад. № 37 не со всеми русскими заменами можно согласиться: 1) *бежник* вместо *дезертир* лучше заменить словом *бегун*, одно из значений его как раз сюда подойдет; срв. *бегун* в переписке Грозного с Курбским или Митька-бегунец в плакате Демьяна Бедного; хорошо также слово *нетчик* (нѣтчик), применяемое в этом значении в Актах Моск. Госуд. (XVII в.); 2) вместо длинного слова *книгохранилище* для перевода *«библиотека»* не лучше ли попытать в современном духе—*«книгосклад»*; 3) *Вершник*—не вполне соответствует *форейтору*.

По поводу *звукописи* приходится заметить, что проникнуть в «некий тайный смысл каждого звука» (стр. 72)—интересно, но при этом нельзя впадать в излишнюю субъективность, а следует строго держаться живой речи, а не письма в обсуждении частностей; между тем автору, конечно, хорошо знакомому с фонетикой, не везде удалось избежать промаха в этом отношении. Так, отмечая широкое громкое *а* (стр. 77) в характеристике Татьяны Лариной, М. А. Рыбникова подчеркивает и такие случаи, как Татья*на*, печальн*а*, как лань вставал, лесн*ая*, молчалив*а*, где, разумеется, мы имеем дело не со звуком *а*, с безударным гласным неполного образования (кроме, может-быть, последнего слова); нельзя также подчеркивать без оговорок *д* в словах са*д*, гру*дь*, кого-нибу*дь*, где вместо звонкого *д*—глухое *т*. Ряд подробностей нуждается в исправлении и в последней главе об эпитете: Леонид—не «Гнездо львов», а просто отечество—сын льва, или подобный льву (с греческого); Иван—не молодой, а милость Божия (с еврейского)—стр. 82. Без

параллелей из других индо-европейских языков совершенно непонятно, почему—дочь—доильщица, месяц—измеритель, солнце—светящее, вепрь—щетинистый и т. п. (стр. 82).

Досадны опечатки, которых много, чуть ли на каждой странице, и не только пустых, в роде—бездонность—24, форейтер—41, но и с искажением смысла, напр.: замолочь вм. замолоточь—30, пошайковавшись вм. пошапковавшись—22, обордамс вм. абордаж—47; все это объясняется трудностью корректуры издания в другом городе. За вычетом этих частных промахов, книга М. А. Рыбникова представляет ценное пособие по родному языку.

Пожелаем же скорейшего выхода в свет и остальных выпусков, обещанных во вводной главе и посвященных изучению предложения, поэтического образа и композиции целого художественного произведения.

И. Голанов.

И. Н. ШАПОШНИКОВ. Новые учебники по русскому языку. Живые звуки. Руководство для обучения детей письму и чтению без букваря. Г. Изд. 1922 г. 128 стр.

И. Н. ШАПОШНИКОВ. Наглядный этимологический задачник. Упражнения в правописании при проработке курса этимологии на основе активности и самодеятельности учащихся. Москва. 1919 г. 128 стр.

А. М. ПЕШКОВСКИЙ. Наш язык. Учебная книга по грамматике. Выпуск первый. Гос. Изд. Москва. 1922. 163 стр.

А. М. ПЕШКОВСКИЙ. Краткие планы уроков по грамматике (обучения взрослых). Гос. Изд. Москва. 1922 г. 32 стр.

Преподавание русского языка переживает интересный момент. Начинают появляться учебники, вызванные к жизни новой программой Н. К. П. Как известно, главной целью новой программы по русскому языку было—освежить самый материал, изучаемый в школе на уроках языка, выбросить из него ненужный балласт, устранить все, противоречащее науке. В этом отношении программа поступила радикально и беспримерно: за границей, хотя и давно поставлена подобная же задача, но к разрешению ее подходят там с большой, я бы сказал, робостью, боясь порвать с давно установившимися традициями, несмотря на все их неудобство.

В первой книге Шапошникова «Живые звуки» ясно видны следы новой программы. Автор совершенно верно указывает, что в словах *«оса, соха»* буква *«о»* обозначает звук *«а»*, чего долго не знали составители букварей, выделявшие звук *«о»* непременно из слова *«оса»*.

Буквы *е, ю, я, ё* изучаются в двух их значениях (1. — *йэ, йу, йа, йо*, и 2. — *э, у, а, о* с предшествующей мягкостью), тогда как совсем еще недавно какой-нибудь слог *«ня»* разлагался на «звуки»—*н* и *я*. Автор обращает внимание также на то, что согласные могут быть твердыми и мягкими. Однако, не обошлось дело и без промахов, что для первого раза почти неизбежно. Так, указывая, что буква *о* в предударном слоге обозначает звук *а* (62 стр.), автор совершенно забывает послеударное положение и приводит слова *ухо* (57 стр.) и *(ухо* (63 стр.). Безо всяких оговорок. Совсем не обращает внимания автор на то, что и буквы *е* и *я* в безударных слогах обозначают иные звуки, и с самого начала приводит такие примеры, как *«ежи», «ерши»* (78 стр) *«лягушка», «рябина»* (94 стр). Но в общем автор сделал огромный шаг вперед, и появление в свет его книги можно только приветствовать.

Интересна и методическая мысль, проводимая в книге—обучение письму и чтению *без букваря*. В пользу этой мысли можно привести еще то соображение, что букваря, годного для всех местностей России, составить нельзя: в северновеликорусских местностях должен браться иной материал, чем в южно-великорусских, и материал этот должен создавать сам учитель вместе со своими учениками.

Во второй своей книге (наглядный этимологический задачник) Шапошников делает шаг назад по сравнению с первой или, лучше сказать, еще не сделал шага вперед, так как книга эта вышла раньше.

Как материал для орфографических упражнений, этот «Задачник» может быть полезен в школе, особенно при большой скудости пособий подобного рода, но с точки зрения грамматической теории, которая там проводится, от книги веет самой седой стариной.

Совсем иное впечатление производит «Наш язык» Пешковского. Здесь все ново, многое оригинально и подчас даже слишком оригинально. Согласно с программой Н. К. П., давая материал для наблюдения над языком, автор соединяет с этими наблюдениями и изучение письма (орфографии), и это следует считать вполне законным и целесообразным. Если в программе Н. К. П. то и другое разделено, то этим совсем не предрешается порядок прохождения в школе.

Осуществление программы начинается, главным образом, со второй части (стр. 75). Здесь преподаватель русского языка найдет большую помощь: подбор материала, ход наблюдения, направляемый вопросами, и много сведений. Можно было бы только пожелать большей простоты: слишком замысловато объяснение ударения (78 сл.), без нужды сложно объяснение различия между глухими и звонкими согласными (127 сл.), и мн. др. Спорна, мне кажется, методическая ценность *нарочно* придуманных рассказов, содержащих объяснения: «Как объяснил Мише учитель слоги и ударения» (91 стр.), или дающих материал: «Трудные слова» (89), «Разговор с кошкой». В северно-великорусских говорах совершенно пропадает эффект рассказов «Одно выпало» (114 стр.) и «Смотри, спеши» (152); второй годится и не для всех южнорусских говоров. Однако, все это не может затмить больших достоинств этой части.

Совсем иное надо сказать о первой части, посвященной наблюдениям над интонацией и ритмом. Автор выходит здесь из рамок программы, которая совсем умалчивает об этих важных, но мало изученных элементах речи. Интонация и ритм нужны автору не сами по себе, а как опора для расстановки знаков препинания. Это еще усложняет дело, так как интонацию часто приходится автору притягивать совершенно искусственно к какому-нибудь знаку препинания, имеющему за собой долголетнюю традицию. Во многих случаях привлечение интонации только загромождает явление, само по себе несложное, напр., постановка двоеточия перед прямой речью, перед перечислением легко может быть усвоена без интонации. В этом мало кто последует за автором.

В первой же части обращает на себя внимание термин *«сказ» (9)*, «сложный сказ» (16), «частичный сказ» (83), «отрицательный сказ» (52). Он употребляется вместо «предложения», и основания замены одного термина другим мне не ясны.

Во всяком случае, книга Пешковского — незаурядное явление в нашей учебной литературе. Она интересна, как первая попытка проведения новой программы в жизнь, которая очень и очень расчистила путь всяким другим попыткам такого рода.

С большим интересом будем ждать появления следующих выпусков.

«Краткие планы уроков по грамматике» Пешковского предназначены специально для обучения взрослых на рабочих факультетах, но пригодятся они и преподавателю трудовой школы.

В них прежде всего возбуждают возражение первые четыре плана, но как раз о них автор сам говорит, что делает «вынужденную уступку» требованиям программы рабочих факультетов (5 стр.). Гораздо было бы лучше говорить не о *зависимости* слов друг от друга, а об *отношениях* слов друг к другу, как это в программе Н. К. П. Еще два замечания: 1) «От каждого ли невозвратного образуется возвратный и обратно?—Нет, не от каждого (лежу, ленюсь)». (стр. 18). Этот вопрос и ответ—плод недоразумения: *лежу*, *ленюсь*, как и многие другие подобные глаголы, форму залога не имеют; 2) *хоти* (стр. 19: хоти писать) в русском литературном языке не употребляется.

Итак, начало в деле создания новых учебников по русскому языку сделано и, можно сказать, хорошее начало.

М. Петерсон.

П. Г. МИЖУЕВ. Вопросы средней школы в Европе и ответы на них Америки. Петроград. 1921 г. 120 страниц.

Заглавие книжки не полностью соответствует содержанию и гораздо шире его: в книжке автор довольно подробно разбирает вопросы организации средней (а отчасти низшей и высшей) школы в Америке, попутно кивая на Европу и противопоставляя ее отсталость «демократическим» завоеваниям Америки.

По существу книжка не представляет для нас большого интереса—вопросам методическим, вопросам внутренней организации школы уделено мало внимания, но зато подробно описаны программы и даже полностью приводится расписание и часы занятий. Автор считает американскую школу идеалом, к которому Европа должна стремиться. Вопрос о достоинствах американской школы спорный—на ряду с рядом положительных сторон (гибкость программ, самодеятельность учащихся) есть много и отрицательных, но естественных в условиях капиталистического хозяйства,—задачей американской школы является подготовить хороших торговых агентов, клерков, необходимых для Рокфеллеров и Морганов. Есть недостатки и чисто педагогические. В общем и основном все сводится к тому, что приятие американской школы—без оговорок, без учета всех условий экономического и политического характера,—невозможно и нежелательно. А г. Мижуев требует такого приятия, не жалея слов, чтобы доказать необычайные достижения американской школы и полную пригодность ее без критики у нас...

Все это попутно сопровождается восторженными характеристиками американских «демократических» порядков—«самая замечательная республика, имеющая наиболее демократические учреждения, какие до сих пор были известны человечеству» (стр. 100).

Но, расхваливая Америку, автор боится, что читатель его испугается чрезмерного демократизма; поэтому он местами делает довольно интересные оговорки: так, указав на то, что в американских школах не преподается закон божий, автор спешит сделать оговорку: «но было бы большим заблуждением думать, что отсутствие преподавания закона божия *обрекает* (курсив мой. *В. С.*) американских детей на полное невежество в области религии», и далее указывается на воскресные духовные школы.

Приведенная цитата и ряд других достаточно характеризует направление мыслей автора и его тенденции.

Все же книжка может быть полезна, как справочник по вопросам истории просвещения в Америке, но никак не больше.

Влад. Смушков.

КНИЖНОЕ И ПЕЧАТНОЕ ДЕЛО.

1. В. И. АНИСИМОВ. Основы и рисова ие печатного шрифта. ***М. Щелкунова.***

В. И. АНИСИМОВ (составитель). Основы и рисование печатного шрифта. Петроград. Гос. Изд. 1922 г. Стр. 69.

Снова—один из многочисленных в течение последних двух лет шедевров В.И.Анисимова, «беспартийного специалиста», как он себя называет (стр.43); и снова нам пришлось бы излагать все те недоумения, какие возбуждают его работы; впрочем, на этот раз часть недоумений устраняется, ибо и на обложке и на выходном листе указано: «составлено на основании научных исследований». Эта откровенность несколько извиняет,—по почему же, в таком случае, не указать, какие же это исследования? Раз г. Анисимов специалист, то он *обязан* знать, у кого что занимает, и поскольку решается выступать перед читающей массой,—указать источники, на основании которых составлена книга.

К сожалению, остальные наши упреки остаются в силе: снова две обложки, из которых первая—очень крепкая, в этом отношении удачная, вторая—на роскошнейшей меловой бумаге, напечатанная опять в *пять* красок, и, конечно, в богатой золотой рамке. Внутри опять печать в две краски, при чем второй сделана только линейка—совершенно ненужная — вверху страниц. Цена опять дикая, хотя, очевидно, дешевле себестоимости: $7^1/_2$ миллионов (октябрь 1922 г.).

Если бы г. Анисимов и т. Ионов потрудились пройти по книжным магазинам, то они на месте убедились бы, что при этих условиях книги г. Анисимова, предназначенные для *рабочих*, товарищи не покупают, а расхватывают нэпманы, которым аляповатая пестрота украшений приходится очень по вкусу. Если это имеет для книг г. Анисимова и свою хорошую сторону, то тем более обидно, что мы до сих пор не хотим понять простой истины: рабочим необходимо дать соответственную, *доступную по цене* литературу, чтобы он овладел производством во всех отношениях.

По внутреннему содержанию эта книга лучше предыдущих, составленных г. Анисимовым: в ней многое (хотя не все) понятно; нет грубейших ошибок; и это объясняется просто тем, что г. Анисимов дает явно почти сплошь перевод с немецкого; однако, там, где он начинает говорить от себя, получаются фразы такого рода: «Правда, старания лиц, любящих книгу и понимающих суть и значение искусства и являющихся, так сказать, беспартийными работниками между типографщиками и художниками, с целью найти пути к обоюдному пониманию, и не остались без успеха, но, тем не менее, влияние посредников не проникло в глубину масс, а иногда неудачные подходы сделали то, что в специальных кругах стали смотреть на деятельность их с недоверием» (стр. 7).

О ком здесь говорит г. Анисимов—ясно: «беспартийные специалисты» (см. начало нашей рецензии) делают нужное дело, но их успеху мешает недоверие «специальных кругов», которые не могут оценить их любви к книге и понимания искусства, между тем как они взяли на себя роль посредников между типографщиками и художниками.

Отчасти г. Анисимов прав: «недоверие специальных кругов» к его «писательской» деятельности налицо, но основано оно не на измышлениях, а на тех бесконечных недостатках, которыми наполнены книги г. Анисимова; его указание на любовь к книге нисколько нас и, вероятно, других критиков не сделает сентиментальными, ибо любовь к книге, без ее основательного знания, годится для обывательского обихода, а не для составления ряда серьезных книг о книге.

И потом—г. Анисимов в роли посредника «между типографщиками и художниками». А есть ли у него на это права? Сейчас увидим: пойдем на стр. 24 и там увидим следующую фразу: «Искусство и техника—это два понятия, которые по видимости не соединимы»; на стр. 7—«слишком часто говорят о влиянии искусства на книгопечатное дело и вообще об искусстве в книге, но, тем не менее, типографщик и художник чужды и не понимают друг друга». Уже этих двух фраз достаточно, чтобы возникли серьезные сомнения в способности г. Анисимова быть «посредником между типографщиками и художниками». Как может быть таким посредником «специалист - типограф», который не понимает, что искусство и техника—совершенно неотделимые отрасли материальной культуры, что особенно ярко их нераздельность бросается в глаза в книгопечатном деле, где часто положительно не найдешь границы между техникой и искусством. Не даром вся Европа не знает другого термина, как «типографское, книгопечатное искусство». И, конечно, попади книга нашего «посредника» г. Анисимова рабочему, последний, если поверит автору, скажет: «искусство и техника, повидимому, не соединимы; что же нам добиваться невозможного? Будем работать по-старинке, как учили отцы и деды», т.-е. плохо.

Подобные рассуждения гг. Анисимовых принесли уже немало вреда: если наш рабочий часто и не подо-

зревает, сколько красоты в любом техническом процессе и его материальном результате, то виноват больше всего не рабочий, а те «спецы» — управляющие типографий, к которым принадлежит и наш автор и которые всегда внушали рабочему, что его дело — маленькое, знай, стой у кассы или у машины и выполняй механические манипуляции, а о красоте будем заботиться мы, «беспартийные специалисты», под наблюдением которых вы работаете.

По своему содержанию указанная книга—узко специальная; здесь говорится о красоте старинных книжек и рукописных шрифтов, их постепенном развитии: примеры—все иностранные, о русских книгах не говорится ни слова, а некоторые русские примеры вкраплены с явной искусственностью. Грубые ошибки опять попадаются: известный каждому начинающему книжнику итальянский издатель и типограф Бодони из Пармы превращен в «французского типографа Бодини»; типография Фуста и Шеффера через три года после разрыва с Гутенбергом называется печатней Гутенберга и Шеффера (стр. 21); шрифт Гутенберга, перешедший к Альберту Пфистеру, что является фактом твердо установленным, почему-то присвоил имя этого последнего; знаменитый общеизвестный издатель Этьен превращен, по немецкой манере, в непонятного «Стефануса» (стр. 48), и все это и многое другое на протяжении одного печатного листа.

Хороши и удачно подобраны из немецких руководств иллюстрации-снимки со старинных изданий. Обложки,—внутренняя сборная по стилю и наружная конторского типа,—совершенно не гармонируют ни друг с другом, ни с содержанием книги о *старинных* шрифтах. Лучше было бы взять прекрасные образцы выходных листов XVI века.

Рабочему книга эта принесет мало пользы; содержание ее очень скудное, порою по абсолютной путанице эстетических понятий автора,—вернее, немецких авторов—вредное. Ни рисованию красивого шрифта, ни отливке эта книжка не научит. Так, красивая по внешности на мещанский вкус безделушка, годная разве для украшения нэпманской библиотеки, где содержание «не играет значения».

М. Щелкунов.

НАУКИ О ПРИРОДЕ.

1. Л. С. БЕРГ. Номогенез или эволюция на основе закономерностей. *В. Шимкевича.* — 2. Б. К. ФОРТУНАТОВ. Бизоны и зубры в Аскания-Нова. *М. Завадовского.* — З. Д. ТИНДАЛЬ. Звук. *Н. Андреева.*

ТРУДЫ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА. Т. I. Л. С. БЕРГ. Номогенез или эволюция на основе закономерностей. Петербург. Госуд. Изд. 1922 г. Стр. I + 306.

Учение о «номогенезе» противополагается автором учению Дарвина, в котором «случай» играет такую большую роль. А на свете все закономерно. Эволюция идет в силу закономерности, инерции, целесообразности, регуляции,—целого ряда «неразложимых» присущих живым организмам свойств, подбор же Дарвина при образовании новых форм роли не играет. В общем теория номогенеза является эклектической: есть в ней и автогенез, и ортогенез, и изоляция, и полифолетическое происхождение (как основное правило!), и развитие скачками, и мутации Васгена, и многое другое, почерпнутое автором, благодаря его обширной эрудиции, из разнообразных источников, а отчасти и из собственных наблюдений. Не вдаваясь в детальное изложение теории, отметим те пункты, которые кажутся нам наиболее слабыми и требуют подкрепления. Хотя автор, по его собственному признанию, не виталист, но не трудно видеть, что, одаряя

живые организмы рядом *«неразложимых»* свойств, он, сам того не замечая, в сущности, только разменивает жизненную силу прошлого или энтелехию современности на более мелкую монету.

Никто из биологов не будет отрицать целесообразности, как характерной черты организмов, но натуралист все же должен помнить, что эта целесообразность крайне условна и что мы в праве все-таки искать ее объяснения. Но проф. Берг категорически отклоняет признание причинного характера за этой целесообразностью. Мало того, он не замечает, что признаваемое им появление индиферентных и даже вредных для вида признаков, а также принимаемое им вымирание целых групп независимо от условий, лишь в силу конституциональных причин, показывают, что рядом с целесообразными явлениями в живом мире наблюдаются и иные.

То же самое можно сказать об «инерции», которой автор приписывает выработку «хитроумнейших приспособлений». Если есть какая-либо инерция, то ее объяснения надо искать во внутренней секреции и вообще в реальных явлениях, а инерция, как принцип, так же мало говорит уму натуралиста, как пресловутая регуляция и т. п. Но такая инерция, конечно, не годится для объяснения «хитроумнейших» приспособлений. Никто из биологов не будет отрицать известной закономерности, и вся наука направлена на ее изыскание. Но проявление этой закономерности, основывающейся на сходстве химизма физиологической и биологической природы организмов, не может быть поставлено вне условий. Биологическое предсказание всегда говорит о том, что «может быть», а не о том, что неизбежно «должно быть», а самая возможность или невозможность определяется условиями. Иногда мы можем сказать, что если попадет, например, данный вид из моря в опресненное озеро, то он даст такие-то изменения, но попадет ли или нет,—это зависит от ряда условий, совсем иного порядка, хотя тоже, может-быть, закономерных, как, например, будет ли прорыт такой-то канал или нет и т. д. В этом смысле роль случая, как встречи двух или более рядов явлений совершенно различных порядков, всегда будет громадной в биологии.

Если бы виды существовали бесконечно, тогда мы могли бы ожидать, что бесконечное число незакономерностей сложится в закон, но ведь эволюция ограничена и во времени, и в пространстве, а следовательно, и в проявлении всех заключенных в природе организма возможностей. Вне зависимости от условий нет эволюции и быть не может. Затем, отметим, что преобладающим способом возникновения видов проф. Берг считает изоляцию, приводящую к массовому изменению, тогда как на деле изоляция (на островах, в озерах и т. д.) есть только частный случай видообразования, шедшего в морях и на широких континентах, где и развертывался, главным образом, эволюционный процесс, конечно, иными путями. Проф. Берг признает, что эволюция всегда идет скачками, тогда как на деле и палеонтологи и зоологи знают примеры изменения видов путем мелких мутаций и трансгрессивной наследственности.

Проф. Берг прибегает к натяжке, чтобы доказать подавляющую роль конвергенции при видообразовании и сознательно не отличает ее от параллелизма. Наиболее слабой стороной теории являются морфологические соображения автора, особенно, когда он, тоже путем сознательного смешения разнородных явлений старается, напр., доказать, будто бы, чрезвычайную распространенность так наз. «предварения признаков», иначе, «ускорения филогении» и это ему, конечно, не удается.

Во всяком случае, книга Берга представляет большой интерес. Благодаря своей громадной эрудиции, автор собрал богатый материал, как фактический, так и критический, который имел бы еще более цены, если бы автор подходил к фактам более объективно. Дело не в том, чтобы доказать, что Дарвин был во многом неправ. Это было отмечаемо многими. Не мог же, например, Дарвин различать индивидуальные уклонения от мелких мутаций, когда их никто не различал. Дело в том, чтобы дать законченную теорию видообразования, или сколько-нибудь к ней приблизиться. Этого нельзя достигнуть призна-

нием за какой-нибудь частной формой видообразования всеобъемлющего значения, которого она не имеет. Повидимому, для этого нужно ждать второго Дарвина, который, по собственному признанию проф. Берга, стоит и как ученый, и как человек на высоте, доселе недосягаемой.

В. Шимкевич.

Б. К. ФОРТУНАТОВ. Бизоны и зубры в Аскания-Нова. Отд. оттиск из «Известий Госуд. Заповедника Аскания-Нова». 66 стр. 1922 г. Херсон.

Среди огня и дыма пожарищ, под гул орудий и счет пулеметов, на фоне сумятохи и скрипа телег отступающих обозов, среди безобразий разнузданной партизанщины, моря тревожных слухов и испуганных человеческих лиц не прекращалась жизнь научной мысли и работы в донском степном зоопарке Аскания-Нова. Прошел последний девятый вал 1920 года но еще долго взбаломученное махновщиной море степей носило печать прошедшей бури, оставившей водовороты то там, то здесь. В странной обстановке, с оружием в руках, под защитой пулемета, в Аскании все же продолжалась пульсация научной мысли. Тот, кто пережил эти дни, с особой радостью готов приветствовать появление в печати плодов работы, которая явилась плодом не только мысли, но и многих чувств и воли.

Среди богатств Аскании стадо зубров, бизонов и их метисов, обнимающее более 40 голов, представляет собою одну из драгоценных частей зоопарка. Оно, к счастью, мало пострадало от суровых событий последних лет и продолжает попрежнему украшать своими могучими фигурами простор Таврической степи,—окраины исторического Дикого Поля. Метрики и паспорта этих выходцев из Беловежа и американских прерий, с записями времени рождения и их родителей, которые требовали научной обработки в интересах науки о наследовании и зоотехнике, были приведены в полный беспорядок и частично уничтожены в водовороте людской дикости и ненависти.

Некоторые из гибридов, зубра, бизона и быка, родившиеся после 1915 года, вообще не были запротоколированы и описаны, и настойчиво требовали изучения.

Б. К. Фортунатов взял на себя труд восстановить историю интересного сада на основании сохранившихся документов и дал описание еще неизвестных литературе, более молодых членов его. Особый интерес представляют собою особи второго поколения от скрещивания зубра и бизона.

Статья написана живым образным языком и представит интерес не только для специалистов биологов и зоотехников.

Остается лишь пожалеть, что текст по техническим причинам не иллюстрирован.

Проф. Мих. Завадовский.

Д. ТИНДАЛЬ. Звук. Пер. с английского М. А. Антоновича. 3-е издание, вновь просмотренное, с примечаниями С. Т. Конобеевского. Государственное Издательство. Москва. 1922 г. Стр. 324.

Книжка эта вышла первым изданием в 1867 г. и с тех пор пользуется неизменным успехом у читателей, можно сказать, всего мира. Действительно, она—не превзойденный образец популяризации; и новое ее русское издание можно только приветствовать. Но нельзя не сознаться—она уже устарела по своему содержанию; русский перевод соответствует английскому изданию 1895 года, а с тех пор, в особенности за последнее время, акустика значительно ушла вперед. Поэтому, казалось бы, книжка нуждается в значительных добавлениях и исправлениях. Вот несколько тому примеров.

В § 7 первой лекции дело идет о дифракции звука, и как примеры берутся большие взрывы. В настоящее время относительно последних накоплен значительный и очень интересный материал: обнаружено подсасывающее действие взрывной волны, ее громадная скорость и т. д. Об этом в книжке нет ничего. Кстати сказать, примечание редактора, касающееся взрыва в Хорошеве в 1920 г., выражает мнение, которое, на мой взгляд, можно оспаривать.

Нуждается в дополнении и § 13 о скоростях звука в различных телах;

имеются новые экспериментальные данные, дающие, между прочим, и разрешение того вопроса, который поставлен Тиндалем: о влиянии лучеиспускания на скорость звука (§ 10). Пример на последних строках стр. 39 теперь следует заменить более удачным—звуком аэроплана. Рис. 25 педагогически очень неудачен: у неопытного читателя создается ложное представление о волнах вокруг камертона; этот рисунок надо заменить другим. § 1 лекции 3 трактует об излучателях звука или, как их стали удачно называть в последнее время, звуковых оттенках; объяснения Стокса, приводимые Тиндалем, теперь устарели. Параграфы о телефонах (стр. 142—147) теперь, когда возможен научный расчет телефона, устарели. О граммофоне нет ни слова, ведется речь только о фонографе (стр. 148). В начале лекции 6 сказано: всякое трение—ритмично. Такая фраза легко может ввести в заблуждение. Из опыта Теплера (стр. 172) вышел интересный прибор Самойлова, о котором следовало бы упомянуть. Вся лекция 7 об атмосферной акустике устарела и требует радикальной переделки. Особенно много узнано и сделано по этому предмету во время войны. Методы регистрации момента прихода звуковой волны, ее формы и амплитуды или совершенно отсутствуют, или упомянуты слишком уже кратко. Беззвучные зоны генерала Дуана (стр. 258) ныне очень хорошо известны и получили объяснение, отличающееся от даваемого Тиндалем. Работы Мона, касающиеся этого вопроса, появились до 1895 года и, следовательно, могли и войти в 6-е английское издание, правда, полное разъяснение этого вопроса более позднего происхождения. Об измерении звуковой энергии у Тиндаля нет ничего. Нет также почти ничего и из области физиологической акустики.

Итак, не мало мест, требующих дополнения или основательной переделки, чтобы книга стала современной. И тем не менее, я должен сознаться, что перечитать ее доставило мне не только громадное удовольствие, но и поучение. Иногда полезно вернуться к источникам нашего знания; многое получает тогда иное освещение. А когда эти источники излагаются таким мастером, как Тиндаль, тем более это поучительно и интересно. И решиться подвергать такую классическую книгу переделке не так-то легко. В этом—оправдание для редактора, ограничившегося только несколькими скупыми примечаниями и исправлением опечаток.

Проф. Ник. Андреев.

ТОЧНЫЕ НАУКИ.

1. Г. ЕГЕРЕР. Учебник высшей математики. *М. Гребенчи.* — **2. В. ГРЭНВИЛЬ. Элементы дифференциального и интегрального исчисления.** *В. Костицына.* — **3. Г. ПОПОВ. История математики.** *В. Костицына.*

HEINZ EGERER (Professor für Ingenieur-Mechanik und Material-Prüfung an der Technischen Hochschule prontheim). «Ingenieur-Mathematik. Lehrbuch Der höhern Mathematik für die technischen Berufe». Berlin. Verlag von Julius Springer. T. I. 1913 г. Стр. VIII + 503 (320 черт. и 575 прим.). T. II. 1922 г. Стр. X+713 (477 черт. и 1003 прим.).

Первый том этого учебника содержит повторительные сведения по элементарной алгебре, аналитическую геометрию, основы векториального исчисления; второй — дифференциальное и интегральное исчисления, теорию рядов, приложения анализа к геометрии.

В двух томах проф. Egerer'ом обстоятельно излагаются перечисленные выше отделы высшей математики, при чем читателя поражает не столько ясность и, так сказать, конкретность изложения, сколько обилие технических приложений (что, главным образом, и отражается на объеме книги). Последнее обстоятельство и заставляет особо выделить этот учебник из ряда ему подобных, вышедших за границей, не говоря, конечно,

о России, где подобного рода учебники если и существовали, то в большинстве случаев переводные (Перри, Нернст и Пенфлис, Бурхард, Кольрауш и др.). Большинство приведенных технических приложений относится к сопротивлению материалов и механике, что объясняется и специальностью автора (см. заголовок), а главным образом, тем, что это наиболее важные специальные предметы, где требуются приложения изложенных отделов математики. Особенный интерес в этом смысле должен представлять 3-й том (еще не вышел), где автор дает приложения наиболее богатого в этом смысле отдела анализа—интегрирования дифференциальных уравнений. Нельзя не приветствовать введения в учебник основ векториального исчисления, знание которого становится для инженера все более необходимым. Внешне учебник издан блестяще. Терминология взята из «Hütte».

Проф. М. К. Гребенча.

В. ГРЭНВИЛЬ. Элементы дифференциального и интегрального исчисления для техн. уч. заведений и для самообразования. Вып. 1-ый. Дифф. исчисление. Перевод Н. Н. Маракуева. Изд. 2-е, прораб. и доп. проф. Н. Н. Лузиным. 8°. 288 стр. Гос. Изд. Москва. 1922.

Вопрос о наилучшем типе учебника математического анализа для высшей технической школы—очень большой и очень сложный вопрос. Еще недавно считалось, что курс анализа для техников должен отличаться от университетского курса только размерами. Пример был дан из Франции: на известных курсах Jordan'a и Humbert'a стоит заголовок: «Курс анализа, читанный в Политехнической школе», между тем эти курсы совершенно недоступны для студента-техника и мало доступны для среднего университетского студента. Явным подражанием французским образцам является известный учебник К. А. Поссе, значительно облегченный по сравнению с ними, но являющийся только сокращением университетского курса. Требование пересмотра содержания было предъявлено к курсам анализа английской и американской технической школой; оно сводилось к следующему: курс анализа для технической школы должен содержать: 1) то, что нужно для инженера-практика, 2) то, что нужно для понимания механики и физики, и 3) то, что необходимо для строгого и связного изложения курса. Отобранный по этим признакам материал в английских учебниках оказался очень отличающимся от университетского курса. Нет дифференциальной геометрии в пространстве, но имеется большое количество необходимых для техники плоских кривых. Нет Эйлеровых интегралов, но очень детально излагается вычисление площадей, объемов и т. д. Ничего лишнего, только строго необходимое. Характер изложения тоже своеобразный: полная строгость в доказательствах, ряд точных и определенных правил, можно сказать, даже рецептов для решения задач, большое количество разобранных до числового конца задач. Такой тип учебника, конечно, не удовлетворит вдумчивого студента, но зато среднему студенту он даст устойчивые знания и устойчивое умение пользоваться ими, а это и важно для технической школы.

Лучшим из учебников этого рода является безусловно выпущенный Госиздатом учебник Грэнвиля, прекрасно проредактированный для нового издания проф. Н. Н. Лузиным. Для технической школы это лучший подарок к новому учебному году, если, конечно, студенты смогут преодолеть высокую цену. С внешней стороны новое издание не хуже прежнего. Жаль только, что синусоида на стр. 288 похожа на что угодно, только не на синусоиду, но это в общем—мелочь. Пожелаем этому учебнику возможно более широкого распространения.

Проф. В. А. Костицын.

Г. Н. ПОПОВ. История математики. Вып. I. 8°. 236 стр. Москва, 1920 года, на правах рукописи.

Русская литература так бедна книгами по истории математики, что каждую новую книгу всегда ждешь и встречаешь с вполне понятным волнением, осо-

бенно, когда появляется книга, написанная русским автором.

Ждешь, что в истории математики скажется тот перелом, который марксистская мысль внесла в историю вообще. Какая благодарная задача—именно на математических идеях и методах показать влияние экономических факторов, показать, как *идея просто* при иных условиях становится *идеей—силой*. Зародыши идей Лейбница и Ньютона можно найти у средневековых схоластиков. Как показал Duhem, зародыши современной механики можно найти в трудах людей, живших в раннее средневековье и преподававших теологию в Сорбонне. Читая их, чувствуешь, что мозг Ньютона в то время также занимался бы богословскими тонкостями и проявлял бы свой блеск случайными замечаниями по вопросам механики и математики. Эти замечания падали бы в пустоту и даже на породившей их почве не дали бы ростка. Появление Ньютона и Лейбница в конце XVII века не случайно. Живи они в другое время, они занимались бы другими вещами... Какая благодарная задача проследить развитие этих ростков, в связи с общим культурным развитием. К сожалению, этот перелом в истории математики не наступил и наступит не скоро. На страницах крупнейшего журнала по истории математики Bibliotheca Mathematica совсем недавно велась полемика по вопросу о том, должно ли историю математики трактовать *в себе* или в связи с историей культуры. Книги по истории математики, за очень немногими исключениями, рассматривают развитие математических методов независимо от внешнего мира или представляют из себя кладбища фактов. Когда-нибудь по этим кладбищам прогуляется марксистская метла, но вот вопрос—когда?

История математики Г. Н. Попова решительно ничем не отличается от своих предшественниц. Тот же хаос фактов, тот же хаос мыслей. Например, на стр. 222 говорится: «китаец по природе своей слишком консервативен, что вытекает из его национальной ограниченности». Это говорится о народе с многовековой культурой, сносившемся в иные эпохи своей истории с десятками иностранных государств, пережившем несколько революций, несколько раз менявшем формы собственности на землю, начиная от крупных латифундий и кончая социализацией земли. Таким образом, кроме новых фактов от «Истории математики» Г. Н. Попова ничего нельзя ожидать, но и с фактами слабо. Г. Н. Попов цитирует многие весьма устарелые источники по истории китайской математики и не цитирует новых и оригинальных работ японца Mikami Voshio.

Почти вся книга посвящена изложению взглядов автора на существо истории математики. Здесь он решительнейшим образом открещивается от исторического материализма, как «слишком узкого», и очень много говорит о пользе истории математики с различных точек зрения. В этих рассуждениях сейчас же сказывается, что сам Г. Н. Попов научной математической работы не вел и с методологией научной работы знаком лишь из вторых рук. Отсюда вытекает чисто обывательский характер его размышлений о «пользе науки», отсюда же и некоторые рискованные утверждения, например, что Гаусс—человек с дутой репутацией. И, конечно, нет никакой надобности издавать эти размышления в виде книги в 236 страниц. Для истории математики эта книга мертва.

Проф. В. А. Костицын.

МЕДИЦИНА И НАРОДНОЕ ЗДРАВИЕ.

1. Н. ФИЛАТОВ. Краткий учебник детских болезней. *И. Гельмана.* — **2. Оспа и оспопрививание.** *С. Гуревича.* — **3. А. ЭККЕРТ. Краткий курс внутренних болезней.** *Е. Марциновского.* — **4. Сборник законов и распоряжений правительства Российской Республики по врачебно-санитарному делу.** *А. Сысина.* — **5. Гигиена и эпидемиология.** *Д. Гуревича.* — **6. Г. САХАРОВ. Рудольф Вирхов и русская медицина.** *Д. Гуревича.*

Проф. НИЛ ФИЛАТОВ. Краткий учебник детских болезней для студентов и врачей. Издание двенадцатое (посмертное), пересмотренное и дополненное. Государственное Из-во Украины. Одесское отделение. Секция точного знания. 1922 г. 254 стр.

На книге покойного проф. Н. Филатова воспитывались десятки поколений студентов и молодых врачей. Она принадлежала к числу любимейших пособий при изучении детских болезней. И, несмотря на почти 30-летнюю давность со времени первого ее издания, она до сих пор не потеряла своей ценности. Написанная одним из лучших русских клиницистов, она соединила в себе легкое изложение, строгую научность, ясную классификацию и блестящую клиническую наблюдательность. А последнее качество принадлежит к числу никогда не стареющих. Как мы и в настоящее время читаем с удовольствием лекции наших выдающихся клиницистов (Захарьина, Снегирева), несмотря на то, что с точки зрения современной науки их лекции несколько устарели,—так остается свежей и нужной для всякого студента и молодого врача и книга проф. Филатова. В сжатой и краткой форме дается и симптоматология, и клиническая картина, и терапия детских болезней. Автору удалось откинуть все маловажное и оставить все существенное. Неудивительно поэтому, что, несмотря на появление новых ценных книг по детским болезням, место книги Филатова в подготовке студентов и врачей осталось попрежнему за ней.

Поэтому надо горячо приветствовать появление нового издания этого классического руководства.

Редакторы нового издания проф. И. Я. Винокуров и д-ра А. И. Скроцки и А. Н. Великанов снабдили книгу некоторыми дополнениями. И, кроме того, дали несколько новых глав: о тифе, о диатезах и глазных болезнях в детском возрасте (проф. В. П. Филатов). Эти дополнения и главы не нарушают общего плана книги и являются безусловно ценными. Несколько случайной, но не лишней является глава о глазных болезнях. Случайной потому, что с таким же, если не с бо́льшим, правом можно было поместить в книге главу об ушных, горловых и носовых болезнях в детском возрасте. Далее следует выразить сожаление, что дополнения редакторов, рассеянные в книге, не выделены из авторского текста. Этого требует уважение к автору. Желательно было бы, чтобы в будущих изданиях это право автора на отделение принадлежащего ему от всего, что является чужим, строго соблюдалось.

Книга внешне издана средне. Улучшить внешность книги при следующих изданиях было бы не лишне.

И. Гельман.

ОСПА и ОСПОПРИВИВАНИЕ. Руководство для медицинских школ. Составили С. К. ГОГИТИДЗЕ, проф. Клиники детских болезней Медицин. Института в Одессе М. Б. СТАНИШЕВСКАЯ, препод. Клиники инфекц. болезней Медицинского Института в Одессе. Д-р М. Л. Левонтин.—2-ое издание, пересмотрен. и дополнен. Государств. Из-во Украины. Одесское отделение. Секция точного знания. 1922 г. 52 стр.

Книжка содержит четыре статьи: 1) очерки проф. М. Станишевской «Натуральная оспа», в которых очерчена клиническая картина, прогноз и ле-

чение болезни; 2) оспопрививание — вакцинация. Статья проф. Гогитидзе, весьма обстоятельно и подробно излагающая технику получения вакцины, клиническое течение привитой вакцины, течение первичной прививки, общие явления в течение вакцинного процесса, наступление невосприимчивости, клиническое течение вторично привитой вакцины (ревакцинации), осложнения течения привитой вакцины, технику оспопрививания, технические детали операции, выбор времени для прививок.

Третья статья проф. С. Гогитидзе представляет памятку для оспопрививателя и содержит три главы: предметы, необходимые для производства массовых прививок, приготовление материалов и производство прививок.

Книжка заканчивается небольшой статьей д-ра М. Л. Левонтина: о регистрации при производстве предохранительного оспопрививания, трактующей, главным образом, о технике регистрации.

Громадной важности и значения вопрос оспопрививания рассматривается в книжке преимущественно с клинической стороны. Профилактическая сторона этого мероприятия в высокой степени поучительная и интересная в историческом и социально бытовом отношениях в книжке почти совершенно не затрогивается. Это обстоятельство делает книжку неинтересной для широкого круга читателей, хотя она и не бесполезна для медицинских школ, для которых она предназначена.

Изложена книжка языком специалиста, и с этой стороны за ней нельзя не признать ценности популярной книжки.

С внешней стороны руководство издано весьма аккуратно; снабжено температурными кривыми и рисунками.

Д-р Сол. Гуревич.

А. Ф. ЭККЕРТ. Краткий курс внутренних болезней. 4 издание. Берлин. Государственное Издательство. 1921 г.

Книга предназначена для преподавания внутренних болезней для среднего медицинского персонала. Издана на хорошей бумаге, но внешность книги далеко не соответствует ее содержанию, так как в ней содержится масса грубых ошибок и недочетов. В главе о дезинфекции автор является большим сторонником формальдегида и совершенно забывает об его недостатках. В числе методов дезинфекции он рекомендует, между прочим, «обтирание стен кусками хлеба», что вряд ли можно признать рациональным. В главе о *возвратном тифе* (стр. 74) автор указывает, что болезнь происходит путем «прямой передачи от больных здоровым» и даже «через третьих лиц». О передаче же болезни через укусы вшей не говорит ни слова. В связи с этим не говорит ничего и о дезинсекции. В главе о кишечных инфекциях (холера, дезинтерия) он совершенно не упоминает о роли мух, как распространителей инфекции. В главе о глистах (стр. 189) для книги, вышедшей в 1921 г., не мешало бы иметь и новые данные о путях заражения глистами, чего в книге Эккерта мы не видим. В главе о желтухе совершенно не затронуты различные формы этой болезни с различной этиологией и в частности ничего нет об эпидемической желтухе (стр. 192). В главе о чуме (стр. 95), о передаче бубонной чумы через укусы блох ничего не сказано, хотя о крысах автор и упоминает. Говоря о цынге (стр. 209) и об этиологии этого заболевания, автор ни звуком не обмолвился о витаминах. Наконец, в главе о сыпном тифе (стр. 72) автор приводит совершенно устарелое представление, что болезнь передается «через соприкосновение и пребывание в зараженных помещениях», при этом ни слова не говорит о передаче ее через укусы вшей. Там же автор говорит, что при вскрытии умерших от сыпного тифа не обнаруживается никаких специфических изменений в органах, тогда как патологическая анатомия сыпного тифа хорошо разработана, и даже молодой патолого-анатом на секционном столе может легко поставить правильный диагноз. Словом, вся книга пестрит такими грубыми ошибками, что нужно только удивляться, как она смогла выдержать 4 издания, и во всяком случае для целей преподавания она является не только не пригодной, но и вредной.

Крайне было бы желательно, чтобы означенная рецензия была приложена к каждой книге, выпущенной Государственным Издательством в продажу, это может быть несколько ослабило бы ее отрицательное значение и, как это всегда бывает, дало бы возможность слушателям лучше запечатлеть допущенные автором ошибки уже в исправленном виде.

Е. Марциновский.

«СБОРНИК ЗАКОНОВ И РАСПОРЯЖЕНИЙ ПРАВИТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ПО ВРАЧЕБНО-САНИТАРНОМУ ДЕЛУ» и непосредственно с ним соприкасающимся отраслям государственного управления. Составил д-р Н. Фрейберг, управляющий делами Н. К. Здравоохранения. Изд. Н. К. Здравоохранения. Москва, 1922 г. Стр. 653.

Сборник д-ра Н. Фрейберга представляет очень ценную и необходимую работу. Прежде всего, автор, д-р Фрейберг, является одним из лучших знатоков русского и европейского врачебно-санитарного законодательства; ему принадлежит ряд работ в области административной гигиены; он был неизменным участником международных санитарных конференций. Идея издания таких систематизированных материалов по врачебно-санитарному законодательству реализована автором уже давно. Всякому врачу, всякому работнику в области здравоохранения давно знакомы и являются настольной книгой прежние работы Н. Фрейберга на ту же тему. Теперь эти работы, выдержавшие несколько изданий, несмотря на большой объем и специальный характер, имеют чисто исторический интерес. В них собраны были и систематизированы материалы старого дореволюционного времени и санитарного права России, ныне отжившего и в значительной своей части совершенно ликвидированного революцией.

Революция и в деле врачебно-санитарного строительства и права произвела свою творческую работу. На смену отжившим и устарелым формам административно-врачебного строя прежней России, на смену полицейскому бюрократическому укладу в разрешении медицинских вопросов—мы имеем сейчас нечто совершенно иное; мы имеем стройную систему здравоохранения, начиная с низов и кончая впервые после революции созданным, высшим государственным органом здравоохранения—Н. К. Здравоохранения. В сферу государственного вмешательства и забот вошли новые, совершенно не затрагиваемые ранее области,—как, например, охрана материнства и младенчества, борьба с социальными болезнями, жилищно-санитарное дело, законодательство по вопросам половой гигиены (декрет об абортах). Получили новое разрешение вопросы санитарного просвещения, медицинское снабжение (национализация аптек), организовались новые научные учреждения и институты и т. д.

Все это перестраивалось и создавалось в условиях нового государства, при новом государственном и социальном строе, отражало новые, неизвестные ранее черты. Социальный характер медицины, и особенно социальный характер гигиены, т.-е. предупредительной медицины,—вот основной лозунг того, что уже получило не только у нас, но и за границей название *«советская медицина»*.

Поэтому, естественно, что громадный интерес представляет собрание и подбор всех законодательных и иных материалов по вопросам народного здравоохранения, изданных и проведенных уже Советской властью. Д-р Фрейберг мастерски выполнил эту задачу. Составленный им сборник обнимает все законы и распоряжения, изданные в период с 7 ноября 1917 г. (Октябрьская революция) по 1 сентября 1919 г., т.-е. два первых года Советской власти. К печати подготовлен второй выпуск, обнимающий следующие три года.

Материалы сборника систематизированы в 5 частях. Первая часть—конституция Р. С. Ф. С. Р., как основной закон, из которого вытекает весь строй страны. Вторая часть охватывает все распоряжения и положения о центральных органах по здравоохранению и о местных органах. В третьей части содержатся законы и распоряжения общего характера; в четвертой части—условия и фор-

мы работы в органах и учреждениях здравоохранения. Пятая часть представляет особый интерес—это врачебное, санитарное и социальное законодательство Р. С. Ф. С. Р. за первые годы революции: медицинское образование, медицинская статистика, общесанитарные меры, питание и продовольствие, охрана младенчества, материнства и детского возраста, охрана труда, организация лечебной помощи, меры против заразных болезней, лечебные местности, лекарства, судебно-медицинская экспертиза, снабжение.

Автор не только механически и хронологически подбирает тот богатый материал. В тех областях, где до сих пор отсутствуют какие-либо нормы нового советского права и закона, приводятся наиболее основные врачебные и санитарные распоряжения прежнего времени. Таковы законы по медицинскому образованию и о профессиональных правах врачей, некоторые материалы из Устава Врачебного, по санитарному благоустройству, обширные правила о нормах очистки сточных вод, изданные в 1911 г., требования при некоторых заразных болезнях (например, проказа), и т. д. Из этих дореволюционных материалов кое-что за последние два года изменено; это следует иметь в виду при пользовании и изучении. Кстати сказать, указанные выше правила о нормах спуска сточных вод подвергнуты были и в свое время строгой критике, а ныне совершенно пересоставлены Санитарно-техническим Советом Н. К. З.

Из совершенно нового, неизвестного ранее бывшему законодательству—следует указать на материалы по охране материнства, по детскому питанию, по курортам, по жилищно-санитарной инспекции, по оспопрививанию и т. д.

Весь этот материал строго систематизирован; приложенный в конце сборника предметный указатель облегчает нахождение справок и делает эту книгу опять-таки настольным пособием для всякого практического работника здравоохранения.

Однако, главное значение сборника не только в этом. Многое из того, что напечатано в этом сборнике, уже устарело и заменено новым, многое радикально переработано; но все же в исторической перспективе перед нами развертывается интересная эпоха нового творчества медицинского дела в стране, нового строительства в деле оздоровления, применение новых методов трудового государства и в этой, в громадной мере проникнутой еще духом частно-владельческих и частно-правовых отношений, области практической медицины.

Для изучения этой эпохи, для изучения постепенного развития нового врачебно-санитарного законодательства сборник останется всегда незаменимым источником исторического и практического значения. Необходимо пожелать, чтобы вышел скорее второй выпуск.

Д. Сысин.

ГИГИЕНА И ЭПИДЕМИОЛОГИЯ. 1922 год. Санитарно-эпидемиологический отдел Наркомздрава. Москва. Стр. 172.

Медленно, но верно начался процесс восстановления материального и культурного строительства во всех областях нашей республики. Процесс этот сказывается также и в деле Здравоохранения, отрадным признаком которого является выход в свет первой книжки издаваемого Санитарно-Эпидемиологическим Отделом Н. К. З. журнала. Журнал ставит перед собой «определенные и ясные задачи. С одной стороны—это ознакомление с научными и научно-практическими достижениями в предупредительных областях народного здравоохранения, с другой стороны—это освещение фактического состояния и фактической работы в этом отношении в России».

Уже первая книжка в полной мере удовлетворяет поставленным задачам. В ней мы имеем ряд очень интересных статей, реагирующих на последние запросы санитарной науки и практики. Отметим статью проф. Бимана «К вопросу о нормировании стоков»; очень важную и своевременную статью д-ра Гельмана «Принципы построения санитарно-строительного устава»; ст. П. И. Куркн-

на «О физическом развитии призывного возраста в Германии»; «О развитии спирохет возвратного тифа в организме человека», проф. Е. И. Марциновского; «Практика противохолерных прививок peros», проф. Д. К. Заболотного, и многие другие. Все статьи полны научно-злободневного интереса и свидетельствуют об упорной цепкости и жизненности русской гигиенической мысли, которая продолжала творить, несмотря на невероятные тяжелые общие условия жизни.

Кроме отдела «оригинальные статьи», 1-я книжка журнала содержит еще два отдела: 1) действие санитарных органов в России и за границей и 2) съезды и совещания. Первый отдел представляет обзор санитарной жизни у нас, в России, и на Западе. Из этого отдела отметим очерк Ф. Касторского о санитарной организации в уездах Воронежской г. и статьи об организации польского и французского министерства здравоохранения.

Третий отдел содержит обстоятельные отчеты о происходивших за последнее время крупных съездах и конференциях у нас и в Европе.

В четвертом отделе рефератов и библиографий отметим общий обзор английской и германской литературы по жилищному вопросу и библиографию иностранной и русской литературы по гигиене, санитарии и вопросам голода

Пятый отдел содержит хронику.

Таков богатейший материал нового журнала. В наше время, когда вопросы профилактики приобретают государственное значение, горячо желаем новому журналу не застрять на первом номере и аккуратного выхода в неуменьшенном размере.

Д. С. Гуревич.

МЕДИЦИНСКАЯ БИБЛИОТЕКА. Серия IV. Вып. I. Проф. Г. П. САХАРОВ. Рудольф Вирхов и русская медицина. Москва. 1922 г. 45 стр.

Краткая книжка профессора Г. П. Сахарова, изданная в ознаменование столетнего юбилея со дня рождения Рудольфа Вирхова (13 октября 1921 г.) представляет собой краткий очерк исторического развития русской медицинской мысли и устанавливает факт могучего влияния учения и идей великого немецкого патолога на дальнейшее направление русской медицины. Целым рядом чрезвычайно интересных фактов, цитат автор рисует жалкое состояние нашей медицины до Вирхова и его школы и быстрый мощный расцвет русской медицины, как в области патологии, так и клиники под благотворным влиянием учения Вирхова. Очень интересны страницы, посвященные характеристике двух основных клинических направлений в русской медицине: Захарьин в Москве и Боткин в Петербурге. Слабо охарактеризована роль и влияние Пирогова на развитие русской медицины. Автор не забыл упомянуть и про ту деятельность Рудольфа Вирхова, которая была направлена в сторону организации дела Здравоохранения, и считает, что в этом отношении Рудольф Вирхов имел хотя бы и косвенное влияние на развитие нашей земской медицины.

Д. С. Гуревич.

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ.

1. Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ. Петербургская Летопись. *В. Ф. Переверзева.* — **2. Достоевский в изображении его дочери Л. Достоевской.** *Д. Благого.* — **3. В. ЖИРМУНСКИЙ. Валерий Брюсов и наследие Пушкина.** *С. Боброва.* — **4. Б. СОКОЛОВ. Кн. Мария Волконская и Пушкин.** *И. Ансенова.* — **5. И. В. ЕГОРОВ. Общественность в русской художественной литературе XIX в.** *П. С. Когана.* — **6. В. Н. ПЕРЕТЦ. Краткий очерк методологии истории русской литературы.** *М. Эйхенгольца.* — **7. О. ВАЛЬЦЕЛЬ. Импрессионизм и экспрессионизм.** *Л. Розенталя.*

Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ. Петербургская Летопись. Из неизданных произведений. С предисловием В. С. Нечаевой. Изд. «Эпоха». Петербург—Берлин. 1922 г. 76 стр.

Четыре фельетона молодого Достоевского, напечатанные в этой книжке, являются косвенным результатом работы, ведущейся под руководством подсекции русск. Лит. Научно-Исследовательского Института Яз. и Лит., сотрудницей которой состоит В. С. Нечаева. Обследуя в плане работ подсекции Литературный Отдел газеты «Санкт-Петерб Ведомости» за 1847 г., В. С. Нечаева наткнулась на эти фельетоны, открыла их автора, скрывавшегося под разными инициалами, обосновала авторство Достоевского справками биографическо-исторического порядка и анализом стиля и содержания фельетонов.

Для внешней и внутренней истории творчества Достоевского открытие Нечаевой представляет большой интерес. Четыре фельетона «Петербургской Летописи»—новый, доселе оставшийся неизвестным, факт писательской биографии Достоевского и новое звено в эволюции его творчества. Исследование этого факта, несомненно, расширяет и углубляет наше понимание Достоевского.

Уже в предисловии Нечаевой намечается возможность использовать изучение открытых фельетонов для освещения творческой работы Достоевского над его ранними повестями. Фельетоны Достоевского органически связаны с его повестями. Повести вырастают из фельетонов, которые являются черновой работой, летучими заметками художника, собирающего материал, набрасывающего эскизы к будущим художественным произведениям. В сущности говоря, фельетон для Достоевского—не самостоятельный жанр, а необходимый этап в работе художника, метод художественного творчества. Его фельетон—это записная книжка или дневник художника. Этим определяется своеобразный характер фельетонов Достоевского. Всматриваясь в эти фельетоны, убеждаешься, что Достоевский-художник немыслим без Достоевского-фельетониста, что у него путь к художественному творению лежит через фельетон. Пока в наших руках не было фельетонов 47 года, мы могли только догадываться об этом по «Дневнику писателя». Теперь, зная, что на заре творческой деятельности Достоевского повесть сплелась у него с фельетоном, мы можем говорить об этом, как о доказанном факте.

Найденные Нечаевой статьи Достоевского яснее освещают и некоторые стороны проблемы его эволюции. Фельетоны из «Санкт-Петербургских Ведомостей» — новый факт, утверждающий единство творческого облика Достоевского от начала и до конца литературной деятельности, отрицающий наличность в ней катастрофического перелома, на котором настаивают некоторые критики. Достаточно поверхностного ознакомления с этими фельетонами, чтобы заметить близкое стилистическое и идейное родство их с «Дневником писателя». Тот же капризный, полный неожиданных переходов строй изложения, где калейдоскопически сменяют друг друга бытовая сценка, заметка о литературе, личное воспоминание, набросок повести; тот же желчный тон ипохондрика; та же сосредоточенная дума о

беспочвенности и фантастичности русского европейца, взрощенного петербургским туманом. В «Петербургской Летописи» перед нами несомненный эмбрион «Дневника Писателя». Достоевский сорок седьмого года пытался разрешить в своих фельетонах ту самую задачу, блестящее решение которой он дал в конце своего литературного поприща.

В этих ранних фельетонах можно найти и некоторые новые данные для решения вопроса о литературных вкусах Достоевского и литературных влияниях, испытанных им. В этом смысле любопытно сопоставить отношение Достоевского к известному роману Гончарова «Обыкновенная история» и к неизвестной повести Неустроева «Сбоев». В ту пору, как произведение крупного романиста Гончарова отмечается вскользь, как приятное чтение, произведение Неустроева сильно захватило Достоевского, как что-то созвучное с его художественными планами. Он рекомендует настойчиво эту повесть читателю, любовно излагает ее содержание, любовно и проникновенно останавливается на образе кроткой страдалицы Анне Ивановне и на мучителе-страдальце, ее вечно пьяном муже, Иване Кирилловиче, намекает в заключение, что он и сам хотел написать повесть в этом стиле.

Все это наталкивает на мысль, что не среди классиков, а, скорее, среди забытых беллетристов 40-х годов мы найдем духовных сродственников Достоевского, которые оказывали некоторое влияние на формовку его художественных тем и образов. В частности это должно обратить внимание исследователя Достоевского и на автора повести «Сбоев» Неустроева, произведшего столь сильное впечатление на молодого Достоевского.

Вообще опубликованные в книжке Нечаевой фельетоны Достоевского могут дать толчок для весьма плодотворных исследований и заслуживают серьезного внимания и вдумчивого отношения. Издана книжка прекрасно. В предисловии дана внешняя история и общая характеристика стиля и содержания фельетонов, являющаяся недурным введением к ним. Текст снабжен примечаниями к именам лиц, встречающимся в фельетонах, в которых объясняется, что это за лица и почему о них говорится. Примечания весьма полезные, избавляющие читателя от возни со словарями и справочниками, без чего все эти имена остались бы для читателя пустым звуком.

В. Ф. Переверзев.

ДОСТОЕВСКИЙ В ИЗОБРАЖЕНИИ ЕГО ДОЧЕРИ, Л. ДОСТОЕВСКОЙ, под редакцией и с предисловием А. Г. Горнфельда. Государственное Издательство. М.—Петр. 1922. Стр. 105.

Обстоятельнейшие записки жены Достоевского, А. Г. Достоевской, подготовляемые к печати (несколько глав напечатано в петербургском сборнике: «Достоевский», под редакцией Долинина), составляют как бы ключевой камень того поминального свода, который нарастал на его имени в течение последних сорока лет. Чрезвычайно важным дополнением к этим запискам является жизнеописание Достоевского, опубликованное недавно его дочерью за границей на немецком языке, а ныне в наиболее существенных извлечениях представшее и перед русским читателем. Записки А. Г. Достоевской—стенограммы быта, героика пустяков, апофеоз великими трудами достигнутого домашнего благополучия. В серый пушистый кокон быта заботливыми руками своей жены оказался целиком заткан и автор Карамазовых.

Наоборот, несмотря на слишком внешний характер биографического повествования дочери Достоевского, несмотря на некоторую постоянно-свойственную ей идиллличность подхода к отцу,—основное «неблагополучие», отметившее собой всю его жизнь, на всем ее протяжении, проступает сквозь ее рассказ с неизменной отчетливостью.

Не все в этом рассказе вызывает на одинаковое доверие. Личная или традиционно-семейная антипатия, в особенности непрестанное сведение счетов с «родственниками», с неменьшей

резкостью дающее себя чувствовать и в записках ее матери, наложили на изложение дочерью различных обстоятельств жизни Достоевского, на характеристики близких ему людей, свои несомненно, субъективные черты. Помимо такого несвободного от предвзятости отношения к отдельным лицам и фактам, А. Г. Горнфельд в своем предисловии отмечает и общую руссофобскую тенденцию книги, сказывающуюся с особой силой в немецком оригинале и выражающуюся в стремлении ее автора «убедить европейских читателей в том, что отец ее не был русским»: Л. Ф. Достоевская доказывает литовское происхождение его предков.

Но, отметив эти недостатки, нередко соединенные с неточностью некоторых показаний, отсутствием правильно-поставленной хронологии, наличием несомненных преувеличений и проч., нельзя не указать и на тот обширный и подчас исключительной ценности новый материал, который, заимствуя его из живых архивов семейной памяти, дает в своей книге Л. Ф. Достоевская. Так, например, биографы поэта глухо упоминали о какой-то тяжелой семейной драме, вызвавшей его первый эпилептический припадок. Содержание этой драмы—убийство отца писателя, совершенное из мести его же крестьянами, исковеркавшее психику Достоевского на всю его жизнь—узнаем мы впервые.

Угрюмый и «свирепый» облик страдающего запоями и болезненной скупостью отца Ф. М. Достоевского (Л. Ф. Достоевская не без основания видит в нем прообраз Федора Павловича Карамазова), отметившего наследственным алкоголизмом, слабоумием, маниакальностью и умопомешательством несколько последующих поколений, также впервые поставлен в ее книге во весь свой рост. Впервые раскрывается ею во всех подробностях и тяжелая супружеская жизнь Достоевского с его первой женой; впервые рассказывается единственная его «любовная история» с некоею Полиною N, являющейся, по ее домыслу, оригиналом Полины из «Игрока» и прототипом целой серии его женских образов.

Но особенной убедительностью обладают, конечно, главы, посвященные Ф. М. Достоевскому, написанные его дочерью по непосредственным детским воспоминаниям. Целый ряд трогающе-интимных черточек, свойственных этому «жестокому таланту» в его частной жизни как венчиком милых морщинок окружает для нас под ее пером его измученное, больное лицо. Мы узнаем здесь и о феноменальной рассеянности его, подавшего как-то милостыню захотевшим подшутить над ним жене и дочке,—рассеянности, о которой сам он не мог спокойно слышать, так не хотелось ему ни в чем походить на обычного, неизменно «рассеянного» писателя; о его наклонности к первоапрельским шуткам; об артистических увлечениях; о воспитательных попытках: к великому своему огорчению усыпил «Разбойниками» Шиллера шестилетнего сына и семилетнюю дочь, и проч., и проч.

И если даже труд Л. Ф. Достоевской и встретит серьезные возражения со стороны исследователей, если многое из того, что она сообщает и будет отвергнуто, как голословный или не поддающийся проверке материал, то наличие подобных страниц делает ее книгу дорогой и обязательной для каждого, кому имя Достоевского не звучит пустым звуком.

Д. Благой.

В. ЖИРМУНСКИЙ. Валерий Брюсов и наследие Пушкина. Опыт сравнительно-стилистического исследования. Спб. К-во «Эльзевир». 1922. Стр. 104.

Ленивый скептик Уайльд как-то огорчался: не надо вообще никаких доказуемостей, не надо потому, что даже истина может быть доказана. Даже истина... что же касается до сомнительных положений, то их сомнительность обычно выясняется из невероятного количества бесспорностей, окружающих их. Отчего бы, в конце-концов, не заниматься Жирмунскому морфологией стиля. Отчего бы ему не расценивать того или другого автора с точки зрения того материала, который накапливает его наблюдательность. По Жирмунскому эта роль кажется слишком скромной,—про-

фессор и критик, он призван поучать и устанавливать незыблемые кессоны стиля. Поэтому он делает свой материал трамплином для полемических выступлений. Материал по существу дела для этого не годится,—тем хуже для него: он берется тогда как подспорье, и центр тяжести переходит в критическое брюзжание и спесивые погромчики критикуемого. Проф. Брандт однажды пенял Тютчеву на то, что тот осмелился поставить в стихе вместо «шея»—«выя»; хорошо, что Тютчев тогда уже ушел от дел земных и не мог полемизировать или поучиться у профессора, как ему, Тютчеву, надо писать стихи. С Жирмунским нечто в том же роде. Жирмунский любит Пушкина (явно по недоразумению, но не в том дело), а следующей за Пушкиным привязанностью его является упоительная Ахматова. Резонно и понятно, что все лежащее между этими именами (он так и пишет на стр. 100: «Пушкин и Ахматова») ему отвратительно и презренно. Отвращение—вещь тяжелая, носить ее в себе трудно,—лучше излить этот мрак и отделаться от него коли не стихами, так статьями (вот где вскрывается глубокий романтизм нашего исследователя!).

Романтик начинает. Ахматова и... Пушкин—хорошие поэты, то-есть классики, у них каждое слово значит то что оно значит (то-есть они придают ему то значение, какое думает придавать ему и сам Жирмунский—бедный Пушкин, какая напраслина на него взводится). Но между гениальными именами Ахматовой и Пушкина лежит ненавистный Брюсов. Чем он плох, сказать трудно, и этого Жирмунский и не говорит—он этого не знает. Но он гадкий, противный, скверный. Его надо обругать. За что бы такое его обругать? Жирмунский хватается за брюсовское окончание пушкинских «Египетских ночей». И—начинается.

Рассуждая априорно,—чего мог бы ожидать читатель от этого окончания? Естественно и очевидно, что когда поэт другой эпохи, взглядов и стиля берется оканчивать начатое чуть не сто лет тому назад,—он будет писать так, как он пишет теперь, как ему лично свойственно, несмотря на всю стилизацию, которую он будет стараться навести на свое подражание. Так Брюсов и сделал,—сделал так потому, что ничего другого ни он, ни кто другой сделать не мог. Стоит ли его за это ругать? Почему тогда не начать с Майкова, который тоже когда то пробовал закончить одно стихотворение Пушкина («В голубом эфира поле—Блещет месяц золотой»...) и по-своему в этом преуспел. Но стихи Майкова остались стихами Майкова, а катрэн Пушкина—пушкинским. То же случилось и с Брюсовым. По сравнению с Майковым он даже весьма и весьма преуспел, так как все же дал нечто схожее с Пушкиным. Жирмунский со всем этим считаться не желает. Он берет десяток стихов Брюсова, разбирает их со свойственной ему неуклюжестью и поверхностностью, в силу разбора этого строит «Брюсовский канон», потом ныряет в окончание «Египетских ночей» и затем говорит, что вот-де Пушкин и Ахматова—классики, а Брюсов—романтик, отвратительный романтик, ибо не чистый романтик, а еще с примесью некоего рассудочного начала. Вся эта глубоко-романтическая истерика называется «сравнительно-стилистическим» исследованием.

Сергей Бобров.

БОРИС СОКОЛОВ. Кн. Мария Волконская и Пушкин. Изд. «Задруга». М. 1922 г. Стр. 96.

Из этой книги мы узнаем, что Пушкин был влюблен в М. Н. Раевскую, что он был в Крыму, что он не переставал любить М. Н. и после ее замужества, что взаимностью поэт не пользовался, что ее муж был декабристом, был сослан в Сибирь, что М. Н. разделила изгнание своего мужа, что этому ее намерению родители и родственники не сочувствовали, что Волконский в семье Раевских не был популярен и что «Полтава» посвящена Раевской-Волконской, откуда автор исследования выводит поразительно смелое заключение: под Мазепой Пушкин разумел Сергея, а под Марией—Марию Волконскую.

Все это совершенно верно, но, к сожалению, уже было написано и напечатано неоднократно, а в настоящее время является общим местом: затрата исписанной и испечатанной бумаги ничем в данном случае не оправдывается. Пора от описания перейти к объяснению. Материал, который сведен автором (не без пропусков), желательно положить в основу определения характера отношений Пушкина к любимой, ее мужу и его единомышленником. Дикая злоба, которой проникнуты характеристики Мазепы, многое может обнаружить и помочь истолкованию двойственной политической позиции всегда субъективного в своих суждениях Пушкина. Это, конечно, труднее компиляции, но зато и нужнее. Вероятно, поэтому вместо исследования мы получаем от «Задруги» издание, рассчитанное, повидимому, на спекуляцию популярным заголовком.

И. А. Аксенов.

И. В. ЕГОРОВ. Общественность в русской художественной литературе XIX века. Петроград. 1922 года. 225 стр.

«Надо поражаться, какое бесчисленное количество вздоров и ненужных подробностей сообщается в огромном количестве работ, посвященных, например, Пушкину. Создалась целая наука, пушкинология или *пушкиноведение*. И вот пушкинисты собирают все новые и новые данные, как случилась дуэль Пушкина с Дантесом, действительно ли Дантес ухаживал за Натальей Николаевной Пушкиной. Надо сказать, что такое понимание литературных изучений, к сожалению, усвоено и политработниками. В годы наших клубных увлечений, кто во что горазд выдумывал. Приглашались выдающиеся писатели, и общими силами переливали из пустого в порожнее всякие сведения относительно литературных форм и стилей».

Таково «credo» автора этой небольшой книжки. Литература прежде всего орудие агитации и пропаганды общественных идей. Под этим углом зрения автор и рассматривает русскую литературу. Или, вернее, он совсем не выделяет литературу из истории общественности. Литературные явления среди явлений другого рода привлекаются им только тогда, когда необходимо установить характер того или другого общественного движения. Поэтому книжка распадается на такие отделы, как русская литература периода дворянского распада: «писатели-разночинцы», «поэзия рабочих», или прямо: «жизнь крестьян», «жизнь фабрично-заводских рабочих», «чиновники», «интеллигенция» и т. п.

Сделано все это несколько беспорядочно, клочковато, хотя, несомненно, автор обладает достаточной осведомленностью в истории русской литературы. Иногда получаются совершенно дикие выводы, особенно с точки зрения традиционных представлений о литературе. Напр., «наиболее одаренным и наиболее типичным представителем романтического направления в Германии был Шиллер». Далее к немецким романтикам причисляются уже Гёте и Шиллер, и ни словом не упомянуто о Шлегелях, Тике, Новалисе и других официальных представителях романтической школы. Но автор и не стремится к какому бы то ни было соответствию с историческими фактами. Он глубоко убежден в правильности своих представлений о процессе развития нашей *истории* и из фактов он берет только те, которые нужны ему в качестве иллюстрации к этим представлениям или для углубления своей точки зрения. Художественные произведения не изучаются в каком-нибудь объективном разрезе, а «используются», по собственному выражению автора, для насаждения определенных исторических и политических взглядов. Поэтому автор не особенно заботится о том, чтобы включить все литературные явления в свою схему или объяснить не укладывающиеся в нее факты. Раз схема верна, то остальное приложится. Рано или поздно все явления разместятся по своим местам. Сейчас важнее всего вычертить отчетливо самую схему, как можно ярче запечатлеть ее в умах тех слушателей центральных военно-морских политических курсов, для которых предназначены эти лекции.

Нельзя, конечно, назвать научным такой подход к делу. Но есть у него свое историческое оправдание, и даже

может-быть, право на временное признание. Марксист не располагает досугом для тщательных многолетних исследований. Ему приходится часто оперировать с имеющимся материалом и нет времени для отыскания нового для того, чтобы дожидаться каждой новой книги из-за границы. Жизнь не ждет. Нельзя отдавать дело воспитания сознания молодежи в руки старых ученых идеалистов и мистиков, хотя бы и «ученых первого сорта», но ученых, несмотря на свою «первосортность», насаждающих ложные знания. Если подойти к книге И. В. Егорова с этой точки зрения, то придется признать, что, несмотря на все вопиющие lapsus'ы, она, в общем, направляет внимание молодежи в желательную сторону, поселяет стремление услышать в художественном творении голос стоящего за ним коллектива и пресекает интерес к крайностям формализма и индивидуализма. Когда явится возможность, молодежь пойдет по указанному пути со всей строгостью научного анализа, схемы будут пересмотрены, подвергнуты изменениям, каждая деталь будет браться с бою, но едва ли можно сомневаться в том, что основные линии останутся, и что будущие «первосортные» ученые не отнесутся строго к тем, кто спешно, и пусть недостаточно осторожно, направил впервые их внимание к этим основным линиям,—к тем, для кого убеждение заменяло путь медленных изысканий, кто не побоялся упреков в предвзятости и субъективизме. Да и свободны ли наши «истинно-научные» исследования от этих упреков, существует ли хоть одно действительно объективное исследование, и не субъективны ли в конечном счете все они, отличаясь друг от друга только тем, что одно лучше, другое хуже вооружено научной аргументацией.

П. С. Коган.

Акад. В. Н. ПЕРЕТЦ. Краткий очерк методологии истории русской литературы. Academia. Петербург. 1922 г. Стр. 164.

Книга акад. В. Н. Перетца, предназначенная для «начинающих студентов», в настоящее время, когда вопросы методологии, можно сказать, волнуют и учащихся высшей школы, и научные круги, представляет по обьему затронутых вопросов большое значение. Тем с большей точностью необходимо произвести ее оценку.

Очерк естественно распадается на группы исследуемых тем. Параграфы 1—8 посвящены общим вопросам методологии истории литературы, 9—24—историографии изучения литературы, 25—40—вспомогательным наукам в истории литературы и 41—47—обзору источников.

Методология исследования в той или иной научной области, несомненно, устанавливается, исходя из определения материала данной науки. И понятно поэтому, что акад. Перетц посвящает отдельный параграф «Материалу для истории литературы». Правда, следовало бы сказать—«художественной литературы». Автор, видимо, об этом и думает; но, именно, в этой важной до настоящего времени спорной области много невыясненного, и, как всегда, терминологическое определение в науке отражается, по существу, и на классификации явлений.

К сожалению, по этому вопросу в книге много неясного. Материалом истории литературы является, по акад. Перетцу, то «словесное творчество», «творчество в слове», то произведение «художественного творчества, выраженное в слове». Последнее определение было бы правильно, если бы автор не делал спорных пояснений, с которыми трудно согласиться. С одной стороны, «признание одного произведения слова» «художественным», другого — «нехудожественным»—предполагает заранее сделанную оценку, всегда субъективную. В данном справедливом критическом положении автор, однако, отходит от единственно правильного формального метода классификации явлений. С другой стороны, автор определяет «художественность», как возбудитель не только акта познания, но и эмоции, перенося вопрос в область психологии творчества и восприятия, тогда как правильнее исходить из анализа данного материала, свойств поэтического слова, художественного произведения. И неправильно поэтому утверждение автора «Макбет убил короля» констатирует лишь факт, «Мак-

бет зарезал сон»—создает представление о трагическом, вызывает эмоцию. Только последнее—поэтическое явление. Как будто первое предложение не может явиться элементом поэтического произведения, отразить определенный литературный прием изображения, обычный, скажем, у реалистов и натуралистов XIX века, и как будто можно произвести оценку того или иного речения, как поэтического, вне композиции художественно-литературного произведения, в целом.

Устанавливая отличие истории от историй литературы, акад. Перетц в связи с этим указывает, что различное отношение к одному и тому же источнику определяет особенность этих наук—это принцип «что» и «как». При таком критерии автору приходится летопись подвести под категорию произведений, исследуемых историком литературы с точки зрения композиции, языка, а историком — со стороны сюжетной, точнее—«сообщаемых сведений».

Исходя из этого положения, историку художественной литературы пришлось бы оценивать медицинскую и естественно-научную литературу, например, ибо последние имеют, несомненно, и свою композицию и свой язык. Это касается и древней русской, средневековой западной литературы—травников и бестиарий, каковые, в сущности, не могут быть отнесены к категории художественных произведений, несмотря на их кажущееся «художественное», «образное» выражение.

Категории произведений, относящихся к материалу истории художественной литературы, не могут быть устанавливаемы в зависимости от точки зрения производящего оценку исследователя, так как последняя сама определяется анализом характерных, существенных свойств материала той или иной научной дисциплины. Другое дело, когда данный материал является подсобным для научного анализа. Тут художественная литература может быть включена в сферу исследования историка, как, скажем, и психиатра; а историческое явление—послужить историку художественной литературы. Но лишь, как подсобный материал, как объясняющий или иллюстрирующий.

Общее положение об отличии истории от истории литературы устанавливается акад. Перетцом, как исследование «действований» и анализ эволюции литературных направлений на основе литературных данных,—точнее, поэтических произведений. С этим нельзя не согласиться. Однако, автор не дает методологических указаний в области исследования литературного направления и, с той или иной полнотой, это последнее, как коллективную продукцию, не определяет.

Разделение «видов изучений словесного творчества»—литературной критики, литературной истории и истории литературы, в целом, правильно, поскольку первый определяется, как оценка, обусловленная принадлежностью критики к той или иной классовой и художественной группировке, борющейся за утверждение определенной художественной продукции; второй—как изучение сопутствующих данному художественно-литературному явлению фактов, биографических или библиографических, точнее, библиологических; третий—как историю художественных воплощений, литературных течений; как указано было выше.

Параграфы книги, касающиеся историографии изучения литературы, начиная со средних веков, интересуют нас в той части, которая относится к некоторым методам изучения, выдвинутым в XIX веке и еще не отвергнутым целым рядом исследователей художественной литературы, хотя они и являются неприемлемыми для современной научной методологии.

Анализируя методы — эстетический, этический, публицистический, исторический, историко-психологический, культурно-исторический, эстописиологический, сравнительно-исторический, эволюционный и филологический, акад. Перетц, делая справедливые указания на недостатки каждого из них, приходит к выводу: «Исключается ли какой-либо из методов исследования? Полагаем, что нет». Такое заключение опасно.

Несомненно, что каждый из приведенных методов, как явление, по своему происхождению, определенного исторического порядка, раскрыл ту или иную

сторону в изучении поэтических явлений; но от принятия отдельных принципов, скажем, эстетической оценки или оценки коллективного творческого момента, не следует, что все перечисленные методы исследования, в целом, не должны быть отвергнуты. Единственно приемлемым является тот или иной единый метод исследования. Эклектизм в данном случае невозможен.

Основной недостаток книги в том, что автор такой единой методологии исследования в области истории художественной литературы, включающей органически приемлемые для современной научной мысли прошлые достижения, не предлагает.

Таковая методология могла бы быть дана, если исходить из определения художественной литературы и установить в связи с этим метод анализа исследуемой в истории художественной литературы единицы—поэтического произведения, художественного творчества того или иного автора и коллективной продукции—художественно-литературного течения. Метод этот можно было бы определить, как формально-социологический, трактующий художественно-литературный факт, как явление социальное, подлежащее изучению со стороны художественного выражения.

Анализ вспомогательных для истории литературы наук и обзор источников дан, в целом, с той методологической полнотой, которая свойственна историку древней русской литературы, акад. Перетцу.

М. Эйхенгольц.

ОСКАР ВАЛЬЦЕЛЬ. Импрессионизм и экспрессионизм в современной Германии (1890—1923). Авторизованный перевод О. М. Котельниковой под ред. п. оф. В. М. Жирмунского. Изд. «Academia». Серия «Современная культура». Петерб. 1922 г. Стр. 94.

Книжка представляет перевод четырех глав из второго издания труда профессора Боннского университета Вальцеля «Немецкая литература после смерти Гёте» 1920 г. Автор исходит из положения, «что всякое искусство стремится быть выражением мироощущения своего века» и что наиболее четкое и логическое описание мироощущения века дает философия» (стр. 9). Исследователя не интересует, является ли изменение искусства следствием или предварительным условием смены миросозерцания: важен лишь факт глубокой внутренней связи между обоими явлениями.

Немецкая литература последних десятилетий характеризуется сменой импрессионизма и экспрессионизм. Первому в философии соответствует релятивизм, выросший на почве материализма и позитивизма и нашедший свое высшее выражение в системе Маха; второму—пробуждение в современной молодежи под воздействием войны «идеалистических вожделений мысли». Выяснению идеологических посылок обоих течений посвящена первая глава, во второй дан очерк развития импрессионизма (от натурализма Ар о Гольца через крайний субъективизм Альтенберга и устремления к психологизму до символизма) в связи с влияниями иностранных литератур и живописи. «Неоклассицизм» и «отечественное искусство», а также, вскользь, футуризм, рассматриваются в третьей главе, как реакция против импрессионизма. Наконец, четвертая посвящена экспрессионизму. Художественные особенности этого направления, определившегося к концу войны, характеризуются выявлением формальной структуры произведения, которая может достигать гармонии античности или ренессанса, а также тяготением к пафосу, к духу барокко. Впрочем, «господствует не одна только резкость эстетических устремлений барокко. Все более одерживает верх основная черта экспрессионизма—отказ от подражания действительности. Но, вместе с тем, начинают звучать громче и громче под тяжким бременем эпохи призывы духа, возведенного экспрессионизмом в свои прежние права. Поэты снова превращаются из созерцателей в исповедников. Они вторгаются в область метафизического, они хотят принести миру рожденное в тяжком страдании новое миросозерцание» (87). Экспрессионисты тяготеют к философии Гуссерля и Макса Шеллера; также отмечены их активизм, выступления против войны и близость к спартаковцам и партии независимых.

Книга Вальцеля дает лишь общий обзор литературных направлений,—обзор, вопреки обещаниям редактора перевода, не вполне отчетливый. Характеристики суммарны, изложение не всегда последовательно, подбор имен иногда случаен и ни в коем случае не преследует целей полноты, что не может удовлетворить малоосведомленного русского читателя. Последнему для знакомства с современной немецкой мыслью больше даст недавно вышедшая книга Евг. Браудо. На формальных же приемах новой поэзии Вальцель совсем не останавливается, да это и не входило в его задачу. Экспрессионизму отведено всего 20 страниц, этого, быть-может, достаточно для заключительной главы труда, посвященного развитию литературы за целое столетие, но мало что дает нового после ряда заметок статей, уже имеющихся в наших журналах. Самый метод сближения литературного развития с эволюцией мировоззрения не нов; новой является лишь большая философская эрудиция Вальцеля. Поэтому трудно согласиться с высокой оценкой его труда Жирмунским, еще недавно пытавшимся построить систему поэтики по принципам лингвистики, а ныне делающим в своем предисловии выпады против «возведения самодовлеющего развития художественных форм в своеобразный догмат».

Самым ценным в книге Вальцеля нам кажутся наблюдения над аналогичными явлениями в поэзии и в изобразительных искусствах. Ведь самые термины «импрессионизм и экспрессионизм» очень удачно заимствованы из живописи; поэтому помещенные без пояснений на обложке книги они вводят в заблуждение относительно ее содержания. Очень убедительны и ярки отдельные параллели (между барокко и экспрессионизмом, живописью Ходлера и некоторыми тенденциями современной поэзии, Золя и Манэ, д'Аннунцио и Климтом, идеями Георге и Гильдебрандта), характеристика изобразительных приемов Гольца и ряд отдельных замечаний о связи натуралистического романа с импрессионизмом. В этом отношении брошюра Вальцеля знаменательна и небезынтересна и для искусствоведа.

Л. Розенталь.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

1. В. ХЛЕБНИКОВ. Зангези. *К. Лонса.*—2. П. СУХОТИН. Поминки поэту.—II. Вяч. КОВАЛЕВСКИЙ. Цыганская венгерка.—III. М. ДУДОРОВ. Ухабы.—IV. В. ЯБЛОНСКИЙ. В сумерках.—V. В. БАЯН, К. БОЛЬШАКОВ, М. КАЛМЫКОВА. Из батареи сердца.—VI. ГО ЖЕ. Срубленный поцелуй.—VII. З. ЧАЛАЯ. Серебряный ялик.—VIII. Н. КУЗЬМИНА. Стрелы звенящие.—IX. Е. СТЫРСКАЯ. Мутное вино.—X. Ф. СОЛОГУБ. Чародейная чаша.—XI. А. ТИНЯКОВ. Треугольник. *Э. Бика.*—3. Феогнид из Мегары. Элегии. *В. Брюсова.*—4. Вс. ИВАНОВ. Седьмой Берег. *В. Ф. Переверзева.*—5. «Наши дни». Альманах, № 2. *И. Кубикова.*—6. А. ЧАПЫГИН. По ту сторону Европе. *И. Кубикова.*—7. А. БЕЛЫЙ. Возврат. *К. Лонса.*—8. И. ШМЕЛЕВ. Неупиваемая чаша. *О. Соболева.*—9. В. Л. ПУШКИН. Опасный сосед. *Э. П. Бика.*—10. Н. АРХИПОВ. Темные воды. *К. Лонса.*—11. РОМЭН РОЛАН. Театр Революции. *К. Лонса.*—12. Р. МАРАН. Батуала. *С. Боброва.*—13. ЕЖ. На рассвете. *И. Кубикова.*—14. Э. д'ЭРВИЛЬИ. Приключения доисторического мальчика. *А. Елизаровой.*—15. В. ИЛЬИНА. Шоколад. *Е. Херсонской.*—16. П. СУРОЖСКИЙ. Ветка полыни. *Е. Херсонской.*—17. О татарской литературе. *В. Клюевой.*

ВЕЛЕМИР ХЛЕБНИКОВ. Зангези. Москва. 1922. 35 стр.

Вряд ли нужно предупреждать, что имя Хлебникова обязывает к особому чтению его стихотворных опытов. Прежде всего не нужно требовать так называемого «порядка», не нужно удивляться непонятному. Единственный последовательный экспериментатор и изобретатель в области слова имеет право и на беспорядок и на непонятность.

Это право за ним укреплено и обосновано тем не подлежащим оспариванию дарованием, которое дойдет и до литературного консерватора, хотя бы на последних десяти страницах «Зангези». Для «Зангези» не придумаешь определения—это и поэма и драма, скорее трагикомедия, еще правильнее — автобиография! Она вполне соответствует духовному миру Хлебникова, в котором так причудливо сочеталось доисторическое чутье к слову с инстинктом какого-то первобытного гадателя, прорицающего о судьбе племен, по звездам, конечно... Участвуют — Зангези-поэт, птицы, боги, буквы, слушатели, горе, смех.

Зангези живет в разных «плоскостях»: он подслушивает птичий говор, при помощи букв раскрывает смысл войны и революции, пророчествует о прошлом и будущем. Все кончается шуткой после прекрасного диалога Горя и Смеха. Передать содержание всего этого—значит целиком перепечатать поэму. Ее основа в словах Зангези:

«Мне, бабочке, залетевшей в комнату человеческой жизни,
Оставить почерк моей пыли
По суровым окнам, подписью узника.
На строгих стеклах рока
Так скучны и серы
Обои из человеческой жизни».

Об этом «прохожий» мог только сказать: «он врет, как соловей ночью». «Обои человеческой жизни» Хлебников героически хотел переплавить в песне самой напряженной ощутительности,—песне из зерен слов-ощущений, возвращенных не только к своему корневому смыслу, но и к означающему звуку:

«Мы, дикие звуки,
Мы, дикие кони,
Приручите нас:
Мы понесем вас
В другие миры.
Верные дикому всаднику
Звука».

Но не разрешил и не мог разрешить поставленных задач. То, что он слышал в слове и звуке, осталось его тайной,—большинство читателей воспринимает его словотворчество, как стихотворную эвфонию.

При желании Хлебников свободно владел прекрасным русским стихом, восходящим в лучших отрывках к Пушкину. В его судьбе есть что-то глубоко привлекательное. Безумец или юродивый для одних, поэт редкого дарования для других—он до конца был предан поэзии и слову.

К. Локс.

ПАВЕЛ СУХОТИН. Поминки поэту. М. 1922. Стр. 32. 1000 экз. — ВЯЧ. КОВАЛЕВСКИЙ. Цыганская венгерка. К-во „Озарь". М. 1922. Стр. 16. 1000 экз.— М. ДУДОРОВ. Ухабы. Тверь. 1922 К-во „Ярь". Стр. 32. 1000 экз.— В. ЯБЛОНСКИЙ. В сумерках. М. 1921. Стр. 16. 1500 экз.— СРУБЛЕННЫЙ ПОЦЕЛУЙ». К-во „Таран" (В. БАЯН, К. БОЛЬШАКОВ М. Калмыкова), «ИЗ БАТАРЕИ СЕРДЦА» (те же авторы, где то печати и тираж не указаны). Стр. 12 и 16).—З. ЧАЛАЯ. Серебряный ялик. Ростов-Дон. Гиз. 1922 (тираж не указан). Стр. 76 — Н. КУЗЬМИНА. Стрелы звенящие. Ростов-Дон. Гиз. 1922. 1000 экз. Стр. 64. — Е СТЫРСКАЯ. Медовое вино. 300 экз. Стр. 32.—Ф. СОЛОГУБ. Чародейная чаша. К-во „Эпоха". Спб. 1922 (тираж не указан). Стр 48.—А. Тиняков. Треугольник. К-во „Поэзия". Спб. 1922 (тир. не ук.) Стр. 80.

Кажется... кажется—будто их стало меньше. Кажется, и не верится. Стишки все пишутся и пишутся. Вот еще их—много ли, мало ли,—а одиннадцать брошюрок. Есть торжественные. Эдакая фанфара глупости, несомая на пальмах. Подлецы-большевики уморили Блока: нарочно не давали есть (все это знают—и мы попали бы в очень странное положение, если бы попробовали спорить с г. Сухотиным по этому поводу). Вот ему поминки. В сих поминках, по славной литературной традиции, отмеченной еще Баратынским, ничего не говорится о покойнике,—

...но сложится певцу
Канон намеднишним зоилом,
Уже кадящим мертвецу,
Чтобы живых задеть кадилом.

Правда, Сухотин не был зоилом, он занимал по отношению к покойному Блоку должность менее высокую: был всего лишь гор ким подражателем,—но дела это не меняет.

Вяч. Ковалевский—начинающий автор не без некоторых надежд. Но его отдаляет от настоящей поэзии тот плачевнейший антураж, где он ее ищет: цыганка, гитара, графины, разбавленный спирт, цыганские кружева и проч. Дорогие друзья мои, учащиеся писать стихи, вспомните Уота Уитм на, который говорил: «вот, что ты должен сделать: люби солнце, землю, животных, откажись от богатства, отдай свою жизнь ближнему, ненавидь угнетателей, не думай о Боге, не кланяйся никому и ничему,—и самое тело твое станет великой поэмой, и даже молчащие губы будут у тебя красноречивы». В этом прекрасном рецепте ничего не сказано о разбавленном спирте,—и не зря упущен этот гнуснейший напиток. Дорогие друзья мои, научитесь жить настоящей жизнью, а потом уже беритесь за стихи. Вы не станете поэтами, покуда будете тонуть в разбавленном спирте. Надо раз поверить, что все способы искусственных забвений не стоят минуты, отданной читателю. Когда вам будет родным это чувство, все придет само собой. Удивлять нас тем, что и вы, как грязная «шпана» с Хитровки, умеете падать низко — и в этом падении все же вы—люди,—нечего. Мы славим человека, бойца, героя, сострадателя,—а не неистовые и жалкие «голгофы» людей, не смеющих подойти к человеку.

Из книжечки т. Дудорова очевидно, что в Твери читают Есенина. У всякого свой вкус. Один читает Шекспира и Роланда, а другой—Есенина. Стихов писать т. Дудоров не умеет.

Чорт знает, что пишет Яблонский, Виктор. Надеемся, что ему не более 12 лет, и что своевременно он сообразит, как неловко делать то, что он делает.

Два маленьких альманаха откуда-то с Юга, «Срубленный поцелуй» и «Из батареи сердца». Константина Большакова мы знаем и знаем, что он—поэт. Остальные даже не огорчают, настолько они плохи. У Баяна как будто недурной материал—заняться бы ему публицистикой. Марию Калмыкову и Золотухина хорошо бы выдать по карточкам в виде мясной заготовки,—они этого заслужили.

Стихи т. Чалой—это очень невинные стишки девушки, искренно увлеченной коммунизмом. Это совершенно неумело а все-таки кое-где трогает своей необычайнейшей женской искренностью. Кому приходит удачное от учености, а кому-от полной невинности. Положительно хороши выражения: «Насыпи приземистая штыба... Крепкий ты, как тоска изгоя.... Винтовочный стрекочущий нелад... Я за рубином красных революций—еще читала новое люблю...

По дороге—могилы, могилы,
Там зарыты родные и милые,
Там любимые кудри лежат...

...Кто простил твой смертельный побег
С городских окровавленных лестниц..

...Зачем идешь за мною ты,
Красив, как снежный день...

..Злые точки наплаканных звезд...

... Если знамя мы держали красное,
В декабре, на вышке баррикады,
Мы любили, смелые и ясные,
Ваших глаз неспугнутые взгляды...

...Виноват ли ты, что до меня
У тебя была артистка Люба,
У меня—уста мои звенят—
Не Кармен ли солнечные губы...
Другой раз это неистово наивно,—

Приходила на людей взглянуть,
Самых лучших—на партийном съезде,
Видела небес голубизну
Из окна редакции Известий...

И все-таки это свежо и хорошо. Пишущий эти строки клянется и божится, что он за это отдаст всего Мандельштама и всех канонизованных «отражателей революции». Этому веришь. Или дальше (дело происходит в той же редакции):

Распахнулось. Вошел... В папахе
Ниоткуда вернулся вдруг.
Закачались столы, рейхстаги.
Только мощь охвативших рук.

Еще:

Эшелон, что стоит на вокзале...
Потухающий мягкий газ.
Мы короткие дни коротали
Синей вьюгой хороших глаз.

Смешно, чудно, наивно, а все-таки это подлинное: это женщина революции. Неизвестно, что она будет писать дальше, и будет ли писать. Но тот, кому придется говорить о нашей эпохе, не сможет пропустить этот смешной девический голосок, который так навеки сумел сплести нашу революцию—всю из противоречий — всю конкретнейшую — всю отвлеченнейшую — со своей женской жизнью.

Н. Кузьмина тоже пробует писать революционные стихи. К сожалению, они слишком напоминают экзерциссы пролеткульта: «революции жгучая лава— смыла плесень позорных веков» и проч.

Е. Стырская и А. Тиняков. Достойные и дополняющие друг друга соседи. Вообще говоря, порнографией называется тот род искусства, который направлен специально на возбуждение грязных побуждений... Эти авторы, вероятно, не думали заниматься специально таким возбуждением. Им этого и не нужно. Воображение их и инстинктивные конструкции сами по себе до того грязны, что им никакой преднамеренности не требуется. Стырская рассказывает, как

Сладострастья тяжелая дрожь
Бьет от ноздри до колена....

или:

Ты да я, и я да ты, и лижут
Ночи нас и простынь полотно...

А Тиняков то же, только погуще:

И ноги пухлые, покорно обнажая,
Мегера старая прижалася к стене,
И я ласкал ее, дрожа и замирая,
В тяжелой, как кошмар, полночной тишине...

и т. д. Дальнейшее выясняет, что Тиняков и есть тот буржуа-чудовище, с которым думал сражаться Боделэр, открывая неистового садиста в лавочнике, что Тиняков глупо и грубо подражает в стихе Брюсову... и жаль, что эти книжонки выходят, пачкая наше время своей зловонной сукровицей.

Новая книжка Сологуба не прибавляет чего-либо к его лаврам.

Э. П. Бик.

ФЕОГНИД ИЗ МЕГАРЫ. Элегии. Перевод и вступительная статья Адриана Пиотровского. Изд-во «Петрополис». Пгд. 1922. Стр. 96.

Появление элегий Феогнида на русском языке именно в наши дни производит впечатление анахронизма. Трудно найти что-либо более противоположное, чем современная русская действительность и стихи этого древне-греческого поэта. Феогнид жил в конце VI века до Р. Х., в эпоху, когда заканчивалась ожесточенная борьба партий в греческих городах-государствах, когда почти везде торжествовала демократия (в античном смысле этого слова), и аристократы принуждаемы были расстаться с теми привилегиями, какими привыкли пользоваться в течение столетий. Народ везде брал власть в свои руки и не желал более жить в полурабской зависимости от немногих знатных родов. Феогнид был аристократ по происхождению и по убеждениям. Мало во всемирной литературе художественных произведений, которые так ярко выявляли бы классовую идеологию и психологию, как элегии Феогнида. Ни раньше аэды и рапсоды, создатели греческого эпоса, тоже слагавшегося в кругу аристократии своего времени, ни позднее поэты рыцарских кругов, ни какие-либо «крепостники» новейших эпох,—никто не решался столь откровенно выразить чувства и пожелания своего класса.

Твердой ногой наступи на грудь суесловящей черни. Бей ее медным бодцом, шею пригни под ярмо! Вот основной лейтмотив элегий Феогнида. Что до прав на такое обращение с чернью, то, по Феогниду, они в одном: аристократы суть «благороднорожденные» и, следовательно, «хорошие»; не принадлежащие к знати все — «злые», «дурные». Переводчик в предисловии справедливо указывает, что термины «хороший» (агатос) и «дурной» (какос) лишены у Феогнида нравственной окраски, имеют только сословный, биологический смысл.

Таковы элегии Феогнида из Мегары. Исторический интерес их бесспорен: это—важный документ для изучения

древней Греции, да и человека вообще. Художественная ценность элегий довольно умеренна: энергия выражений в наиболее удачных стихах, да десяток счастливых образов,—вот все, что они дают, помимо особенностей, свойственных всей вообще древне-греческой лирике. Как вывод, мы думаем, что едва ли была особая надобность издавать, хотя и маленькое, «собрание сочинений» Феогнида, с такой щедростью, чтобы занимать целую страницу одним двустишием. Переводчик с своей работой справился хорошо,—местами прикрашивал, в современном духе, стихи Феогнида, но в целом смысл их и их форму передал верно, точнее, чем в переводах (отрывки), существовавших у нас ранее. Примечания, присоединенные к переводу, слишком кратки, а в списках на подлинный текст перепутаны цифры.

Валерий Брюсов.

ВС. ИВАНОВ. Седьмой Берег. Изд. «Круг». Москва—Петерб. 1922 г. Стр. 227.

Вс. Иванов—писатель, несомненно, талантливый. У него есть то, что является первым элементом талантливости—оригинальность. Он пришел в литературу со своим словом, заговорил о таких явлениях, о которых еще никто не говорил, и таким языком, какого ни у кого до сих пор не было.

О размерах этого таланта судить пока трудно. Вс. Иванов—писатель еще молодой, рост его еще далеко не закончен, ни в ширь, ни в глубь. Он даже еще не самоопределился, не нашел сам себя, не осознал своей самобытности, и в чистой руде оригинального стиля вкраплен шлак подражательности. Тем не менее, на тусклом небосклоне нынешней русской беллетристики Вс. Иванов—яркая звезда, на которой с удовольствием останавливается взор читателя и с надеждой—взор литературного критика.

Новый томик рассказов Вс. Иванова «Седьмой Берег» читается с тем же интересом, как и все вышедшие из-под пера этого беллетриста. С любопытством всматриваешься в оригинальное лицо сибирского баяна, из-под вещих перстов которого рвутся, не выговариваясь пока отчетливо, новые мелодии, радуясь каждому стройному созвучию и беспокойно морщась от нарушающих строй фальшивых звуков с чужого голоса.

Стройными, хотя и незаконченными, мелодиями звучат такие рассказы, как «Глиняная Шуба», «Лога», «Синий Зверюшка», «Вахада Кзара Гуятун», «Дите». Здесь автор в своей сфере, и сфера эта—сибирская деревенская Русь. Ее автор знает, любит ее нежной любовью сына, чувствует себя среди нее как рыба в воде. Тут живой родник той сочной своеобразной речи, от которой пахнет зелеными камышами, жирной пашней и натуральным человеком, и которая так характерна для произведений Иванова. Отсюда выходят искрящиеся жизнью образы пахнущего болотом зеленоглазого таежного романтика Ерьмы, грузного, как стог сена, лесного хозяина Кондратия Никифоровича, Лысобрового патриарха с дремучей, как девственный лес, мудростью Хрументиля.

Тема этого цикла рассказов одна: сутолока дремучей жизни взрощенной дремучими камышами и кедрами, в которую врезалась своими броневиками, аэропланами, автомобилями, вытаптывая камыши, вырубая кедры, горящая в огнях революционной и империалистической войны современная культура.

Художник насквозь пронизан впечатлениями этой сутолоки, переполнен ее картинами и образами, и рисует он их легко, свободно, правдиво.

Но при всей правдивости и легкости рисунка в нем есть незаконченность,—рассказы всегда почти оборваны, логика образов неясна. У читателя в конце рассказа нередко создается чувство неудовлетворенности. Происходит это от того, что, зорко всматриваясь в сутолоку дремучей жизни, разворошенной шумом пропеллеров и авто, автор вобрал ее глазами, но еще не вобрал ее мыслью, не разгадал смысла и логики этой сутолоки и не раскрыл его в своих рассказах. Это, конечно, недостаток, но недостаток естественный в молодом таланте, имя этому недостатку — незрелость, и обычно он устраняется естественным созреванием.

Гораздо опаснее уклонения от естественного роста неправильное развитие, выражающееся в насиловании таланта, в потугах творить в стиле не сродном таланту писателя. Эти неправильности роста встречаются гораздо чаще, чем обычно думают. У Горького в результате насилования таланта явилась его неудачная повесть «Мать», у Гоголя—вторая часть «Мертвых Душ», повести «Рим» и «Портрет».

Нам кажется, что симптомы неправильного роста и искривления таланта есть и у Вс. Иванова. Рядом с указанными выше интересными живыми рассказами в сборнике есть и несколько, к счастью немного, рассказов скучных, вялых, с явными следами литературщины и стилизации. Таковы «История Чжинь-Люя», «Бык времен», «Амулет» «Глухие маки».

В этих рассказах художник уходит из русской сибирской деревни в китайскую фанзу, в киргизский аул, в коряжину ведьмы Закулихи. И чувствуется, что в этом мире Иванов не так вольно дышит, не так свободно творит. Кряжистый черноземный стиль родной деревни кажется ему недостаточным для изображения человека из фанзы или болотной нежити. Художник ищет выхода из затруднений в стилизации символистов, не догадываясь о полной несовместимости его дремучего таланта, с манерным стилем символизма, и о полном несоответствии этого стиля с тематикой фанзового человека и ведьмы Закулихи. Автор берет здесь неверный тон, персты сибирского баяна извлекают фальшивые звуки и заставляют читателя морщиться.

Мы не хотим сказать, что темы названных рассказов лежат вне достижений Иванова. Они даже вполне логичны в его творчестве. Фанза, аул, лешая сила приросли сбоку к сибирской деревне. Ошибка художника не в том, что он берется за эти темы. Ошибка его в том, что он развивает их не как приросток к тематике нашей сибирской деревни, не в преломлении сквозь таежно-черноземную призму, а самостоятельно, вне этого преломления, пытаясь разбить призму, оказаться по ту сторону ее. Но разбить эту призму, значит, разбить тот магический кристалл, который только и делает Иванова художником. От замены своей призмы взятыми напрокат у символистов очками положение не улучшается. Очки не по глазам, и писателю грозит опасность ослепнуть, если он будет слишком много смотреть в чужие очки.

В. Ф. Переверзев.

«НАШИ ДНИ». Художественный альманах, № 2. 350 стр.

Второй номер альманаха «Наши дни» значительнее и интереснее первого. Книга открывается маленькими рассказами Вл. Лидина из цикла «Мышиные будни». Перед нами жизнь маленьких, придавленных гнетом людей.

В первом рассказе—«Королева бразильская»—разновидность человечка в футляре — Асинкрит Асинкритыч Вещулин, служащий в отделении гражданских записей. Это—человек-мышь. Вечером, когда все успокоится, он берет сине-зеленый атлас, водит пальцами по нему и переезжает мысленно из одной страны в другую. Так в мире грез ищет спасенья от скорбных будней своих, маленький человек. Попутно Вл. Лидин набрасывает жанровые сцены из служебной практики Асинкрита: записывают новорожденных младенцев, дают разводы и утверждают гражданские браки.

Во втором его рассказе «Проходным двором»—жизнь уплотненной квартиры когда-то богатого грека Анастиадиса. «У папы Анастиадиса для рабфаков комнату лучшую взяли: папу Анастиадиса с цилиндром с отчетами—хоть и доказывал, что человек государственный—в спальню холостяцкую втиснули».

Наиболее интересен последний рассказ Вл. Лидина «Еврейское счастье»—трогательная повесть о старом бедном еврее. Все эти рассказы написаны ритмической прозой, но этот ритм не всегда удается автору, и только последний рассказ читается, в этом смысле, легко и проникнут внутренней лирикой человечности.

Рассказ Ник. Никитина «Чаване» дает интересную картину расселения цыган и их детей по советским убежищам и неудачу всего предприятия.

Но по значительности и по захвату внимания читателя надо поставить впереди повесть Юрия Лебединского «Неделя». Перед нами нападение бандитов на провинциальный город, зверская расправа с коммунистами, временное торжество буржуа-аптекаря, отражающее предел человеческой подлости. Повесть читается с захватывающим интересом. Но это все же не законченное художественное произведение, а то, что когда-то Белинский определял как «беллетристику». В ней нет высоты художественного объективизма. Непонятно, откуда же такая ненависть крестьян и такой быстрый успех какого-то белогвардейца Репина. Художественно не показана эта картина взаимного ожесточения, в результате борьбы за хлеб—роковой борьбы между малопроизводящим городом и земледельческой деревней, и только в речи коммуниста Горного, на последней странице повести, мы читаем строки о крестьянской стихии: «эту стихию нужно подчинить не только штыком и пулей, но и организацией социалистического продукто-обмена между городом и деревней».

Но все же, повторяем, повесть читается с большим интересом и насыщена подлинным драматизмом.

В смысле художественной законченности самым ценным произведением сборника необходимо признать повесть А. Яковлева «Повольники». Если выбросить кое-что, мешающее и излишнее в ее первой части, то все остальное прямо замечательно по своей яркости. «Товарищ» Боков, секретарь Ниночка, жуликоватый бывший адвокат Лунев, общая картина новых общественных отношений и живучести старого быта,—все это делает повесть А. Яковлева произведением значительным. И при этом чудесный язык, в котором все богатство народных оборотов речи.

Повесть Ф. Гладкова «Изгои» живописует жизнь поселенцев - политических при старом режиме. Перед нами герои, полные надрыва, говорят они языком истерических пифий. И во всем этом банальное и уже исчерпанное: «то флейта слышится, то будто фортепьяно». В результате повесть определенно скучна и читается с трудом.

Рассказ Н. Спасского «Цвет белый» дополняет картину бандитских зверств, которые даны в повести «Неделя».

В рассказе В. Добровольского «Собачий лаз»—хорошо переданная история переживаний мальчика из рабочей семьи.

В конце сборника—статья С. Городецкого «В. Короленко и его художественный метод». Статья интересна, но в своих выводах она далеко не разрешает спорных вопросов художественного творчества.

Совершенно верно, что у Короленко надо учиться правдивости и что без всяких вымыслов жизнь дает ряд сюжетов исключительного характера. Но когда С. Городецкий говорит о том, что нужно «осветить идеей» художественное изображение жизни, то он должен был принять во внимание и обстоятельство обратного характера: иногда увлечение идеей фатально связывает писателя, и тогда перед нами яркие краски в одном месте картины и нарочито бледные—в другом. На это как раз мы и обратили внимание при разборе одной из повестей предлагаемого сборника.

Из стихов сборника можно отметить: Н. Тихонова, чудесное стихотворение, В. Казина «Пушкин», стихи О. Мандельштама и одно стихотворение П. Зайцева.

И. Кубиков.

А. ЧАПЫГИН, По звериной тропе. Рассказы. Петроград, Гос. Изд. 1922 г. 228 стр.

А. Чапыгин—писатель установившийся. Имя его связано с повестью «Белый скит», где перед нами быт далекого олонецкого севера.

Этот же олонецкий быт и в рассказах «По звериной тропе». Охотничий промысел является здесь главным, что и проходит через все рассказы А. Чапыгина. Перед нами «страна непуганных птиц», как назвал когда-то этот край Пришвин.

Власть суровой природы над бытом людей ведет и к власти над их душами. Почти все герои рассказов—под влиянием тех или иных волшебных чар. Им мудрятся вместо обледянелых деревьев боль

шие великаны, слышатся таинственные голоса. Весь этот мир призраков ведет к гибели слабых, перед силой природы, людей.

К сожалению, рассказы Чапыгина лишены какой-либо динамики. Перед нами все неподвижно, и в своей неподвижности описание полно мелких утомительных деталей.

При этом Чапыгин варьирует одну и ту же тему бесконечное число раз. Эта бедность «выдумки», или, вернее, однообразное содержание, ведет к повторению одного и того же явления в различных рассказах.

В рассказе «Морока» парень идет искать какую-то заповедную невесту. Он попадает в прорубь. В бреду ему кажется, что он целуется с невестой и ощущает холодное прикосновение ее тела. А в рассказе «Послуг» Мирошка в поисках клада попадает в болото. И перед ним вариация физических ощущений: вместо холодной проруби, «мягкие руки», «душистые пахнущие лесными травами губы»—и в конечном счете та же гибель в лесу.

Замерзшие герои в различных рассказах А. Чапыгина начинают надоедать. В результате после двух—трех картин перед нами исчерпанная тема.

В рассказе «По следу» охотник за лосями Гриша заблудился и замерз, в рассказе «Лесной пестун» замерзает рыжий Михейка, в рассказе «Больной», грезя о красавице, замерзает Титко, тем же самым кончает охотник Кучупатый (расск. «Бегун»). И только в виде разнообразия в рассказе «Скрепа» Марфа сначала блуждала по лесу, охваченная мистическим бредом, а потом пришла и умерла от простуды.

Перед нами ярко вскрывается в рассказах Чапыгина та предпосылка для мистического восприятия мира, которая определяется в этом суровом крае исключительной властью природы над судьбой человека.

Но повторение одного и того же мотива в самых легких вариациях в значительной степени обесценивает рассказы Чапыгина, обнаруживая поразительную бедность его творческого замысла.

И. Кубиков.

А. БЕЛЫЙ. Возврат. Повесть. Изд. «Огоньки». Берлин. 1922 г. 124 стр.

Книга в первом издании называлась «Третьей симфонией»—это было лет около двадцати тому назад.

Принадлежа к первым юношеским опытам А. Белого, она вызвала неумеренные восторги одних и столь же неумеренное возмущение других. Теперь ее перелистываешь с законным чувством давности. Все оказалось чрезвычайно наивным и еще более невинным. Кошмары приват-доцента Хандрикова были превзойдены и самим автором в его «Петербурге» и давно уж перестали быть страшными. Они, наверное, не победят современного читателя, и вряд ли он свяжет всю «повесть» вообще со своими собственными настроениями.

В историю литературы или в биографию А. Белого «Возврат» войдет, как «симфония безвременья», как Чехов, преломленный через программный символизм, живописующий в условных образах два бытия. Чеховщина, доведенная до бреда,—такова, в сущности, тема «симфонии». Раньше об этом не говорили, ибо принадлежность к высокому жанру защищала от таких сравнений, теперь же мы смотрим на дело значительно проще. Кошмары Хандрикова для нас продолжение «Скучной истории», а обстановку сказки в первой части мы воспринимаем, как литературную условность. Стиль этой симфонии вполне сохраняет традиционную связь с прежними образцами—фраза короткая, законченная, образы реальны и определенны. Новаторство выразилось скорее в прихотливой обработке сюжета, а смелость—в пронизанности чеховских настроений фантастикой, в которой странным образом (может-быть, влияние Вл. Соловьева) сочетаются мистицизм и пронизм. В самом способе соединения реально-бытового и фантастического А. Белый очень рано выработал собственные приемы: для него мир сказки нечто данное готовое, не нуждающееся в мотивировке. Реальная действительность, наоборот, привязана к этому миру, как какой-то привесок, является болезненным искажением его. Благодаря этому все явления опрокидываются, профессора пре-

ИСКУССТВА.

1. «Искусство и народ». Сборник статей. *В. Тугендхольда.*—**2. Н. ПУНИН. Русский плакат. 1917—1923 гг. В. I. В. В. Лебедев.** *А. Сидорова.*—**3. «Государственный Эрмитаж».** *Д. Греча.* — **С. ЭРНСТ. З. Е. Серебрякова.** *А. Стрелнова.*—**5. А. ЭФРОС. Портрет Натана Альтмана.** *Н. Тарабукина.* — **6. Обший словарь художников.** *П. Эттингера.*—**7. Каталог выставки русского искусства в Париже.** *А. Греча.*—**8. Строгановский дворец-музей.** *Д. Греча.*—**9. I. Рисунки в автолитографиях В. Ватагина.** — **II. «Индия».** *В. Варшавского.* — **10. В. НЕВСКИЙ. Современная живопись (попул. очерк).** *Н. Тарабукина.* — **11. И. ТУРКЕЛЬТАУБ. Марксизм и художественные науки.** *К. Грасиса.*—**12. И. ЛАПШИН. Заветные думы Скрябина.** *Л. Сабанеева.*—**12. В. ВСЕВОЛОДСКИЙ-ГЕРНГРОСС. Теория интонации.** *Л. Сабанеева.*— **14. Пр. И. И. ЛАПШИН. Римс ий-Корсаков.** *Л. Сабанеева.*—**15. Е. БРАУДО. Ницше.Философ-музыкант.** *Л. Сабанеева.*—**16. Плутарх о музыке.** *Л. Сабанеева.*—**17. «Жар-Птица». № 7.** *Н. Тарабукина.*—**18. «Гермес». Журнал. 1919.** *Л. Розенталя.*

«ИСКУССТВО И НАРОД». Сборник статей. Изд. «Колос». Петербург. 1922.

Еще не столь давно, в «мирное время», сочетание этих слов, «искусство и народ», понималось в том смысле, что для народа, для «простого» народа должно существовать какое-то особенное упрощенное искусство. Господствующие классы, во главе с самодержавием, баловали народ лишь художественной пищей в роде воскресных «гуляний», с их балаганами, патриотическими панорамами и хорами балалаечников. Грянула революция, и вместе с нею эта жалкая формула «искусство *для народа*» должна была смениться другим лозунгом *«народного искусства»*. В эту новую формулу мы вкладываем совсем иное и двоякое содержание:

Во-первых, мы хотим этим сказать, что *все* мировое искусство, все его сокровища должны быть сделаны доступными любованию и пониманию трудящихся.

И, во-вторых, мы верим в то, что и сам «народ», т.-е. трудящиеся, могут при новых общественных условиях стать не только потребителями искусства, но и его созидателями, творцами.

Это новое революционное пониманис взаимоотношения между народом и искусством ставит перед нами целый ряд требующих разрешения вопросов. Вот почему хотелось бы приветствовать недавно вышедший в Петрограде сборник под заголовком *«Искусство и Народ»*.

Что может искусство дать народу и что может народ дать искусству? Каково взаимодействие между творчеством коллективным и индивидуальным? Таковы вопросы, которые вытекают из самой задачи сборника, но—увы!—которых авторы его совершенно не разрешили и в подходе к которым они почти не спелись.

Эта книга—типичный продукт интеллигентской туманно-эстетической мысли. Достаточно указать, например, на разногласицу авторов по столь существенному вопросу, как роль народа в искусстве. В то время как Ар. Авраамов видит единственный выход из современного музыкального тупика в приобщении к народному «музыкальному черноземy», к стихийному народному творчеству, Ф. Сологуб утверждает, что «толпа, множество, ничего не может дать искусству, ибо все значение народа для искусства, а, стало-быть, и для будущей жизни только в том, что народ является хранителем старого культа, старого быта, пережитков былого мифа».

В то время, как Борис Кушнер в своей статье о социалистическом искусстве («Запредельное искусство») намечает широкие перспективы живописи в будущем обществе, Ев. Лундберг утверждает, что «живопись—искусство личностей и школ» и что «оно, кроме иконописи (!), очень мало нужно народным массам». И, наконец, как тот же Б. Кушнер призывает искусство к «удовлетворению безмерных потребностей массового потребителя», А. Гизетти предостерегает нас о том,

что «искусство, которое хотело бы держаться союза с пролетариатом, демократией, народом (в момент его торжества), как с заказчиком, потребителем и повелителем его вкусов, «пало бы» не менее низко, нежели искусство, «служившее» аристократии и буржуазии.

Итак, для одних народ, масса—источник художественного обновления, для других—символ косности, угроза свободе искусства. Подобное «единомыслие» сборника напоминает пресловутую дружность усилий лебедя, щуки и рака. В одном отношении, однако, большинство авторов, действительно, единодушно; я разумею *ту преувеличенную боязнь* за свободу творчества, за индивидуальный и личный моменты в творчестве, которая красной нитью проходит через весь сборник. Большинство авторов прежде всего стараются доказать, что искусство есть чисто личное «озарение» и «вдохновение», что главное в нем «самовыражение индивидуальности», что художник в процессе творчества совершенно не думает о том, для кого он творит.

Но, во-первых, разве самая индивидуальность художника в значительной мере не проникнута внушениями среды—эпохи, класса, группы. А, во-вторых, если художник в процессе творчества думает *только* о своем произведении, то это еще не значит, что оно не имеет социального значения, когда, выйдя из его мастерской, становится предметом всеобщего созерцания. Разве не так же обманывает природа любящих, когда в результате их любовного эгоизма появляется некто третий, продолжающий род.

Но все это уклоняет авторов сборника от их основной темы. А эта тема обязывает вовсе не к анализу индивидуального творчества, а как раз к другому,—к выявлению в искусстве *коллективного* элемента. Именно *здесь центр тяжести вопроса*, незамеченный нашими авторами. История искусств показывает, что на всем протяжении веков народ был не только «публикой», потреблявшей искусство, но и активным производителем искусства. Не даром учебники истории искусства, еще недавно перечислявшие лишь отдельные индивидуальные его вершины, уделяют теперь место и главе о «народном творчестве»—о творчестве безымянных масс. Это они создали сказки, былины, народные песни. Это они создали искусство *быта*—украшения домашнего и трудового обихода, архитектуру жилищ и храмов; это они создали древний уличный театр. Правда, историкам искусства удается открывать среди общей безымянной толщи народа-творца отдельные имена (гончаров, иконописцев, сказителей былин), но это не лишает их произведений народного, коллективного отпечатка, ибо эти произведения выражали вкусы и миросозерцание народа. Выяснить, вскрыть это химическое взаимодействие между коллективным и индивидуальным началами в искусстве—такова, казалось бы, должна была быть интересная *научная* задача авторов сборника, совершенно не разрешенная ими.

И совершенно напрасно А. Гизетти полагает, что «союз искусства с пролетариатом, народом, в момент их торжества» угрожает искусству упадком. Золотая пора расцвета греческого искусства V века была именно той порой, когда ваятели творили во славу победоносной эллинской демократии. А искусство голландской демократии, а искусство свободных итальянских городов эпохи раннего Возрождения?

Как раз наоборот; можно было бы доказать, что именно разрыв между искусством и народом, что именно обособление художников специалистов приводили искусство к упадку, к измельчанию, к утрате монументального, высокого стиля. Не даром именно современное интеллигентское искусство, поскольку оно часть такого стиля, заинтересовалось народным творчеством и часто подражает ему в своих исканиях «под старину», в духе «примитивов». Не даром одно время идеалом наших художников, заблудившихся среди трех сосен индивидуализма, стали: народная игрушка, лубок, пряник, икона, вывеска.

Конечно, это интеллигентское народничество и «опрощение» еще не приведет к расцвету народного искусства. И, конечно, расцвет этот важен не только для того, чтобы у нас были «кустарные» игрушки и та «капустка», на которую мы, пресыщенные цивилизацией, набрасываемся, как господа из плодов про-

ощения». *Народное творчество важно само по себе, как выявление творческих возможностей и коллективного гения масс.*

Правда, народное творчество все более и более вырождается, особенно в Европе под напором капитализма, фабричного производства и утраты населением любви к труду и материалу. Однако, это вовсе не фатальное явление. Машинное производство не исключает художественного чутья производителей, их личного, любовного подхода к продукту работы, и будущее народного искусства—в развитии художественного вкуса и художественно-технических знаний у крестьян и рабочих, в внесении искусства в широкое производство.

В этой же плоскости только и может быть разрешен и другой вопрос—о «полезности» или «бесполезности» искусства. Большинство авторов сборника подходят к нему совершенно отвлеченно—так, как подходили эстеты. Е. Лундберг делает даже целую экскурсию в область истории первобытных народов, чтобы доказать, что искусство всегда было чем-то самодовлеющим, не вызываемым непосредственными потребностями. Но автор ошибается, когда думает, что ученым так и «не удалось доказать полезности искусства».

Наоборот, именно ученые «доказали, что искусство всегда было полезно для жизни, что украшение служило целям полового отбора или военного устрашения, что танец органически связан был с религиозным культом, что песня—родная сестра труда, которому она помогала своей ритмической размеренностью, что искусство вообще всегда являлось великой организующей силой каждого данного общества. Констатирование подобной полезности искусства отнюдь не есть умаление его высокого значения, как полагают, очевидно, авторы сборника. Наоборот, тот факт, что искусство всегда служило целям жизни, еще более *повышает его великую ценность*. «Бесполезность» искусства (в которой наши авторы видят залог его свободы) есть вовсе не первичное явление, а скорее *исторический* факт,—продукт буржуазного строя, при коем искусство оторвалось от народной жизни и стало предметом роскоши и забавы, а художники превратились в «лишних людей», в мечтателей-отщепенцев, в индивидуалистов-одиночек. Именно тогда искусство повисло в воздухе, стало «самодовлеющим» и «чистым», «искусством для искусства». Деловая буржуазия признавала искусство постольку, поскольку оно было ей полезно, напр., портретную и тенденциозно-гражданскую живопись. Само собой понятно, что подобное сужение задач искусства—узкое мещанство; но это еще не значит, что надо впадать в обратную крайность и доказывать, что искусство всегда и везде должно быть «по ту сторону полезности». Когда утвердится социализм, искусство, не теряя своей свободы, будет вместе с тем и *полезнейшим фактором совершенствования жизни.*

Авторы сборника все еще в плену у туманного эстетизма и мысль их не может воспарить над психологией прошлого и настоящего. Только в статье Б. Кушнера «Запредельное Искусство» перед нами слегка раскрывается просвет в будущее—в искусство при социалистическом строе, поистине «Народное Искусство».

Я. Тугендхольд.

ПУНИН, Н. Н. Русский плакат. 1917—1922 гг. Выпуск первый. В. В. Лебедев. Изд. «Стрелец». П. 1922 г. 8°. Стр. 36+XXIII.

Последнее сочинение т. Пунина, одного из крупнейших наших теоретиков живописи, посвящено теме чрезвычайно злободневной и жизненной: завоевав свое пятилетие, революционная Россия должна невольно вспомнить средства своей победы; среди них плакат—не на последнем месте. Но исследование свое т. Пунин строит, исходя не из этой мысли; его главная забота—доказательство эстетической ценности плакатов им рекламируемого мастера, в этом—основной пафос книги. Самому тексту, являющемуся, в сущности, небольшой статейкой журнального типа, т. Пунин предпосылает ряд характернейших для него теоретических страниц, о том, что такое

живопись вообще. Да будет позволено и нам, следуя примеру этому, остановиться здесь несколько на вопросе, что такое *книга* о живописи вообще. Задачи живописи—одно. Задачи писателя о живописи—другое.

Т. Пунин устанавливает с характерной для него «четкостью» для живописи два «элемента»: материал и пространство. Мы установим для писателя по вопросам искусства также две «простых единицы»: форму подлежащего изучению материала и его смысл. Т. Пунин очень правомерно говорит о профессиональном опыте живописца. Профессиональный опыт искусствоведа утверждается в положении об адэкватности суждения о форме и смысле подлежащего изучению художественного факта. Построив свою мысль в самой научной формулировке, т. Пуниным любимой, попробуем теперь выразить ее совсем просто: судить о каком угодно произведении искусства можно вообще только в условиях некоторого соглашения с ним о том языке, которым пользуется и художник и исследователь. Применять к картине язык литературы, то-есть искать в картине повествования, как раз не «адэкватно», то-есть, попросту,—не стоит: потому, что картина ставит себе вообще другую цель, чем повествование, давая зрительные, пространственные переживания, а не развиваясь во времени. Это только пример. Всякое художественное произведение должно быть, прежде всего, запрошено о том, чем оно хочет быть: каков *смысл его формы*. Почему это так? Но сделал ли это, столь усердно профессиональный как живописец, т. Пунин, в применении к темам плаката и художника Лебедева?

Боимся, нет. Подход т. Пунина к проблеме плаката, чисто формальный и профессионально-живописный, нам представляется столь же неадэкватным, так же неисчерпывающим все сложное целое художественного факта плаката, каким был и подход к картине с точки зрения ее сюжета. Именно в истолковании искусства должно быть «или все, или ничего»; ни от чего, ни от какой, самой даже ему малоприятной стороны не в праве отмалчиваться исследователь. А т. Пунин, с сожалением (стр. 16) указывая, что плакат обязан «говорить доступным для огромного большинства языком», вовсе и не ставит вопрос, справился ли с этой задачей изучаемый им художник, есть ли в плакатном варианте В. В. Лебедева этот «доступный для большинства» язык,—вообще даже о том, каким должен быть плакат, хотя роняет мимоходом весьма нас порадовавшее признание, что (стр. 24) форма плаката, «по крайней мере, в настоящий момент, не может не быть изобразительной». Думается, поэтому, что тема о плакате т. Пуниным абсолютно неисчерпана, что «эстетику плаката» придется строить на другом основании, может-быть, отправляясь от исторической действительности. Запросить о плакате и достоинстве его—значит запросить об его наглядной зрительной силе. А в связи с этим, неизбежно,—об образной, организующей его форме, и не только о мастерстве ее, а и об ее идеологии.

В конце-концов, и получается, что статья т. Пунина, столь умная, оказывается написанною впустую,—размышлением о мало существенном. Книга двоится: т. Пунин оказывается интереснее, как теоретик, чем В. Лебедев, как художник, или наоборот. Мы с т. Пуниным здесь не будем спорить об его взглядах на мастерство живописи,—укажем только, что его словоупотребление весьма произвольно. Он выбирает из всего богатства художественного творчества крайне ограниченное число проблем, их преподносит, как все исчерпывающее, бросает направо и налево эпитеты, которые мы как раз применили бы обратно. Понятно, что все эпитеты положительные («органический и конструктивный») оказываются в последнем счете применены к беспредметному искусству. Мы, например, абсолютно не можем не только согласиться, но и понять, почему эта композиция, построенная на взаимном ограничении плоскостей, обязательно должна быть «конструктивной» (стр. 15; самая терминологическая путаница категорий композиции и конструкции чрезвычайно печальна). Конечно, играет т. Пунин и на затасканнейшем термине «литература» в применении к живописи. Здесь он договаривается до такого перла, как *литературные детали руки* (стр. 21).

Поспешим, однако, признаться в полном нашем сочувствии и согласии с автором во всем, что он говорит о проблемах яркости (которая необязательна) и плоскости (которая неизбежна) в плакате.

Что касается автора плакатов, В. В. Лебедева, то отрицать достоинств и своеобразия его композиций мы отнюдь не собираемся, давно привыкшие ценить художника, как замечательного иллюстратора хотя бы детских книг. Но как плакатиста мы его не считаем ничуть образцовым. Мы очень сильно сомневаемся, чтобы его супрематизм был «понятен огромному большинству». Без «пояснений» никто ни за что бы не угадал, что изображенный красный прямоугольник на борту синего парохода (табл. 2) есть флаг «поплавка» (?). Относительно иного сам Пунин вынужден употреблять роковое «повидимому». Почему на плакате обложки изображены «рабочие и работницы», а не мальчишки и девчонки? Столь хвалимая т. Пуниным табл. VII (вскармливаемый Антантой Колчак) совсем невразумительна. Еще менее четка, т.-е. с нашей точки зрения абсолютно «неконструктивна», , табл. XI, где полетевшие вниз бутылки и странные некие пятна должны изображать «борьбу с эпидемиями». В одном из этих пятен т. Пунин предлагает видеть «кусок яшика». Замечательное открытие!

Отметим, в противовес т. Пунину, что Лебедев объемной формой пользуется в плакатах своих не однажды (табл. VI—дым, IX—рыба, XXI и др.) и окончим на сожалении, что вовлечение в область привычных для т. Пунина теорий не позволило ему отдать должное, даже в чисто художественной области, В. В. Лебедеву (напр., его бесспорно блестящему сатирическому дару).

Проф. А. А. Сидоров.

Государственный Эрмитаж. Каталог выставки картин раннего Возрождения в Италии. Вступительная статья Александра Бенуа. Петербург. Комитет популяризации художественных изданий при Российской Академии Материальной Культуры. 1922 г. 32 стр. + 3 репр.

Новое издание Эрмитажа продолжает серию небольших книжек путеводителей по устраиваемым в музее периодическим выставкам. Как всегда, строгий по внешности, отпечатанный на хорошей бумаге, снабженный тремя фототипическими воспроизведениями, каталог производит очень приятное впечатление.

Вступительная статья А. Н. Бенуа знакомит читателя с самой задачей периодических выставок, имеющих целью от времени до времени в различных группировках показывать те произведения искусства, которые, являясь «запасом» музея, по техническим и другим соображениям остаются неизвестными посетителям. Этот прием, принятый на Западе, с успехом применяется Эрмитажем.

Подобные выставки, несколько разгружая основное ядро собрания, дают возможность музею проявить свою жизненность, обращая внимание на те или иные историко-художественные вопросы.

Настоящая выставка пытается посильно охарактеризовать тот период итальянского искусства, XIV и XV веков, которые слабее всего представлены в России.

Понятно, нельзя было создать полной и разнообразной картины живописи раннего Возрождения; тем не менее, собранные на выставке произведения Дуччио (?), Маттео ди Джованни, Ф. Липпи, Боттичелли, Перуджино, Виварини и др. дают весьма интересный материал для изучения станковой живописи XIV и XV веков в Италии. Некоторые вещи, известные в литературе, были описаны и воспроизведены (сюда относятся бывш. коллекция в. кн. Марии Николаевны, бывш. собр. кн. А. А. Гагарина и др.), некоторые были на выставке «Старых Годов», большинство же происходит из частных, малоизвестных собраний, из музея христианских древностей, из дворцов.

Каталог, очень продуманно составленный, охватывает 60 номеров. Он дает крат-

кие сведения о представленных на выставке художниках, сообщает размер, материал и происхождение каждой вещи. Кроме того, здесь постоянно находим ссылки на литературу русскую и иностранную, указания на воспроизведения и в некоторых спорных случаях мнения ученых о той или иной атрибуции. Последнее особенно ясно показывает обдуманность и осторожность составителей каталога в всегда несколько гадательном вопросе авторства.

К небольшой книжке приложены три воспроизведения с Богоматери Джеютине ди Фабриано (из Строгановского дворца) с ретабля круга того же художника (собр. б. А. А. Боейкова) и с Мадонны Виварини (из Строгановского дворца). Иллюстрации отчетливые и вполне удовлетворительные воспроизводят еще не опубликованные вещи.

А. Греч.

СЕРГЕЙ ЭРНСТ. З. Е. Серебрякова. «Аквилон». Петербург. 1922 г. 32 стр. Рис. 3 цветных и 5 двойных.

У нас все более и более прививается какой-то особый вид очерка, посвященного одновременно обозрению художественного облика и биографии мастера,— нечто среднее между заметкой и монографией, отвечающей хотя бы элементарным научным требованиям. Чем более подобного рода художественная критика отвоевывает себе место, тем очевиднее и яснее становится ее подчас просто вредные недостатки. Отсутствие всякого плана в изложении приводит к тому, что наблюдение над формой, композицией, живописной манерой, влияниями на данного мастера, тонут среди подробностей жизнеописания, а подчас даже среди рассказанных эпизодов, имеющих мало отношения к характеризуемому художнику. Подобными недостатками отличается книга Сергея Эрнста о Зинаиде Серебряковой. Мастер сильный и оригинальный, Серебрякова до сих пор недостаточно оценена. Ничто в работе Эрнста не прибавляет к тому, чтобы художница была поставлена на должную высоту. Сравнительно подробно описывая жизнь мастера и ту атмосферу, в которой росла и воспитывалась Серебрякова, автор забывает о влияниях, которые оказали на художницу как старые, так и современные мастера. Устанавливая несколько манер в живописи Серебряковой, Эрнст все же не отмечает, как скорее отрицательно отразилось на ее творчестве близкое соприкосновение с Италией,—кватроченто, заставившее излюбленных ею русских мужиков и баб превратиться в какие-то фигуры фресковых росписей мастеров Возрождения. Не указывает автор и на заметное влияние, оказанное на художницу (главным,конечно,образом, на последние вещи) Петровым-Водкиным и отчасти мастерами школы Кардовского, представителями своеобразного неоакадемизма—Александром Яковлевым и Шухаевым. Едва ли можно согласиться с тем, что «Жатва» является первым вестником обращения к той благороднейшей и спасительной традиции, что заложена в нашей живописи почти сто лет тому назад Венециановым. Совпадение сюжетов вещей Венецианова с некоторыми вещами Серебряковой едва ли еще говорит о какой-либо идеологической преемственности художницы у первого изобразителя русского крестьянства.

Репродукции исполнены удачно, а равно и их подбор, если не считать отсутствия декоративных работ Серебряковой (панно для Казанского вокзала в Москве), наличие воспроизведений которых было бы весьма желательно.

Внешне книга производит хорошее впечатление.

А. Стрелков.

АБРАМ ЭФРОС. Портрет Натана Альтмана. Изд. «Шиповник», Москва. 1922 г. 102 стр. 8⁰. Тираж 2000.

Автор сделал массу оговорок, предупреждающих придирку рецензента к его литературным приемам характеристики. Он сам сознается, что «Портрет Н. Альтмана» может показаться «больше автопортретом, чем портретом модели» (102 стр.), что работа его «не исследование», что в ней он «пользовался всей той свободой, какой обладает современный

портретист по отношению к своей модели» (101 стр.), что он сознательно был вне метода и следовал лишь субъективной оценке (8 стр). Больше того: утверждая методологически лишь импрессионистически-критический подход к искусству, он пытается убедить себя в том, что в условиях переживаемого нами времени нужно даже отказаться от приемов искусствоведнического исследовательства, и только «одна художественная критика, критика Искусства,—с прописной буквы,—может достаточно ответить трудным условиям нашего нынешнего существования» (9 стр). Таким образом, автор является сознательным апологетом критического импрессионизма и даже пытается возвести этот субъективный произвол в общую догму. Не только бездоказательно и неубедительно прозвучало у Эфроса это утверждение, будто «Критика с прописной буквы» является единственным возможным видом суждений об искусстве, но глубочайшим анахронизмом представляется вся эта апология критического анархизма. Было бы трюизмом доказывать не только возможность, но и необходимость, именно, в условиях нашего времени, объективно-научной, исследовательской работы в области искусствоведения. Книжка Эфроса представляется не только методологическим архаизмом, удивляться проявлению которого нам не приходится, пока живут и пишут все эти Муратовы, Тугендхольды, Эрнсты и пр.,—в ней заключается для нас та положительная ценность, что в руках самого автора она сделалась блестящим орудием, приемом «доказательства от противного», опровергающим и дискредитирующим такого рода критический импрессионизм. Сама книжка, лучше всяких опровержений ее по существу, подрывает фундамент, на котором стоит автор. Применив импрессионистический метод «письма» к портрету Альтмана, чуждого по всему складу своего творчества импрессионизму, Эфрос блестяще набросал не портрет художника, а свой автопортрет, представший перед нами во всем своем архаически - методологическом убожестве.

Весь архаизм импрессионистически-субъективной критики, поздним представителем коей, не побоявшись скептических улыбок, столь вызывающе выступил А. М. Эфрос,—лучше всего обнаруживается им же самим. Отсутствие в книжке портрета Альтмана и наличие автопортрета Эфроса с очевидностью доказывает, что метод «художественной критики» уже не применим к современным формам искусства. Современное искусство и, в частности, искусство Альтмана таково, что в силу всех своих творческих приемов, задач и мастерства,—неизбежно диктует всякому, говорящему о нем, необходимость объективных приемов исследования. Современное искусствоведение со всей тенденцией своих точных методов потому так прочно завоевывает свои позиции, что сами творческие формы диктуют эти методы. Искусствоведение, как прием, сменившее собою критику, является закономерным отражением нового существа современного искусства. Критика, будучи порождением импрессионистического искусства, прекрасно уживалась с творчеством импрессионистическим. Перестав быть импрессионистическим, современное искусство само требует объективности критериев. Будучи формальным, оно исключает эмоционально-субъективный подход и оценку. Формальный метод в искусствоведении есть не «мода», как модными были различные «точки зрения» в критике, а закономерный вывод из всей структуры творческих форм.

Этих обусловливающих друг друга соотношений между искусством, как творческим актом, и подходом к нему, как созерцательно-оценочной деятельностью, видимо, не сознает А. М. Эфрос. Посвящая «свой труд самому Натану Альтману», он убежден, что художник «примет его с тем дружелюбием, с каким относятся друг к другу люди одного круга, одной школы и одного ремесла» (102 стр.). Этим критик обнаруживает полное непонимание той глубочайшей пропасти, которая лежит между ним, беспринципным импрессионистом, и Альтманом, художником, стремящимся к творческому созиданию объективно данной «вещи»,—пропасти, которая делает их, как раз, людьми и разных кругов, и разных школ, и разного ремесла. С опозданием на 50 лет Эфрос пишет: «Современные

портретисты любят крайнюю эмоциональность выражения». Если орбиту понятия современности очерчивать в 50 лет, то утверждение будет верным. Если же современниками считать не только физически живущего с нами человека, но психологически являющегося выразителем действительности сегодняшнего дня, то такого рода художник представляется «весь в прошлом».

Не понимая современности, Эфрос не понял и Альтмана. Рассматривая книжку, как автопортрет, мы в праве все черты, приписываемые Альтману, перенести на Эфроса. Уже не в первый раз от критических работ Эфроса получается такое впечатление, словно автор всем своим многословием критических notes, растянутых на сотню страниц, только и добивается того, как бы поудачнее, «между строк», дать пощечину своей «модели». Так случилось, например, с его монографией о Павле Кузнецове. Портрет, написанный в самых благожелательных тонах, в результате был все же облит словно зловонной жидкостью. Я помню брезгливо содрогавшегося П. Кузнецова от этой, преисполненной радушья, характеристики. То же наблюдаем мы теперь с Альтманом. Хоть Эфрос и усадил его одесную Бога Отца на судилище человеков, прошедших свой земной путь (99 стр.), а все-таки в итоге, когда, прочитав последнюю страницу, закрываешь книжку,—ясно слышишь, как раздается беззастенчивая «оглеуха».

Альтман, по Эфросу, беря у всех лучшее, ловко комбинируя добытое другими, рядит старую основу своего творчества в революционные одежды самой крайней «левизны». Будучи академистом, традиционалистом, консерватором и классиком,—он числится крайне левым художником. Его искусство всходит на чужих дрождях, на усилиях и крови настоящих новаторов» (89 стр.). Отмечая у него «тончайший нюх на новизну» (52 стр.), Эфрос называет его «барометром», чутко отмечающим стрелку своего времени, он называет его искусным примером (60 стр.), рядящим свое исконно консервативное искусство в модную, революционную одежду своего времени. В результате «создается нечто в роде ретроспективного футуризма», «академической революционности», а, говоря попросту, «пенкоснимательства» (93 стр.). В конце-концов, этот, удачливый в своих «делах», художник, будучи холоден, расчетлив и умен, играя без проигрыша (47 стр.), будучи «математиком» (34 стр.) и «Сальери» (36 стр.),—оказывается по своей сущности кровным родственником натуралисту Крамскому (61 стр.).

Таков нелестный портрет этого «героя нашего времени» (96 стр.), как, не без иронии, называет критик Альтмана. Но мы уже условились считать книжку не портретом художника, а автопортретом, повод к чему дан самим автором (102 стр.), а поэтому все черты характеристики, как и окончательное резюме их, переносим с Альтмана на самого Эфроса. Так удар неожиданным рикошетом бьет самого стрелка. Неумело и некстати использованное орудие критического импрессионизма, не коснувшись гладкого, как «биллиардный шар»,—как характеризует Эфрос искусство Альтмана,—обращается всеми своими остреями против самого автора.

Чувствуя всю шаткость своего метода, Эфрос совершенно не коснулся последних работ Альтмана,—тех работ, в центре которых стоит его замечательнейшая доска «Труд», и в которых его можно с полным правом назвать реалистом, но не наивным, и сравнивать не с Крамским, а подлинным реалистом, утверждающим «вещь», как субстанцию творчества. Чувствуя, что его критический метод был бы уже совершенно негоден к этого рода работам, Эфрос благоразумно о них умолчал, но благодаря этому и не затронул подлинной сущности современного Альтмана.

Николай Тарабукин.

———

Allgemeines Lexikon der Bilden der Künstler von der Antike bis zur Gegenwart, herausgegeben von Ulrich Thieme und Fred C. Willis. XIV Band, Giddens-Gress. Leipzig. Verlag von E. A. Seemann, 1921.

ОБЩИЙ СЛОВАРЬ ХУДОЖНИКОВ ОТ АНТИЧНЫХ ДО ТЕПЕРЕШНИХ ВРЕМЕН, издаваемый Ульрихом Тиме и Фредом К. Виллис. Том XIV, от Гидденс до Гресс. Лейпциг. Изд. Э. А. Земана. 1921 г. Мал. 4°. 600 стр. в 2 столбца.

Немецкий «Общий Словарь Художников», задуманный в первые годы текущего столетия лейпцигским историком искусства проф. Ульрихом Тиме совместно с д-м Феликсом Беккер, является по своей программе и объему самым крупным и исчерпывающим из существующих аналогичных справочников.

В Германии ему предшествовал «Новый Словарь Художников» д-ра *Георга Каспра Наглера*, изданный последним единолично в количестве 22 томов на протяжении 17 лет, от 1835 до 1852 г. Но это капитальное для своего времени, хотя недостаточно строго разработанное издание довольно. быстро устарело, и уже в начале 70-х годов прошлого столетия д-р *Юлиус Мейер* приступил к переизданию наглеровского словаря в расширенном виде и под углом зрения новых требований сильно развившейся истории искусств. Однако, «Словарь Художников» Мейера, первый том которого появился в 1872 г., выходил крайне медленно и в 1885 г. застрял на третьем томе. Данные три тома послужили исходной точкой для Тиме и Беккера, и у того же издателя—Вильгельма Энгельмана — в Лейпциге они в 1907 г. выпустили первый том своего нового «Кюнстлер-Лексикона», рассчитанного в целом на 25 объемистых томов приблизительно в 600 страниц каждый. Душой издания был проф. Тиме (Феликс Беккер отказался от руководства в 1910 г.), вложивший в него бездну труда, энергии и даже немало своих частных средств. В Лейпциге была создана редакция «Словаря» с группой постоянных сотрудников и соответствующей библиотекой, а кроме того, для отдельных статей Тиме с самого начала сумел привлечь около 300 более или менее видных историков искусства из всех стран света.

Дальнейшие томы выходили в свет довольно быстро, и десятый, оканчивающийся фамилией Erlewein помечен 1914 г. Начиная с 5-го тома, «Словарь» перешел от Энгельмана к более известному лейпцигскому издателю Земану, а когда в 1913 г. финансовое положение издания немного пошатнулось, немецкое правительство, а еще в большей степени подписка ряда любителей искусства и меценатов, в основе устранили создавшиеся материальные затруднения и как будто надолго обеспечили существование «Словаря».

Оно не поколебалось и в первые годы войны, столь победоносные для Германии.

Несмотря на возникшие трудности, в 1915 и 1916 годах было выпущено по тому (11-й и 12-й), а многочисленных иностранных сотрудников, оказавшихся во враждебном лагере, удалось заменить местными силами. Немецкая критика тогда с гордостью подчеркивала факт, что Германия оказалась в силах выносить подобного размера научное издание почти целиком на собственных плечах.

Но развязка войны и последовавшая за ней революция в Германии нанесли «Словарю» почти смертельный удар, и положение его стало прямо катастрофическим. Исчезла правительственная субсидия, да отчасти и частная поддержка, а общее экономическое состояние страны, конечно, сильнейшим образом отразилось на делах «Словаря». Вдобавок заболел, и надолго, проф. Тиме—он скончался летом 1922 г.,—что лишило редакцию ее главного двигателя. Спасли положение нейтральные страны, главным образом, разбогатевшие за войну Голландия и Скандинавия, откуда из частных источников в распоряжение «Словаря» поступили крупные суммы, и после значительной паузы в 1920 г. стало возможным выпустить 13-й том. В соответствии с этой новой финансовой структурой «Словаря», он был взят под особое покровительство «Немецким Обществом Истории Искусств»

(Deutscher Verein für Kunstwissenschaft), которое из своей среды избрало специальную коллегию для верховного надзора над изданием. В состав этой коллегии вошли такие маститые ученые, как Боде, Г. Фальке, Фридлендер, Гольдшмидт и Пиндер, главным же редактором Кюнстлер-Лексикона в настоящее время состоит д-р *Фред К. Виллис*, племянник покойного Тиме, привлеченный на этот пост еще при жизни последнего.

Что касается обработки биографий русских художников, то нельзя сказать, чтобы редакция «Словаря» относилась к этому отделу особенно любовно и сразу поставила его на должную высоту. Правда, один из постоянных членов редакции—скончавшийся недавно Иоганнес Курцвелли—владел русским языком и в его распоряжении имелась довольно полно обставленная библиотека по русскому искусству со всеми необходимыми справочниками, но в общих списках около 400 сотрудников издания, за исключением двух-трех фамилий, напрасно ищешь известных русских историков искусства. До восьмого тома биографии русских художников, главным образом, составлялись покойным д-м *Вильгельмом Нейман*, директором Рижского Городского музея, отчасти же самой редакцией, которая при этом пользовалась рукописными материалами по истории русского искусства, оставшимися после *Эдуарда Яковлевича Добберт*, бывшего почетного вольного общника Петербургской Академии Художеств. В последующих довоенных томах по данному отделу сотрудничал в «Словаре» пишущий эти строки, а с 1914 года под русскими биографиями рядом с редакционными заметками чаще всего встречается подпись покойного Курцвелли, а подчас попадается и фамилия живущей в Вене *Фанни Галле*, автора опубликованной недавно книжечки о старом русском искусстве. Во всяком случае в дополнительных томах, естественно неминуемых по окончании подобного рода обширнейшего словаря, по отношению к русским художникам, понадобится особенно много добавлений.

Отчетный четырнадцатый том в словаре отличается от предыдущих еще большей сжатостью, к чему редакция стремилась давно ради возможности вмещения огромного материала (намечено около 150.000 художников) в предполагаемые 25 томов. Это особенно заметно при современных художниках, но и первостепенным мастерам прошлого теперь редко посвящается более десяти столбцов. Из крупных исчерпывающих статей, в первую очередь, отметим очерки о Джиотто (Ф. Ринтелен), Джорджоне (Г. Гронау), Джулио Романо (И. Фогель) и Луке Джордано (Г. Поссе), об Яне Госсарт (Винклер), Гуго ван дер Гус (Фридлендер), Яне ван Гойен и Гольциусе (оба последних—пера О. Гиршмана), равно о французских скульпторах Жане Гужон, Жирардоне (Г. Фольмера). Конец XVIII века представлен великим испанцем Франческо Гойа (А. Л. Мойер) и портретистами Антоном Графф (И. Фогель) и Иосифом Грасси (Вейгельт), а в животрепещущую современность вводит обширная статья о ван Гоге (К. Глязер).

Что касается русских художников от букв Гид до Грес, то они приведены почти полностью, и значительных упущений очень немного. Хочется указать на биографии ряда иностранных мастеров, работавших в России, как скульптора Николя Жилле, декораторов Градицци и Гонзаго да семьи архитекторов Жилярди, равно на довольно исчерпывающие статейки об А. Я. Головине, Илье Гинзбурге и др.

Все эти статьи и заметки не носят никакой подписи и, следовательно, составлены редакцией «Словаря» без внешней помощи. В общем, необходимые данные повсюду тщательно собраны из доступных литературных источников, а кое-где даже помещены мало известные у нас сведения, почерпнутые из иностранной литературы. Но, конечно, не обошлось без пропусков и ошибок.

Так, напр., в биографии Грабаря почему-то не упомянуто об его пребывании в Мюнхене у одесского художника Г. С. Головкова, не указана его посмертная выставка в 1911 г., а по поводу Н. С. Глобы Строгановское училище ошибочно перемещено в Петер-

бург. Рядом с Ал. Макс и Ив. Горностаевым пропущен покойный московский зодчий Фед. Фед. Горностаев, а также отсутствует Н. С. Гончарова, о которой ведь уже имеется порядочная литература. Навряд ли и правильно уделить, напр., Н. К. Горскому вдвое больше места, чем Голубкиной.

Надо вообще сказать, что по отношению к современным русским художникам, да и в самом их подборе, не всегда соблюдена надлежащая сравнительная перспектива, соответствующая их удельному художественному весу. При чисто книжном подходе, явно сквозящем в трактовке всего русского отдела со стороны редакции лейпцигского «Словаря» иначе и быть не могло. В этом подходе и отсутствии живой связи с русским искусством—главный корень отмеченных недочетов, которые, с другой стороны, конечно, лишь в незначительной степени умаляют основную ценность капитального немецкого издания.

П. Эттингер.

SOCIÉTÉ RUSSE D'HISTOIRE ET D'ART. EXPOSITION RUSSE D'ART ANCIEN ET MODERNE. EDITION HELIKON 1921. AVEC LES PRÉFACES DE MAURICE PALÉOLOGUE, LOUIS RÉAU, GEORGES LOUKOMSKY. 32 стр.+24 воспр.

Настоящий каталог знакомит с выставкой, устроенной в 1921 г. в Париже группой русских эмигрантов—художников, коллекционеров и историков искусства,—одним словом, некоторыми «personalités d'art et d'histoire», как сообщается в первой (не подписанной) заметке, касающейся организационного комитета выставки.

Три предисловия имеют целью выявить задачу, поставленную устроителями—познакомить французскую публику с самоценным русским искусством «depuis Cathérine II jusqu'a Lenine» как пишет L. Réau. Эти заметки, краткие и довольно содержательные, очень отличаются от строк Г. Лукомского, как-то не сумевшего достаточно ясно выразить свои мысли, несколько косноязычного в построении своих французских фраз.

Вся выставка разбита на отделы.

Первый из них, ретроспективный, заключает в себе картины собр. Хвощинского, известные в России благодаря статье о них в «Аполлоне». Жаль, что здесь не указана ни литература, ни воспроизведения. Дальше идут старые русские мастера, принадлежащие различным лицам. Картин этих немного; здесь интересно найти портрет Екатерины Павловны Левицкого, повторение портрета, считавшегося всегда в России изображением; Елены Павловны (оригинал в Романовской галлерее). Здесь же находим любопытные работы Венецианова, Воробьева, портрет Гампельна. Дальше следуют отделы нового искусства: целую группу мастеров каталог обходит молчанием, сообщая только их фамилии, чтобы подробнее остановиться на произведениях Г. Лукомского, Сомова, Стеллецкого и Рауш фон Траубенберга. Здесь, в отделе Лукомского, находим «ценное», но несколько рекламное указание, что все вещи проданы для книги М. Палеолога». La Russie pendant la grande guerre» («tous droit reservé!»).

Среди работ указанных выше художников находим 30 рисунков Сомова «Le livre de la marquise», ряд набросков, гуашей, работ маслом и рисунков Стеллецкого, новые скульптуры Рауша.

Издана книжка на хорошей бумаге. внешностью своей пытаясь подойти к каталогам Венецианова и Кипренского, выпущенными Обществом защиты и сохранения памятников искусства и старины. Мало подходящей является только цветная обложка, скомпанованная Стеллецким.

Многочисленные иллюстрации, довольно хорошо исполненные, воспроизводят ряд неизвестных вещей. Повидимсму опечаткой следует считать подпись под одной из них: «Wernek», вместо «Warnek». Опечатки можно найти и в тексте. Все это показывает, что книжка издавалась без достаточной тщательности и заботливости.

Д. Греч.

СТРОГАНОВСКИЙ ДВОРЕЦ-МУЗЕЙ. КРАТКИЙ ПУТЕ ОДИТЕЛЬ (и даниз петроградского отдела по делам музеев). 1922. СПБ. 8⁰. 12 стр.

Краткость—конечно достоинство всякого путеводителя. Но в сжатом очерке, в немногих словах всегда трудно дать полную и исчерпывающую картину того или иного художественного собрания. Думается, что каждая значительная вещь, требующая к себе внимательного отношения, так или иначе должна быть выделена. Обидно, когда путеводитель ограничивается почти одной только номенклатурой вещей. Он тогда даже не имеет достоинств каталога, обычно присоединяющего к названию фактические сведения о художественном произведении. К сожалению, именно такой характер носит путеводитель по Строгановскому дворцу, маленькая брошюрка, о которой, быть-может, не стоило бы и говорить, если бы не самое появление ее среди книг по искусству. Это во всяком случае не путеводитель, а скорее какой-то доклад о том, что имеется во дворце.

Эпитеты «изящный», «крайне интересный», «превосходный» и т. д. попадаются на каждом шагу, но они не сопровождены никакими пояснениями.

Книжечка написана наспех, без любви и заботливости; в этом отношении она близко приближается к брошюре «Подмосковные», о которой уже приходилось говорить на страницах этого журнала.

Жаль, что выход «путеводителя» надолго, вероятно, отдалит выход настоящей книжки, посвященной Строгановскому собранию.

Д. Греч.

В. ВАТАГИН. Рисунки в автолитографиях. Госуд рств. Издательство. Москва. 1922 г. ИНДИЯ. Литография В. В. Ватагина. Государственное Издат. Москва. 1922.

В истории современного литографского искусства в России имя Ватагина занимает одно из первых мест. Обладая замечательной художественной эрудицией и чутьем рисовальщика-анималиста, Ватагин дает в своих альбомах необыкновенную остроту рисунка и постижение самого мира животных.

Получивши основательное зоологическое образование, Ватагин приложил свой талант к изучению животных в их формах, физиономике, движениях и повадках и посетил с этой целью лучшие зоологические сады Европы.

Первый альбом и является продуктом этих длительных научно-художественных работ периода 1908—1920 гг. Здесь мы видим зверей в их самых разнообразных позах и мимолетных движениях. Рассматривая листы литографий, мы поражаемся той необыкновенной смелости рисунка, с которой переданы художником трудно улавливаемые повороты и движения птиц и зверей. Нужен действительно зоркий, чисто «ватагинский» глаз, чтобы передать все это, да еще и в довольно изящном рисунке на камне. Этот альбом, несомненно, найдет свое применение не только в классах художественных школ, но и в аудиториях университета. Здесь одинаково ценны, как художественная высота литографского рисунка, так и сила выражения отдельных экземпляров мира животных.

Альбом «Индия» является своеобразным художественным воспоминанием о сказочной стране, где художник пробыл зимой 1913—14 гг. Индийские праздники, религиозные шествия, тропический пейзаж, отдельные индийские сценки, экзотическая архитектура, — прекрасно преломляются в литографских этюдах Ватагина («Пейзаж на Цейлоне», «Сумерки», «В храме Сивы», «Утренняя процессия», «Вечерняя молитва», «Дорога в лесу»).

Крупные художественные достоинства литографий Ватагина произведут впечатление не только в нашем, но и европейском художественном мире.

Изданы альбомы хорошо.

Лев Варшавский

В. НЕВСКИЙ. Современная живопись. (Популярный очерк) Изд. «Работник Просвещения». Москва. 1922 года. 52 стр. 8°. Тир. .000.

Мне уже пришлось в петроградском журнале «Книга и Революция» по поводу другой книжки того же автора, посвященной «художественным выставкам, музеям и экскурсиям», отмечать всю курьезность этого автора, пишущего об искусстве. Казалось бы, после неудачи с упомянутой книжкой «о выставках», можно было ожидать, что у него найдется настолько благоразумия, чтобы не повторять lapsus'a. Но Невский не смутился: книгу «о выставках» он отдал для «переработки» одному известному московскому искусствоведу (случай, наверное, небывалый в литературных обычаях!), а сам снова дебютирует новой книжкой, выбрав к тому же чрезвычайно сложную тему о новейших направлениях живописи. Предупредив, что он не имеет «личного отношения к живописи», он просто-напросто «ухватился» за Пунина и проплыл между всеми сциллами и харибдами современного искусства на утлом корабле пунинского «Цикла лекций» (Петроград. 21 г.). Книжка Пунина так пришлась по вкусу Невскому, что он в своей брошюрке из страницы в страницу цитирует Пунина, спохватываясь лишь в конце и конфузливо заявляя, что количество цитат превысило «установленные правила литературного приличия». Таким образом, рецензируемое издание с большим правом можно было бы назвать вторым изданием «лекций Пунина» под редакцией» (!) Невского, нежели «трудом» самого Невского. Но о «лекциях» Пунина мне уже пришлось высказаться в свое время в том же петроградском журнале. Поэтому, не находя в издании чего-либо библиографически нового, можно было бы просто умолчать о нем. Но меня заинтересовал автор, как своеобразный психологический персонаж, как мне кажется, почти не имеющий своего прототипа в анналах литературных хроник.

Нужно воочию видеть книжки Невского, кстати сказать, пишущего по самым разнообразным вопросам и обильно издающегося (в этом отношении он, видимо, большой «ловкач»), или надо обладать всем остроумием фельетониста, чтоб охарактеризовать эту фигуру. Обычная черта литературного приема Невского—это обилие цитат. Он поражает массой прочитанного им хлама и уменьем при случае, вспомнив о нем, вставить его в виде цитаты. Но удивляет не эта «эрудиция», носящая какой-то комический характер, а как раз обратное: полная неспособность автора критически разобраться в этом литературном материале, производить отбор ценного, опровергать абсурд. Он с одинаково «открытым лицом» цитирует популярную дешевую брошюрку и серьезный ученый труд.

Он, как некий простак, «верит и уважает» «всякое печатное слово». Отсутствие критицизма к литературным источникам, изобилие самых бездарных цитат, неряшество в общей компановке всего литературного материала, отсутствие своего, «личного отношения» к предмету, о котором он берется говорить,—вот черты, характеризующие его литературную физиономию. Прибавьте к этому еще провинциальную восторженность, с которой он обычно ведет свою беседу с читателем, и портрет будет закончен.

Уже из психологического любопытства мне захотелось заглянуть в иные работы Невского, посвященные не искусству, а внешкольному образованию, в области которого он считает себя специалистом. Правда, черезчур неблагодарна была бы роль сделаться «критиком» Невского по всей разнообразной линии его «творчества». Он не возбудил во мне любопытства настолько, чтоб я взялся за чтение всего им написанного. Я лишь мельком просмотрел некоторые его книжки, в остальном доверившись рецензентам Невского, специалистам-внешкольникам. Ряд отзывов, неизбежно отрицательных, которые попались мне (между прочим, и в «Печ. и Рев.»), убедили меня в том, что все черты, присущие его работам по искусству, принадлежат в той же мере и его работам по другим вопросам. Где же искать объяснения всему этому? Что это—неряшество, про-

винциализм, прутковская «жажда пера» или хлестаковщина и необыкновенная легкость в мыслях?

Наверное, и то и другое в известных дозах.

Выпустив рецензируемую книжку, я знаю, что само издательство «конфузится» за свою опрометчивость. И, судя по тому, что в Москве в книжных лавках ее почти не было видно,—издательство, наверное, «пустило» ее в провинцию в надежде, что голодный желудок последней «все слопает».

Николай Тарабукин.

И. ТУРКЕЛЬТАУБ. Марксизм и художественные науки. Книгоиздательство «Истоки». 1922 г. Харьков. Стр. 43.

И. Туркельтауб—молодой профессор харьковской консерватории, марксист и коммунист, в своей брошюре, нам кажется, себе ставит две задачи: осветить состояние наук об искусстве и указать на то, что сделано в них марксизмом.—«Что ни профессор, то особая точка зрения», при чем «точки зрения возникают безо всякой преемственности». С такой его «оценкой» мы согласиться не можем. Учения о красоте и теории искусств—заглянуть тов. Туркельтаубу хотя бы в протоколы штуттгартского (1913 г.) конгресса эстетики и всеобщей науки об искусстве!—как раз разработаны более или менее детально. Их касались почти все философы. В последнее же время трудами Меймана, Дессуара, Гаммана, Христиансена, Фольтельта, Мелиса, Кона, Когена и др. они оставили за собой некоторые другие области научно-философского мышления (этику и социологию). Что же касается марксистов, то тов. Туркельтауб еще более несправедлив. Нельзя писать, что марксисты «не сделали никакого вклада в интересующую нас науку». Марксизм, помимо второстепенных, имеет три первоклассных имени: Плеханов, Меринг и Роланд-Гольст. В своих конечных выводах тов. Туркельтауб становится похожим на тех же западно-европейских профессоров, которых он высмеивает за то, что они всегда начинали с Адама. Для теоретической систематики в области художественных наук марксистская мысль уже имеет солидную основу. Ее-то и нужно знать. Профессор Туркельтауб или этой основы не знает, или же нарочито стремится открыть Америку. Задачу исследователя-марксиста он понимает следующим образом: «Историю общую ему переработать необходимо, без переработки истории культуры тоже никак не обойтись, историю искусств или эстетических учений, без которой нельзя заниматься теорией, и подавно невозможно игнорировать» (29 стр.).

Уместно напомнить: за двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь. Обзор состояния художественных наук, сделанный т. Туркельтаубом, объективно своих задач не осилил в части описательной. Однако, он способен вызвать некоторый методологический зуд и будить мысль. В этой плоскости брошюра «Марксизм и художественные науки» не бесполезна при скудости рынка марксистской литературой.

Карл Грасис.

И. ЛАПШИН. Заветные думы Скрябина. Изд. «Мысль». СПБ. 1922 г.

Можно сказать с уверенностью, что И. Лапшин именно «заветных» мыслей Скрябина так и не усмотрел. Даже, напротив, его книжка как бы доказывает или хочет доказать, что «заветные» (в действительности) мысли Скрябина вовсе не были «заветными» (по Лапшинскому).

Причина этого события очень проста. Автор книги базировался только на опубликованных дневниках Скрябина («Р. Пропилей», вып. VI) и совершенно упустил из виду живую характеристику Скрябина, как его рисовали очевидцы, друзья и те, кто стоял к нему близко в *последние годы жизни*.

А это неизмеримо важнее для характеристики Скрябина, так стремительно эволюционировавшего и в музыкальном стиле и в воззрениях. Нельзя поэтому судить о мыслях Скрябина по материалам, относящимся к 1892—1904 гг., тогда как «заветные мысли» его

сформировались к 1906 году. В дневниках его—одни эмбрионы, одни зачатки будущего. От этого суждение Лапшина о «недостоверности» Скрябинского «мессианства» и «теософичности» оказывается висящим в воздухе. Ведь и о «Мистерии» в этих дневниках ничего нет. Следует ли из этого, что Скрябину «приписали» «Мистерию» его «друзья».

Хорошо ли это, плохо для Скрябина—это другой вопрос, но мы все, его видевшие и помнившие, почти ежедневно с ним беседовавшие, знаем достоверно, что именно что-то *совершенно новое* в смысле миропонимания хотел привнести в мир Скрябин, вопреки утверждению И. Лапшина, что он, если и не был теософом, выражался терминами теософии и питал к Блаватской большое уважение, что в Англии в 1913 г. теософы приняли его, как «своего», и успех «Прометея» во многом обязан именно этому; что, наконец, он действительно приписывал себе «мессианистскую» роль, о чем говорил не в виде «чудачества» (качества, совершенно несвойственного этому чрезвычайно искреннему человеку), а в виде предельного, глубочайшего убеждения, говорил только самым близким (Т. Ф. Шлецер, Б. Шлецер А. Подгаецкому, автору настоящих строк, Вяч. Иванову и др.). Тем-то и отличаются подлинные заветные думы Скрябина от философствований других композиторов, что они в нем занимали большую часть его психического существа, вытесняя *даже* музыку.

Такими же необоснованными являются суждения Лапшина о том, что в Скрябине «сатанизм» играл малую роль (а «сатаническая поэма», а «Прометей», а «Enigme» а поэма ор. 32 № 2, про которую сам Скрябин шутливо говорил, что это—«сатана в гостях»), как и «эротизм» (это уже вовсе непонятно), что у него большая часть сочинений «в миноре» и с «большим количеством ключевых знаков», тогда как в действительности у него 108 мажорных и 26 вибриальных (но по типу мажорных) на 89 минорных, а во второй половине его творчества на 93 мажорных—14 минорных; что касается до «ключевых знаков», то самая часто-посещаемая им тональность (23 сочинения) есть C-dur, т.-е. вовсе без знаков. Все эти детали придают книжке Лапшина очень легковесный характер, несмотря на ее «наукообразие» и попытки «художественного стиля», в виде цитат из разных поэтов приведенных кстати и (чаще) некстати.

Л. Сабанеев.

В. ВСЕВОЛОДСКИЙ - ГЕРНГРОСС. Теория интонации. Гос. Изд. 1922 г. (113 стр.).

Появление такого труда, как исследование В. Всеволодского об интонации, очевидно являющееся результатом работ, произведенных в Петроградском Институте Живого слова—надо всячески приветствовать, как всякий сдвиг в этой еще темной и непочатой области. Последнее время характеризуется пробуждением интереса к живому слову с теоретической стороны, к осознанию *музыкальной* природы речи. В этом направлении уже сделано довольно много, и работа Всеволодского прибавляет новое и существенное звено к этой цепи.

Но тут есть опять-таки общее для всех этих работ «но». Это «но» заключается в том, что для осознания музыкальной (звуковой) природы слова надо быть очень сильно сознательным в звуковой области, надо быть не только хорошим декламатором,—мало быть даже хорошим музыкантом, надо иметь исключительный слух и исключительную способность разбираться и отдавать себе отчет в звуковых явлениях речи — качества, очень редко встречающиеся. Мало того, надо еще быть совершенно чуждым *всяких* предварительных тенденций, всякой прелиминарной теоретичности—это качество, окажется, уже *ни у кого* не встречается из тех, кого я знаю, как работников в данной области.

И работа Всеволодского грешит именно этими грехами. Вместо того, чтобы *изучить* неисследованный мир интонаций речи, чтобы вдумчиво и осторожно заглянуть в него и попытаться разобраться в страшной сложности звуковых явлений этого мира, он ему *предписывает* какие-то схематические законы, на половину взятые напрокат из музыкального обихода. Получается вместо теории ре-

чевой интонации какое-то Прокрустово ложе для живой речи.

Это—первородный грех всех теоретизирующих интонацию, не имея достаточного фактического материала исследования, воображающих, что все дело очень *простое*. Надо помнить, что речевая *звуковая* композиция—это столь же свободное искусство, как и всякое иное, что план звуков тут ограничен только сознанием, но не какими-то *законами*, самое существование коих в искусстве очень проблематично. Как в музыке нет в сущности «законов» и верят в них только дилетанты и узкие обскуранты, так же и в речевой композиции. Нормативность художественных явлений совершенно особого рода и выражается исключительно в известном *ритмическом уравновешении* совершенно свободных эстетических слагающих.

Как детали общего первородного греха, у Всеволодского получается, например, установление несуществующей в речи точной интервализации, взятой напрокат из музыкального обихода. Никаких кварт и квинт речь не знает и *знать не должна*, ибо это—не ее природа. Еще наивнее звучат мысли и утверждения автора об «тональности» в речи. Это уже такая фикция, которая и в музыке-то была не чем иным, как историческим эпифеноменом. Перетаскивать целиком в речевую композицию мажорные и минорные тональности—это верх наивности и музыкальной несознательности. Эта наивность в самой острой форме изложена на стр. 41.

Речевые схемы, предложенные Всеволодским, отличаются все именно этой страшной предвзятостью и догматизмом, парализующим именно то, что когда-нибудь составит настоящее искусство свободной речевой композиции. Научные экскурсии Всеволодского обычно оказываются довольно слабо подкреплены эрудицией. Его путешествия в области физики страдают прямыми фактическими неточностями (напр., сила звука пропорциональна амплитуде и числу колебаний), его эстетическая терминология требует многих поправок, как, напр., чудовищное определение *ритма* как систематической «повторности» одинаковых противоположностей. Это опять-таки такая сухая схематизация, которая не оставляет ничего «живого» в этой теории живого слова.

О равданием, конечно, могут служить новизна предмета и непочатость области. Но все же желательно, чтобы наши исследования в этих областях были бы снабжены большей научной объективностью и большим научным арсеналом, чтобы за догматизмом не исчезало само искусство. У нас, к сожалению, в последнее время появляется слишком много схематических теорий, дилетантски обоснованных и при всей своей бесплодности все же сильно калечащих искусство. С этим надо бороться.

Л. Сабанеев.

Проф. И. И. ЛАПШИН. Римский-Корсаков. Два очерка. Изд. Гос. Ак. Филармонии. СПБ. 1922. 75 стр.

Два небольших очерка проф. Лапшина, «Философские воззрения Римского-Корсакова» и «Музыкальная лирика Римского-Корсакова», соединенные в одной небольшой брошюре, представляют опыт философского и эстетического анализа творчества великого русского композитора. По правде сказать, творчество Римского-Корсакова заслуживало бы более солидного и объемистого исследования, но и в этой гемеопатической дозе данные о мировосозерцании Римского-Корсакова представляют много интересного.

Тем не менее, чувствуется много субъективного в этих двух статьях, особенно в первой. Проф. Лапшин, хотя и считается философом, но на самом деле его философская позиция слишком отзывается психологизмом и слишком легковесная для солидного эстетического критерия. И он не настолько музыкант, чтобы, так сказать, *поверх* логического, рационального обоснования, войти в мир философского ощущения Римского-Корсакова путем только одной его музыки. Ведь Римский-Корсаков не писал философских и эстетических трактатов, ведь его мысли об искусстве очень мало зафиксированы в слове, ведь то, что у него в этой области сохранилось, по правде сказать, дает очень мало реальных

данных для того, чтобы выводить из него нечто более, чем «рабочую» эстетическую подпорку, необходимую всякому художнику для творчества. Во всяком случае, философский момент в творчестве автора *Садко* играл роль бесконечно меньшую, чем, напр., у *Вагнера* или у *Скрябина*. Римский-Корсаков не был органически философом, его мнения по этому вопросу обычно наивно-детски. Его миросозерцание улавливается нами исключительно по его пристрастиям в выборе сюжетов. Только на основании этого скудного материала можно думать, что Римский-Корсаков имел некоторое отношение к так называемому *пантеистическому* мироощущению. Бытописатель и реалист, даже в фантастике своей бесконечно реальный, Римский-Корсаков всегда вкладывал в свое творчество очень мало *самого себя*. Загружать его простое и ясное творчество символистикой и квази-философскими умозрениями—это значит искажать его облик. Но проф. Лапшин делает уже чисто философскую ошибку, когда рискует утверждать *религиозное* мироощущение у Римского-Корсакова. Ведь пантеизм не есть в сущности религия, ибо от религии в пантеизме остался только один эмоциональный тон «благоговения» и ничего более. Еще менее обосновано присутствие в творчестве и в мироощущении Римского-Корсакова идеи слияния *с великим существом*—с человечеством. Ни из каких реальных данных эта «коптовщина» не вытекает. И проф. Лапшин делает вторичный философский диссонанс, утверждая «близость христианской мистики пантеизму». Каким образом христианская мистика, вся целиком основанная на идее личного бога, может ужиться с безличным, в сущности, вполне атеистическим пантеизмом (ибо формулы—бог все, или бог—ничего—совпадают), это остается секретом самого Лапшина. Из всего этого правда только то, что Римский-Корсаков любил сюжеты с пантеистической окраской, хотя не чуждался и других живописных сюжетов. Но для нас, смотрящих на Римского-Корсакова через призму его реального творчества, ясно, что великий композитор был настоящим «пантеистическим атеистом», «что он был в высокой мере чужд именно религиозной идеи, что в его многочисленных квази-мистических и квази-религиозных произведениях его привлекала вовсе не религиозная идея, а живописность обстановки и поэзия обряда. Странно, каким образом философ Лапшин спутал примитивный языческий фетишизм «преклонения перед пнями, ракитниками и проч.» (стр. 34),—фетишизм атавистически реконструированный в психике художника Корсакова с каким бы то ни было философским миросозерцанием.

Но как ни субъективны мнения, высказанные в брошюре, написана она дарвито и читается с вниманием и интересом. Как нечто, популяризирующее имя великого композитора, она желательна и должна быть приветствуема. Но все-таки время сейчас уже такое, что именно о наших корифеях музыки, в роде Корсакова, хочется видеть уже не статейки и не брошюрки, а исследования во всеоружии материалом и, главное, музыкальной культуры.

Л. Сабанеев.

Е. БРАУДО. НИЦШЕ. Философ-музыкант. Изд. «Атеней». Петербург. 1922 г. Стр. 67.

Небольшая книжка Н. Браудо написана живо и интересно. Она посвящена старой истории о музыкальных взаимоотношениях знаменитого философа с гениальным автором «Нибелунгов». Несмотря на очень маленький объем, книга содержательна, и все в ней находящиеся данные обладают безусловной точностью. Ее можно, несомненно, рекомендовать, как излагающую в легкой и удобопонятной форме всю эволюцию музыкальных взглядов Ницше от периода его преклонения пред Вагнером до его разрыва. Издана книжка изящно.

Л. Сабанеев.

ПЛУТАРХ О МУЗЫКЕ. Под ред. Е. Браудо. Перев. Н. Томасова. 1922. СПБ. Гос. Изд. 90 стр.

Книга представляет собою перевод диалога Плутарха, в котором тот излагает устами двух собеседников современные взгляды на музыкальное искусство. Тут, конечно, и нагромождение мифологических подробностей и разные типичные для древнего музыкального созерцания философско-религиозные предпосылки искусства, вплоть до бесконечно чуждой нам «мистики чисел». Все это, конечно, архаично, и только, как таковое, и заслуживает внимания.

Но для популярной брошюры книжка тяжела. В наше время так много насущных музыкальных вопросов, так мало изучены животрепещущие темы искусства, чтобы тратить время и деньги на издание археологических мумий. Это—дело солидных академических учреждений.

Перевод выполнен удовлетворительно в литературном отношении.

Л. Сабанеев.

«ЖАР-ПТИЦА», № 7. Берлин. 1922 г. Журнал, издаваемый и редактируемый А. Э. КОГАН. 40+8 стр.

Если говорят о вопиющем убожестве русской эмиграции за границей, то этот берлинский журнал может служить лучшей иллюстрацией ее положения. Ни одной свежей мысли, ни одного интересного штриха ни в литературном, ни в художественном отношениях.

Изданный с купеческой «аляповатой» роскошью былых наших художественных журналов, печатавшихся на деньги Рябушинских и др. меценатов, он поражает бедностью и тщедушием своего содержания: старенький рассказ Б. Зайцева, не первой свежести повесть Пильняка, концовка С. Чехонина 1912 г. (!), рисунок Пастернака 1913 года (!), снимки с левитановских работ, репродукции со стареньких Сомова и Судейкина.

Словно старая бабушка, у которой «все в прошлом», вынимает по вечерам приторно пахнущие «саше» и сувениры,—редакторы, издатели и авторы «Жар-Птицы» вытряхивают из кошельков все то, что там залежалось, или пользуют уже не в первый раз использованное раньше. Некоторой свежестью веет от двух красочных репродукций Н. Гончаровой и от двух тоже цветных ее заставок. Не могу сказать о времени их выполнения, но, судя по изобразительным формам, эта цветная графика тоже давнего происхождения. Интересна сама по себе небольшая статья Эганбюри о Ларионове и Гончаровой, освещающая влияние этих живописцев не только у нас, но и на Западе, в Париже, и приписывающая их творчеству своеобразную черту «всечества», некоего универсализма художественных манер и стилей, чуждого, однако, безжизненного эклектизма. Но курьезно видеть снова и снова имя Эганбюри под статьей именно об этих художниках, взявшего словно «патент» писать именно о них еще с 10—12 года. А может-быть, и эта статья, как и весь остальной материал, тоже извлечена из старых редакционных папок? Информация о текущей художественной жизни совершенно отсутствует. Словно этой жизни и не существует. Время остановилось. И остались лишь воспоминания о прошлом да приторно пахнущие, любезные сердцу сувениры.

Ник. Тарабукин.

«ГЕРМЕС». Ежегодник искусства и гуманитарного знания. Сборник первый. Киев. 1919 г. Стр. 107+72+4 рисунка.

Многообещающее название (чуть ли не новый «Логос», только с включением изящной литературы), культурная внешность белой обложки с прилично набранным заглавием. Внутри: стихи Асеева, Венгерова, Мандельштама, Эренбурга и др., снимки с произведений Экстер, очередные театральные инвенции Евреинова, два этюда «в область религиозной символики». Редактор, Владимир Маккавейский, горюет, что Вячеслав Иванов, Белый и Есенин опоздали своим приездом в

Киев и не смогли поместить своих произведений на ряду с прочими, доставленными «со всех концов России», и вознаграждает читателя quantum satis своих писаний. Он снабжает статью Шкловского объемистыми примечаниями и цитатами, любезно переводит Вяч. Иванова и Блока на французский диалект, опубликовывает совершенно неудобочитаемую «псевдотрагедию» «о Пьеро убийце» (четыре акта с прологом; традиционные Пьеро-Коломбина, Арлекин, а также три нетопыря, маг, шопот книжных скорпионов в числе действующих лиц; нелепые вирши и длинные глубокомысленные ремарки; эпиграфы из Mallarmé, Latorgue, Стилоса Александрии, Банга, Nodier, Goethe, Propertius, Блока, Baudelaire; все это сочинялось с 7 апреля 1915 г. по декабрь 1918 г.), и в завершение на сорока с лишним страницах распространяется на тему «Искусство, как предмет знания». Самый факт постановки этой проблемы знаменателен и возбуждает большой интерес, к тому же автор обладает большими знаниями литературы по эстетике, знаком не только с переводами, но и с оригиналами. Тем более приходится пожалеть, что эта точка зрения формальной интуиции в ее критико-методологических возможностях изложена настолько невнятно, что ни обзор содержания, ни выделение наиболее важных абзацов более крупным шрифтом, ни примечания не помогают.

Сборник вышел в 1919 г., если не ошибаемся, нигде не был отмечен. Известный интерес для характеристики литературного быта русской провинции последних лет, когда некоторые южные города обращались на время в своего рода Афины, он безусловно представляет.

Л. Розенталь.

ЗАМЕТКИ О ЖУРНАЛАХ.

1. «Современный Запад». Журнал № 1. *М. Эйхенгольца.* **— 2. «Сибирские Огни». Журнал.** *И. Кубикова.*

СОВРЕМЕННЫЙ ЗАПАД. Журнал литературы, науки и искусства. Книга первая. Всемирная литература. Государственное Издательство. Петербург. 1922 г. 191 стр.

Выход в свет журнала, посвященного современной культуре Запада, после прерванных в течение семи лет связей с Западной Европой, удовлетворит, несомненно, потребности широких кругов русского читателя. Если Россия в течение XVIII и большей части XIX века является почти исключительно объектом западно-европейских влияний, то, с другой стороны, в последние годы XIX века и в начале XX в. и, особенно, в настоящее время, Россия оказывает, в свою очередь, немаловажное культурное влияние на Запад. Социально-политический момент, обусловливающий это влияние, мы оставляем в стороне, как вполне очевидный.

Но нас интересует сейчас все же вопрос о проникновении западной культуры в Россию и возможном взаимодействии.

Если ограничиться областью литературы и искусства, а в частности, нашими журналами, то в течение последних двух столетий мы имеем ряд журналов, систематически знакомящих русского читателя с Западом. Характерны, напр., в сороковых годах журнал Н. Полевого — «Московский Телеграф», особенное внимание уделявший французской современной литературе, или «Московский Вестник», склонявшийся к немецкой литературной ориентации. Таковы же были в последнее время «Весы», познакомившие нашего читателя с французским символизмом.

Характерной особенностью названных журналов является то, что, будучи связаны с определенной литературной груп-

пировкой, они были проводниками одноименных художественных течений, романтизма или символизма, правда, приобретавших на русской почве своеобразное, отличное от западного, художественное выражение. И значительную долю своеобразия этим журналам придавала, именно, целостная художественная идеология и систематически организованная ими художественная пропаганда.

В этом отношении рецензируемый журнал «Современный Запад» как бы и по самому заглавию своему отъединяет себя от каких бы то ни было русских художественных течений, с одной стороны, а с другой, как о том говорится в послесловии от редакции,—«ставит своей целью дать русскому читателю по возможности полную и строго объективную картину умственной и художественной жизни современной Европы».

Эта весьма трудная—больше—недостижимая задача и определяет недостатки журнала, имеющего при этом несомненные и большие достоинства, как о том будет сказано ниже. Действительно, «объективизм» редакции, в сущности, нарушается, и в этом я не вижу недостатка, примечанием к статье столь у нас муссируемого О. Шпенглера: «Пруссизм и социализм», в котором говорится, что «редакция отнюдь не солидарна со взглядами Шпенглера». Можно думать, что редакция не солидарна и с темой английского колониального империализма, так законченно выраженного в напечатанном переводе стихотворения Киплинга «Восток и Запад»:

«О, Запад есть Запад, Восток есть Восток,
и с места они не сойдут»,

и с католической темой стихотворений П. Клоделя—«Отче наш», «Чтения». и, возможно, с критическими замечаниями о французской литературе маститого, но консервативного в настоящее время Анри-де-Ренье.

Действительно, подбор художественно-литературного материала обнаруживает известное предпочтение, отдаваемое редакцией «левым» художественным группировкам. Об этом свидетельствуют интересные, к сожалению, краткие очерки—А. Гвоздева «Экспрессионизм в немецкой драме», Н. Радлова «Современное искусство Франции и Германии», А. Лурье «Шестерка» (О французской музыке), П. Колена «Французские поэты». Поэтому следовало бы отбросить несколько абстрактный «объективизм» и представить то «истое», что редакция видит в западной культурной жизни, соответственно проанализировав материал, что позволило бы читателю не эклектически, а активно воспринять Запад.

Понятно, материал журнала вынужденно неполный: вышел ведь только первый номер. Но эволюция журнала, если он хочет быть жизненным, творческим, может итти лишь по пути определения собственной художественной идеологии.

Материал журнала разнообразен и интересен. Кроме упомянутых выше художественно-литературных произведений и статей, напечатаны удачные в целом переводы (Кугеля, Нейштадта, Лозинского, Чуковского и др.) рассказов Ж. Люамеля и Г. Мейринка, стихотворений Ж. Ромэна и Газенклевера, новые манифесты Маринетти, среди коих манифест о тактилизме, искусстве осязания—статья—содержание книги «Паналаги» (дикарь о современной культурной Европе, рабе золота и машины) и др.

Читатель, преодолев «объективизм» журнала, мог бы на основании сообщенного журналом материала представит себе Запад, участвующий в творчестве будущего. Мировая война и революция (в ее социальных разновидностях),—вот художественные темы Запада (Франции и Германии). Об этом свидетельствует:

Бытовая картинка военного госпиталя и морга с грустно-фаталистической философией солдата, участвующего в мировой бойне (Ж. Дюамель—Кирасир Кювелье); призыв к восстанию упанимиста Ж. Ромэна в его городской поэзии—

Толпы портов и кораблей,
Толпы всегда живой Европы;
Толпы, не терпящие смерти.
Я повторяю вам: пора! (стихотв. «Европа»);

подавленность отчаяния в грандиозном военном поединке и пафос революционной уличной борьбы у экспрессиониста

Газенклевера, переданный отрывистым стихом, короткими, точно спотыкающимися, ударами ритма:

Крушенье поезда. Сдохло двадцать детей.
Бомбами убито людей миллионы.
Об этом ни слова. Слова не те.
Убийцы сидят в оперном павильоне (стихотв. «Убийцы сидят в опере»);

или символическая картина разрывающих друг друга цикад, громоздящихся в живой куче выше человеческого роста, и вызванных на ужасную схватку металлическими звуками тибетского колдуна. («Игра цикад» экспрессиониста Мейринка).

Можно привести и другие примеры, вплоть до отдельных замечаний, которые могут создать у читателя указанное выше и, с нашей точки зрения, вполне объективное представление о Западе. Поэтому нельзя не порекомендовать журналу устранить и ту долю эклектизма, который в нем, несомненно, имеется.

Я не касался статей, посвященных науке, напр., очерки Г. Ершковского «Происхождение и конец вселенной по новейшим научным данным». Оценка их—дело специалистов. Однако, мы думаем, что было бы целесообразно в этом отношении ограничить программу журнала. Статьи о науке на Западе пока для журнала случайны. Думаю, задача представить равно художественную и научную жизнь Запада—непосильна. Предпочтительнее посвятить журнал только художественной культуре и касаться науки в той мере, в какой можно установить прямую связь ее с художественной культурой,—явления особенно актуального в последние десятилетия.

Богат в журнале отдел хроники. И здесь имеется глава о науке и технике, где обособленно от явлений художественной культуры сообщается о кризисе теории света, современной авиации, беспроволочном телеграфе, белом угле и т. д. Говоря об этом, следовало бы поставить в связь с современной индустрией не футуризм, правда, который на Западе почти уже в прошлом, а современное западное производственное изобразительное искусство. творчество Гиэза, Ленсе, Северина и поэтические течения, как динамизм Гильбо, Барзэне.

Повторяю, будет весьма ценно, если журнал «Современный Запад», который является очень полезным начинанием, выпрямит свою художественную идеологию в сторону более целостного восприятия западной художественной культуры.

М. Эйхенгольц.

«СИБИРСКИЕ ОГНИ». Литературно-художественный и научно-публицистический журнал, № 1. Март. 1922 г.—192 стран. № 2—200 стр. № 3—134 стран. № 4—174 стран.

Журнал «Сибирские Огни» по своему значительному содержанию представляет несомненную ценность и заслуживает самого серьезного внимания.

В небольшой рецензии трудно с достаточной полнотой отметить все интересное четырех вышедших книжек журнала.

В отделе беллетристики на первом плане необходимо поставить повести Л. Сейфуллиной.

Стиль писательницы своеобразен. Почти полное отсутствие периодов в построении речи придает писаниям Л. Сейфуллиной яркую динамичность.

Перед нами жизнь, быстро бегущая и насыщенная тревогой революционного бытия.

Самое значительное произведение Л. Сейфуллиной—«Ноев ковчег», в № 4 «Сиб. Откликов»—уездная история перехода области от белых к красным и обратно. Здесь все живо, ярко и, главное, с редкой объективностью. Тяжелые эпизоды гражданской войны, правдиво зарисованные, проходят перед нами, подкупая чувством художественного такта.

Этого как раз нельзя сказать об отрывке из романа «Два мира»—произведении в достаточной мере лубочном.

Если у Л. Сейфуллиной перипетии гражданской борьбы, несмотря на всю жестокую правду, художественно приемлемы, то у Зазубрина—любование Джека потрошителя. Вот, напр., в виде образчика, смерть белогвардейца Барановско-

то: «Красным жаром дохнуло раскаленное поддувало. Барановский не понял, что ему прикладом разбили лоб, в живот воткнули штык, прострелили грудь. Красноармейцы тыкали сталь в горячие трупы. Плющили прикладами черепа. Они колются легко. Похрустывают только. Совсем спелые арбузы».

Красиво написан рассказ Вс. Иванова «Амулет». Читатель заражается настроением несчастных *каули*—жертв эксплуататоров-японцев. Эти каули (корейцы) ждут прихода русского, с чудным амулетом,—знак, который дал ему «большой русский—Ле-и-но»—и спасет их от гнета.

Хорош рассказ Ф. Березовского «Варвары» (из сибирских преданий), где перед нами крестный путь сибирской крестьянки в ее борьбе за независимость от семейного гнета.

Можно отметить еще интересный рассказ г. Веткина «Четверо», стихи Ерошина, и рассказ Н. Смирновой «Волчья мечта».

В № 1 интересна статья Вал. Правдухина «Искусство в свете революции». Здесь дана совершенно правильная постановка вопроса о связи прошлого с настоящим. «Раз это произведение искусства,—говорит автор,—то в нем каждый класс найдет то, что ему надо, ибо не нужно забывать, что в самом восприятии искусства есть творческий момент, и рабочий и крестьянин, смотря на произведение,—всякий раз творят его для себя заново».

К сожалению, мы не можем подробно останавливаться на многих ценных мыслях, которыми полна эта статья. Чрезвычайно важна, напр., та задача, которую ставит автор для современного искусства: не только бичевание буржуазии, но и «сатира на свое»—«беспощадное изображение того, что этому классу не нужно, и что, однако, его облепляет как тесто».

Не менее ценны статьи того же автора, посвященные современной литературе.

Полемическая статья Грассиса «Доморощенная диалектика в борьбе за искусство» обстоятельно возражает Н. Чужаку на это теперь уже известную книгу о диалектике искусства.

Из статей исторического характера интересны воспоминания Ем. Ярославского «На волю» и статья В. Косарева о партийной школе на Капри.

Любопытна статья Чудинова о крестьянстве и полемика с автором этой статьи—Тумаркина и Ярославского.

В двух номерах помещена обстоятельная статья А. Шиша «Роль иностранного капитала в экономической жизни Сибири».

Имеется популярная статья о радио.

В № 4 помещены несколько писем Короленко.

В общем журнал, издаваемый на далекой окраине, представляет собой радостное явление.

Ив. Кубиков.

ХРОНИКА

НА ЗАПАДЕ.

ГЕРМАНИЯ.

Юбилей Г. Гауптмана.

Германия недавно чествовала *Гергарта Гауптмана*, — в день, когда ему исполнилось 60 лет. Пресса посвятила Гауптману и его творчеству ряд статей. Крупный немецкий журнал Neue Deutsche Rundschau выпустил очередную книгу, полностью посвященную писателю. В книге, между прочим, напечатана интересная статья Томаса Манна о Гуаптмане. Президент республики и многие города (муниципалитеты) прислали Гауптману поздравительные адреса. Президент также поднес Гауптману бронзовую медаль, выбитую скульпт. *Вакерле*. По всей Германии театры ставили его драматические произведения, объявляя «гауптмановские недели». Такие недели состоялись в Берлине, Данциге, Дрездене, а также в Швейцарии.

Союз Берлинской прессы организовал постановку вещи Гауптмана «Вознесение Ганнелле» в Щаушпильгауз'е. По роману Гауптмана инсценирована кинематографическая фильма «Фантом». Ко времени чествования открылась выставка рисунков и карикатур *Эмиля Орлика*, посвященных Гауптману. Чествовали также Гауптмана английские и французские литературные круги. В английских и французских журналах напечатан ряд статей, ему посвященных. Датские писатели поднесли Гауптману в подарок старинную статую II века по Р. Х.). Недавно организованный в Берлине клуб русских писателей поднес Гауптману приветственный адрес, подписанный, между прочим, Максимом Горьким, А. Ремизовым, А. Белым, Е. Чириковым и др. В адресе говорится: «Пусть наша общая любовь к Гёте, Толстому, Достоевскому, Гауптману послужит подлинному союзу русского и германского народов»...

В берлинском университете состоялось торжественное заседание в честь юбиляра.

Националистическая часть берлинского студенчества отказалась чествовать Гауптмана, мотивируя это тем, что Гауптман «не немец», т.-е. не патриот. Остальная часть студенчества (огромное большинство) выступила в печати с письмом, клеймящим поведение националистов.

Гауптман основал фонд своего имени в пользу нуждающихся культурных работников. В берлинской филармонии состоялся концерт, вес сбор с которого поступил в этот фонд. На концерте выступал Гауптман со своими новыми произведениями.

К юбилею было подготовлено в из-ве Фишера 12-томное собрание сочинений писателя. Последний, 12-й, том издания вышел как раз в дни чествования. За последние полгода появился целый ряд значительных трудов о Гауптмане. Из них отметим, кроме указанной гауптмановской книжки Neue Deutsche Rundschau,—книгу *Поля Шлентнера*, переработанную и дополненную Артуром Элессером «G. Hauptman sein Leben und Werk», книги *Поля Фехтера*, *Фрейкана*, затем сборную книгу «G. Hauptman und sein Werk под редакцией *Л. Маркузе*; участники этого сборника: *Фриц-Фон-Унру* (драматург), *Макс Дессуар* (ист. лит.), новатор театра *Иессер*, изв. актер *Басерман*, *А. Луначарский* (статья) «Гауптман в России» и *З. Венгерова* статья: «Русская душа Гауптмана».

— По инициативе баварских социал-демократов всем правительственным

учреждения Баварии разослан циркуляр, в котором рекомендуется при представлении открывающихся в них мест иметь в виду в первую очередь нуждающихся лиц из свободных профессий, а особенно журналистов и писателей, оказавшихся в тяжелом материальном положении из-за закрытия многочисленных повременных изданий.

▫ Швейцарский Комитет помощи Германии прислал 25.000 марок в помощь немецким журналистам и писателям. Деньги были распределены между Союзом прессы, Союзом «Защиты писателей», Отделом общественной помощи Науке (Германск. Мин. Вн. Дел.) и Союзом «Рабочей прессы».

▫ В виду критического материального положения Лейпцигский музей книг и рукописей решил издать роскошный альбом гравюр, весь сбор с которого пойдет в пользу музея. 20 лучших графиков дали свои рисунки (оригиналы). Бумага и печать предоставлены лейпцигскими фирмами. Альбом выйдет в количестве 200 экземпляров.

▫ Цены на книги, повысившиеся в Германии с января 1922 г. в 20, а к августу в 40 раз против цен мирного времени, увеличились в течение ноября в 300—500 раз.

▫ Имперский Хозяйственный Совет постановил увеличить цену на газетную бумагу с 170 марок за килограмм до 445. Такое резкое увеличение цены, несомненно, повлечет за собой дальнейшее обострение кризиса германской печати. Многие из газет вынуждены будут прекратить свое существование, а остальные значительно повысят цены и абонемента и розничной продажи.

▫ Скончался *д-р Иван Блох* исследователь сексуальных проблем, известный и русским читателям по многим переводам его трудов на русский язык.

▫ Берлинский союз филологов в декабре 22 г. отпраздновал 50-летие своего существования

▫ Премия имени Клейста присуждена *Брехту* (род. в 1898 г.) за его три драмы: *«Барабаны в ночи»* (революционная драма, где революция является фоном, на котором развивается новый быт, по новому слагающаяся личная и частная жизнь), пользующаяся громадным успехом, затем *«Бал»* и *«В чаще»*. Жюри, присудившее премию, упоминает также драматургов *Вейса* и *Берлаха*.

▫ В Франкфурте-на-Одере открылся музей Клейста.

▫ Немецкий поэт рабочий *Христофор Вихрехт* (металлист фабрики Круппа в Эссене) выступал в Берлине со своими стихами.

▫ Поэтесса *Грета Гульбрансон* выпустила вторую книгу стихов под названием „Ewiger Ruf" с иллюстрациями известного графика Гульбрансона.

▫ В Берлине организован ряд лекций-чтений под названием «Молодые поэты вперед!».

▫ *Георг Энгель* издал новую книгу *«Принцесса и святая»*, из жизни XIII столетия.

▫ В Кенигсберге поставлена новая вещь *Зудермана «Как мечтают»*—вещь слабая; сюжет—неожиданное возвращение пропавших без вести во время войны.

▫ Очень нашумела поставленная в Берлине драма молодого поэта *Арнольда Броннен «Отцеубийство»*.

▫ На германский рынок выброшено неимоверное количество музейных ценностей всех областей культуры, находившихся в руках обедневшей теперь аристократии. На аукционе частного собрания автографов продавались недавно рукописи Гёте, в том числе несколько писем, варианты пятого акта второй части «Фауста» и т. д.

▫ Прусская государственная библиотека получила во временное пользование библиотеку писателя Вейсенштейна—свыше 9 тыс. томов преимущественно немецкой литературы 1750—1850 г.

▫ В Мюнхенском музее издан новый каталог по отделу истории культуры *д-ра Шульце* и составленная *Губертом Вильмом* работа о находящихся в музее предметах средневекового ваяния.

▫ В кенигсбергском университете учрежден факультет по театру и сценоведению.

▫ В Берлине в книжном магазине «Buchhandlung des Westens» была устроена выставка особенно замечательных, как по содержанию, так и по внешности, лучших изданий альбомов с начала XX столетия.

▫ В августе 1923 года в Берлине устраивается международное музыкальное и театральное празднество под названием «1-ое муз. и театр. празднество. Берлин. Лето 1923». В празднестве примут, между прочим, участие: знаменитый квартет Rose и итальянская опера Тосканини.

▫ Из Одессы перевозятся в Германию застрявшие там астрономические инструменты, вывезенные из Германии незадолго до войны для наблюдения затмения. По этому поводу газеты отмечают чрезвычайно любезное отношение Укр. С. С. Республики.

▫ Целый ряд известных деятелей: Мария Монтессори, Кета Кольвитц, проф. Эстрейх, Артур Холичер и др., опубликовали протест против содержания в тюрьме известного германского педагога Густава Винскена.

▫ Японский крупный промышленник Хайими-Хаси, который два года назад пожертвовал берлинскому у-ту сто тысяч иен на поддержку химии, пожертвовал опять с той же целью на три года ежемесячно две тысячи иен и для прочих наук—десять тысяч иен.

▫ В Гамбурге арестован очень известный в Германии религиозный проповедник Гауссер, называвший себя апостолом и основавший новую секту полумистического направления с резко выраженным сексуальным оттенком.

▫ Избраны новые члены Германской Академии Наук.: профессор берлинского ун-та по философии и истории Петерсен; профессор Больте—известный исследователь в области литературы и народного немецкого искусства; профессор философии при берлинском у-те д-р Мейер; заведующий всеми античными отделами государственных музеев д-р Виганд. По физико-математическим дисциплинам—директор химического ин-та при берлинском университете проф. Шленк; директор астрофизической обсерватории Потсдама; проф. Людендорф; директор Минералогического Петрографического института при берлинском у-те проф. Ионсен.

▫ Выбраны новые члены прусской академии искусств (перед выборами произошли крупные трения между художественными «партиями»); избранными оказались: экспрессионист Макс Пехштейн; Е. Р. Вейс; график Эмиль Орлик; скульптор Эрнст Венк; преподаватель высшей художеств. школы в Берлине Вил. Герстель; Ганс Пэльциг—выдающийся архитектор; Генрих Штраумер—архитектор. Из иностранных художников зачислены: Георг Генрих Брейтнер (Голландия), Жакин Соролла-и-Бастида (Мадрид), Ф. Алварец-де-Сотомайор (Мадрид). Из архитекторов—Ганрат (Голландия), Ивар Тенгбом (Швеция), Ганс Бернулли (Швейцария).

▫ Иосифа Пецольда (изв. философ-позитивист), издавшего со своим предисловием произведения Маха и Авенариуса (известна его книга «Проблема мира с точки зрения позитивизма»), научные круги приветствовали недавно с исполнившимся 60-летием со дня рождения.

▫ Германская философская литература пополнилась за последние месяцы следующими книгами: 1) *Алоиз Гефлера*—«Логика и теория познания» 1-й том в из-ве Гельдер-Тишлер в Вене. 2) *И. Э. Герлаха* «Критика математического разума». Из-во Фридрих Коген Бонн 1922 г. 3) *Карла Бем* «Знание и действие» (Wissen und Wirken)—2 тома. И-во Г. Брауншер. Карлсруэ. 1922 г. 4) *Вилли Моог.* «Логика, психология и психологизм». Из-во Макса Нимайер. Галле. 1922. 5) *Вилли Моог*: «Немецкая философия 20 века в ее главных направлениях и проблемах». Из-во Ферд. Енке. Штутгарт. 1922 г. 6) *Эрнс-Бергман* «Дух XIX столетия» (Jedermanns Bücherei, отд. философии). Изд. Ферд Герт. Бреславль. 1922 г. 7) *Алоиз Риль* «Руководящие мыслители и исследователи». Из-во Куэль и Мейер. Лейпциг. 1922 г. 8) *Альберт Гедеке-Мейер* «Практическая философия Аристотеля» (этика и политика). Изд. «Книжн. магазин Дитрих». Лейпциг. 1922. 9) *Эльза Вентнер* «Проблема эмпиризма в изложении Джона Стюарта-Милля» Из-во А. Маркус и Э. Вебер. Бонн. 1922 г. 10) Книги проф. д-ра Бэка: a) «Etymologie und Lautbedeutung im Lichte der Geisteswissenschaft» Kommend-tag Verlag. Штутгарт. b) Der phisische und Geistige Ursprung der Sprache. Из-во то же.

▫ В Sibyllenverlag в Дрездене вышла книжка *Герберта Гэйринга*, посвященная задачам современного театра.

▫ Вышла книга по истории театра— *Германа Бара* «Бург-театр».

▫ В из-ве Paul Steegman в Лейпциге вышла книга Эмиля Леднера «Воспоминания о Карузо», имеющая, кроме биографического, чисто литературный интерес.

▫ Композитор и пианист *Шарвенка* выпускает в издании Кёлера (Лейпциг) книгу под названием «Звуки в моей жизни», в которой дает ряд характеристик музыкантов за последние 50 лет.

▫ В ближайшем будущем в издательстве Engelhorns Nachfolger в Штутгарте в серии «Народных книг по музыке» выйдут воспоминания *Зигфрида Вагнера*, сына Рихарда Вагнера. Из-ние этой книги ожидается в музыкальных кругах с большим интересом, так как предполагают, что она содержит новые материалы о Рих. Вагнере.

▫ Вышла новым изданием книга *Лоренца Штейн* «История социальных движений во Франции 1789 — 1848 гг.» со вступительной статьей Готфрид Саломонс.

▫ После многолетнего перерыва вышел снова в свет немецкий «*Журнал Политики*» («Zeitschrift fur Politik»), изд. проф. Шмидт и д-ром Грабовским. Журнал будет выходить 6 раз в год и будет посвящен, главным образом, внешней политике и международному положению, критике мирных договоров и проблеме восстановления разоренных областей.

▫ Брокгауз издает новый Энциклопедический Словарь под названием «Handbuch des Wissens» в четырех томах. Пока вышло два тома. Отмечаются крупные достоинства издания и составления.

▫ Интерес германского художественного мира к русскому искусству растет. Этому обстоятельству сильно способствовала выставка работ и «старых» и «молодых» русских художников, то выступающих самостоятельно, то занимающих видное место на немецких выставках. Способствуют этому и многочисленные художественные русские издания.

Ноябрьский номер старейшего немецкого художественного журнала «Die Kunst» всецело посвящен русскому искусству. В номере снимки с работ Яковлева, Архипенко, Шухаева, Сомова, Судейкина, Врубеля, Рериха, Григорьева, Сорина и др., статья Оскара Би о русском искусстве. Другой немецкий журнал «Kunst und Dekoration» также выпускает «русский» номер.

▫ На немецком языке сразу вышли три «*Истории русской литературы*»— 1) *Э. Фридерихса Гота*. Изд. Ф. А. Поргес. 2) *А. Элиасберга* (известного переводчика с русского на немецкий). Мюнхен. Изд. Бек. 3) *А. Брюкнера*. Бреславль «Jedermanns Bücherei». Изд-во Гирт.

А. Элиасберг в своей истории дает изложение отдельных произведений современной литературы. Другие две книги дают общий очерк русской литературы.

▫ С помощью устроенной немецким журналом «Литературное Эхо» анкеты Народных библиотек удалось выяснить, что наиболее читаемым иностранным автором в Германии является Достоевский. Из философских книг больше других читается «Закат Европы» Шпенглера. Из беллетристики Гангофер, Фибих, Герцог и Ленс.

▫ В издательстве «Bibliographisches Institut» в Лейпциге вышли новые переводы с русского с пред. Артура Лютера: «Горе от ума» *Грибоедова*; «Гроза», «Снегурочка» *Островского*, «Дядя Ваня» *Чехова*; Собрание сочинений *Лермонтова* и др.

▫ Выходит полное собрание сочинений *Достоевского* в 25 томах на нем. яз., изд. Лейпциг «Инзель—Ферлаг». Перев. Рель и Нецель с предислов. Стефана Цвейга.

▫ В изд-ве «Трех масок» в Мюнхене вышла книга под назв. «*Русские рассказы о привидениях*». Начинается пушкинской «Пиковой дамой», «Пропавшей грамотой» Гоголя, «Отрывком неоконченной повести» Лермонтова; затем идут «Приведения» Тургенева, отрывки Одоевского, Лескова, Сологуба и Брюсова.

▫ С русского языка на немецкий переведены за последнее время: 1) «*Пиковая Дама*»—переводчик *Грегор*. Из-во «Нева». Берлин. Книга иллюстрирована *Пропом*. 2) Сборник «Meisterwerke der Russ. Bühne», составленный А. Лутер из произведений Грибоедова, Островского, Писемского и Чехова. 3) «Две-

надцать» А. Блока (новый перевод) с иллюстрациями Масютина.

▫ Из-вом Д. Ретхер в Гамбурге готовится первое полное собрание фортепианных произведений *Чайковского*.

▫ В Берлине начало выходить частное информац. издание по разным экономич. вопросам России, распределенным по различным рубрикам: 1) Хозяйство, 2) внешняя торговля, иностранный капитал, 3) законы, право, 4) деньги, банки, 5) транспорт, страхование, 6) производство, фирмы.

Весь материал, часто с ссылками на источники, выпускается 2 раза в месяц в виде разрезных карточек одинакового формата, пригодных для использования непосредственно в карточке. Судя по первым выпускам перерабатывается обширный материал, излагаемый в очень сжатой форме. Редактором нового из-ния является быв. ред. приостановившейся «Ost-Europäische Wirtschafts Zeitung» *Р. Гланц*.

ФРАНЦИЯ.

▫ Положение писателей, ученых и лиц интеллигентных профессий вообще во Франции резко ухудшилось. В организуемых литературных и научных конкурсах принимает колоссальное количество соревнователей.

Среди последних конкурсов привлекла всеобщее внимание литературная премия имени Бальзака, организованная Безиль Захаровым. Им была назначена премия в 20.000 фр., к которым издатель Грассэ прибавил еще 10.000 фр. в виде аванса авторского гонорара. Сумма огромная по сравненью, например, с Гонкуровской премией (5000 фр.). В конкурсе приняло участие около 380 соревнователей. Жюри под председательством П. Бурже состояло из нескольких писателей так наз. членов Академии Гонкуров.

Премия была присуждена —*Эмилю Боману* (Baumann) за роман «Jov predestinée» и *Жану Жироду* (Giraudoux) за роман «Siegfried et la Limousine». Положение о новой премии вызвало массу нареканий со стороны писательских и издательских кругов, обвинивших из-во Грэссе в том, что под видом поощрения литературы оно устроило ловкую коммерческую комбинацию. Указывают, между прочим, на то, что не прошло и недели после присужденья премии, а премированные романы вышли уже из печати, между тем, как, согласно статутам премии, романы должны были представляться жюри в рукописном виде в строжайшем секрете от какого бы то ни было издательства. В премированых романах свыше 350 стр. Подозрительна быстрота, с какой из-ву Грассе удалось в течение 5—6 дней выпустить обе книги в свет.

▫ Литературная премия Ляссер (10.000 фр). присуждена писателю *Элемиру Бурж*, автору романов: «Crêpuscule des Dieux» «Le fleurs tombent» и др. Лауреат состоит членом так наз. Академии Гонкуров.

▫ Под председательством ректора парижского университета *Поля Аппеля* учрежден комитет, ставящий себе целью организацию в Сорбонне кафедры по изучению творчества Виктора Гюго.

▫ В Сорбононе учреждена новая кафедра—история мировой войны. Кафедра поручена профессору *Пьеру Ренувену*, приступившему к чтению лекций в середине декабря.

▫ На последнем заседании Академии Наук был заслушан доклад *А. Бергсона* на тему: «Нужно ли сохранить преподаванье латинского и греческого языков во французской школе». Докладчик горячо доказывал необходимость *обязательного* преподавания древних языков

▫ В кн-ве «Plon» в париже вышел третий том дневника *Мориса Палеолога* (французского посла в царской России).

▫ Скончался французский поэт-сатирик *Эдуард Гербер* (Edouard Guerber). Его первая книга вышла в 1910 г. («Le crèpuscule du Monde») Последняя книга его «Sous le doux ciel de Franc» вышла в 1922 году.

▫ На 81-ом году жизни в Париже скончался акад. *Жорж Лемуэн*—известный химик.

▫На собрании ассоциации иностранной печати в Париже произведены выборы правления на 1923 год. Избраны—президент *Мар* (Испания), вице-президент *Дюмур* (Швейцария) и *Черига* (Италия). Генеральный секретарь *Леон Фауст*

(Голландия) и казначей *В. Бинштока* (Россия).

▫ В Париже вышли в свет за последнее время следующие новые романы: 1) *Жан Психари* в изд. Альбин Михэль: «Le solitaire du Pacifique» 2) *Коллет* «La maison de Claudine». 3) Francis Cazco (Франсис Кáззо) «L'homme tragué (премирован—премия имени франц. Академии), 4) *Пьер Бенуа* «L'oublie» 5) Claud Anet «L'amur en Russié», «Quand la terre trembla» 6) *Леон Доде* «Le stupide XIX siecle», «L'entremetteuse» и др.

В издательстве «Nouvelle Revue Française» вышел роман *Жюля Ромена* «Lucienne», печатавшийся ранее в журнале этого же издательства. Книга имеет успех; ее ставят выше лучшей вещи того же автора «La mort de quelqu'un».

Вышла новая книга *Поля Бурже* Nouvelles pages de critique et de doctrine».

— В «Ревю де Франс» помещена статья *Густава Симона*, в которой опубликованы неизданные письма *Виктора Гюго* и *Жорж Занд*, которых связывали узы тесной дружбы, тем более замечательной, что Гюго и Занд никогда не встречались и не имели случая беседовать иначе, как с помощью писем. Кроме сообщений о литературных отношениях Гюго и Жорж Занд, кроме бытовых подробностей их переписки в статье приводятся, на основании неизданных писем, данные о политических спорах Гюго с Жорж Занд, представляющих незаурядный интерес для характеристики обоих писателей.

▫ В Париже в издательстве Shakespeare's à Paris вышел на английском языке роман *Джемса Джойса* «Veisses», вызвавший ряд восторженных отзывов. Рецензенты отмечают бесспорную талантливость и своеобразие этого большого по размерам (700 стр.) романа, действие которого развивается в продолжении всего нескольких часов.

▫ Вызванная все растущим интересом французов к русской литературе, в Париже развивается большая работа по переводу русских писателей на французский язык.

Так, в из-ве Боссар изданы (кроме многих классических произведений): 1) *Ф. Сологуб* «Мелкий бес», в переводе *Перио* и *Сталь*, с предисловием *Жана Шюзвиля*. 2) *Л. Толстой* «Крейцерова Соната», перевод *Ольги Свидерской*. 3) *Д. Мережковский* «Вечные спутники», перевод *Мориса* и «Пророк русской революции» перевод *Шюзвиля*. Последняя книга выпущена под заглавием «Душа Достоевского». И еще целый ряд томов *Бунина*, *Куприна*, *Бальмонта* и др.

▫ В из-ве Грассе продолжается серия переводов *Достоевского*, выполняемых *В. Л. Бинштоком* в сотрудничестве с *Торке*.

▫ В издательстве—Деламен, Бушелло и К-о более известном под именем «книготорговли Сток, что на площади Французской Комедии» издается так наз. «Biblioteque Cosmopolite», в которой русские классики занимают одно из первых мест. К ранее вышедшим: *Лев Толстой*, Собрание сочинений; *Алексей Толстой*, «Смерть Иоанна Грозного»; *Лермонтов*, «Герой нашего времени», «Демон»; *Щедрин*, «Господа Головлевы», «Пошехонская старина»; *Григорович*, «Столичные родственники»; *Влад. Соловьев*. «Россия и вселенская церковь»; *Кропоткин*, «Великая Революция», «Воспоминания» и др., в декабре 22 г., прибавилось новое издание перевода «Рудина», «Дневника лишнего человека» и «Трех встреч»--*Тургенева*, сделанного Луи Виардо еще в сотрудничестве с самим Тургеневым; этому изданию предпослано предисловие французского романиста Эдмонда Жалу, в котором он отчетливо характеризует некоторые приемы творчества писателя, послужившие образцом для Генри Джорджа, и в заключение отводит место Тургеневу рядом с Флобером и Теккереем.

▫ В других из-вах вышли след. переводы *Тургенева*—«Вешние воды» и в из-ве Боссар второй том «Театра», включающий: «Где тонко, там и рвется», «Провинциалка» в переводе *Дени Рош*. Из других классиков в это время появился *Гоголь*—«Ревизор», «Женитьба» в переводе *Марка Семенова*. Издательство Оллендорф выпустило роман *Тургенева* «Накануне» в переводе *Марка Семенова*. Заглавие романа изменено на «Героизме любви».

▫ Французские журналы печатают переводные и оригинальные работы русских. Так, в журнале «Monde Nouveau» в перев. Марка Семенова и Л. Мандель напечатана «Суламифь» *Куприна*, вышедшая также отдельным изданием с предисловием *Камила Моклера*.

▫ В периодич. изданиях на французском языке печатаются: *М. Горький* (в «La Revue de Paris») «В борьбе за жизнь», его же (в «Des Ecrits Nouveaux») «Предисловие к каталогу Всемирной литературы», *Л. Д. Троцкий* в переводе В. Л. Бинштока в «La Revue Mondiale» «Мое изгнание—моя тюрьма». В «Mercure de France»—*Б. Шлецер* «О Льве Шестове»; работа проф. *М. Ростовцева* в «La Revue des Etudes Seaves» на тему «Les Origins de la Russie Kievienne» («Происхождение Киевской Руси»).

▫ В «La Nouvelle Revue Française» напечатана статья о Чехове в сопровождении перевода рассказа Чехова «Володя». Перевод выполнен—Дени Рошем.

▫ «La Revue Hébdomadaire» в очередном номере своего театр. приложения дало «Предложенье» Чехова в переводе Дени Рош.

▫ В из-ве Nouvelle Revue Française в Париже вышел новый роман *Пьера Мак-Орлана* «La cavaliére Elsa». Сюжет—нашествие большевизма.

▫ Во главе «Revue Contemporaine» становится бывший представитель газеты Temps в Петрограде Шарль Ревэ, предполагающий отвести большое место в своем журнале России.

▫ В Париже состоялось чествование Моск. Худож. Театра. В чествовании принимало участие большое количество французских театральных деятелей, режиссеров и актеров. Выступали с речами директ. «Театра Елисейских Полей»: Жак Эберто, Антуан и Кошо (директ. театра Ле-Вье-Коломбье)—затем А. Я. Левинсон прочел очерк деятельности Х. Т. за 24 года его существования.

▫ 8-м изданием вышли написанные на французском языке рассказы Kessel'я La steppe rouge» в изд-ве «Nouvelle Revue Française». Сюжеты рассказов—Россия.

▫ Французская Академия Наук присудила премию *Ваян* (4000 фр.) академику *В. И. Вернадскому* за его последний труд по кристаллографии.

▫ *А. Я. Левинсон* ведет отдел танца в газете «Comoedia», *Б. Ф. Шлецер*—секретарь редакции журн. «La Revue Musicale», *В. Л. Бинштох* дает периодические отчеты о русской литературе в «Mercure de France», *А. Я. Левинсон* также читает в Лувре курс истории франц. живописи XIX в.

▫ В Из-ве Пайо вышла в переводе Пауля Лабри на французский язык книга *П. Я. Рысса* «Русский Опыт».

▫ Русский художник *А. Яковлев* в Париже в сотрудничестве с Tcho-Kia-Kien выпустил книгу: «Китайский Театр» с рядом иллюстраций, посвященную игре актеров, публике и театральным помещениям в Китае.

▫ В из-ве Я. Поволоцкого (Париж) вышли книги ген. *Деникина*: «La Decomposition de l'Armee et du pouvoir» и «Tchè-Ka», затем книга *А. Я. Левинсона* «La litte atu.e russe actuelle: Guerre, Revolution, Exil» (лекции, читанные в Сорбонне).

▫ *В. Шульгин* выпустил новую книгу: «Нечто фантастическое,—Enfant si j'etais Roi»—содержанием которой является монархическая программа, смахивающая на бред.

▫ В Париже с предисловием П. Милюкова вышла книга *Б. Мирского* «В изгнании» (публицистич. очерки). Изд-во «Франко-русская печать». Книга обычного пасквильного белогвардейского характера.

▫ В январе в Париже начинает выходить в свет новый литературный журнал «*Окно*» при участии: Бунина, Зайцева, Мережковского, Шестова и др.

АНГЛИЯ.

▫ Среди новых английских книг отметим: 1) продолжающее выходить многотомное издание изв. историка *Фрезера* «Вера в бессмертие и культ мертвых»—вышел 2-й том «Верования полинезийцев», 2) «Отчет О-ва психологических, исследований», часть 86, 3) книгу *Уэвила* «Религия и биология», 4) *Витген-*

штейна «Tractatus Logico-Philosophicus», 5) *Белклея*—«Библиографический обзор современных источников экономической и социальной истории войны», 6) *Эди.* «Основы новой экономики», 7) *Макадана* с предисловием Герберта Уэльса «Молодежь в университетах», 8) *Кургинса* «Наука и дела людей с точки зрения биологии», 9) Геологическое обозрение Индии». Том IV, часть 2 «Калькутта», 10) *Александра Гинна* с предисловием А. Бергсона «Современная французская философия. Очерк ее развития, начиная с О. Конта».

▫ В Лондоне вышли книги *Мейер* «Винцент ван Гог» и Л ю-Теу и др. *Грефе*, «Китай сегодня—китайскими глазами».

▫ Изданы в Кембридже Джоном Вилиамс Адамсоном педагогические сочинения *Джона Локка.*

▫ Макмилан (изв. англ. изд.) выпустил книгу: «Антология Киплинга». Вообще английский книжный рынок переполнен антологиями различных авторов и целых областей литературы.

▫ В Лондоне организуется новый журнал литературы и искусств «The golden Kind». Изд-ли—Клифорд Бакс и Остин О. Спар.

▫ Вышло пересмотренное и дополненное издание каталога одного из старейших и лучших научных изд-в—издательства Оксфордского университета.

▫ *Лорд Баркенхед* выпустил книгу «Точки зрений», собрание статей по разным вопросам.

▫ *Редиард Киплинг* избран почетным ректором университета в Сент-Андрию (Шотландия). В Шотландском у-те ректор является председателем «Университетского Двора» (University Court), ведающего всеми университетскими делами, имуществом и пр. Этот «Университ. Двор» вместе с Академическим Сенатом и со всеми выборными от университета составляет «Большой Совет» (General Council), во главе которого стоит декоративное лицо—канцлер. Канцлеры и ректоры, в архаической английской университетской организации, обычно избираются из числа видных политических деятелей. Так, лорд Бальфур—канцлер в Эдинбурге, лорд Розбери—в Глазго и т. д.

▫ Редьярд Киплинг оправился от сделанной ему чрезвычайно серьезной операции.

▫ В из-ве «Констэбль» в Лондоне вышла в конце декабря книга *Гайнда* «History of Engrawing and Etching». (История графики).

▫ Проф. *Джем Кентлай* в Гигиеническом университете в Лондоне выступил с докладом о новых данных по вопросу о действии наркотиков на человеческий организм.

▫ При выборах в английский парламент было выпущено огромное количество агитационной литературы: консерваторами—300 тысяч афиш и 19 милл. листовок; рабочей партией—250 тысяч афиш и 18 милл. листовок; независимыми либералами—200 тысяч афиш и 15 милл. лист. Национал-либералами—65 тысяч. афиш и 4 милл. лист.

▫ В Лондоне пользовалась большим успехом открытая в Лейчестерской галлерее выставка картин *Ильи Репина*, которого английские критики сравнивают с Ленбахом.

▫ Вышла в Лондоне книга *Лейтеса* «Экономическое развитие России в последнее время» (на англ. яз).

▫ На английский язык переведена «Исповедь Ставрогина» и «План жизни великого грешника» Достоевского. Перевод выполнили Кочеллянский и Виргиния Вульф. Также вышла в из-ве Кеган Пауль, в переводе Леонарда Магнуса, пьеса А. Луначарского «Василиса Премудрая».

▫ В английском журнале «The Fortnightly Review» (декабрь) опубликована статья английского журналиста *Эдвин Геллингер* о Красной армии, которую автор считает одной из лучших в мире.

АВСТРИЯ.

▫ В венском университете назначен новый ректор д-р Карл Динер. В своей прощальной речи старый ректор сообщил: в зимнем семестре в у-те обучалось 11.870 слушателей, в летнем было всего 9.859. Научных стипендий было присуждено 1.087, что является несомненным перепроизводством научн. работников и отражается весьма тягостными послед-

ствиями на положении австрийских ученых.

▫ Венские музыканты использовали балетные и мелкие фортепианные вещи Чайковского и сделали из них оперетку «Победительница» (сюжет из времен Петра Великого), идущую с громадным успехом. Музыкальная часть оперетки скомпанована Клейном.

▫ В Вене в Nicolas Verlag вышли на немецком языке «Письма русского путешественника» *Н. М. Карамзина*.

▫ Комиссия Лиги Наций «по интеллектуальному сотрудничеству» обратилась к научным организациям с просьбой прийти на помощь австрийской интеллигенции.

ШВЕЦИЯ.

▫ Скандинавская печать уделяет много внимания молодому писателю *Олаю Ослансону*, автору книг «Далеко, далеко в лесах», «Пустыня», «Койоте».

ПОЛЬША.

▫ Среди новых книг, вышедших за последнее время, выделяются произведения молодого польского писателя *Владислава Вандаша*, описывающего Австралию. Вандаш—индивидуалист. В книге изображена усталость от европейской культуры и искание отдыха от нее «под тропиками». Из других заслуживают внимания: новый большой исторический роман Стефана Жеромского «Ветер с моря», новый том «Песен» Яна Касирович. Особенное внимание привлекает новая повесть *Андрея Струга* «Деньги». Сюжет—жизнь американских миллиардеров, рыскающих по всему свету, филантропствующих, меценатствующих и пр.

▫ В драматической литературе появилось несколько новых вещей: *Эдуарда Лигоцкого*, «Немезида» (из эпохи инквизиций), *.И. Гулевича*—экспрессионистский этюд из истории Польши «Болеслав Смелый» и его же «Каин».

СРЕДИ ЭМИГРАНТОВ.

▫ В связи с ухудшением положения Германии, как сообщалось на объединен. собрании представителей 18 русских общественных организаций, ухудшилось отношение немцев к иностранцам, в частности—к русским.« Поведение некоторых из них (эмигрантов),—пишет белая газета,—широкая трата денег в ресторанахи кафэ Берлина, способствует обострению отношений». Председатель этого объединенного собрания эмигрантских организаций сообщил ряд анекдотических фактов, рисующих в весьма непривлекательном свете поведение эмигрантской интеллигенции. В Мин. Вн. Дел, представителям русских эмигрантов было заявлено, что возможно прекращение выдачи разрешений на дальнейшее пребывание эмигр. в Берлине.

▫ «Дом Искусств» в Берлине пережил в последнее время (как и большинство эмигрантских организаций) «кризис». Ушло старое правление во главе с А. Белым. Избран был новый президиум в составе председателя Н. Минского и членов: Шкловского, Цемах, Венгеровой, проф. Ященко, проф. Брайн, Лукьянова, Р. Гуля, Богуславской и Вишняка,—некоторые из новоизбранных (в их числе Вишняк) сложили свои полномочия, мотивируя это тем, что «новый президиум носит явно сменовеховский характер». Н. Минский выступал в печати, опровергал и пытался «примирить»,—сглаживал острые углы и пр. Однако, ушедшие не вернулись. Между тем «Дом Искусств» фактическую свою работу строит на «аполитичности». Также развалилось содружество «Веретено», где часть заматерелых белогвардейцев-литераторов ушли из-за того, что редакция пожелала привлечь Ал. Толстого в состав сотрудников.

▫ Германское правительство пошло навстречу русским ученым, предположившим организовать в Берлине Высший Научный Институт, поставив, однако, условием вести преподавание на немецком языке. Институт будет иметь характер и учебный и научный, имея целью, с одной стороны, использовать русскую профессуру, как преподавателей, с другой стороны, желая дать воз

можность русским ученым заниматься научной работой. Министр просвещения принял делегатов русских профессоров. Затем состоялось совещание русских профессоров с видными немецкими учеными, представителями Красного Креста и Обществом Изучения Востока Европы. Совещание было посвящено вопросам, связанным с организацией этого института. Институт находится в процессе организации.

▫ В Чехо-Словакии организовался «Союз русских педагогов средней и низшей школы», имеющий целью взаимную поддержку и содействие развитию русской педагогической мысли в Чехо-Словакии. В правление входят: В. Н. Светозаров, М. А. Горчуков, М. А. Лопуховский и др.

▫ В Париже работает «Русская академическая группа». При ней организованы—средняя школа, народный у-тет, высшая школа. На 23-й год вместо быв. председателя, проф. П. П. Гронского, избран проф. А. Н. Анциферов. Товарищами предс.—П. Гронский и С. И. Метальников. Секретарем избран работающий в Пастеровском и-те д-р Л. М. Кепинов.

▫ При юридическом ф-те парижского университета учреждается институт русского права. Преподавать в и-те будут профессора: Анциферов, Ельяшевич, Бернацкий, препод. Бородаевский, проф. Одинец, прив.-доц. Михельсон, препод. Вишняк, профессора: Пиленко, Кузьмин-Караваев, Нольде, Гронский и др.

▫ Состоялся съезд русских ученых в Праге. Председательствовали: А. С. Ломшаков и П. И. Новгородцев (предс. правл. союза русских академ. организаций в Праге). Существует русский юридический факультет при карловском университете. В Праге предполагается организация «Русского института».

▫ Группой русских экономистов, проживающих в Берлине предположена в близком будущем организация «русского экономического об-ва», по образцу, существующего в Лондоне. По идее об-во будет преследовать исключительно научные цели, «однако (говорит газета «Накануне»), есть основания опасаться, что в местной эмигрантской обстановке обществу не удастся удержаться на высоте той аполитической объективности, которая достигнута лондонским об-вом».

▫ Положение русских в Польше чрезвычайно тяжело. На «эмигрантском» положении находятся все русские, которые не приняты в польское подданство, не только «беженцы», но и постоянные жители польских областей. Особенный интерес приобретает вопрос об эмигрантской школе в Польше, в силу того, что на много десятков тысяч человек допущено всего 9 школ (три гимназии, пять начальных училищ и 1 детский сад). К тому же без особого разрешения преподавать в этих специальн. эмигрантск. школах на русском языке нельзя. Требуется для этого особая «концессия». В истекшем году такую «концессию» получили только школы, прием которых основан на вероисповедном признаке, а именно школы, куда принимаются только православные.

▫ В Париже состоялась «встреча петроградцев», присутствовали: З. Н. Гиппиус, К. Д. Бальмонт, Д. С. Мережковский и др. В своем выступлении А. И. Куприн отметил участливое отношение писателей друг к другу в России, несмотря на все трудности лет революционного быта. Этих-де чувств не хватает эмиграции, которая должна в себя впитать их.

▫ В союзе русской присяж. адвокатуры число членов возросло с 67 до 139.

▫ Положение русской эмиграции ярко характеризуется колоссальным количеством благотворительных балов и концертов, устраиваемых бесчисленными «организациями», землячествами, союзами: студенческий бал, бал прессы, бал общества инженеров, об-ва русских артистов и т. д. Объявлениями о балах пестрят страницы белых газет Парижа, Берлина, Праги.

▫ Скончался профессор - технолог, бывш. директор Петр. Технологическ. Института Л. С. Зернов.

ЭМИГРАНТСКОЕ СТУДЕНЧЕСТВО.

▫ За последние месяцы в среде эмигрантского студенчества произошел ряд событий, ярко выявивший линии его

общественных настроений. На поводу у националистической части студенчества идет «демократическое». Съезд всех заграничных студенч. организаций прошел чрезвычайно шумно и сопровождался скандалом—отказом председателя съезда студ. П. Влезкова от председательствования, выходом его из всех эмигрантских организаций с опубликованием в печати своего «перехода на платформу Советской власти». Газеты полны статьями, посвященными «настроениям студенчества». На ряду с этим растет организация студентов, признающих себя «гражданами Р. С. Ф. С. Р., обучающимися за границей». Экономическое положение студенчества чрезвычайно тяжело. Учащаются позорные случаи обращения к «клерикальной помощи»—например, к парижскому епископу Мон - Сеньеру Шанталь, посетившему даже общежитие студентов на бульваре Журдан, с целью лично ознакомиться с положением живущих там студентов. Мы не говорим уже о прибегании к помощи А. Х. С. М. Л. (америк. христиан. союз молодых людей), организующего учеб. завед. (в Софии—Техническую школу, где большинство учащихся и учащих—русские; в Берлине Философско-религиозную академию и пр.).

▫ В Праге вышел первый студенческий сборник «За чертой», орган демократической части студ-ва. Участники сборника: Влад. Пингарев (статья «За чертой»), Ив. Саввич («На перевале»), Быстров, Рудин и др.—члены демократического блока на общестуденческом съезде.

▫ В конце ноября открылась запись слушателей в русскую религиозно - философскую академию, организованную при «Американском христианском союзе молодых людей» профессорами и писателями Н. Бердяевым, С. Франком, Л. Карсавиным, Ф. Степуном, Ю. Айхенвальдом. «Молодых людей» записалось к середине декабря около ста человек, наибольшее количество на курс Ю. Айхенвальда—44 человека.

ЭМИГРАНТСКАЯ ЛЕКЦИОННАЯ ВЕРМИШЕЛЬ.

▫ В Праге в большом зале «Русского Дома» были организованы лекции: проф. Гурвича «Родоначальники демократии и либерализма», проф. Алексеева «Духовный кризис Европы», проф. Шкафф «Происхождение человека», П. Б. Струве «Экономическое состояние мира после войны и революции» и семинарии: Г. Г Аиоло—сущность марксизма, П. Сорокина—по социологии.

▫ Обществом Русских врачей в Берлине организован цикл публичных лекций. Среди прочтенных лекций значится, вызвавший большой общественный интерес, доклад д-ра Ишлондского «Пол и характер, от Вейнингера к Штейнаху», рассматривавшего вопрос по областям: сексуальная проблема и наука, сексуальная проблема и общество, сексуальная проблема и законодательство.

▫ В Берлине состоялся диспут «Трагедия и Современность» доклад Ф. Степуна. В диспуте приняли участие Ю. Айхенвальд, Н. Бердяев, А. Белый, Е. Кускова и С. Франк.

▫ Ю. Айхенвальд прочел в Берлине публичную лекцию «Рейн и Сена»—о Ромен Ролане.

РУССКИЕ ИЗДАНИЯ ЗА ГРАНИЦЕЙ.

▫ Московское издательство «Задруга» открывает в Берлине свое отделение. Главная деятельность заграничного отдела «Задруги» будет заключаться в издании первого полного собрания сочинений *Л. Н. Толстого*, которое уже в течение 4-х лет подготовляется в Москве. Для организации этого издания создано было особое товарищество по изучению творчества Л. Н. Толстого, руководимое А. Л. Толстой и С. А. Толстым. Толстовское товарищество разработало все материалы, имевшиеся в распоряжении наследников С. А. Толстой. Все рукописи проверены по оригиналам и будут печататься по новому тексту. В полное собрание войдет много беллетристических отрывков Л. Н., никогда еще не появлявшихся в печати, многочисленные дневники, переписка, в том числе с Тургеневым, Некрасовым, Тютчевым и Фетом. Масса вариантов, которые иногда существенно разнятся от основного текста и представляют, таким образом, целые

произведения. Редакционная работа как в Москве, так и в Петербурге производилась под руководством академика В. И. Срезневского, при участии Грузинского, Цявловского, Булгакова и др. В настоящее время приготовлено к печати около 10 томов. Издание предполагается выпускать сразу на нескольких языках. Начато печатание многотомных дневников Д. П. Маковецкого, веденных им в течение 6 лет его пребывания в «Ясной Поляне».

▫ Вновь образовавшийся книжно-издательский отдел «Накануне» развивает свою деятельность в трех направлениях: издает переводы на русский язык новинок иностранной литературы; оригинальные произведения из области русской поэзии и беллетристики; приступает к изданию библиотеки практических знаний, заключающей популярно-научные руководства, справочники и учебники. Литературно - художественной частью издательства руководит А. Н. Толстой, иностранным отделом—З. А. Венгерова.

▫ В из-ве «Библиофил» (Ревель) вышли из печати: 1) *С. А. Андреевский.* «Книга о Смерти»—автобиогр. дневник, этюды, т. I и II. 2) *Ал. Амфитеатров* «Василий Буслаев» (роман).

▫ Выходит в ближайшее время т. IV *А. Ф. Кони.* «На жизненном пути».

▫ Известный издатель *Юлиус Бар* совместно с представителями Советского правительства основал в Берлине «Художественное и литературное издательство» «Artes» (Verlag fur Kunst und Literatur). Одним из первых изданий явится собрание русских народных песен; доход с него предположено внести в фонд голодающих детей. Будет выпущен в русском переводе ряд произведений новейшей немецкой художественной литературы и несколько немецких научных трудов по искусству.

▫ К-вом «*Огоньки*» в Берлине выпускаются след. книги: *В. Гофман*, Собрание сочинений, 2 тома. I. «Любовь к далекой» рассказы; II. «Книга вступлений», «Искус»—стихи. *Вл. Лидин*, «Повести о многих днях», в которую входят его рассказы: «Арфы», «Ковыль скифский» и др. Книга рассказов *К. Д. Бальмонта*, в которую входят рассказы: «Воздушный путь», «Лунная гостья» и др. Из-вом приобретены в рукописях: книга *А. Соболя* «Обломки», *Альманах «Московская земля»*, в который входят рассказы *А. Яковлева*, *П. Козырева*, *Вл. Лидина*, *П. Карпова*.

▫ В издательстве «*Русское Творчество*» в Берлине вышли книги: *Г. Зудерман*, «Высокая жизнь»; *А. Н. Толстой*, «Лунная сырость», пов. 21 года; *Ветлугин*, «Герои и воображаемые портреты»; *А. Аросев*, «Записки Терентия Забытого»; *Ремизова*, «Повесть о Стратилатове и др.

— В из-ве Гржебина вышли «Записки о революции» *Ник. Суханова* томы 2, 3,4 и 5. *А. Ремизова*. «Пятая язва».

▫ В Берлинском художественном издательстве «*Academia*» вышел, под редакцией *Г. К. Лукомского*, *очерк П. Н. Апостола* и альбом гравюр, извлеченных из иностр. сочинений о России XVI—XVII вв. Главнейшие гравюры взяты из описаний путешествий германского посла Герберштейна (1517), советника голштинского посольства Олеария (1634), секретаря цесарьского посольства Карба (1698), к ним присоед. некоторые другие.

▫ В из-ве «Эпоха» (Берлин) вышла книга *А. Блока «Лирические статьи»*, 346 стр. Содержание: Россия и интеллигенция, Молнии искусства, О назначении поэта, и др.

▫ Вышла новая книга стихов *Андрея Белого «После разлуки»* в из-ве «Эпоха», Берлин.

▫ В из-ве «*Восток*» (Берлин) вышла книга *Н. И. Штифа* «Погромы на Украине»—период добровольческой армии, и книга *проф. Г. Николаи* «Итоги современного естествознания».

▫ В из-ве «*Ефрон*» вышли: роман *Ф. Эллен* «Басс-Бассина-Булу». В из-ве Ладыжникова роман *Ромен Роллана* «Николка Персик» и роман *Г. Дж. Шеффауэра* и др.

▫ Вышла в из-ве «*Слово*» из печати трагедия *Евг. Замятина* «Огни святого Доминика». Темой трагедии является жизнь Испании времен Филиппа II.

▫ Вышло в изд-ве «*Геликон*» второе издание книги *М. Гершензона* «Декабрист Кривцов».

▫ В № 6 двухнедельника «Воля России» напечатана работа *В. Шкловского* Евгений Онегин (Пушкин и Стерн).

В АМЕРИКЕ.

▫ В Соед. Ш. Сев. Америки появился ряд книг и статей, являющихся резкой критикой «демократического» государственного строя Штатов. Из них отмечаем нашумевшую книгу свящ. *Вильяма Броуна*, переведенную изд. «Красная Новь» на рус. яз. (буржуазная печать окрестила Броуна кличкой «епископа большевизма и атеизма»), затем статью журналиста *Стефена*, пришедшего к убеждению, что «американский общественный строй насквозь прогнил», и вступившего в ряды социалистов, и, наконец, книгу *Р. Ф: Петигрю* «Торжествующая плутократия» (вышла недавно в русском переводе с предисловием Б. И. Горева).

▫ В Сан-Франциско вышел этюд *Роберта* об Эдгаре По. Нью-Йоркская Публичная библиотека издала *письма Георга В. Эвелет к Эдгару По* с предисловием и примечаниями *Томаса Маботти*.

▫ В феврале 23 года в Нью-Йорке, в переводе *Таунсенд*, в изд. *Бони Ливерайт*, выходит в свет роман *Ал. Толстого* «Хождение по мукам».

РАЗНОЕ.

▫ Нобелевская премия по физике дана *А. Эйнштейну* и проф. *Бор*, по литературе *Бенавенте*, по химии за 1921 г.—*Содди* (Оксфорд) за 1922 г. *Астен* (Кембридж). Премия мира, по сообщениям норвежских газет, присуждена *Фритиофу Нансену*, по сообщениям некоторых берлинских—*Франческо Нитти*—быв. премьеру Италии, автору книги «Европа без мира».

▫ В учрежденный *Рабиндранатом Тагором* международный университет, носящий характер старых индусских лесных школ и начавший работать со 150 слушателями, дополнительно приглашены преподавать: парижский профессор *Сильвэн Леви*, читающий курс истории и литературы Индии; пражский проф. *Макс Винтерниц*, только что закончивший свою «Историю Индии»; проф. *Мейер-Банфи*, издавший книгу «О плане занятий ун-та Р. Тагора».

▫ Вышел первый номер журнала «*Хроникон Спинозанум*», изд. Международным Обществом изучения Спинозы. Президиум Об-ва состоит из видных исследователей Спинозы—*Гарральда Гефдинга* (Копенгаген), *Фредерика Пеллок* (Лондон); *Карла Гебгарда* (Франкфурт-на-М.); *Вильгельма Мейера* (Гаага); *Леона Брунтвига* (Париж).

▫ В Будапеште с громадным успехом прошла постановка новой вещи Молнара «Небесная и земная любовь».

В РСФСР.

МОСКВА.

Полиграфической секцией Р. А. Х. Н. выработан план деятельности, который предусматривает ряд научных работ в двух областях: 1) теория и история книги в России и 2) организация музея или архива полиграфических производств. По первой области за октябрь—декабрь были прочитаны доклады: *М. А. Изволь-ского* «Классификация книги» и *А. А. Сидорова* «Художественные элементы книги». Коллективный доклад на тему «Композиция книги». Доклад *В. А. Адарюкова* «План издания истории книги в России» послужил проектом для одобренного Госиздатом большого, рассчитанного на несколько выпусков, коллективного труда «Книга в России». В декабре *М. А. Добров* прочел реферат «Русская книга с гравюрами XVIII века». Чтение сопровождалось многочисленными иллюстрациями редких книг.

В «Полиграфическом архиве» при Р. А. Х. Н. будут собираться мелкие памятники полиграфии. Сюда относятся всевозможные товарные знаки, марки, рекламные и плакатные, а равно и чисто книжные украшения. Материал в «Архив» уже начал поступать.

Библиотека Р. А. Х. Н. за последнее время пополнилась рядом новых заграничных изданий.

▫ В Литературной секции Академии Художественных Наук состоялись в конце истекшего года следующие доклады:

1) *С. А. Котляревского* «Мировоззрение Тютчева»; доклад вызвал оживленные прения, которым были посвящены два заседания секции.

2) *Б. А. Грифцова* «О прозаизмах в поэзии М. Ю. Лермонтова. 3) *Л. Гросмана* «Мастерство анекдота у Пушкина». 4) *Н. Пиксанова* «Областные культурные гнезда» (к построению историко-литературных схем). 5) *Д. Благого* «Тургенев—редактор Фета и Тютчева» и др.

▫ В Музыкальной секции Академии состоялся доклад *Л. Л. Сабанеева:* «Музыкальная мелодия речи» и др.

▫ В Обществе любителей Российской Словесности состоялись следующие заседания: 1) 250-летие Русского театра. 2) Доклад *Н. К. Пиксанова* «Культурные гнезда». 3) Доклад *Н. Н. Фатова* «Молодые годы Леонида Андреева». 4) Заседание, посвященное *Боборыкину*—доклады и речи: П. Н. Сакулина, Н. Л. Бродского, Е. Чешихина-Ветринского и др. 5) *Л. Гросмана*: «Смена стилей в театре Тургенева». 6) Годичный отчет о деятельности общества и др.

▫ В Пушкинской комиссии Общества Любителей Российской Словености состоялись доклады: 1) *В. Ф. Саводника* «Античные образы в поэзии Пушкина». 2) *Е. С. Гинзбурга* Стихотворение Пушкина «Арион». 3) *Грифцова* «Пейзаж у Пушкина».

▫ В Историческом Обществе при Московском университете состоялся доклад *Н. Ф. Карелина* «Античный мир в изображении Шпенглера»

«В Обществе Любителей Художественной Книги» были в этом сезоне прочитаны воспоминания о *Г. И. Нарбуте*, предполагается ряд докладов по вопросам художественной печати. В состав членов О-ва входят: П. П. Вейнер, П. Нерадовский, Ф.Ф. Нетгафт, С. В. Чехонин, М. В. Добужинский, А. Н. Бенуа, Д. И. Митрохин. Собрания происходят в Русском музее в зале собраний гравюр и рисунков. (Петроград).

▫ Образовался кружок *Ex-libris'тов* под председательством К. С. Савонько, собирающийся 2 раза в месяц. (Петроград).

▫ При Русском музее образован отдел пробных оттисков художественных произведений печати, отпечатанных на лучшей бумаге и поступающих в музей непосредственно из типографий, в предотвращение утери графических произведений, исполняемых для печати. (Петроград).

В музее Старой Москвы (филиале Моск. Историческ. музея) сосредоточиваются предметы старомосковского быта по периодам и библиотека по истории Старой Москвы, заключающая в себе более 8 тысяч томов.—Музей будет помещаться в здании б. Английского клуба, на Тверской.

▫ Согласно декретам Совнаркома, с целью создания обширного обзора, рисующего современное состояние науки и техники России, образован Редакционный Совет, в состав которого вошли: академики *В. Н. Ипатьев, П. П. Лазарев, С. Ф. Ольденбург, А. Н. Северцев, А. Е. Ферсман*, и профессора: *П. С Осадчий и С. А. Чаплыгин*. Председателем избран *П. П. Лазарев*, ученым секретарем *П. К. Молодый*, управляющим делами *Я. Е. Шапиритейн*.

Размер издания, имеющего выйти на русском, немецком и английском языках, предположительно 120 печатных листов. Обзор будет подразделяться на следующие отделы: 1) Чистая наука—физика, химия, биология и геология. 2) Техника, механика с аэро-и гидродинамикой, химическая технология и электротехника. К осуществлению издательско-технических работ привлекаются аппараты Российской Академии Наук и Государственного Издательства. (Петроград).

▫ *Институт Карла Маркса и Энгельса* при Социалистической Академии Естественных Наук подготовляет в настоящее время ряд изданий: библиотеку материализма, сочинения Маркса, Плеханова и др.

▫ *Институт Красной Профессуры*, в декабре отпраздновал годовщину своего существования. Состоялся банкет, на котором присутствовали многие члены Конгресса Коминтерна. Слушатели Института чествовали т. М. Н. Покровского, организовавшего И-тут.

▫ Образовавшаяся в Москве *Ассоциация драматургов*, под председательством В. М. Волькенштейна, ведет значительную работу по обсуждению пьес членов А-ции и гостей-драматургов и попутному теоретическому анализу. Членами А-ции состоят *А. Глоба, К. Липскеров, А. Файко. П. Антокольский*,

В. Масс, Н. Зархи, С. Федорченко, С. Парнок, Я. Апушкин и др.

Полагая, что на почве неустоявшегося быта невозможна законченная и почвенная реалистическая литература, тем более драма, Ас-ция видит силу современного репертуара в драматическом развитии крупных социально-философских проблем, преимущественно в плане романтической и героической драмы, а также комедийного эксцентризма.

За время существования А-ции были прочитаны следующие пьесы: В. Волькенштейном—«Ахер», «Паганини», «Опыт Мистера Вэбба» и др., А. Глобой — «Свадьба Хьюга» (мотив Эдгара По) «Фонарь» и др., К. Липскеровым — «Сорская горошина». «Карменсита и Хозе» (переделка Мэримэ); А. Файко—2 акта мелодрамы; П. Антокольским — ряд небольших романтических пьес, среди них— «Обручение во сне» и «Пожар в театре»; В. Массом—«Гарантии Гента».

Из гостей читали: *А. Неверов* комедию «Смех и горе» и *Глубоковский*—инсценировку романа Честертона «Человек, который был Четвергом».

Предполагается чтенье новой пьесы *Н. Бромлей* и чтение заканчивающейся В. Волькенштейном книги: «Драматургия — метод исследования драматических произведений».

СРЕДИ ИЗДАТЕЛЬСТВ.

В Государственном Издательстве.

Правлением Госиздата утвержден план Редакционного Сектора на январь—февраль 23 года, согласно которому должны быть подготовлены и сданы в печать за это время следующие количества печ. лист. из каждой серии и библиотеки: 1) Серия избранных русских романов—40 печ. лист. 2) Серия приключений—20 п. л. 3) Всеобщая библиотека—60 печ. л. 4) Иллюстрированная б-ка—20 п. л. 5) Театральная б-ка—20 п. л. 6) Детская литература—100 п. л. 7) Серия классиков (отдельн. произвед.—400 печ. лист. 8) Всемирная литература—100 п. л. 9) Биб-ка материализма—50 п. л. 10) Биб-ка мирового хозяйства—40 п. л. 11) Юношеская б-ка—50 п. л. 12) Марксистская литература—300 печ. лист. 13) Лубок—20 п. л. 14) Методически-педагогическая серия—40 п. л. 15) Современная художественная литература—100 п. л. 16) Психологическая серия—20 п. л. 17) Рабоче-крестьянская б-ка—40 п. л. 18) Серия «Русское Искусство»—10 п. л. 19) Серия прикладного искусства — 5 печ. лист. 20) Современные проблемы естествознанья—40 п. л. 21) Классики естествознания—10 п. л. 22) Научно-популярный отдел—75—100 п. л. 23) Социально-историческая биб-ка—50 п. л. 24) Научные журналы—100 п. л. 25) Периодические издания—60 п. л. Всего около 1800 печ. лист. и почти столько же (1700 п. л.) учебников высшей и средней школы и пр.

▫ «*Библиотека русских романов (XIX в.)*» выходит под ред. *И. Л. Мещерякова*. В первой серии вышли уже из печати: *Н. Г. Чернышевский* «*Что делать?*» и *И. В. Омулевский*—«*Шаг за шагом*». В ближайшее время выходят *И. А. Кущевский:* «Николай Негорев» и *В. А. Сологуб* «Тарантас». Готовятся к печати: *А. И. Герцен*, «*Кто виноват?*», *И. А. Гончаров*, «*Обрыв*», *А. Ф. Писемский*, «*Тысяча душ*», *И. С. Тургенев*, «*Отцы и дети*», а также ряд других.

Все романы снабжены предисловиями, освещающими произведения и эпоху его создания.

▫ С января 23 года начинает выходить в свет большая б-ка «*Избранные произведения современной русской литературы*» (1900—1923 гг.) под. ред. *Вяч Полонского* и *А. К. Воронского*.

▫ В театральной б-ке, издающейся под редакцией *В. В. Тихоновича*, при участии *С. А. Марголина*, *А. Г. Ровнова*, *Н. Н. Стриковского* и *Д. А. Толбузина*, выходит в первую очередь серия пьес русских и иностранных авторов, имеющая целью дать провинциальному театру, студиям, самодеятельным кружкам репертуарный материал. Всей серии будет предпослана отдельная брошюра, выясняющая общие постановочные принципы под названием: «Что и как играть и ставить в самодеятельном кружке?» В ближайшее время будут напечатаны пьесы и инсценировки след. авторов—русских: *Гоголя*, *Островского*, *Писемского*, *Сухово-Кобылина*, *Горького*; иностранных: *Де-Курсаля*, *Михаэлис*, *Мольера* и *Сервантеса*.

▫ В биб-ке *Романов-приключений*, под ред. *В. А. Попова* в настоящее время печатаются и выходят в свет: *Карл Глоух*—«Заколдованная земля», *Р. Хаггарда*—«Священный цветок, *Стекпуля*—«Голубая лагуна» и др.

▫ В секции *Точных наук* печатается и готовится в ближайшее время ряд учебников для высшей школы, научные монографии и 3 серии: 1) *Современные проблемы естествознания;* 2) *Классики естествознания*; 3) *Русская природа*. Все три серии выход т под редакцией Комиссии в составе профессоров: А. Д. Архангельского, В. А. Костицына, Н. К. Кольцова, П. П. Лазарева и Л. А. Тарасевич.

▫ Учебники для высшей школы издаются по естествознанию, по технике, по медицине, математике и физике. Среди сдающихся в печать в ближайшее время—работа проф. Энгельгардта: «Железные дороги»; проф. Архангельского: «Введение в изучение геологии Ев. России»; проф. Комарова: «Практический курс ботаники», и книги профессоров: Паладина, Кузнецова, Чаплыгина, Отт, Догеля, Филипченко, Немилова, Кояловича, Левинсон-Лесинг, Морозова, Боборыкова, инжен. Надежина, проф. Ушакова и др.

▫ В серии «*Современные проблемы естествознания*», выходят, печатаются и в ближайшее время сдаются в печать: Ильин, «Молекулярные силы и их роль в природе»; Ж. Гендерсон, «Среди жизни» С. Сванте-Аррениус, «Жизненный путь планет» и «Колич. законы биологич. химии»; Меллер, «Электронные трубки и их техническое применение»; Квиринг, «Проблемы образования земной коры»; Кейт-Люкас, «Распространение нервных импульсов» и др.

▫ В серии «*Классики естествознания*» приготовлены к печати, частью печатаются и в ближайшее время выйдут в свет книги: Андрюса, Гильберта, Галилея, Ньютона, *Сборник классических работ по 2-ому принципу термодинамики* (в 2-х частях). Две работы Максвелля, работы Римана, Герца, Пирогова и Ньютона.

▫ В серии «Русская природа» подготавливаются книги: проф. Глинки—«Геология России», труды Семенова-Тянь-Шаньского и др.

— *Б-ка «Рабочих и крестьян»* под ред. *Д. В. Игнатьева* и *А. А. Берлина* Б-ка должна распадаться на ряд отделов, при чем все они должны носить прикладной характер. Каждая книжка размером от 1 до 4 п. л. отвечает на какой-нибудь определенный бытовой вопрос жизни рабочего или крестьянина. Среди отделов б-ки значатся:—«Об устройстве жилищ», «Об охране здоровья», «О воспитании», «О промыслах и ремеслах», «О полевом хозяйстве» и т. д.

Предположено до 250 названий—в настоящее время роздано уже свыше 120 тем; часть материала подготовлена к печати.

Научно-популярный отдел, выпускавший раньше книги под общим заголовком, переконструировал свои издания и организовал три серии, построенные на возрастном принципе и степени подготовленности читателя, 1-я серия—«*Наука для всех*»—для наименее подготовленных читателей.—В этой серии в настоящее время печатаются популярные работы *В. Н. Львова:* «*Кометы и падающие звезды*», «*Новая земля*», «*Северный край*». В этой серии вышли раньше работы *Д. Ройтмана, С. Чижова, С. Порецкого, Фр. Нансена, М. Швецова* и др.

2-я серия—«*Начатки естествознания*, для более подготовленных читателей и школьников от 13—16 лет. Подготавливается к печати: *Д. Ройтман*—«*Общедоступные очерки в области астрономии*» (II часть), *Б. Жадовский*—«*Интересная находка*» (страничка из эволюционного учения), *С. Порецкого*—«*Дары моря*» и «*Воздушные путешественники*», *А. Баркова*—«*Растения скал и песков*», *Н. Шульга-Нестеренко*—«*Вулканы и землетрясения*», *М. Фарадей*—«*История свечи*». Печатаются и в ближайшее время выходят в свет: *П. Вольногорский*—*Сборник статей, Д. Кайгородов*—«*В царстве пернатых*» и «*Пернатые хищники*», *Э. Пименова*—«*Море и его обитатели*», *С. Порецкий*—«*Хищники растения*», *Фабр*—«*Жизнь насекомых*», *А. Брем*—«*Жизнь на севере и юге*», *Лебазейль*—«*Чудеса полярного мира*», *А. Нечаев*—«*Между огнем и льдом*», затем Э. Пименовой, А. Баркова и др. В этой серии ранее уже вышло около 25 названий.

3-ья серия—*Популярно-научная библиотека*—для подготовленного (в размере школ II ступени) читателя; печатаются: *Аркин, Е.*—«*Мозг и душа*» (2-е издан.), «*Физиология*», *Н. Самгин*—«*Календарь, его изменения и реформы*», *Деккер*—«*Ощущенье и слух*», *М. Завадовский*—«*Пол и его превращение* (механика развития пола), *Г. Молиш*—*Биологические очерки, Сборник классических статей по биологии, Сборник популярных статей о происхождении животных и растений, под ред. С. А. Зернова. Сеченов*—*Физиологические очерки*, часть II-ая, *А. Крубер*—«*Человеческие расы*», *Грец*—«*Краткий курс электричества*», *Сборник статей по пробл. физики*, часть I и мн. др.

В этой серии подготовляется к печати ряд книг, среди них: Г. Клейн—«Астрономические вечера», Е. Аркин—«Экономика человеческого организма», А. Немилов—«Что такое смерть», Д. Синицын—«Лекции по биологии», II ч., Ю. Филипченко—«Евгеника», книги В. Вейнберга, Г. Шмидта, Талиева, М. Завадовского, В. Словцова и др. Ранее вышло до 35 названий.

▫ В Научно-популярном отделе сосредоточено также издание нескольких небольших библиотечек,— «*Культурно-историческая библиотека*», выходящая книжками, объемом до 150 стр. (в настоящее время печатаются 7 названий); «*Популярно-техническая библиотека*», выходит в ближайшие дни: книжка *Г. Гюнтерс* о радиотелеграфии, и готовится: *Бонд*—«Герои техники»; затем в серии «*Опыты и наблюдения природы*» печатается и подготов. к печати около 5 книг, размером каждая от 90 до 200 страниц; печатается «*Биб-ка путешествий*» (4 названия) и *Детская серия*—несколько названий (специально естественно-научные детские книги).

▫ В секции *Детской литературы* развернута за последние полгода крупная подготовительная работа по изданию ряда детских книг: к декабрю 22 г. сдано в печать 99 названий; вполне подготовлено к печати еще 23 названия. Книги иллюстрируются (художники—Петров Водкин, Пав. Кузнецов, В. Фалилеев и др.; из 99 сданных в печать названий 22 книги будут иллюстрированы). Привлечены к редактированию и наблюдению авторитетные работники; для перевода иностранной детской литературы привлечены: К. Чуковский, М. Хусид, Э. Пименова, М. Волошинова и ряд др. Намечены к изданию детские альманахи «*Крылья*» под ред. *А. Насимовича*, и сборники детских пьес «*Детский театр*» под ред. и при участии *М. Розанова* и *Ю. Соболева*, избранные произв. классиков для детей и пр.

В числе новых произведений детской литературы секция располагает работами: П. Орешина, К. Лукашевич, О. Форш, Н. Никитина, С. Городецкого и др.

В ближайшее время выходят из печати: *Венгров*—«Зверушки», *Ашукин*—«Песенки», два томика рассказов *Сет. Томпсона*, изб. соч. *Некрасова*, детские рассказы *И. Шмелева*, детские стихи *П. Соловьевой, А. Насимовича*—«Заплетися плетень!» (сказки); *Рагозы*—«Похождения Чернушки». Книги Н. Каринцева, С. Семенова, Н. Манасеиной, А. Сливицкого; затем: *Уэльса*—«Игры на полу», *Дж. Лондона*—Путешествие на «Ослепительном». *Вл. Дурова*—«Рассказы о животных», сб. I, и *Н. Телешов*—несколько небольших рассказов.

▫ При Государственном Издательстве организована «Комиссия по изучению русских иллюстрированных изданий» под председательством К. С. Кузьминского, в составе членов: В. Я. Адарюкова, К. С. Вахромеева, М. А. Доброва, Н. П. Киселева, И. И. Лазаревского, В. П. Полонского, А. А. Сидорова, В. А. Фаворского, П. П. Шибанова, М. И. Щелкунова, П. Д. Эттингер и секретаря Б. В. Гольцева. Комиссия является воссозданием подобной же комиссии, существовавшей ранее при Историческом музее и переставшей функционировать. В задачи Комиссии входит, помимо научной академической работы, существенная практическая деятельность по созданию целого ряда художественных изданий. Комиссия будет занята, между прочим, выработкой нового типографского шрифта, так как старые шрифты совершенно не удовлетворяют современным требованиям из-кого дела, особенно если сравнить их с типографскими достижениями Зап. Европы и Америки. Одновременно внимание комиссии

будет обращено на украшение книги, на заставки, виньетки, книжн. марки, обложки, изящество формата и пр. Комиссией намечен ряд изданий, из них в ближайшее время выйдут «Демон» с иллюстр. Врубеля и «Кавказский пленник» Толстого с иллюстр. Масютина, затем «Горе от ума» с иллюстр. Башилова, «Кузнечик-Музыкант»—Гартмана и мн. др.

На заседаниях Комиссии был заслушан доклад А. А. Сидорова «О теории книжных шрифтов» и М. И. Щелкунова «О сущности книжного искусства и принципах красоты шрифта».

На ближайшее время назначены следующие доклады: В. Я. Адарюкова «О библиографии по шрифтам», М. А. Доброва «О книжных украшениях», П. П. Шибанова—«О книжных иллюстрациях»; на февраль намечаются доклады Н. П. Киселева и П. П. Шибанова по истории шрифтов, В. Я. Адарюкова «Об издательских марках» и др.

▭ Госиздатом выпущена монография о графике Д. Митрохина, печатается о графике В. Фалилеева, готовится монография о С. Чехонине и др.

▭ Государственным Издательством в течение первой половины 23 года будет выпущена серия небольших монографий, изящно изданных под названием *«Русское Искусство»* под редакцией *П. П. Муратова*, всего—50 книжек (100 печ. листов) с 550 иллюстрациями. В монографиях будет охвачено: русское зодчество, ваяние, живопись и прикладное искусство (начиная с древнего и кончая XIX веком).

Кроме того, в течение 23 года будет выпущена серия прикладного искусства под редакцией *В. А. Никольского*, всего 20 книжек, охватывающих чекан, шитье, обработку металла, мебель, резьбу и игрушки (размер такой же, ллюс тр. 250).

Намечена на 23 год серия *«Западное искусство»*.

Выйдут отдельными монографиями: *Б. Арватов*, «Искусство и классы», *Алексей Греч*, «Подмосковное Остафьево» (с иллюстрац.), *А. В. Бакушинский*, «Цветковская галлерея»—60 иллюстраций, в том числе неизданные рисунки русских мастеров XIX века. Проф. *В. Ларионов*, «История письмен».

В течение 23 года будет выпущено новое издание А. Пушкина, под редакцией *В. Я. Брюсова*, иллюстрированное исключительно графикой пушкинского времени (до 300 иллюстр.), выйдет около 6 частей (половина издания).

Выпускается Антология Пролетарских Поэтов (30 печ. лист.).

▭ *Петроградским Государственным Издательством*, между прочим, подготовляются к печати:

1) первый выпуск большого художественного издания «Музей Революции», редактируемого *П. Е. Щеголевым*.

2) Книгу «Филателлист» с воспроизведением наиболее редких почтовых марок, не встречающихся даже в каталогах заграничных коллекций.

3) «Стихи о фарфоре» русских поэтов, начиная с Ломоносова и кончая современной поэзией, с вступительной статьей Э. Ф. Голлербаха и обложкой работы *С. В. Чехонина*.

▭ *Моск. Госуд. Издательство* приобрело у Е. Лансере право на издание его «Ангорских типов», с переводом автором рисунков на литографию.

▭ В издательстве *«Колос»* вышли в декабре *Г. Шпет*, «Очерки развития русской философии» т. I (всего выйдет 3 тома). *Его же*, «Эстетические фрагменты», вып. I (разошелся); всего выйдет 4 выпуска.

В 1923 г. выйдут, кроме указанных выше книг: *Г. Шпет*—«Этическая психология», *Э. Радлов*—«История русской эстетики», *Иванов-Разумник*—«Россия и Европа» и новое издание «Истории русской общественной мысли» (в 3-х томах), *С. Соловьев*—«В. С. Соловьев», *В. М. Бехтерев*—«Рефлексология в искусстве», 4 книги «Альманахов Колоса», 15 выпусков серии «Русская эстетика» и др.

Из серии *«Биографической библиотеки»* печатаются *Т. И. Райков*—«А. А. Потебня», *Н. Д. Кондратьев*—«М. М. Туган-Барановский», *Н. К. Лебедев*—«П. А. Крапоткин», *Г. И. Чулков*—«Тютчев» и др

Подготовляются к печати. *А. С. Долинин*—«Ф. М. Достоевский», *А. С. Поляков*—«С. А. Венгеров», *П. А. Флоренский*

«В. В. Розанов», *П. Н. Сакулин* «Д. Н. Овсянико-Куликовский» и «В Г. Короленко», *А. Потресов* «Плеханов» и др.

В издательстве «Книга» за последнее время выпущены следующие книги:

Проф *П. Мижуев.*—«Вопросы средней школы» проф. *Н. Юрский*—«Методика организационной работы», проф. *Н. Рожков*—Русская история, т. V (конец Дворянской революц. в России).

Изд-вом выпущены в свет вторым изданием

Ю. Мартов. «История Р. С. Д.» (т. I) с послесловием Ежова, проф. *С. Лозинский*—«История труда».

Кроме того, вышло из печати и поступило в продажу 4-е (посмертное) издание книги проф. *К. А. Тимирязева* «Насущные задачи естествознания».

Из серии «*Библиотека молодой России*», редактируемой пр-доц. Владиславлевым, вышли в свет: 1) «Два мира», сборник, 2) *И. Шмелев*—«К светлой цели», 3) «Бежим в страну краснокожих», 4) «Веселые сказки», 5) *Д. Мамин-Сибиряк* «Про храброго зайца».

Из серий «*Жизнь замечательных людей*» вышла биографья Шиллера, составленная *А. Алтаевым.*

Печатаются и скоро выйдут в свет: проф. *А. Дживелегов*—«Армия Великой французской революции», *Н. Лернер*—«Проза Пушкина», 2 книги проф. *Юрского* по внешкольному делу, *Витгерo*—«Денежный рынок». Проф. *Клейн*—«Астрономические вечера» (с трехцветн. иллюстр.). Проф. *Вейлэ*—«Первобытное общество и его хозяйство» и др.

Подготовляется к печати ряд книг по экономике.

Из беллетристических произведений печатаются: *Ив. Новиков*—«Адам», *Ю. Слезкин*—«Столовая гора», *Ромен-Роллан*—«Пьер и Лиз», Проф. *Г. Генкель*—«Геммы и Камеи» (античные миниатюры).

Из серии «*Библиотека молодой России*»—ряд произведений *Л. Олькотт.* «Джунгли»—*Киплинга* и др.

▫ В из-ве «*Красная Новь*» за последние два месяца 22 года вышло свыше 55 названий; в настоящее время печатаются и готовятся к печати свыше шестидесяти пяти названий, среди них: *Майский*—«Современная Германия», *Граше*—«Чехо-Словакия», *Марклевский*—«Современная Польша», *Нюренберг* — «Мировая война, ее экономические причины и последствия», *Смолянский* — «Профессиональное движение в Германии», *Яроцкий*—«Десять дней», *Корш*—«Основы материалистического понимания истории», *Кривцов*—«О революции 48 года», *Светлов* и *Бердников*—«Лекции по програм. Сов. Парт. Шк.», *Викторов*—«Феодализм в древней Руси», *Шестаков*—«Крестьянство и крестьянское движение», *Горев*—«Первый русский марксист Плеханов», *Пионтковский*—«9 января», *Смирнов* — «Прикладная философия», *Ротштейн* — «Современная Англия», *Пионтковский*—«Февральские дни 17 года», *Его же*—«Хрестоматия по истории классовой борьбы в России», *Его же*—«Октябрьская революция», *Койранский*—«Промышленные яды», *Сафонов*—«Рабочее законодательство», *Менис*—«Общество будущего», *Адоратский*—«Научный социализм», *Введенский*—«Церковь и революция», *Бахметьев*—«Через русскую революцию», *Кочаровская*—«Критика политической экономии Богданова», *Фридлянд*—«Хрестоматия по истории революционного движения на Западе», *Мебель*—«Рабочий вопрос и движение во второй половине XIX века», *Егоров*—«Политико-экономический обзор Р. С. Ф. С. Р. и союзных с ней республик» и др.

▫ В из-ве «*Круг*»

Вышли из печати: Альманах «*Круг*» № 1. (Содержание: Стихи Н. Асеева, В. Казина, В. Ильиной, П. Орешина, Б. Пастернака, Н. Тихомирова, И. Эренбурга. Рассказы и повести: *Е. Замятина*—«На куличках», *А. Малышева*—«Падение Лаира», *В. Каверина*—«Пятый странник», *М. Зощенко*—«Коза», *Б. Пильняка*—«Третья столица» (обл. Ю. Анненкова). *Н. С. Лесков*—«Заячий ремиз» повесть, обл. худ. Льва Бруни, *Вс. Иванов*—«Седьмой берег», кн. рассказов, обл. худ. Ю. Анненкова, *А. Яковлев*—«Повольники», кн. рассказов, обл. худ. И. Рерберга.

Печатаются: Альманах «*Круг*» № 2. *Н. Тихонов*—«Брага», 2-я книга стихов, обл. худ. Ю. Анненкова, *Б. Пильняк*—

«Никола на Посадьях», кн. рассказов, обл. худ. Ю. Анненкова, *Н. Асеев*—«Избрань», кн. стихов, обл. худ. Родченко, *О. Форш*—«Равви», пьеса, обл. худ. Льва Бруни, *О. Форш*—«Обыватели» кн. рассказов, *А. Аросев*—«Две повести» *Еф. Зозуля*—«Книга рассказов», *В. Казин*—«Рабочий май», кн. стихов, *Вл. Маяковский*—«Лирика», кн. стихов, обл. худ. Лавинского, *В. Ильина*—«Крылатый приемыш», кн. стихов, обл. худ. Г. Ечеистова, *М. Шкапская*—«Явь», поэма, обл. и фронтиспис худ. Льва Бруни, *Бор. Пильняк*—«Голый год», роман, 2-е издание. Готовятся к печати: *Вас. Каверин*—«Щиты и свечи», кн. рассказов, *Конст. Федин*—«Пустырь», книга рассказов, *Н. Никитин*—«Кол», кн. рассказов, *Ев. Замятин*—«Уездное», кн. рассказов, 2-е издание, *Новалис*—«Цветень», перев. Гр. Петникова, *С. Григорьев*—«Васса», *Мих. Пришвин*—«Черный араб», кн. рассказов, *Н. Огнев* (М. Розанов)—«Двенадцатый час», кн. рассказов, *С. Буданцев*—«Охота за миром», кн. стихов, обл. худ. Родченко.

▫ В из-ве *«Дельфин»*.

В 1922 г. вышли: *П. Муратов*—«Кофейня» и «Магические рассказы», *Р. Виппер*—«Иван Грозный» и *И. Вельфлин*—«Истолкование искусства». Печатаются: *Макс Фридлендер* (директор берлинских музеев)—«Знаток искусства» и *Б. Виппер*—«Греко».

▫ Из-во *«Московский рабочий»* празднует 1 февраля годовщину своего существования. Ко дню годовщины приурочивается созыв общего собрания пайщиков изд-ва.

За первый год своего существования изд-во *«Московский рабочий»* выпустило 70 названий с общим тиражем в 900.000 экз.

Некоторые книги изд-ва—«Письма» *Маркса и Энгельса*, «Календарь Коммуниста»—приобрели в кратчайший срок исключительную популярность.

Готовятся к выпуску следующие книги из серии «Рабочего театра»:

1) *Гладков*—«Ватага», 2) *Чижевский*—«Его величество Трифон», 3) *Минин*—«Отец Игнатий», и вне серий: 1) *Дубровинская*—«Памятная книжка рабочего». 2) *Жаков*—«Указатель литературы и справочник по самообразованию», 3) *Ленин*—«Государство и революция», 4) *его же*—«О продовольственном налоге», 5) *его же*—«Развитие капитализма в России», 6) *Горев*—«Материализм—философия пролетариата».

▫ В Комитете популяризации художественных изданий при Рос. Ак. Ист. матер. культуры.

В настоящее время печатаются: 1) «Медный Всадник»—Петербургская повесть Пушкина. Иллюстрации А. Бенуа, редакция текста и статья *П. Щеголева*. Издание выйдет в январе в количестве 800 нумерованных экземпляров in folio, 2) Путеводитель по картинной галлерее Государственного Эрмитажа—текст *А. Бенуа* (2 изд.). 3) «Петербург в 1922 г.»—альбом авто-литографий *М. Добужинского*, вступительная статья *С. Яремича*, 4) Записки *М. Ф. Каменской*, вступительная статья, примечания *С. Эрнста*. 5) «Цыганы»—поэма Пушкина, иллюстрации Л. фон-Майделя. Статьи *Б. Модзалевского* и *П. Щеголева*.

▫ В из-ве *«Аквилон»*. В январе поступил в продажу альбом рисунков *А. Бенуа*—*«Версаль»*.

▫ Изд. *«Полярная Звезда»* выпускает «Всеобщий календарь на 1923 год» с обложкой раб. *С. Чехонина*.

▫ Издательство *«Радуга»* выпустило 2 детских книги—сказки *К. Чуковского* «Мойдодыр» с иллюстрациями *Ю. Анненкова* и «Тараканище» с иллюстрациями С. *Чехонина*. Им же подготовляется детский сборник *«Радуга»* с текстом Чуковского, Маршака и др. рисунками Добужинского Кузьмина Анненкова, Чехонина и Белухи.

▫ Издательство *«Светозар»* выпускает в свет книжку о Шопене, с портретной обложкой раб. *С. Чехонина* и «На дне» *М. Горького* в постановке Моск. Худ. Театра.

Обращение международного библиографического института к русским ученым и специалистам.

1) Международный Библиографический Институт в Брюсселе, объединяющий вокруг себя 230 международных ассоциаций, приступает к переизданию своих всемирно известных энциклопедических таблиц, предназначенных *для классификации по десятичной системе* библиотек, архивов, музейных коллекций, карточных репертуаров, указателей и т. п., и, желая придать этому труду характер действительного международного коллективного творчества, приглашает *русские библиографические, библиотечные, архивные и научные организации, а также отдельных специалистов*, работающих в различных областях науки, техники и администрирования, *принять активное участие* в трудах Института сообщением ему своих мотивированных пожеланий о включении в таблицы новых рубрик и подразделений; отвечающих особенностям и изменившимся условиям *русской* жизни, а равно присылкой Институтом материалов касательно нового русского права, новых русских учреждений, русской промышленности, народного образования и т. д. При реконструкции классификационных таблиц, которые должны быть одновременно энциклопедическими и международными, все эти данные будут приняты во внимание.

2) Вторым, стоящим на очереди заданием того же Института, трудом, в осуществлении которого он также приглашает принять участие *русских* ученых и специалистов, является создание *схематической энциклопедии* (Encyclopedia schematica), где в форме схем и диаграмм должно быть наглядно представлено не только социальное, политическое, экономическое и культурное состояние всех стран мира, но также существенное содержание всех отраслей знания. Необходимые для этой цели методы графической символитики понятий давно разрабатываются Институтом, который охотно делится своим богатым опытом со всеми, кто обращается к нему с запросами. Достижения в указанной области *русской* графики Институт считает замечательными («très remarquables»). Корреспонденцию и разного рода материалы надлежит направлять по следующему адресу: Bruxelles, Palais Mondial, Institut International de Bibliographie.

Прошу другие газеты, а также социальные периодические издания, перепечатать настоящее сообщение, сделать которое я уполномочен генеральным секретарем Международного Библиографического Института Полем Отлэ.

Член русского библиографического общества при Московском университете

Н. Русинов.

26 октября 1922 г.

P. S. В доказательство того, что в Брюсселе нас ожидает самый радушный прием, я позволю себе привести пару цитат из писем того же Поля Отлэ от 28 июля и 9 октября н. г.:

«Мы желаем—пишет он,—*поддерживать с организациями русских библиотек, музеев и архивов регулярные отношения.* Все, что касается движения, направленного на упорядочение и расширение сферы эксплуатации в этих областях, нас интересует, как прогресс. Велика наша симпатия к интеллектуальным труженикам страны, которая так много выстрадала от разных невзгод. Русская мысль необходима для полноты общечеловеческой мысли. Документация во всех ее формах должна иметь *всеобщий* характер. Стандардизация методов, кооперация в работе, координация планов и организмов необходимы и должны осуществляться в *международном* масштабе».

Приветствуя проведенную в России архивную реформу, учреждение Центральной Российской Книжной Палаты и декретирование Главполитпросветом международной десятичной системы классификации для применения во всех библиотеках Республики, Поль Отлэ дает всему этому такую оценку:

«Архивная реформа—акт замечательный. Другой такой же акт—это создание национального библиографического центра при Государственном Издательстве. И, наконец, третий—применение международных принципов и методов, установленных конгрессами нашего Институ-

та. В этих событиях я усматриваю достижения русских энтузиастов-новаторов, которые упорно, годами стремились к намеченной цели. И я могу их заверить, что они не только плодотворно потрудились в интересах своей родины, но и создали прекрасный *пример, на который мы с удовольствием будем ссылаться и указывать, как на образец*, многим заграничным организациям, которые все еще колеблются, не решаясь стать на новый путь».

Таково отношение к нам и к нашим реформам со стороны человека, которого по справедливости считают вождем библиографического интернационала.

Н. Р.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ.

Прошу уважаемую редакцию напечатать в ближайшем номере мое заявление.

Мне два года тому назад издательством «Странствующий энтузиаст» были заказаны гравюры для рассказов Бальзака в переводе Сологуба. Все это время книга почему-то не печаталась.

На-днях в Петрограде каким-то другим издательством (не понимаю, почему я не был об этом извещен) выпущена книга с моими иллюстрациями, при чем печатана плохо, повидимому, не с гравированных досок, а с цинка. Затем титул и обложка, мною сделанные, разрезаны на части и из них с некоторыми новыми добавлениями скомбинированы новая обложка и новый титул.

Некоторые части обложки попали даже в качестве заставок в текст.

Все это, как мне кажется, не совсем прилично, но во всяком случае спешу заявить, что обложку и титул в таком виде не могу признать моими, как это напечатано издательством.

19/XII—22 г. В. Фаворский.

Е. С. Кругликова.—Из книги «Париж во время войны».

(К статье «Русские граверы»).